Том 18 № 4 2022

ISSN 2415-8739 (print)
ISSN 2500-1566 (online)

ИЗВЕСТИЯ

ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИРКУТСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2022. Т. 18. № 4

Издательство
Иркутского национального исследовательского технического университета
2022

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF RUSSIAN FEDERATION

IRKUTSK NATIONAL RESEARCH TECHNICAL UNIVERSITY

REPORTS
of the LABORATORY
# of ANCIENT TECHNOLOGIES

2022. Vol. 18. No. 4

Publishing house
Irkutsk national research technical university
2022

ISSN 2415-8739 (print)
ISSN 2500-1566 (online)

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2022. Т. 18. № 4

Редакционная коллегия

Главный редактор – Новиков П. А., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)

Зам. гл. редактора – Харинский А. В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)

Андерсон Д., PhD, профессор Абердинского университета (Абердин, Великобритания)

Базаров Б. В., академик РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)

Вебер А. В., PhD, профессор Университета Альберта (Эдмонтон, Канада)

Ганин А. В., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва, Россия)

Гебел Т., PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (Колледж Стэйшн, США)

Граф К., PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (Колледж Стэйшн, США)

Дацышен В. Г., доктор исторических наук, профессор Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия)

Зайкер Дж., PhD, профессор Университета штата Айдахо в Бойсе (Бойс, США)

Иванов А. А., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Като Х., PhD, профессор Университета Хоккайдо (Саппоро, Япония)

Константинов М. В., доктор исторических наук, профессор Забайкальского государственного университета (Чита, Россия)

Крадин Н. Н., член-корреспондент РАН, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток, Россия)

Кузнецов С. И., доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия)

Лозей Р., PhD, профессор Университета Альберта (Эдмонтон, Канада)

Наумов И. В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)

Номоконова Т. Ю., PhD, профессор начальной стадии Университета Саскатчеван (Саскатчеван, Канада)

Олейников А. В., доктор исторических наук, профессор Астраханского государственного университета (Астрахань, Россия)

Петрушин Ю. А., доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета путей сообщения (Иркутск, Россия)

Пученков А. С., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Сирина А. А., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия)

Тетенькин А. В., кандидат исторических наук, доцент Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)

Тишкин А. А., доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

Эрдэнээбаатор Д., PhD, профессор Национального университета Монголии (Улан-Батор, Монголия)

Сведения о журнале можно найти на сайте: http://ildt.istu.edu/

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-62783 от 18 августа 2015 г.

Журнал основан в 2003 г.

Периодичность издания – 4 раза в год.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский национальный исследовательский технический университет»

Подписной индекс в ООО «Урал-Пресс» – 41510

Адрес ООО «Урал-Пресс»: 620026, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 130

Журнал включен в Научную электронную библиотеку (eLIBRARY.RU) для создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в **Перечень ведущих научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Адрес учредителя и издателя: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Адрес редакции: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, ауд. К-211, e-mail: ildt@yandex.ru

© ФГБОУ ВО «ИРНИТУ», 2022

ISSN 2415-8739 (print)
ISSN 2500-1566 (online)

REPORTS
of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

2022. Vol. 18. No. 4

Editorial board

Editor-in-Chief – Novikov P. A., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Deputy Editor-in-Chief – Kharinskiy A. V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Anderson D., PhD, Professor of University of Aberdeen (Aberdeen, UK)
Bazarov B. V., Academician of Russian Academy of Sciences, Chair of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Ulan-Ude, Russia)
Weber A. W., PhD, Professor of University of Alberta (Edmonton, Canada)
Ganin A. V., Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Goebel T., PhD, Professor of Texas A&M University College Station (College Station, USA)
Graf K., PhD, Professor of Texas A&M University College Station (College Station, USA)
Datsyshen V. G., Doctor of History, Professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)
Ziker J., PhD, Professor, Boise State University (Boise, USA)
Ivanov A. A., Doctor of History, Professor Saint Petersburg University (St. Petersburg, Russia)
Kato H., PhD, Professor of Hokkaido University (Sapporo, Japan)
Konstantinov M. V., Doctor of History, Professor, Transbaikalian State University (Chita, Russia)
Kradin N. N., Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia)
Kuznetsov S. I., Doctor of History, Professor of Irkutsk State University (Irkutsk, Russia)
Losey R., PhD, Professor, University of Alberta (Edmonton, Canada)
Naumov I. V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Nomokonova T. Yu., PhD, Assistant Professor, University of Saskatchewan (Saskatchewan, Canada)
Oleinikov A. V., Doctor of History, Professor of Astrakhan State University (Astrakhan, Russia)
Petrushin Yu. A., Doctor of History, Professor of Irkutsk State Transport University (Irkutsk, Russia)
Puchenkov A. S., Doctor of History, Professor of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
Sirina A. A., Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Teten'kin A. V., Candidate of History, Associate Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Tishkin A. A., Doctor of History, Professor of Altai State University (Barnaul, Russia)
Erdenebaator D., PhD, Professor, National University of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia)

Reference to website: http://ildt.istu.irk.ru/
The journal is registered with the Federal Agency for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor). Certificate ПИ № ФС77-62783 on 18 August 2015
The Journal was founded in 2003
Frequency of publication - 4 times a year.
Founder: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Irkutsk National Research Technical University"
The subscription code in Ural-Press LLC: 41510
The postal address of Ural-Press LLC: 130, Mamin-Sibiryak St., Yekaterinburg 620026, Russia

The journal is included in the Scientific Electronic Library (eLIBRARY.RU) for the creation of the Russian Science Citation Index (RISC)
The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications which aims to publish the basic scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Science of the Higher Attestation Commission (HAC)

Address of the Founder and Publisher: 83, Lermontov St., Irkutsk 664074.
Address of the Editorial Board: 83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Office K-211, e-mail: ildt@yandex.ru

© FSBEIHE «INRTU», 2022

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2022. Т. 18 № 4

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Пержаков С. Н., Кобылкин Д. В., Клементьев А. М. Новые комплексные исследования на археологических объектах верхнего течения р. Лены 8

Лапшина З. С. Археологические источники Нижнего Амура: опыт интерпретации изображения личины на камне № 25 петроглифов Сикачи-Аляна 22

Симухин А. И. Литьё из «чистой» меди в бронзовом веке Западного Забайкалья (на примере котла скифского типа) 34

Степанов А. Д., Соловьёва Е. Н., Дьяконов В. М. Новые находки топоров-кельтов на Большом Патоме (Средняя Лена) 44

Содномын Улзийбаяр, Бат-Улзийн Баатархуу, Баттулгын Очир, Ариунцэцэгийн Уранжаргал. Три монгольских погребения трех разных периодов, найденные в Хатны Булаге (Дорноговь аймаке) 56

Бакшеева С. Е. Забайкальские археологические памятники в трудах Г. И. Спасского (1783–1864 гг.) на страницах журнала «Сибирский вестник» 71

ЭТНОЛОГИЯ

Шалыгина Н. В. Технологии сохранения русского языка в эмиграции (США, 1920–2000-х гг.) 87

ИСТОРИЯ

Багрин Е. А. Сибирские воеводы XVII века в исследованиях, опубликованных в 2010–2021 гг. 97

Лохов А. Ю., Еремин И. Е., Нацвин А. В. Организационная структура китайской армии в ходе первой осады Албазинского острога 112

Петин Д. И. «В борьбе участия не принимал, в генерал-майоры произведен по должности…»: Гражданская война в судьбе А. С. Кондрашева 124

Дыня А. А. Байкальская флотилия в период Гражданской войны 133

Шекшеев А. П. Налоговые кампании 1924–1927 годов на территории Енисейской Сибири 145

Афанасова Е. Н. Участие общества «Друг детей» в преодолении детской беспризорности в 1920–1930-е гг. (по материалам Восточной Сибири) 156

Петров И. В. Протоиерей Янис Намниекс в зеркале истории Латвийского Православия 1920–1940 гг.: новые свидетельства 166

РЕЦЕНЗИЯ

Горощенова О. А., Горощенова П. С. Вклад П. И. Пежемского в летописную традицию Иркутской губернии 178

Новиков П. А. Многослойность взглядов и мыслей, панорама факторов Гражданской войны 182

Пученков А. С. В борьбе за обретение национальной государственности 186

На обложке представлена фотография бронзовой бляшки с зооморфным изображением. Могильник Байкальское 27, комплекс 2, железный век. Раскопки А. В. Харинского. Фото А. Б. Данилова

REPORTS
of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

2022. Vol. 18. No. 4

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

Perzhakov S. N., Kobylkin D. V., Klementyev A. M. New comprehensive studies on archaeological sites of the upper Lena River 8

Lapshina Z. S. Archaeological sources of the Lower Amur: the experience of interpretation of the face image on stone No. 25 of Sikachi-Alyan petroglyphs 22

Simukhin A. I. Casting from "pure" copper in the Bronze Age of the Western Transbaikalia (on the example of a cauldron of the "Scythian" type) 34

Stepanov A. D., Solovyeva E. N., Dyakonov V. M. New finds of the Celts-axes on the Bolshoy Patom River (Middle Lena River, Yakutia) 44

Sodnom Ulziibayar, Bat-Ulzii Baatarkhuu, Battulga Ochir, Ariuntsetseg Uranjargal. Three Mongilian burials of three different periods found in Khatny Bulag 56

Baksheeva S. E. Transbaikal archaeological sites in the works of G. I. Spassky (1783–1864) on the pages of the magazine Sibirskiy Vestnik 71

ETHNOLOGY

Shalygina N. V. Technologies for preserving the Russian language in emigration (USA, 1920-2000-s) 87

HISTORY

Bagrin E. A. Siberian voivodes (governors of province) of the 17th century in studies published in 2010-2021 97

Lokhov A. Yu., Eremin I. E., Natsvin A. V. Organizational structure of the Chinese Army during the first siege of the Albazin Fortress 112

Petin D. I. "I did not take part in the struggle, I was promoted to General-Major...": Civil War in the fate of A. S. Kondrashev 124

Dynya A. A. The Baikal Flotilla during the Civil War 133

Sheksheev A. P. Tax campaigns of 1924-1927 on the territory of Yenisei Siberia. Part 1. 1924/25 145

Afanasova E. N. Participation of the public organization "Friend of Children" in overcoming child homelessness in the 1920s - 1930s (based on materials of Eastern Siberia) 156

Petrov I. V. Archpriest Janis Namnieks in the history of Latvian Orthodoxy, 1920-1940: new sources 166

REVIEW

Goroshchenova O. A., Goroshchenova P. S. The contribution of P. I. Pezhemsky to the chronicle tradition of the Irkutsk province 178

Novikov P. A. Multi-layered views and thoughts, a panorama of the factors of the Civil War 182

Puchenkov A. S. In the struggle for the acquisition of national statehood 186

The cover presents zoomorphic bronze plate from necropolis Baikalskoe 27, grave 2. Iron Age. Excavations by A.V. Kharinsky. Photo by A.B. Danilov

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2022. Т. 18. № 4

Уважаемые читатели!
Предлагаем вашему вниманию выпуск научного журнала
«Известия Лаборатории древних технологий».

Ежеквартальный журнал продолжает серию ежегодных изданий. Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований Северной, Центральной и Восточной Азии. Кроме того, в журнале публикуются материалы, касающиеся взаимоотношений населения Северо-Восточной Азии с представителями других частей Евразии и Североамериканского континента с древнейших времен до современности.

Приоритетными для издания являются статьи фундаментального характера, затрагивающие современные проблемы теории и методологии исторической науки и культурной (социальной) антропологии, учитывающие новейшие сведения естественных наук. Приветствуются рукописи с четкой и убедительной логикой изложения исследовательского материала с указанием его значения для современного научного контекста, аргументированными обобщениями и развернутыми выводами. Авторам рекомендуется учитывать и указывать сведения новейших публикаций, характеризующих общий уровень осмысления конкретных сюжетов.

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» проводит рецензирование научных материалов и принимает к публикации статьи, короткие сообщения и обзоры по следующим направлениям:

– история,
– археология,
– этнология,
– рецензия,
– персоналия (мемориальные заметки о коллегах).

Издание реферируется и рецензируется.

Приглашаем вас к активному творческому сотрудничеству.

Редколлегия

REPORTS
of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

2022. Vol. 18. No. 4

Dear Readers!
We would like to bring to your attention the installment of the scholarly journal the
«Reports of the Laboratory of Ancient Technologies».

The quarterly magazine continues and develops a series of annual publications. The subjects of the issues cover various aspects of archaeological, ethnological and historical research. The articles are mostly devoted to the past of North, Central and East Asia. In addition to data from these regions, we try to publish materials on the interaction of Northeast Asian residents with the population of other parts of Eurasia and the North American continent, both in antiquity and in modern times.

Priority interest for the Journal is represented by articles of a fundamental nature that concern on modern problems of the theory and methodology of historical science and cultural (social) anthropology, and also takes into account the latest information of the natural sciences. The manuscripts are welcome with a clear and convincing logic for the presentation of the research material and an indication of its significance for the modern scientific context, with well-reasoned generalizations and detailed conclusions. Authors are advised to take into account and indicate the information of the latest publications characterizing the general level of comprehension of specific plots.

The Journal «Reports of the Laboratory of Ancient Technologies» reviews and publishes original materials and papers, short reports, reviews on the issues of:

– History,
– Archaeology,
– Ethnology,
– Review,
– Personnel (memorial notes about colleagues).

Journal is peer-reviewed.

You are welcome for active and creative collaboration.

Editorial Board

Научная статья
УДК 902.2/551.7/551.8/571
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-8-21

Новые комплексные исследования на археологических объектах долины верхнего течения р. Лены

Сергей Николаевич Пержаков [1], Дмитрий Владимирович Кобылкин [2], Алексей Михайлович Клементьев [3]

[1] ООО «Раритет», Иркутск, Россия, s.perzhakov@yandex.ru
[2] Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, Иркутск, Россия, agrembrandt@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-5029-0761
[3] Институт земной коры СО РАН, Иркутск, Россия, klem-al@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2129-7072

Аннотация. Рассматриваются результаты исследований археологических объектов, выявленных в процессе проведения экспертизы на территории инфраструктурных объектов Ковыктинского газоконденсатного месторождения в Жигаловском районе Иркутской области. Данный отрезок долины р. Лены (правобережье) и приустьевой участок (левобережье) долины р. Илги впервые подверглись археологическому обследованию и изучению разрезов субаэральных отложений, содержащих культурные горизонты. В геоморфологическом отношении данная территория представляет собой долину р. Лены с комплексом надпойменных террас и устьевых частей притоков – р. Илги и руч. Шалина. В результате проведения полевых работ были исследованы два новых археологических объекта. Один из них – Усть-Илга (брод) 1, рыхлые отложения включают в себя два культурных горизонта, различных по возрасту, древнейший из которых содержит набор каменного инвентаря, относящегося к палеолитическому времени, второй культурный горизонт по набору предметов материальной культуры отнесен к раннебронзовому – поздне-неолитическому времени. На другом объекте, получившем название Шалино 1, было выявлено три горизонта, хронологически привязанных к ранне-железному, неолитическому времени и финальной стадии палеолита. В связи с залеганием нижних культурных горизонтов в ископаемых почвах произведено апробирование грунтов на гранулометрический и радиоуглеродный анализы. Самый нижний горизонт, датированный поздним плейстоценом, показал разброс радиоуглеродного возраста в пределах 11490–9350 ^{14}С л. н. Голоценовая погребенная почва с археологическим материалом неолитического облика датируется 4900 ^{14}С л. н. Хроностратиграфические и геолого-геоморфологические характеристики субаэральных отложений на изученном участке долины реки Лены позволяют обосновать их значительную мощность и возраст в пределах позднего плейстоцена – голоцена на столь низких гипсометрических уровнях от уреза р. Лены в результате поздних тектонических событий. Обследованный участок, в связи с новыми выявленными археологическими объектами, является весьма перспективным для изучения природной среды и проблем заселения человеческих сообществ в указанных хронологических рамках.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, река Лена, поздний палеолит, бронза, геоархеологические объекты, МИС-1, МИС-2, ^{14}С-датирование, палеонтологическая и палеогеографические составляющие, поздний палеолит, керамические комплексы голоцена

Благодарности: исследование выполнено за счет средств государственного задания (№ госрегистрации темы АААА-А21-121012190017-5) и НИР: № 121042700218-2.

Для цитирования: Пержаков С. Н., Кобылкин Д. В., Клементьев А. М. Новые комплексные исследования на археологических объектах верхнего течения р. Лены // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 4. С. 8–21. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-8-21

Original article

New comprehensive studies on archaeological sites of the Upper part of Lena River valley

Sergey N. Perzhakov [1], Dmitriy V. Kobylkin [2], Alexey M. Klementiev [3]

[1] «Rarity» LLC, Irkutsk, Russia, s.perzhakov@yandex.ru

© Пержаков С. Н., Кобылкин Д. В., Клементьев А. М., 2022

[2] V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk, Russia, agrembrandt@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-5029-0761
[3] Institute of the Earth's Crust SB RAS, Irkutsk, Russia, klem-al@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2129-7072

Abstract. We considered research results on archaeological objects obtained during the examination on the territory of the infrastructure facilities of the Kovykta gas condensate field in the Zhigalovo district of the Irkutsk oblast'. This area was subjected to an archaeological survey and the study of sections of subaerial sediments containing cultural horizons for the first time. In terms of geomorphology, this territory is represented by the Lena River valley with a complex of above-floodplain terraces and estuaries of its tributaries the Ilga River and the Shalino Kreek. Two new archaeological sites were discovered during the fieldwork. One of them is Ust'-Ilga (ford) 1. The covering sediments are represented here by two horizons of different ages, the oldest of which contains a set of stone tools dating back to Paleolithic time. The second cultural horizon according to geological and geomorphological features and the objects of material culture is attributed to the Early Bronze - Late Neolithic time. On another site, called Shalino 1, three horizons were identified, and chronologically linked to the Early Iron Age, Neolithic time and the final stage of the Paleolithic. Given the occurrence of lower horizons in fossil soils, we made granulometric and radiocarbon analyses of soils. The lowest horizon, dated to the Late Pleistocene, showed a spread of radiocarbon age in the range of ^{14}C 9350-11490 BC. Holocene buried soil with archaeological material of Neolithic appearance dates from 4900 ^{14}C BC. Chronostratigraphic and geological-geomorphological characteristics of subaerial deposits in the area of the Lena River valley allow us to substantiate their significant thickness and age within the Late Pleistocene - Holocene. Considering the new research, the area is very promising for the study of the natural environment and the development of human society within the specified chronological framework.

Keywords: Eastern Siberia, Lena River, Late Paleolithic, Bronze Age, geoarchaeological sites, MIS-1, MIS-2, 14C dating, palaeontological and palaeogeographical components, Late Paleolithic, Holocene ceramic complexes

Acknowledgements: the study was carried out at the expense of the state task (state registration number of the topic AAAAA-A21-121012190017-5) and research: No. 121042700218-2.

For citation: Perzhakov S. N., Kobylkin D. V., Klementyev A. M. (2022) New comprehensive studies on archaeological sites of the upper Lena River. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 4. P. 8-21. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-8-21

Введение

В настоящее время на отрезке Ленской долины в пределах Жигаловского района Иркутской области ниже по течению от МО «Жигалово» до с. п. Грузновка выявлено 16 археологических объектов – это стояночные комплексы позднего палеолита, неолита, палеометала, могильник и одиночные погребения. Хронологические рамки известных археологических объектов вписываются в диапазон позднего плейстоцена – от 50 тыс. л. н. (?) до 12–10 тыс. л. н. и голоцена от 10 тыс. л. н. – до I тыс. л. до н. э.

В результате десятилетних исследований различных научных коллективов Сибири на Верхней Лене продолжает формироваться более десятка потенциально перспективных площадей, находящихся в разной степени археологической изученности. Эти площади охватывают как отдельные «археологические территории», так и целые геоархеологические «микрорайоны», которые делятся на районы оперативной изученности и дальнейшей перспективы (Аксенов, Пержаков, 1995; Медведев, Генералов, Дроздов др., 1996).

В настоящей статье представлены материалы исследований, проведенных в 2013 и 2014 гг., с двух локальных участков левобережья рек Лены и Илги (рис. 1.А–1.Г). Первый участок расположен на левом берегу приустьевого участка р. Илги, при впадении её в р. Лену (район с. Усть-Илга) напротив известной переправы (брод) (рис. 1.В–1.Г) в зоне Лено-Илгинского расширения. Второй участок находится в 8 км ниже по течению р. Лены от с. Усть-Илга (рис. 1.Б), на правой, выположенной придолинной поверхности выравнивания (Уфимцев, 2009) ручья Шалина (Трофимовка) при впадении его в р. Лену. Данные участки впервые подверглись археологическому обследованию. Оперативные материалы по этим объектам, входящим в зону промосвоения Ковыктинского газоконденсатного месторождения (далее КГКМ), были представлены в отчете (Пержаков, 2014[1]). В дальнейшем были получены аналитические данные, которые уточняли хроностратигра-

[1] Пержаков С. Н. Отчёт по результатам археологической разведки в Жигаловском районе Иркутской области на участке долины р. Лены (с. Усть-Илга – руч. Шалина (Трофимовка), проведённой Верхнеленским археологическим отрядом в 2013 году. Иркутск, 2014. Архив Службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области №2657/Н.2014.

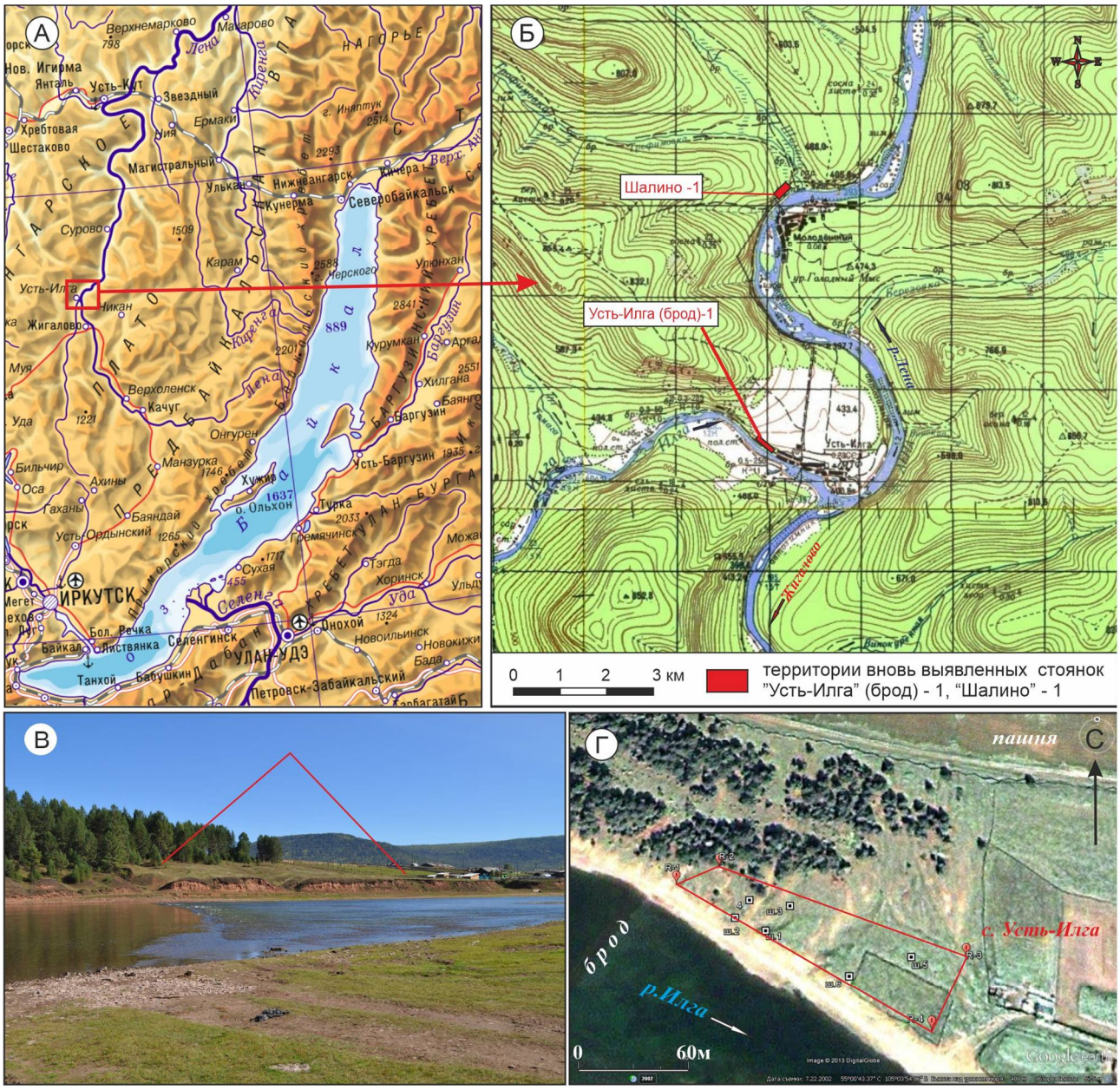

Рис. 1. Район исследования: *А – Общая схема; Б – дислокация объектов на топографической карте; В – общий вид объекта Усть-Илга (брод) 1; Г – космический снимок Усть-Илга (брод) 1*

Fig. 1. Study Area: *A - General scheme; Б - Site location on the topographic map; B - General view on the Ust'-Ilga (ford) 1 site; Г- space image of Ust-Ilga (ford) 1 site*

фическое положение культуросодержащих отложений. Радиоуглеродный анализ погребенных почв был проведен в лаборатории геоморфологических и палеографических исследований полярных регионов и Мирового океана Санкт-Петербургского государственного университета.

Общая ситуация (география, геоморфология, палеогеография, тафономия)

Территория Жигаловского района Иркутской области расположена в бассейне р. Лены и ее притоков – Илги, Тутуры, Чикана, Орлинги и др. Направление стока меридиональное и северо-восточное (Коржуев, 1959). Речная сеть расчленяет Лено-Ангарское плато и хорошо развита. Западная часть района расположена в основном на левобережье Ленской долины, которая лежит в области восточных склонов Березового хребта и имеет ярко выраженный гористый рельеф. Восточная, на правобережной стороне р. Лены, отличается более сглаженным холмистым рельефом. При этом отрезок долины (в районе Жигалово), где впадает р. Тутура, явля-

ется наиболее выровненным, с пониженными водораздельными линиями.

Верхняя Лена – участок реки, длиной 1530 км от истока до устья р. Витим. Термин «Верхняя Лена» как понятие геоморфологическое, применяется в специальной литературе около 100 лет (Павловский, 1929; Думитрашко, 1955; Адаменко, 1971) но, к сожалению, до сих пор этот разновозрастной отрезок долины р. Лены в геологическом и геоморфологическом отношении остается недостаточно изученным, особенно четвертичный этап развития. Долина р. Лены на этом участке унаследовала древний сток, формирование ее заложено в мезозойском и плейстоценовом эрозионных циклах. Долина глубоко врезана (400–700 м) и имеет каньонообразную форму с рядом эрозионных комплексов в виде террасовидных уровней и придолинных площадей (низкой, средней пойм). Крайняя географическая точка проявления Манзурского аллювия (Логачев и др., 1964), одного из элементов узнаваемости раннечетвертичных горизонтов, в современной Ленской долине находится в 2,5 км к югу от п. Жигалово на 50–60 м гипсометрических отметках от р. Лены. До 2005 г. в данном месте разрабатывался карьер, использовавшийся для нужд асфальтового завода. Впоследствии здесь прошла ветка газопровода в п. Жигалово и карьер был рекультивирован. Описание данного карьера до настоящего времени в специальной литературе отсутствует.

На возраст, время формирования, а также на схему террасирования долины Верхней Лены единого мнения среди исследователей нет. По вопросу соотношения террас верхнего участка р. Лены имеется ряд работ (Павловский, 1929; Думитрашко, 1955; Адаменко и др., 1971; Цейтлин, 1979). Наиболее исследованными участками являются неоплейстоцен-голоценовые надпойменные террасовидные уровни и конусы выноса из многочисленных падей. В теле этих геологических образований «захоронены» культуросодержащие отложения, расположенные в районе известных геоархеологических площадей: Макаровской, Шишкинской, Кистеневской, Картухайско-Никольской, Верхоленской, Жигаловско-Тутурской (Аксенов, 1974[2]; Аксенов, Пержаков, 1995; Инёшин, Задонин, Инёшина и др., 2019; Задонин, Уваров, 1986; Пержаков, 1986; Пержаков, Клементьев, 2014; Песков, 2019; Песков и др., 2016; Песков, Молчанов Д. Н., Молчанов Г. Н., 2019; Песков, Молчанов, 2020; Стратиграфия, палеогеография…, 1990; Уваров, Николаев, 1990; Цейтлин, 1979).

В последнее десятилетие на территории района развёрнуты масштабные изыскания по выявлению площадного простирания границ КГКМ. Бурение новых кустов разведочных скважин и обустройство хозяйственной инфраструктуры КГКМ (дороги, линии ЛЭП и пр.) ведут за собой активное использование придолинных территорий. Эти территории являются весьма перспективными в плане поиска новых археологических объектов разного хронологического диапазона – от палеолита (поздний плейстоцен, ранний голоцен) до культурных слоёв русского освоения долин рек в XVIII–XIX вв.

Материалы местонахождения
Усть-Илга (брод) 1

Устьевой участок р. Илги образует Лено-Илгинское расширение, имеющее длительную историю освоения этого района человеком. На сегодняшний момент в расширении известны; могильник бронзового времени Усть-Илгинский (Песков, 2019; Песков, Молчанов, 2020; фонды), а также два стояночных комплекса.

Территория исследований была расположена на левом высоком борту долины р. Илги (рис. 1.В, 1.Г), в районе Илгинского брода. На поверхности склона были проведены шурфовочные работы, в результате которых найдена двухслойная стоянка Усть-Илга (брод) 1. Придолинная террасовидная поверхность в настоящее время разбита серией продольных оврагов, имеет протяженность более 200 м и разные гипсометрические показатели по левому борту Илгинской долины (т. н. Илгинская пашня). Шурфовочные работы выявили наличие материала на территории за юго-западной окраиной п. Усть-Илга (рис. 1.В).

Разведочные работы проводились вдоль бровки берегового обнажения и на глубину 20–30 м от края берегового уступа (рис. 1.Г). Эрозионные структуры в виде оврагов имеют подвешенные тальвеги, в которых вскрыт трехметровый профиль четвертичных отложений. Всего выполнено шесть шурфов

[2] Аксенов М. П. Отчет о полевых исследованиях, проведенных в 1973 году. Иркутск, 1974. Архив ИА АН РФ, р-1, № 5655.

(2 х 2 м) глубиной 1,2–1,5 м. Стратиграфические характеристики (профиль) выработок приводим по сводному разрезу шурфов, расположенных на терасовидной поверхности (рис. 2.В, Г).

Слой 1. Маломощный гумусированный дерново-почвенный горизонт, легкий, средний суглинок. Мощность от 0,04 до 0,05 м.

Слой 2. Горизонт склонового (техногенного) намыва, светло-коричневый средний суглинок. Горизонт полностью перекрывает голоценовые нижележащие отложения (HL_{1-4}). Мощность от 0,35 до 0,45 м.

Слой 3. Дерново-почвенные гумусовые горизонты, структура пористая однородная. Включает растительный детрит, корни растений, легкий, средний суглинок. Культурные остатки (1 ксс) залегали в низах горизонта на гл. 0,70 м от современной поверхности и на 0,35–0,40 м от верхов погребенного уровня (HL_{2-4}). Мощность от 0,30 до 0,35 м.

Слой 4. Пачка монотонного кирпичного цвета лессовидного карбонатного, легкого суглинка, на гл. 0,75–0,80 м залегали остатки 2-го культурного слоя. Мощность от 0,40 до 0,45 м.

Слой 5. Пачка монотонного осветленного кирпичного цвета лессовидного, карбонатного легкого суглинка; в средней части фиксируются песчаные прослойки, разбитые трещинками усыхания. Видимая мощность до 0,30 м.

Полный профиль рыхлых отложений на рас-

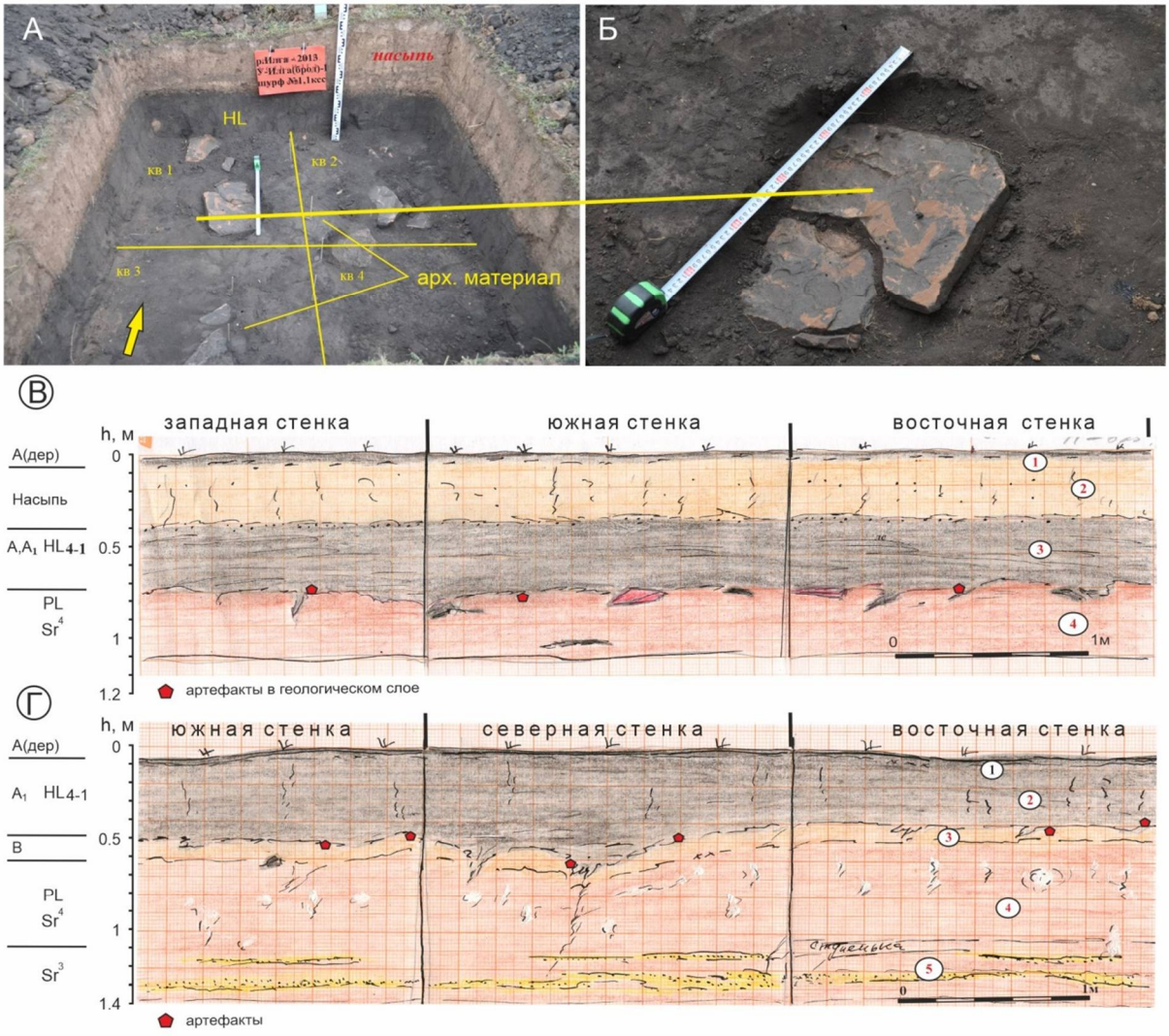

***Рис. 2. Археологический объект Усть-Илга (брод) 1**: А – шурф №1; Б – фрагмент наземной конструкции (очаг) из красноцветного песчаника; В – разрез шурфа № 1; Г – разрез шурфа № 2*

***Fig. 2. Archaeological site Ust'-Ilga (ford) 1:** A - the test-pit No. 1; Б - fragment of ground structure (hearth) of red-coloured sandstone; B - section of the test-pit No. 1; Г - section of the test-pit No. 2*

сматриваемых гипсометрических уровнях от р. Илги составляет от 1,3 м до 1,5 м. Общая вскрытая площадь составила 16 м^2. Культурные остатки горизонта 1 залегали на нижней границе голоценовых накоплений, перекрытых впоследствии в результате склонового единовременного эпизода (смыва) (рис. 2.В).

В первом культурсодержащем горизонте зафиксированы фрагменты гладкостенной керамики (13 экз.) из них 3 экз. орнаментированы «стэками» (рис. 3.1, 2). Фрагмент венчика слегка вогнут наружу, приострён, внутренне ассиметричен, верх оформлен наклонными узкими насечками (рис. 3.2). Внешняя поверхность оформлена полосками «жемчужин» и горизонтальными рядами отступающей лопаточки. Фрагмент венчика несёт те же морфологические признаки, что и выше описанный. Поверхность венчика оформлена округлыми вдавлениями. Фрагмент тулова сосуда оформлен вертикальными оттисками зубчатого штампа, привенчиковая часть утолщена. Так же зафиксированы фрагменты венчиков сосудов – овальных в профиле с пояском округлых отверстий, внешняя поверхность несёт следы «сетки плетёнки» (9 экз.) (рис. 3.4–7); из них 1 экз. орнаментирован вертикальными полосками. Кроме этого, зафиксированы остатки неопределимых трубчатых костей (5 экз.). При вскрытии данного культурного слоя в планиграфии фиксировались плоские подпрямоугольные плитки с обкатанными и заглаженными гранями торцовых частей (размеры в среднем не более 40 х 20 см). При площадном вскрытии выявлены конструктивные особенности в виде фраг-

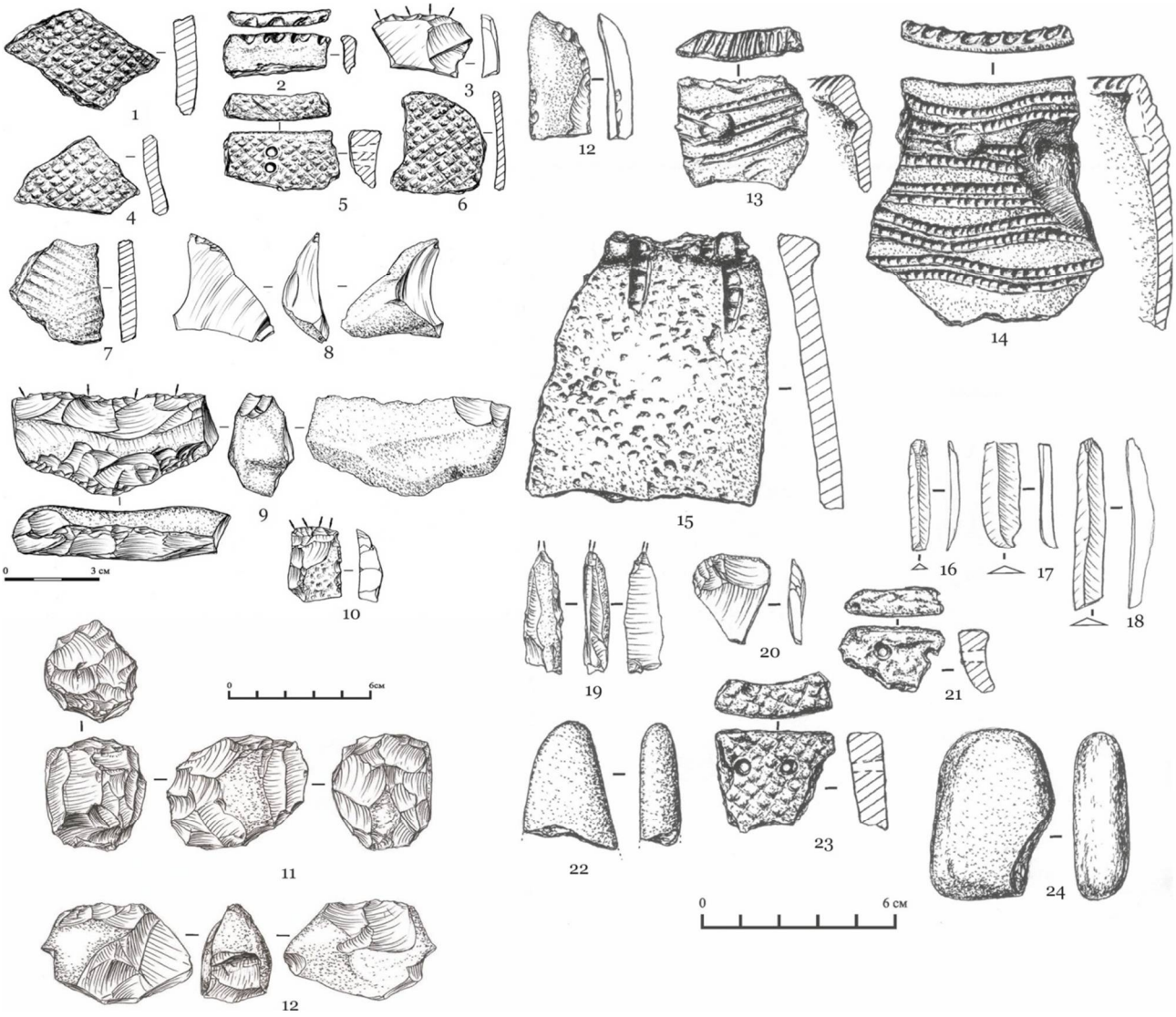

Рис. 3. Артефакты археологических объектов: Усть-Илга (брод) 1, Шалино 1 *(пояснения в тексте)*
Fig. 3. Artefacts of archaeological sites: Ust'-Ilga (ford) 1, Shalino 1 *(explanations in the text)*

ментарных очажных обкладок из красноцветного местного песчаника, которые, возможно, были наземными конструкциями (рис. 2.А). По предварительному планиграфическому анализу, можно сказать, что фрагментарно вскрыт «обитаемый» жилищно-хозяйственный комплекс с насыщенным культурным слоем на площади более 5 м^2. По сумме показателей (стратиграфия, морфотипология) первый культурный слой можно датировать раннебронзовым – поздне-неолитическим периодом, в рамках 4–3 тыс. л. н.

Коллекция второго культуросодержащего горизонта состоит из 3 экз., изготовленных из лидитовых пород: это микроизделие на первичном отщепе, правый маргинал оформлен субпараллельной ретушью (рис. 3.8), первичный кремнёвый отщеп (рис. 3.9) и резцовое изделие на пластинчатом отщепе с негативом одного резцового скола (рис. 3.11).

По предварительному изучению геолого-стратиграфических показателей можно сказать, что артефакты залегают в позднесартанских субаэральных отложениях на глубине 0,8–1,0 м от дневной поверхности (рис. 2.В, 2.Г) и могут быть датированы поздним палеолитом в пределах хроносреза 14–13 тыс. л. н. Они являются сигнальными артефактами позднеплейстоценовых, безкерамических этапов освоения верхнего течения р. Лены на данном участке. Разведанная площадь перспективна для дальнейшего изучения.

Материалы местонахождения Шалино 1

Геоархеологический объект Шалино 1 расположен на правом, выположенном, террасовидном борту долины р. Шалина (Трофимовка), левого притока Лены (рис. 1.В; рис. 4.А, Б). Здесь, на поверхности конуса выноса (?) трансформированного в придолин-

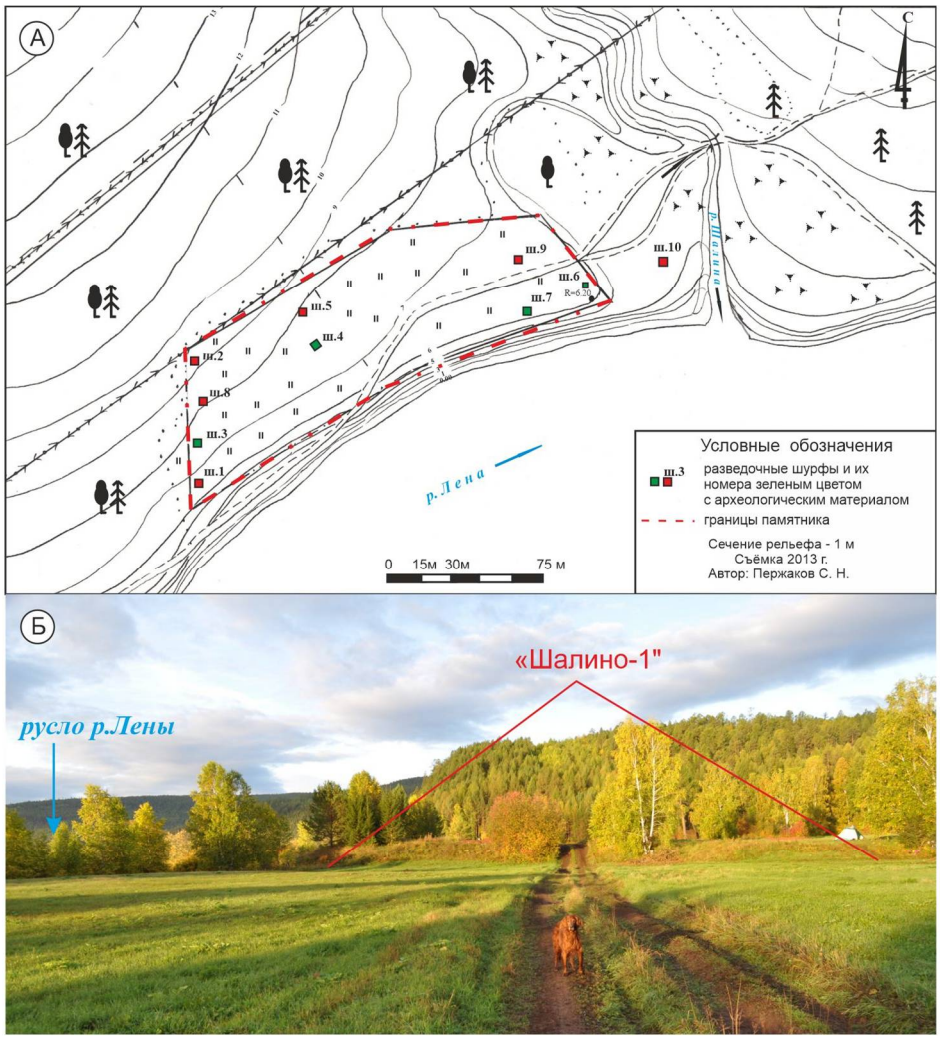

***Рис. 4. Объект Шалино 1**: А – ситуационный план объекта; Б – фото с северо-восточной стороны*
***Fig. 4. Site Shalino 1**: A - site plan; Б - north-east view*

ную террасовидную поверхность, проведены шурфовочные работы, результатом которых стало открытие многослойного геоархеологического объекта.

Террасовидная поверхность с гипсометрическими показателями 6–9 м от уреза реки протянулась более чем на 250 м вдоль берега р. Лены, это уровни низкой поймы и надпойменные уровни. Геоморфологический профиль правого борта реки более пологий, чем левый. Здесь более четко проявляются террасовидные поверхности аккумулятивного генезиса, на поверхности которых располагался бывший лесопильный завод, позднее п. Молодёжный (местное название «Голодный мыс»).

Поперечный профиль правого борта собственно долины р. Шалина (Трофимова) имеет три уровня – это низкая пойма, террасовидный уровень высотой 6–9 м и скальные структурные выходы цокольного основания, образующие крутой склон (33º–40º). На террасовидном уровне проведены основные археологические работы (рис. 4.А, Б). Участок был выбран как наиболее удобный для освоения как в прошлом, так и в настоящем рельефе на данном участке р. Лены. По исторической справке Жигаловского района (Терновая, 1995)[3] в устье ручья располагались лагерные хозяйственные службы, в силу этого верхние голоценовые горизонты повсеместно нарушены (в стратиграфическом описании обозначены как техногенно нарушенные).

В процессе работ (рис. 4.А), выполнено десять разведочных выработок (2 х 2 м) и одна 2 х 4 м, глубина выработок варьирует от 1,5 м до 3,8 м. Первая группа шурфов (№ 1–3, 8) выполнена вдоль границы леса, вторая группа (№ 4 и 5) – в средней части террасовидной поверхности и третья группа (№ 6, 7, 9, 10) – в восточной части перспективной площади.

Ниже приведены сводные стратиграфические разрезы на объекте с полученными радиоуглеродными датировками, а также предварительные характеристики археологической и палеонтологической составляющей. Для первой группы шурфов приводим разрез шурфа № 1, он расположен на высоте 6,8 м.

Слой 1. Маломощный гумусированный дерново-почвенный горизонт, легкий, средний суглинок. Мощность от 0,10 до 0,12 м.

Слой 2. Подпочвенные гумусовые горизонты, легкий средний суглинок, на западной стенке фиксируется линза, заполненная мелким щебнем, ближе к нижней границе залегает археологический материал. Мощность от 0,25 до 0,30 м.

Слой 3. Горизонт тяжёлого суглинка, солифлюкционного генезиса, в толще в средней и нижней частях фиксируются плитки красноцветных местных песчаников. Мощность от 0,20 до 0,30 м.

В культуросодержащем горизонте зафиксированы: 5 фрагментов толстостенной неорнаментированной керамики и три фрагмента неопределимых трубчатых костей. Артефакты залегали на глубине 0,25 м в гумусовом горизонте. По стратиграфическому залеганию и типологии фрагментов керамических сосудов «культурные» остатки возможно датировать поздней бронзой – раннежелезным веком. Мощный гумусовый горизонт на данном участке фиксируется, поскольку шурф заложен в присклоновой части, где происходило интенсивное накопление гумусового материала. Нижележащие отложения, вероятнее всего, склонового генезиса, относятся к позднему плейстоцену. Горизонт однородный, с включениями мелкого и крупного обломочного материала местных материнских пород.

Центральная часть исследованной площади представлена стратиграфическим разрезом шурфа № 4. В результате послойного вскрытия на первоначальной площади шурфа зафиксированы первые артефакты в голоценовых горизонтах. Для выяснения площадного контекста культурного слоя площадь вскрытия была увеличена. Описание разреза следующее:

Слой 1. Дерново-почвенный гумусовый горизонт, легкий средний суглинок нарушен техногеном, в нижней части фиксировались следы термического прокала и скопления мелких угольков. Мощность 0,05–0,10 м.

Слой 2. Подпочвенный гумусовый горизонт, легкий суглинк по цветности менее насыщен (светло-серый), в низах горизонта залегает археологический материал. Мощность 0,15–0,20 м.

[3] Терновая И. И. Памятники Истории и культуры Жигаловского района, Иркутск, 1995. Архив ЦСН, № 435.

Слой 3. Горизонт лессовидного высококарбонатного суглинка, разбит криогенной трещиной, заложенной из вышележащих отложений. Мощность до 0,50–0,60 м.

Слой 4. Горизонт переслаивающихся суглинков, супесчаных и песчаных прослоек (3–4 см). Мощность до 1,20 м.

После вскрытия культурного горизонта на всей площади в прирезанной части был выполнен контрольный шурф до глубины 2 м. В нижележащих отложениях археологический материал не обнаружен.

Позднеголоценовый уровень практически полностью утратил первоначальный контекст. В результате вскрытия на данном уровне фиксировался хозяйственный мусор (гвозди, битое стекло, шлак и пр.).

Во втором литологическом слое на глубине 0,20–0,22 м зафиксированы следующие группы артефактов. Фрагменты сетчатой керамики (15 экз.) (рис. 3.1, 4); из них 3 экз. фрагмента венчика, орнаментированные сквозными отверстиями (рис. 3.21, 23). Артефакты из камня (18 экз.); из них морфологически определимые: 12 технических сколов в основной массе средних размеров; два резцовых изделия – один галечный технический скол, тело ретушировано по правому маргиналу (рис. 3.12) и один серединный резец на пластинчатом сколе (рис. 3.19); один концевой скребок на отщепе с низкой рабочей кромкой (рис. 3.20); одно скребловидное изделие (струг?) с оформленным лезвием на продольно расколотой гальке (рис. 3.9); 4 абразива из песчаника (рис. 3.22, 24).

При вскрытии данного культурного горизонта в плане фиксировались отдельно лежавшие, окатанные плитки песчаника, которые каких-либо наземных конструкций не образовывали, но по анализу фрагментарно представленного планиграфического контекста можно отметить, что плитки являются монупортами и рассматриваются как часть планиграфического «сюжета» данного культурного комплекса. Культурный горизонт залегал в низах почвенного горизонта и предварительно датируется развитым неолитом (4,5 тыс. л. н.), что подтверждает радиоуглеродная датировка по почвенному образцу из шурфа № 7.

Шурф № 5 так же расположен в центральной части террасовидной поверхности (рис. 4.В). На глубине 0,80 м обнаружен фрагмент головки бедренной кости, ископаемой лошади (*Equus ferus)*. По стратиграфическому контексту палеонтологический материал относится к позднему плейстоцену (14–13 тыс. л. н.) и залегает в слое лессовидного высококарбонатного суглинка. На глубине 0,70 м фиксируются редуцированные маломощные погребённые почвы мощностью (4–5 см), вероятнее всего, позднесартанского хроносреза.

Ближе к реке были выполнены две разведочные выработки. Шурф № 6 находится на краю террасовидной поверхности (рис. 4.В) на высоте 6,20 м. Стратиграфическое описание разреза следующее (рис. 5.А):

Слой 1. Дерново-почвенный гумусовый горизонт, легкий средний суглинок, нарушен современными техногенными процессами, в нём залегают культурные остатки современной эпохи (строительный мусор и пр.). Мощность 0,05–0,10 м.

Слой 2. Почвенный гумусовый горизонт, легкий суглинок, по цветности менее насыщен (светло-серый), в низах залегают культурные остатки эпохи палеометалла. Мощность 0,15–0,20 м.

Слой 3. Горизонт ярко-бурого среднего суглинка. Мощность 0,10–0,15 м.

Слой 4. Горизонт лессовидного карбонатного легкого суглинка, в средней части фиксируются погребённые редуцированные палеопочвы, представленные в виде гумусовых прослоек черного цвета мощностью 4–5 см. Мощность до 0,50–0,70 м.

Слой 5. Горизонт состоит из 2-х пачек: 1 – переслаивающихся супесчаных и песчаных прослоек различной цветовой гаммы, с гл. 2,10 м, фиксируется чередование сизых оглееных прослоек и светло-желтых песчаных и супесчаных прослоек. На глубине 2,80 м фиксируются отдельные мелкие окатанные плитки.

Культурные остатки современной эпохи (шлак, кованые гвозди и пр.) и фрагменты керамических сосудов (3 экз.), относящиеся к эпохе палеометалла, залегали во втором литологическом слое и являются смешанным комплексом в результате техногенного воздействия. В данном слое зафиксированы и остеологические материалы, принадлежащие крупному рогатому скоту и диким животным. В смешенном слое определены фрагмент зуба оленя (*Cervidae*gen.), нижний коренной зуб лося (*Alces* sp.), фрагмент пястной кости северного оленя *(Rangifer tarandus),* верх-

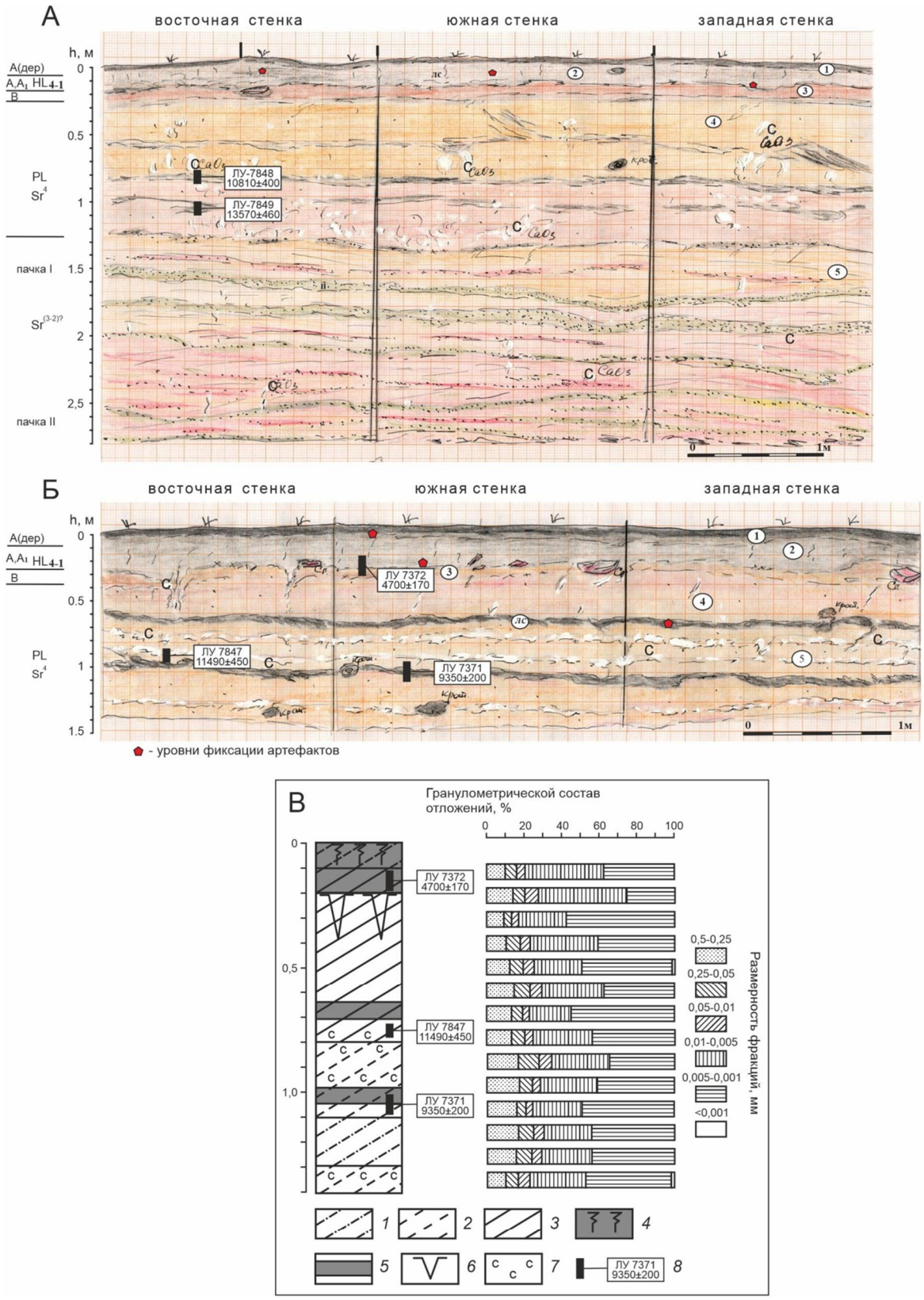

Рис. 5. Археологический объект Шалино 1: *А – разрез шурфа № 1; Б – разрез шурфа № 7; В – гранулометрический состав отложений шурфа № 7: 1 – тяжелая супесь; 2 – легкий суглинок; 3 – средний суглинок; 4 – современная почва; 5 – гумусовые горизонты погребенных почв; 6 – мерзлотные клинья; 7 – карбонаты; 8 – абсолютные даты (календарный возраст)*

Fig. 5. Archaeological Site Shalino 1: *A - section of test-pit No. 1; Б - section of the test-pit No. 7; B - grain-size composition of deposits in the test-pit No. 7: 1 - heavy sandy loam; 2 - light loam; 3 - medium loam; 4 - modern soil; 5 - humus horizons of buried soils; 6 - permafrost wedges; 7 - carbonates; 8 - absolute dates (calendar age)*

ний коренной зуб барана *(Ovis* sp.*)*, неопределимые фрагменты (2 экз.), фрагменты диафизовтрубчатых костей крупного копытного. По уровню залегания остеологические материалы и смешанные культурные слои не выходят за рамки позднего голоцена.

Разрез этого шурфа даёт наиболее полное представление о стратиграфическом строении шестиметровых гипсометрических уровней Ленской долины в месте впадения руч. Шалина (Трофимовка). Вскрытый профиль позднеплейстоценовых отложений для данного субаэрального комплекса является наиболее представительным и хорошо коррелируется с уже ранее выполненными разрезами на 6–8-метровых отметках, мощность вскрытых отложений почти три метра (рис. 5.А).

Шурф № 7 также расположен на бровке террасовидной поверхности на отметке 6,65 м от уреза р. Лены (рис. 5.Б, В).

Слой 1. Дерново-почвенный гумусовый горизонт, легкий средний суглинок, нарушен современными техногенными процессами (культурные остатки современной эпохи). Мощность 0,05–0,10 м.

Слой 2. Почвенный гумусовый горизонт, легкий суглинок, по цветности менее насыщен (светло-серый). В низах залегают культурные остатки). Мощность 0,15–0,20 м.

Слой 3. Горизонт, ярко-бурый легкий суглинок. Мощность 0,05–0,10 м.

Слой 4. Горизонт лессовидного карбонатного легкого суглинка, в средней части фиксируются погребённые палеопочвы, на гл. 0,85, 1,20 м, представленные в виде гумусовых прослоек черного цвета (5–10 см) и редуцированных карбонатных прослоек, на уровне второго почвенного уровня (1,20 м) фиксируется культурный слой (финальный палеолит). Мощность 0,50–0,60 м.

Разрез вскрыт на глубину 1,5 м, ниже площадь шурфа законсервирована. Первый культуросодержащий горизонт – смешанный, залегал в дерновом горизонте, в нём зафиксировано несколько экземпляров остеологических остатков КРС, фрагменты диафизов трубчатой кости крупного животного. Второй культуросодержащий горизонт обнаружен в раннеголоценовом литологическом слое. В нём были зафиксированы фрагменты сетчатой керамики (10 экз.), из них один венчик, орнаментированный сквозными отверстиями (рис. 3.2, 5, 6). Общее количество изделий из камня 13 экз. из них 8 отщепов, три микропластины (рис. 3.16–18). При вскрытии данного культурного слоя в планиграфии фиксировались окатанные плитки песчаника (монупорты), которые каких-либо наземных конструкций не образовывали, но фактически являлись компонентами культурного слоя. Третий культуросодержащий горизонт залегал на глубине 0,70–0,80 м, в прослойке погребенной почвы (рис. 4). В слое зафиксированы призматический нуклеус с субпараллельным принципом скалывания, с оформленным псевдокилем, площадка скошена под 45^0, фронт несёт негативы нескольких коротких снятий (рис. 3.11); концевой скребок на отщепе (рис. 3.10); обломок нуклевидной заготовки (рис. 3.12). Малое количество артефактов не даёт возможности судить о каком-то планиграфическом «сюжете» данного культурного горизонта.

Всего в шурфе № 7 зафиксировано три культурных горизонта: горизонт 1 смешанный, залегает в современном дерно-почвенном уровне; горизонт 2 находится в низах почвенных горизонтов и датируется ранним неолитом. Из него получена C^{14}-дата для погребённой почвы 4700±170 л. н. (ЛУ-7372). Горизонт 3, залегающий в позднесартанских отложениях, связан со вторым уровнем погребённой почвы. Здесь также получены C^{14}-даты, по органике из гумусового погребённого горизонта 9350±200 (ЛУ-7371) и по кости 11490±300 (ЛУ-7847). По предварительному стратиграфическому анализу эти датировки не совсем совпадают с хроностратиграфическими характеристиками позднеплейстоценовых отложений на данном гипсометрическом уровне Ленской долины. Вероятно, разница между полученными результатами по кости и гумусу обусловлена активным вовлечением древней почвы в более поздний седиментогенез.

Стратиграфические показатели разведочных шурфов № 8, 9, 10 во многом совпадают с вышеописанными профилями, за незначительным исключением, или дополняя или уточняя тот или иной хроностратиграфический уровень. Археологического материала в них не зафиксировано.

Заключение

Охранно-спасательные комплексные мероприятия впервые проведены на данном отрезке Лен-

ской долины. С протяженного участка (более 300 км) на отрезке с. Усть-Илга – г. Усть-Кут впервые получены ^{14}C – датировки из позднечетвертичных и голоценовых отложений, залегающих на придолинных поверхностях.

В результате были обнаружены и исследованы комплексы многослойных местонахождений. Получены данные по радиоуглеродному возрасту погребенных почв и кости, гранулометрическому составу рыхлых отложений, определены фаунистические остатки на стоянке Шалино 1. Суглинистые, супесчаные и песчаные отложения левого борта долины р. Лены имеют археологический возраст от позднего палеолита до периода неолит – бронзы.

По результатам морфометрического анализа костных остатков выяснено что, голоценовые отложения содержат остатки промысловых (лось, северный олень) и домашних (лошадь, баран, КРС) животных. В результате анализа плейстоценового костного материала установлено наличие остатков только ископаемой лошади (*Equus ferus)*, верхняя граница обитания которой на территории Иркутского амфитеатра ограничивается ранним неолитом (около 5 000 л. н). Сохранность костного вещества и стратиграфическая приуроченность позволяют предполагать сартанский возраст.

Проведенные в 2013 г. на территории вновь выявленных объектов Усть-Илга (брод) 1 и Шалино 1 исследования показали значимую ценность этих объектов для более глубокого понимания культурно-исторических процессов на данном отрезке Ленской долины. Установлена зона распространения культуросодержащих горизонтов, перспективных для дальнейших исследований. Выяснено, что комплекс позднечетвертичных отложений на данном участке долины реки Лены, слагающий низкие терасовидные уровни, представлен субаэральными отложениями, мощностью до трех метров. Возрастные характеристики этих отложений колеблются в пределах позднего плейстоцена и голоцена. Подстилающие аллювиальные отложения значительно погружены, вероятно, вследствие неотектонических движений. Необходимость продолжения исследований очевидна.

Список источников

Адаменко О. М. Морфоструктура Сибирской платформы // Геоморфология. 1971. № 1. С. 12–21.

Адаменко О. М., Долгушин И. Ю., Ермолов В. В., Исаева Л. Л., Козловская С. Ф., Леонов Б. Н., Цейтлин С. М. История развития рельефа Сибири и Дальнего Востока. Плоскогорья и низменности Восточной Сибири. М. : Наука, 1971. 323 с.

Аксенов М. П., Пержаков С. Н. Исследования на верхней Лене // Обозрение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 г. Новосибирск : Изд-во ИАЭт СО РАН, 1995. С. 171–172.

Думитрашко Н. В. Геоморфологический очерк долины верхней Лены // Труды Института географии АН СССР, 1955. Т. 65. С. 196–222.

Задонин О. В., Уваров А. И. Новые раннепалеолитические местонахождения на Верхней Лене // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири : тез. докл. Всесоюз. конф. 2–8 июня 1986 г., Улан-Удэ. Улан-Удэ, 1986. Ч. II. С. 34–36.

Инёшин А. В. Задонин О. В., Инёшина Т. М.,

References

Adamenko O. M. (1971) Morphostructure of the Siberian Platform. *Geomorfologiya = Geomorphology*. No. 1. P. 12-21. (In Russ.).

Adamenko O. M., Dolgushin I. Yu., Ermolov V. V., Isaeva L. L., Kozlovskaya S. F., Leonov B. N., Tseitlin S. M. (1971) History of relief development in Siberia and the Far East. Uplands and lowlands of East Siberia. Moscow: Nauka. 323 p. (In Russ.).

Aksenov M. P., Perzhakov S. N. (1995) Research on the Upper Lena. *Obozrenie rezul'tatov polevykh i laboratornykh issledovanii arkheologov, etnografov i antropologov Sibiri i Dal'nego Vostoka v 1993 g. = Review of the field and laboratory research results of archaeologists, ethnographers and anthropologists from Siberia and the Far East in 1993.* Novosibirsk: Institute of Archeology and Etnography of the Siberian of the Russian Academy of Sciences. P. 171-172. (In Russ.).

Dumitrashko N. V. (1955) Geomorphological sketch of upper Lena valley. *Trudy Instituta geografii AN SSSR = Proceedings of the Institute of Geography AS USSR*. Vol. 65. P. 196-222. (In Russ.).

Zadonin O. V., Uvarov A. I. (1986) New Early Paleolithic sites on Upper Lena // Chetvertichnaya geologiya i pervobytnaya arkheologiya Yuzhnoi Sibiri. *Tez. dokl. vsesoyuz. konf. 2–8 iyunya 1986 g., Ulan-Ude* = Quaternary Geology and Prehistyory Archaeology of South Siberia: Proceedings of the All-Union Conference, *June, 2–8, 1986, Ulan-Ude*. Ulan-Ude. Pt. II. P. 34-36. (In Russ.).

Ineshin A. V., Zadonin O. V., Ineshina T. M., Perzhakov

Пержаков С. Н., Тетенькин А. В. Палеолитический комплекс геоархеологического местонахождения Чайка II на севере Верхней Лены // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 1. С. 20–45.

Коржуев С. С. Геоморфология долины Средней Лены и прилегающих районов. М. : Изд-во АН СССР, 1959. 152 с.

Логачев Н. А., Ломоносова Т. Л, Климанова В. М. Кайнозойские отложения Иркутского амфитеатра. М. : Наука, 1964. 195 с.

Медведев Г. И., Генералов А. Г., Дроздов Н. И. и др. Проблемы научной экспертизы и практики изучения геоархеологических объектов Байкальской Сибири: (методология, методы, рекомендации). Красноярск; Иркутск; Улан-Удэ : Арком, 1996. 53 с.

Павловский Е. В. К геоморфологии долины верхнего течения р. Лены и нижнего течения р. Витим // Геологический вестник. 1929. Т. 7. № 1/3. С. 46–54.

Пержаков С. Н. Шишкинский археологический комплекс (итоги и задачи дальнейших исследований) // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири : тез. докл. Всесоюз. конф. 2–8 июня 1986 г., Улан-Удэ. Улан-Удэ, 1986. Ч. II. С. 25–27.

Пержаков С. Н., Клементьев А. М. Геоархеологические аспекты позднеплейстоценовой истории Тутуро-Илгинской депрессии (Верхняя Лена) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск : Изд-во Иркутского государственного университета, 2014. Вып. 3. С. 105–119.

Песков С. А. Типология каменных наконечников стрел Усть-Илгинского могильника // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во ИрНИТУ, 2019. Т. 15. № 2. С. 9–29.

Песков С. А., Молчанов Г. Н. Археологические исследования в Жигаловском и Качугском районах Иркутской области // Археологические открытия. 2018 год. М. : Институт археологии РАН, 2020. С. 493–495.

Песков С. А., Молчанов Д. Н., Молчанов Г. Н. Работы в Усть-Кутском, Жигаловском, Иркутском и Шелеховском районах // Археологические открытия. 2017 год. М. : Институт археологии РАН, 2019. С. 497–499.

Песков С. А., Николаев В. С., Клементьев А. М. Усть-Илгинский могильник на Верхней Лене (по материалам раскопок А. П. Окладникова) // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 4. С. 19–36. DOI: 10.21285/2415-8739-2016-4-19-36.

Стратиграфия, палеография и археология юга Средней Сибири: К XIII конгрессу ИНКВА / отв. ред. Г. И. Медведев, Н. А.

S. N., Teten'kin A. V. (2019) Paleolithic component of the geoarcheological site Chaika II in the north of the Upper Lena. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies.* Vol. 15. No. 1. P. 20–45. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-20-45.

Korzhuev S. S. (1959) Geomorphology of Middle Lena River Valley and Adjacent Regions. Moscow: Academy of Sciences of the USSR. 152 p. (In Russ.).

Logachev N. A., Lomanosova T. L., Klimanova V. M. (1964) Cenozoic deposits of the Irkutsk Amphitheater. Moscow: Nauka. 195 p. (In Russ.).

Medvedev G. I., Generalov A. G., Drozdov N. I. et al. (1996) Problems of scientific expertise and the study of geoarcheological sites in Baikal Siberia: (methodology, methods, recommendations). Krasnoyarsk; Irkutsk; Ulan-Ude: Arkom. 53 p. (In Russ.).

Pavlovskii E. V. (1929) To the geomorphology of the upper Lena River valley and the lower reaches of the Vitim River. *Geologicheskii vestnik = Geological Bulletin*. Vol. 7. No. 1/3. P. 46-54. (In Russ.).

Perzhakov S.N. (1986) Shishkino archaeological complex (results and problems of future studies). *Chetvertichnaya geologiya i pervobytnaya arkheologiya Yuzhnoi Sibiri: tez. dokl. vsesoyuz. konf. 2–8 iyunya 1986 g., Ulan-Ude = Quaternary geology and primitive archaeology of South Siberia: Proceedings of the All-Union Conference.* Ulan-Ude. Pt. II. P. 25-27. (In Russ.).

Perzhakov S. N., Klementev A. M. (2014) Geoarchaeological aspects of history of Late Neopleistoceney Tutura-Ilga Depression (Upper Lena). *Evraziya v kainozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury = Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleoecology, and Cultures.* Irkutsk: Irkutsk State University. Iss. 3. P. 105-119. (In Russ.).

Peskov S. A. (2019) Typology of stone arrowheads from the Ust`-Ilginskiy cemetery. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies.* Vol. 15. No. 2. P. 9-29. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-2-9-28.

Peskov S. A., Molchanov G. N. (2020) Archaeological research in Zhigalovo and Kachug districts of the Irkutsk region. *Arkheologicheskie otkrytiya. 2018 god. = Archaeological Discoveries. 2018.* Moscow: Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences. P. 493-495. (In Russ.).

Peskov S. A., Molchanov D. N., Molchanov G. N. (2019) Works in Ust-Kut, Zhigalovo, Irkutsk and Shelekhovo districts. *Arkheologicheskie otkrytiya. 2017 god. = Archaeological Discoveries. 2017.* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. P. 497-499. (In Russ.).

Peskov S. A., Nikolaev V. S., Klement'ev A. M. (2016) Ust'-Ilga burial site on the Upper Lena River (based on the data excavated by A.P. Okladnikov). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies.* No. 4. P. 19–36. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2016-4-19-36.

Medvedev G. I., Saveliev N. A., Svinin V. V. (1990) Stratigraphy, paleography and archaeology of South of Middle

Савельев, В. В. Свинин. Иркутск : Изд-во Иркутского государственного университета, 1990. 165 с.

Уваров А. И., Николаев В. С. Усть-Илгинский могильник // Палеоэтнология Сибири : тез. докл. к XXX регион. археолог. студ. конф. 29–31 марта 1990 г. Иркутск : Иркутский государственный университет, 1990. С. 139–140.

Уфимцев Г. Ф. Байкальская тетрадь. Очерки теоретической и региональной геоморфологии. М. : Научный мир, 2009. 240 с.

Цейтлин С. М. Геология палеолита Северной Азии. М. : Наука, 1979. 288 с.

Информация об авторах

С. Н. Пержаков – специалист-археолог,
ООО «Раритет»,
664025, Иркутск, пер. Шапошникова, 2, Россия.
Д. В. Кобылкин – кандидат географических наук,
заведующий лабораторией геоморфологии,
Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН,
664033, Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1, Россия.

А. М. Клементьев – кандидат географических наук,
научный сотрудник лаборатории геологии мезозоя и кайнозоя,
Институт земной коры СО РАН,
664033, Иркутск, ул. Лермонтова, 128, Россия.

Вклад авторов

Пержаков С. Н. провел полевые исследования по обнаружению и изучению объектов историко-культурного наследия, анализ каменного и керамического инвентаря, обобщил и осуществил корреляцию археологических материалов. Участвовал в подготовке иллюстративного материала, работал над текстом.

Кобылкин Д. В. проводил отбор проб погребенных почв для проведения гранулометрического и радиоуглеродного анализа, подготовил иллюстративный материал, работал над текстом, сделал выводы о строении разрезов.

Клементьев А. М. работал над текстом, выполнил палеонтологический анализ костных остатков млекопитающих с определением палеогеографической обстановки их обитания.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 2 ноября 2022 г.; одобрена после рецензирования 30 ноября 2022 г.; принята к публикации 5 декабря 2022 г.

Siberia: XIII INQUA. Irkutsk: Irkutsk State University. 165 p. (In Russ.).

Uvarov A. I., Nikolaev V. S. (1990) Ust'-Ilginsky cemetery. *Paleoetnologiya Sibiri: tez. dokl. k XXX region. arkheolog. stud. konf. 29–31 marta 1990 g. = Paleoethnology of Siberia: Proceedings of the XXX Regional Archaeological Student Conference. March, 29–3, 1990.* Irkutsk: Irkutsk State University. P. 139-140. (In Russ.).

Ufimtsev G. F. (2009) Baikal notebook. Essays on theoretical and regional geomorphology. Moscow: Nauchnyi mir. 240 p. (In Russ.).

Tseitlin S. M. (1979) Geology of Paleolithic of Northern Asia. Moscow: Nauka. 288 p. (In Russ.).

Information about the authors

S. N. Perzhakov – specialist-archaelogist,
LTД «Raritet»,
2, Shaposhnikov St., Irkutsk 664025, Russia.
D. V. Kobylkin – Cand. Sci. (Geography), Head of the Geomorphology Laboratory,
V. B. Sochava institute of geography Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
1, Ulan-Batorskaya St., Irkutsk 664033, Russia.
A. M. Klementiev – Cand. Sci. (Geography), Researcher at the Laboratory of Mesozoic and Cenozoic Geology,
Institute of the Earth's Crust Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Laboratory of Cenozoic,
128, Lermontov St., Irkutsk 664033, Russia.

Contribution of the authors

Perzhakov S. N. conducted field research on the discovery and study of objects of historical and cultural heritage, analysis of stone and ceramic inventory, generalized and correlated archaeological materials.

Kobylkin D. V. Conducted sampling of buried soils for granulometric and radiocarbon analysis, prepared illustrative material, worked with the text, drew conclusions about the structure of the sections.

Klementiev A. M. He worked on the text, performed a paleontological analysis of mammalian bone remains with the determination of the paleogeographic environment of their habitat.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted November 2, 2022; approved after reviewing November 30, 2022; accepted for publication December 5, 2022.

Научная статья
УДК 930.126(571.26)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-22-33

Археологические источники Нижнего Амура: опыт интерпретации изображения личины на камне № 25 петроглифов Сикачи-Алян

Зоя Степановна Лапшина

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия,
Lapshinazoy@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-4283-7365

Аннотация. Наскальное искусство Нижнего Приамурья изучается с середины XIX века. На первом этапе публиковались сообщения о рисунках на камнях и скалах в разных частях бассейна Амура (Р. К. Маак, П. И. Ветлицын, В. Л. Альфтан, В. К. Арсеньев, Б. Лауфер, Дж. Фоук). Позднее оформились первые трактовки. Археолог Н. Харламов в 20-х годах XX в. проводил поисковые работы возле Сикачи-Аляна: беседовал с нанайцами, собрал древнюю керамику, каменные орудия, составил представления о загадочной цивилизации Гальбу. В петроглифах и обломках камней по берегу он увидел руины древних сооружений. А. Золотарев отдельные рисунки связывал с обрядами поклонения солнцу. Во второй половине XX века сотрудники Института археологии и этнографии СО АН СССР провели топографическую фиксацию петроглифов, описание рисунков, интерпретацию их как исторических источников. База данных вошла в монографии А. П. Окладникова «Лики древнего Амура» (1968) и «Петроглифы Нижнего Амура» (1971). Объект интересов автора – наскальные рисунки Амура. Предметом статьи является личина 2 на камне № 25 петроглифов Сикачи-Аляна. Цель работы – интерпретация изображения как модели космоса, созданной в каменном веке рыболовами Амура. Основные приёмы исследования – типологический метод, авторский подход к иконографическому описанию и анализу изображения. Он опробирован в работе с личинами нижнеамурских петроглифов числом более 200 единиц. Результатом исследования стала концепция интерпретации личины как модели космоса, в центре которого стоит змей-дракон, породивший небо и землю в виде разнополых змей. В качестве теоретического обоснования концепции привлечены труды В. Н. Топорова, В. В. Иванова, Б. А. Фролова, В. В. Евсюкова по теме космологии, мифологии и художественному осмыслению в древности понятия мирового древа. Использованы материалы этнографических исследований Л. Я. Штернберга и А. Б. Спеваковского.

Ключевые слова: личины, иконография, интерпретация, символика знаков, модель космоса, двухчастное мироздание, мифология, мировое древо, персонажи мифов, змей-дракон

Для цитирования: Лапшина З. С. Археологические источники Нижнего Амура: опыт интерпретации изображения личины на камне № 25 петроглифов Сикачи-Аляна // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 4. С. 22–33. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-22-33

Original article

Archaeological sources of the Lower Amur: the experience of interpretation of the face image on stone No. 25 of Sikachi-Alyan petroglyphs

Zoya S. Lapshina

Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia,
Lapshinazoy@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-4283-7365

Abstract. The rock art of the Lower Amur Region has been studied since the middle of the 19th century. At the first stage, reports were published about drawings on stones and rocks in different parts of the Amur basin: R. K. Maak, P. I. Vetlitzyn, V. L. Alftan, V. K. Arseniev, B. Laufer, J. Fowke. Later, the first interpretations took shape. N. Kharlamov saw in the drawings traces the Galba's enigmatic civilization; A. Zolotarev connected individual images with rites of sun worship. In the second half of the twentieth century archeological research was carried out by employees of the Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences: topographic fixation of all known petroglyph sites, description and topography of each drawing on a stone or rock, interpretation of drawings as sources of various historical stages of cultural genesis, publication of the entire database on the rock art of the region A. P. Okladnikov «Faces of Ancient Amur» (1968), «Petroglyphs of the Lower

© Лапшина З. С., 2022

Amur» (1971). The scientific interests of the author are connected with the sites of primitive art, in particular, the rock paintings of the lower reaches of the Amur River. The subject of the study in the article is the face 2 on stone No. 25 among the petroglyphs of Sikachi-Alyan. The goal is to interpret the image as a model of the cosmos, created in the Stone Age by sedentary fishermen of the Amur. The main methods of research are the typological method and the author's approach to the iconographic analysis of the image. The result is the concept of interpreting the mask as a model of the cosmos, in the center of which stands a dragon serpent, which gave birth to heaven and earth in the form of heterosexual snakes. Theoretical and practical studies of V. N. Toporov, V. V. Ivanov, B. A. Frolov, V. V. Evsyukov and others on the topic of cosmology, mythology and the artistic presentation of the image of the world tree are used. The article provides information from the experience of the author's archaeological and ethnographic research. The data of ethnographic studies of the worldview of the Ainu of Amur and Sakhalin collected by L. Ya. Sternberg and A. B. Spevakovsky are used.

Keywords: masks, iconography, interpretation, symbolism of signs, cosmos model, two-part universe, mythology, world tree, characters of myths, serpent-dragon

For citation: Lapshina Z. S. (2022) Archaeological sources of the Lower Amur: the experience of interpretation of the face image on stone No. 25 of Sikachi-Alyan petroglyphs. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 4. P. 22-33. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-22-33

Введение

Бассейн Нижнего Приамурья отличает от других регионов Дальнего Востока богатое культурное наследие древности, в частности, здесь обнаружены несколько сотен стоянок и поселений различных исторических эпох, а также ряд памятников наскального искусства. Открытия петроглифов начинаются с середины XIX века. В процессе изучения географии, геологии, флоры и фауны, топографических исследований, картографирования новой территории, присоединившейся к Российской империи, появлялись первые сообщения о древних рисунках на скалах рек Уссури и Амура. Их составили Р. К. Маак, П. И. Ветлицын, В. Л. Альфтан, В. К. Арсеньев (Маак, 1861. С. 43; Ветлицын П. И. Заметки о древних гольдских памятниках близ селения Малышевского // Приамурские ведомости. Хабаровск. 1895. № 56. 22 января. С. 17; Альфтан, 1895. С. 10; Арсеньев, 1986. С. 24–25). В конце XIX в. в низовьях Амура и Сахалина появились иностранные учёные, синолог и антрополог Б. Лауфер и археолог Дж. Фоук, первый изучал декоративно-прикладное искусство аборигенов, второй проводил археологические поисковые работы. Лауфер осмотрел петроглифы Сикачи-Аляна, а Фоук описал камень с рисунками возле села Калиновка. В начале XX в. появились представления о происхождении древних рисунков. Б. Лауфер в монографии «The Decorative Art of the Amur Tribes» изложил своё представление о вторичности местного искусства, о заимствовании мотивов из Китая или Японии (Laufer, 1902. P. 2). Дж. Фоук передал услышанное от православного священника толкование сюжета калининского камня как изображение водяного бога, связал эти сведения с необходимостью магического заступничества на воде, так как камень с рисунками находился возле высокой скалы, которая выступом врезалась в Амур и создавала опасный водоворот (Fowke, 1906. С. 276–277). Археолог Н. Г. Харламов в 20-х годах проводил возле Сикачи-Аляна поисковые работы, собрал коллекцию древностей, осмотрел рисунки, сделал фотоснимки и эстампажи петроглифов, беседовал с нанайцами о происхождении рисунков. У него сложилась фантастическая версия о памятнике: крупные глыбы на берегу вместе с рисунками представлялись ему руинами разрушенных временем строений загадочной цивилизации Гальбу (Харламов, 1933). Этнограф А. М. Золотарев отметил среди сикачи-алянских рисунков изображения оленей и концентрические круги, которые связал с образом солнца; сюжеты калининского камня трактовал как увековечивание похода древнего народа, возможно, бохайцев, на Амур (Золотарев, 1939. С. 8). Никто из указанных авторов в дальнейшем не обращался к изучению памятников.

Следующей вехой стали исследования Нижнеамурской комплексной экспедиции, отправленной в 1935 г. на Амур Государственной Академией Истории материальной культуры (с 1937 г. Институт Истории материальной культуры АН СССР). Археологический отряд возглавил аспирант института А. П. Окладников. Он познакомился с рисунками Сикачи-Аляна, Калиновки, сделал первые заключения о характере изображений, выделил наиболее

поздние рисунки, вырезанные или процарапанные на скалах, к самым ранним изображениям отнёс петроглифы на камне возле с. Калиновки (Окладников, 1980. С. 49). Наскальное искусство Амура заинтересовало молодого учёного и он не оставлял это направление работ до конца своих дней.

Благодаря заинтересованности А. П. Окладникова состоялись основные работы по изучению петроглифов во второй половине XX в. сотрудниками Дальневосточной археологической экспедиции (далее – ДВАЭ) Института археологии и этнографии Сибирского отделения АН СССР, который он возглавлял. В этом состоит следующий, третий этап изучения. В 1958 г. А. П. Окладников, И. В. Жалковский, Ю. А. Полумисков, В. А. Тимохин и М. Я. Роменский детально изучали весь комплекс изображений на камнях и скалах Сикачи-Аляна и Малышево. В 1968 г. отряд ДВАЭ под руководством А. П. Окладникова вновь обследовал берега Амура, протоки и озера от Хабаровска до Николаевска-на-Амуре, в его составе были В. А. Тимохин, М. Я. Роменский, А. Новак, В. Чейко и др. (Окладников, 1971. С. 13–14). Направления работ: археологический поиск вокруг каждого памятника петроглифов, топографическая фиксация всех известных памятников с рисунками, описание и топография каждого изображения на камне или скале, интерпретация рисунков как источников различных исторических этапов культурного развития территории, публикация всей базы данных по наскальному искусству региона (Окладников, 1968; Окладников, 1971; Окладников, 1981[1]). Дальнейшие работы по изучению наскального искусства опираются на эту научную базу знаний.

В течение последней трети XX века и двух десятилетий XXI века пополняется количество памятников петроглифов, увеличивается число рисунков на известных объектах, поставлены вопросы бережного социально-культурного использования и сохранения петроглифов как объектов культурного наследия. Новым направлением становится семантическое изучение содержания рисунков, выявление общих мотивов изображений на камне и орнаментов керамики из слоёв поселений каменного века (Медведев, 2001). Это четвёртый этап изучения памятников. Петроглифы низовьев Амура являются сферой научных интересов автора, основное внимание сосредоточено на изучении наиболее выразительной части древнего творчества – изображениях личин. Предметом статьи стала личина 2 на камне № 25 среди петроглифов Сикачи-Аляна. Целью – интерпретация личины как целостной модели космоса, созданной оседлыми рыболовами каменного века. Инструментами исследований стали типологический метод и авторский подход к иконографическому описанию и анализу личины, позволяющий выявить сущностное содержание символики знаков на рисунке. Его содержание и результаты применения были представлены автором в докладе на Международной конференции в Кемерово в 2011 г. «Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы» и опубликованы в сборнике материалов форума (Лапшина, 2011б). В том же году опубликована статья по методике описания личин нижнеамурских петроглифов в научном журнале «Вестник развития науки и образования» (Лапшина, 2011а). Интерпретация древних представлений о мире, реконструкция семантического содержания изобразительных сюжетов – процесс сложный, он предполагает обращение к имеющемуся в науке опыту подобных исследований. В статье использованы материалы трудов отечественных учёных В. Н. Топорова, В. В. Иванова, Б. А. Фролова, В. В. Евсюкова, В. Е. Ларичева, Л. Я. Штернберга, А. Б. Спеваковского.

Предыстория исследования личины 2 на камне № 25 в Сикачи-Аляне

А. П. Окладниковым рисунок представлен в изданиях 1968 г. и 1971 г., характеристика в них не отличается: описано расположение личины на камне, отмечено, что «слева и справа помещаются широкие, плавные спирали, заканчивающиеся змеиными головками...»; между ними глаза, ноздри, усы; наверху ромб со змееобразными полосками и четыре ямки кучкой и под ними нечто вроде личины, эти детали расценены так: «комплекс деталей напоминает обычное для антропоморфных личин головное украшение, но усложнённое. Может быть, это вторая маска-личина, но не самостоятельная, а органически связанная с первой» (Окладников, 1968. С. 212; Окладников, 1971. С. 26).

[1] Окладников А. П. Древнее искусство Приамурья. Ленинград : Аврора, 1981. 160 с. (на англ. яз.).

Автором статьи сделан иконографический и типологический анализ изображения личины № 25: 2, детально интерпретированы все знаки на рисунке, «головное украшение» представлено как вместилище символических знаков. В итоге он отнесён к изображениям дракона и помещён в классификации персонажей двухчастной картины мира в небесную сферу (Лапшина, 2012. С. 68–70). В настоящей статье предлагаются итоги дальнейших исследований трактовки семантического содержания знаков как элементов целостной модели мироздания.

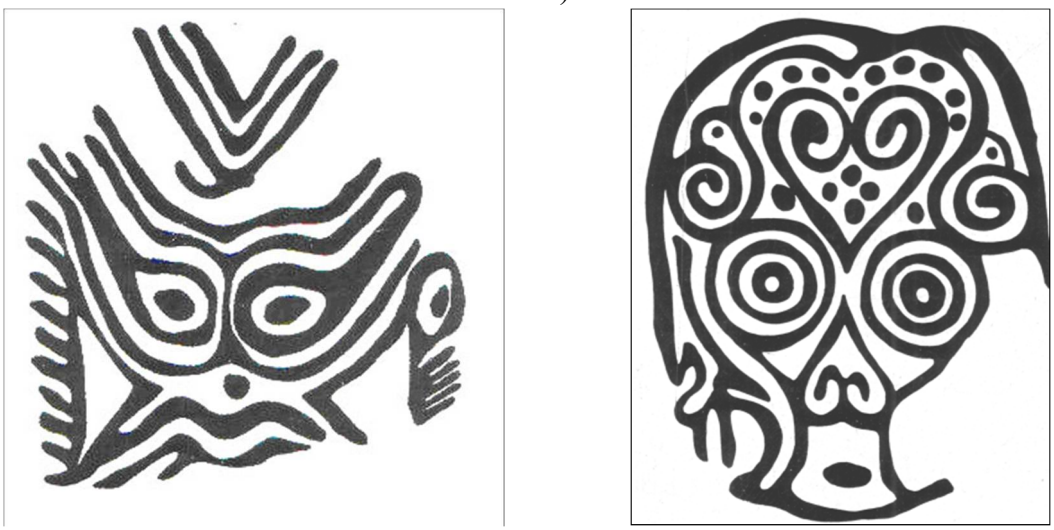
Описание и трактовка символического содержания личины 2 на камне № 25 (рис. 1.1)

Второй пункт памятника Сикачи-Алян находится за верхней частью села, на каменной косе, заросшей кустарником, сложенной галечником и крупнозернистым песком. *Расположение рисунков на камне.* Глыба находится на видном месте, в зоне туристических маршрутов. На том же камне имеется большая плоскость с изображением крупной личины 1, это второе и, на наш взгляд, более позднее изображение дракона; оно сохранилась лучше, поэтому камень № 25 – неизменно наиболее посещаемая часть памятника. *Состояние сохранности изображений*. Личина 2, расположенная вверху глыбы на отдельной плоскости слева, имеет неудовлетворительную сохранность. А. П. Окладников замечал: «Личина на западной стороне камня выполнена более узкими и не столь глубокими желоб-

1

Камень № 25: 1. Слева – фото автора 2017 г., справа – прорисовка (по Окладников, 1971, табл. 35)

2

Камень № 25: 1 Камень № 82: 2

(прорисовка по Окладников, 1971; соответственно табл. 34, табл. 89:2)

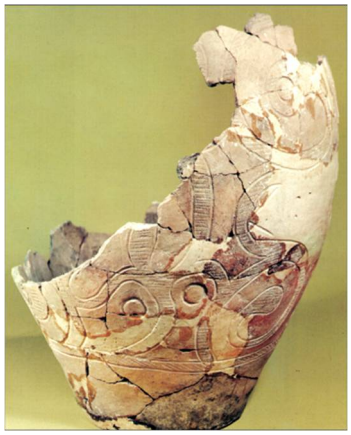
Рис. 1. Сикачи-Алян. Изображения драконов на камнях № 25 и № 82
Fig. 1. Sikachi-Alyan. Images of dragons on stones No. 25 and No. 82

ками – 0,3, реже – 0,5 см.» (Окладников, 1971. С. 26. Табл. 35). В настоящее время желобки можно прощупать пальцами, имея представление о нём по прорисовкам в книгах А. П. Окладникова. *Характеристика внешней контурной линии.* Рисунок не имеет контура. *Описание внутреннего заполнения личин.* А. *Наличие симметрии*. Рисунок симметричен по вертикали: от раздвоенных усов до ноздрей носа, а также глаз – до нижнего угла ромба на лбу. Б. *Разделение элементов рисунка на составные части.* Его можно разделить на 4 части: левую и правую, центральную, лобную. Внимание зрителя концентрируется на боковых фигурах – змеях, а затем перемещается на глаза и усы существа, только после этого взгляд останавливается на деталях символов внутри ромба в лобной части. В. *Характеристика левой и правой частей*. Слева выбита крупная змея, закрученная спиралью в три кольца. Внутри спирали показан хвост змеи в виде округлой ямки, а голова завершается выступом в виде угла под 90 градусов. Справа также показана спирально закрученная в три кольца змея: хвост внутри чуть заострён, а голова – удлинённая с острым узким концом. Эти детали хвоста и головы, возможно, отмечают половое различие персонажей. Г. *Характеристика центральной части.* Центр маски – это два глаза, ноздри и усы персонажа. Глаза удлинённые и раскосые, зрачки показаны ямками, линия обрисовки левого глаза разомкнута на виске. Ниже глаз показано обрамление морды округлой плавной линией, внутри ямками показаны ноздри. Ниже расходятся линии усов: один показан полоской, два центральных уса и левый выведены петлями. Д. *Характеристика лобной части*. Лоб не отделен линией от центральной части. Знак на лбу показан как автономная часть. Это ромбическая фигура, созданная «линиями – змеями», а именно, линиями, завершающимися головами змей. В нижней части ромба отделен сегмент, в котором находится знак «точки» в виде ямки. В верхней части ромба помещён знак из четырех точек-ямок в крестообразном расположении. Автором ранее уже описан подобный знак на другом изображении змеи-дракона (камень № 82:2 Сикачи-Аляна) (рис. 1.2) (Лапшина, 2010. С. 267–272; Лапшина, 2012. С. 79–81). *Заключение по рисунку и содержанию художественного образа.* В основе рисунка лежит мотив «линии-змеи». По итогам исследований ряда рисунков личин автором выявлено, что этот мотив применяется к изображению персонажей солярной мифологии, в которой солнце и змея имеют органическое единство («линия-змея» формирует облик дракона) (Лапшина, 2012. С. 154). Из числа нижнеамурских личин в мотиве «линии-змеи» решены художественные образы пяти изображений драконов: в Сикачи-Аляне (№ 25:1, № 76:1, № 82:2) и в Шереметьево (№ 3, № 20), две личины из их числа представлены на рис. 1. Фланги от центральной фигуры занимают змеи, свернутые в спирали. В конце 50-х годов XX в. А. П. Окладников в дискуссии с Б. Лауфером выделял концентрические круги и спирали как основу неолитического орнамента на керамике, личин петроглифов и декоративно-прикладного искусства аборигенов, доказывая автохтонность искусства Амура, отмечал присущий ему криволинейный мотив, спиральный орнамент; продолжена эта тема и в других его работах (Окладников, 1959; Окладников, 1971. С. 100, 119–122; Окладников, 1981[1]). Очертание голов змей может означать их разный пол, они органически слиты с центральной фигурой. Разная форма голов змей имеется и на изображении дракона на камне № 82:2 (рис. 2.2) (Лапшина, 2010. С. 267–272). В мифологии айнов Амуро-Сахалинского региона сохранился фрагмент о спустившейся с неба паре змей: огненном змее и богине огня, посланных к людям верховным повелителем (Штернберг, 1933. С. 572). Это позволяет обосновать неслучайность различной обрисовки змеиных голов. На лбу исследуемой личины находится вместилище символов в виде ромбической фигуры, образованной змеями. Внутри ромба знаки «точки» и «четвероточия» также разделены змеями. На камне № 82:2 знак «четвероточия» также размещён на лбу маски дракона (рис. 2.2). Ромб с четырьмя сторонами и четыре точки могут отражать горизонтальную структуру земли: четыре стороны света. В обрядовой культуре айнов хозяин водной стихии и всего мира обозначался различными символами, среди них имеется знак четырёх точек в крестообразной композиции (Спеваковский, 1988. С. 115).

В целом, рисунок представляет зооморфного дракона с усами, окружённого слева и справа разнополыми змеями. Символы в лобной части конкре-

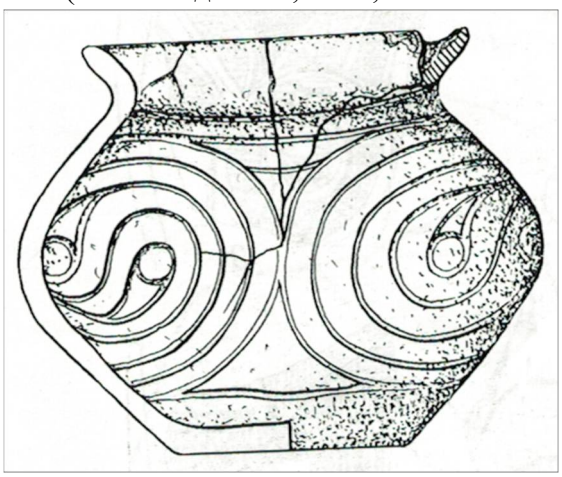

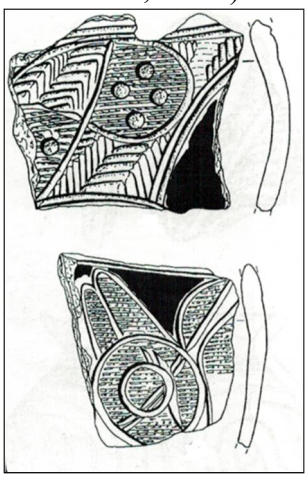
Поселение Кондон

Поселение Сучу

(по: Окладников, 1981, илл. соответственно № 88, № 89)

Поселение Сучу (по: Медведев, 2005. Рис. 22:2,3; 24:3)

Рис. 2. Образцы орнаментов со спиралью, знаками точек и «четвероточия» на керамике Вознесеновской культуры
Fig. 2. Samples of ornaments with a spiral, signs of dots and "four dots" on ceramics of the Voznesenovskaya culture

тизируют это изобразительное повествование: змей-дракон является солнцем, он – абсолют и начало всего, в нём заключён двухчастный мир: небо и земля, земная сфера разделена на четыре стороны света. Вся символика строго упорядочена, здесь нет случайных и лишних деталей. В сущности содержания личины можно видеть передачу мифа о рождении змеем-драконом космоса, в котором небо и земля являются его детьми – змеями. Артефакт мог быть первостепенным, по значимости, атрибутом обрядово-ритуальной жизни коллектива рыболовов каменного века.

Образ змея-дракона, символизирующего солнце и космос, распространён в архаической культуре, изучаемой по вещественным остаткам, в декоративно-прикладном искусстве (ритуальные одежды и утварь), в мифологии, и бытующих доныне представлениях и преданиях коренных народностей. В Вознесеновской археологической культуре финального неолита V–III тыс. л. н. самым распространённым орнаментом выступает спираль, символизирующая солнце (рис. 2). Этот орнамент наносился на ритуальные сосуды, что прослежено А. П. Окладниковым, И. Я. Шевкомудом, В. Е. Медведевым в материалах Вознесеновской культуры низовьев Амура (Окладников, 1980. Табл. XXIII; Окладников, 1981. Рис. 87–91[1]; Шевкомуд, 2004. Табл. 30–32, 35, 38; Медведев, 2005. Рис. 15:1, 24:3). Автором это прослежено непосредственно по коллекции керамики из вознесеновского культурного слоя, полученной раскопками поселения Хумми; проводилось также специальное исследование символического содержания орнаментов неолитических культур Приамурья, в том числе, причастности сим-

вола спирали к солярной мифологии (Лапшина, 2011с. С. 45–46).

Что касается мифологической истории солярного змея-дракона и его космологической сущности, более всего она проявилась в культуре айнов Амура и Сахалина: в мифологии, обрядности, ритуалах, вышивках на одежде. Этнографы отмечают особое место змеи в миропонимании и обрядовой жизни айнов. Л. Я. Штернберг выделил среди божеств айнов «инокакамуя» – божественного змея (Штернберг, 1929. С. 349; Спеваковский, 1988. С. 64–65). В начале XX в. Л. Я. Штернберг записал фрагмент мифа у айнов Сахалина о посланниках неба – солнечном змее и богине огня, о чём упоминалось выше (Штернберг, 1933. С. 572). А. Б. Спеваковский описывает божество-солнце «тюп-камуй» («сияющая вещь) и «токап тюп камуй» – божество-светило дня; отдельно от них стоит культ огня (Спеваковский, 1988. С. 63, 115–119). Таким образом, в обрядовой жизни и картине мира айнов существуют оба персонажа из мифа о двух небесных змеях.

В современной жизни народностей Нижнего Амура, в частности, у нанайцев, ульчей, нивхов соблюдается уважительное отношение к дракону, в местных преданиях есть место водному дракону, с которым связывают петроглиф на камне № 25:1. По наблюдениям автора, у нанайцев традиционный свадебный женский халат отражает двухчастный мир, в котором верхнюю часть занимает символика дракона: плечи и рукава оформлены чешуйками, в каждой из которых находится вышитая маска дракона; ниже по спине оставляют место родовому дереву, что соответствует земной сфере мироздания. От информантки Е. А. Самар известно, что к дракону относятся с уважением и никогда его не тревожат по пустякам; очень смущает нанайцев современное выражение «драконовские законы» в негативном понимании, для них дракон – средоточие всего позитивного.

Теоретическое обоснование трактовки изображения как модели космоса

Архаическое сознание мифологично, это утверждение учёных можно считать непререкаемым. В основе мифологической системы неизбежно обнаруживаются древние космологические предания. Тысячелетиями шлифовались мифы о возникновении мира, света, солнца, обитателей неба и земли. Они облекались в художественные образы, увековечивались в изображениях на камне, в металле, дереве, вышивках, коврах и предметах быта. В письменную эпоху излагались в трактатах, летописях, дошли до нас в книжных миниатюрах, в барельефах, скульптурных композициях.

Космологические мифы народов мира достаточно хорошо изучены в мировой культурной антропологии, в отечественной этнографии, археологии и культурологии. Интерпретируя нижнеамурский изобразительный источник, обратимся к опыту исследований образа мирового древа В. Н. Топоровым, который видел в этом образе воплощение «универсальной концепции мира», осмысления освоенного пространства и способ его упорядочения (Топоров, 1980.С. 389; Топоров, 1982). Он проследил в сюжетах мифов и преданий различных исторических эпох значимость представлений о центре мира, о художественных вариантах передачи этого понятия, о содержательной интерпретации его элементов (Топоров, 1980). Мифологические персонажи, занимающие центральное место в картине мира исследованы В. В. Ивановым, в частности, им разрабатывались темы солярных мифов и солнечного божества, начала распространения образа дракона, его облик в устных преданиях и изобразительном творчестве народов мира: дракон в виде змеи или с элементами змеи ведёт своё начало от хеттской и вавилонской мифологий; бог солнца в виде пернатого змея содержится в мезоамериканской мифологии культур майя и ацтеков (Иванов, 1992a; Иванов, 1992b).

В мифологии мироздания всегда присутствует центральная фигура, демиург-создатель мира, породивший космос из хаоса, и затем обустроивший мир, отделив небо от земли. Он представлялся создателем неба и земли, сформировавшим среднюю сферу космоса, землю; он и небо заполняет персонажами и главный из них – сам создатель мира. Он создаёт первых людей, поэтому почитается как первопредок. В повествовательном ключе на этот мифологический персонаж переносятся представления о центре мира, о его создании и об основах, на которых держится мироздание. На этих мифах в древности строились правила повседневной жизни коллектива и отдельного человека. Изображение пере-

даёт жизненно необходимую картину мира, без которой в социуме может наступить хаос. К. В. Чистов отмечал: «Мифологизированное сознание и мировоззрение древнего коллектива должны обладать определёнными механизмами, обеспечивающими его стабильность и развитие. Одним из таких рычагов устойчивости выступает стереотипное поведение, обеспеченное системой символов, закрепляемых в сознании традициями, которые сформированы архаическими ритуалами» (Чистов, 1983. С. 15).

Для создания модели мироздания издревле разрабатывались определённые художественные каноны. Встречаются изображения, состоящие из центральной фигуры (демиурга) и персонажей второго уровня слева и справа, символизирующих небо и землю. Изобразительное творчество свидетельствует, что ещё в каменном веке создана первичная схема мироздания с двумя сферами (небесной и земной) и верховным божеством-покровителем. В центре мира могут оказаться драконы, птицы, змеи, мамонты, гора, или верёвка, спущенная с неба, и другие объекты. В. Е. Ларичев, изучая космогонические корни скульптурных изображений сибирского поселения позднего палеолита Малая Сыя, представил образ мамонта как устроителя мира (Ларичев, 1980). Б. А. Фролов в 60–70 годах XX в. показал на предметах искусства из археологических памятников позднего палеолита Северной Евразии представления древнего человека о двоичном и троичном исчислении в ритмах древнего орнамента, о мифологическом содержании предметов палеолитического искусства (Фролов, 1965a; Фролов, 1965b; Фролов, 1978). В. В. Евсюков предложил концепцию реконструкции мифов неолита по сюжетам, нанесённым на посуду культуры крашеной керамики Яншао (Китай). В ходе реконструкции семантики сюжетов на посуде, он предлагает типологический ряд изображений с центральной фигурой и расположенными по флангам персонажами из культур народов мира: древнеегипетские композиции, ассиро-вавилонские рельефы, образцы искусства Китая эпох бронзы и Средневековья, сюжеты вышивок народа мяо, петроглифы Киргизии, а также русские народные вышивки (Евсюков, 1988. С. 48–51). Эти примеры показали универсальное представление о происхождении мира и всего существующего вокруг человека, о появлении его предков. В. В. Евсюков выявил зарождение мифологии космологического порядка в сюжетах неолитической посуды одной из культур на территории Китая. Заслуживает внимания представленный им типологический ряд сюжетов на сосудах, которые интерпретированы им как иллюстрации мифа об отделении демиургом неба от земли, учёному удалось сопоставить сюжеты росписей с ранними мифопоэтическими письменными источниками (Евсюков, 1988. С. 47–58).

Изучение материальных остатков древних стоянок и предметов искусства раскрывает важные стороны жизни древнего человека, его представления об окружающем мире, мифологическом осмыслении этих знаний и их воплощении в художественных образах. На этом опыте теоретических и практических исследований основана предлагаемая концепция содержания композиции и знаковой системы на петроглифе из Сикачи-Аляна. Рассмотрим семантическое значение изобразительного источника:

1. *Змей-дракон как художественный образ картины мира*. Общий вид рисунка представляет морду фантастического дракона. В мировой архаической культуре сформированы различные художественные образы драконов. В нижнеамурской космологии, выраженной в орнаментах и образах искусства финала неолита, он органично соединён со змеёй и солярными мифами, поэтому и мотив рисунка заключается в «линии-змее». Органическая сущность дракона состоит из змей: его облик обрисован змеями, они изображены в виде спирали по флангам. Следовательно, эту модель можно назвать змеем-драконом. Изучаемая личина не единственное изображение змея-дракона, на том же камне № 25 рис. 1 является, на взгляд автора, более поздним изображением дракона (Лапшина, 2012. С. 128–131). Как указывалось выше, драконы изображены также и на других камнях Сикачи-Аляна, есть они и в Шереметьево. Всякий рисунок с образом змея-дракона в наскальном искусстве Нижнего Амура является передачей модели мироздания, ибо он и воплощает весь космос.

2. *Знак «линии-змеи».* Это кривая линия, заканчивающаяся головой змеи. Из опыта иконографического анализа нижнеамурских личин следует, что этот космогонический символ обозначает причастность персонажей к солярной мифологии. По происхождению он отнесён к автохтонным нижнеамурским символам (Лапшина, 2011a; Лапшина, 2012).

3. *Знак спирали* в изображении змей вокруг дракона относится к солярным знакам, тем самым змей-дракон знаменует собой солнечное божество. Спираль или двойной-тройной круг являются наиболее частой композицией в рисунках петроглифов, спирали распространены в орнаментах неолитических сосудов и в скульптурной пластике, а также на предметах быта (пряслицах, орнаментирах) Вознесеновской культуры позднего неолита Амура (Окладников, 1971. С. 100, 119–123; Окладников, 1981[1]; Медведев, 2005. Рис. 15, 24; Шевкомуд, 2004. Табл. 30, 38, 47).

4. *Знак ромба* на лбу маски может означать структуру горизонтального пространства, созданного драконом; что объясняет нанесение фигуры ромба «линией-змеёй».

5. *Знак «точки» на лбу маски*. Среди символов на лбу, именно этот знак изолирован от них. Единичный знак в культурах народов мира означает единство, целостность, исходный момент, начало, центр и абсолют (Керлот, 1994. С. 518). Об отражении уже в искусстве позднего палеолита космоса, как единого целого, писал А. П. Окладников в книге «Утро искусства» (Окладников, 1967. С. 113). Наличие чётных и нечётных чисел в ритмах орнаментов древнекаменного века выявил Б. А. Фролов (Фролов, 1965а. С. 97–103; Фролов, 1978. С. 113–114). На лбу изучаемой личины содержится нечётный знак (одна «точка-ямка») как целостное обозначение космоса или центра мира и чётное количество точек («четвероточие»), возможно, символ четырёх сторон света. На керамике Вознесеновской культуры часто встречается знак «точки» внутри декоративной петли или в круге (Шевкомуд, 2004. Табл. 9, 38, 57; Медведев, 2005. Рис. 23:1,3,5). Это распространённый символ в финале неолита Нижнего Амура.

6. *Знак «четвероточия».* Это условное обозначение автором знака из четырёх точек в крестообразной композиции. Он помещён в лобной части двух изображений дракона: № 25:2, № 82:2. Известна трактовка семантики сходных знаков позднего палеолита, предложенная Б. А. Фроловым: крест символизировал горизонтальное структурирование мира на четыре части; он считал, что в позднем палеолите сложилась «архаическая космология с тремя мирами по вертикали и четырьмя точками горизонта» (Фролов, 1978. С. 113–114). В рамках этой трактовки знак отнесён к символам космологического уровня. Итак, знак «четвероточия» имеет космогонический характер, используется в передаче образа модели вселенной, выступает символом горизонтальной структуры мира по сторонам света. На изображении маски Дракона на камне № 82:2 Сикачи-Аляна он также помещён на лбу.

Этот знак встречается на поверхности керамических сосудов из вознесеновского слоя поселения на о. Сучу (Медведев, 2005. Рис. 22:2, 23:2). На предметах быта и ритуала айнов он представлен вариантом знака хозяина водного мира (моря) (Спеваковский, 1988. С. 114–115). Будучи знаком повелителя природной стихии, он использовался в качестве формулы обращения за покровительством. Человек ставил знак того, к кому обращено его послание. Он прослежен в материалах Вознесеновской археологической культуры (V–III тыс. л. н.), что служит датирующим элементом и для знака и для петроглифа. Долгую историю бытования знака показывает его присутствие на предметах утвари амурских народностей рубежа XIX–XX вв.

Сущностное содержание знаков на личине обосновывает её интерпретацию как модели мира, созданной, возможно, в финальной стадии неолита.

Выводы

Иконографическое исследование личины-маски 2 на камне № 25 и семантическое содержание знаков позволяют видеть в ней композицию, состоящую из дракона, фланкированного двумя разнополыми змеями. Результат семантического и типологического анализов знаков позволяет интерпретировать изображение как художественный образ модели вселенной. Она была создана и принята поколениями оседлых рыболовов низовьев Амура, имеются основания отнести артефакт к Вознесеновской археологической культуре (V–III тыс. л. н.). Изображение могло использоваться как атрибут ритуально-обрядовой жизни. Оно иллюстрировало миф о создании неба и земли, об устроителе мира драконе. На подобных мифах строилось миропонимание обитателей бассейна низовьев Амура.

Список источников

Альфтан В. Л. Общий очерк движения 5 охотничьих команд 2-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады во время экспедиции по исследованию Уссурийского края летом 1894 года // Труды Приамурского отдела Императорского русского географического общества. 1895 г. Хабаровск, 1896. Т. 2. Вып. 1. С. 1–40.

Арсеньев В. К. В горах Сихотэ-Алиня; Сквозь тайгу. Избранные произведения: в 2 т. / Вступ. В. Гуминского. М.: Сов. Россия, 1986. Т. 2. 416 с.

Евсюков В. В. Мифология китайского неолита. По материалам росписей на керамике культуры яншао // Сер. История и культура востока Азии. Новосибирск : Наука, 1988. 128 с.

Золотарев А. М. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск : Дальгиз, 1939. 205 с.

Иванов В. В. Змей // Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2-х т. М.: Сов. энциклопедия. 1992a. Т. 1. А–К. С. 468–471.

Иванов В. В. Солярные мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия : в 2-х т. / под ред. С. А. Токарева. М.: Советская энциклопедия, 1992b.Т. 2. К–Я. С. 461–462.

Керлот Х. Э. Словарь символов. М.: REFL-book, 1994. 608 с.

Лапшина З. С. Образ Змея-Дракона в монументальном жанре древнего искусства Амура // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2010. № 1 (16). Март. С. 267–272.

Лапшина З. С. К вопросу о методике описания наскальных изображений Амуро-Уссурийского петроглифического комплекса // Вестник развития науки и образования. 2011a. № 1. С. 66–73.

Лапшина З. С. Личины петроглифов Амуро-Уссурийского комплекса: структура рисунка и художественный образ // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы: материалы Международной научной конференции 22–26 августа 2011 г. Кемерово. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2011b. Т. 2. С. 64–68.

Лапшина З. С. Орнаменты неолитической керамики Амура как символы солярного культа // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2011c. № 1. С. 45–51.

Лапшина З. С. Архаическая модель мира в наскальных рисунках Амура и Уссури. Хабаровск : Хабаровский государственный институт искусств и культуры, 2012. 212 с.

Ларичев В. Е. Мамонт в искусстве поселения Малая Сыя и опыт реконструкции представлений верхнепалео-

References

Al'ftan V. L. (1986) General outline of the movement of five hunting teams of the 2nd rifle brigade during an expedition to explore the Ussuri region in the summer of 1894. *Trudy Priamurskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva. 1895 g. = Proceedings of the Amur Department of the Russian Geographical Society. 1895.* Khabarovsk. Vol. 2. Iss. 1. P. 1-40. (In Russ.).

Arsen'ev V. K. (1986) In the mountains of Sikhote-Alin; Through the taiga. Selected works in 2 volumes. Moscow: Sov. Russia.Vol. 2. 416 p. (In Russ.).

Evsyukov V. V. (1988) Mythology of the Chinese Neolithic. According to the materials of paintings on ceramics of the Yangshao culture. *Seriya: Istoriya i kul'tura vostoka Azii = History and culture of East Asia*. Novosibirsk: Nauka. 128 p. (In Russ.).

Zolotarev A. M. (1939) Tribal system and religion of the Ulchi. Khabarovsk: Dal'giz. 205 p. (In Russ.).

Ivanov V. V. (1992a) Serpent. Myths of the peoples of the world. Encyclopedia: in 2 vol. Moscow: Sov. Encyclopedia. Vol. I. A-K. P. 468-471. (In Russ.).

Ivanov V. V. (1992b) Hittite mythology. Dragon. Myths of the peoples of the world: Encyclopedia. In 2 vol.. Moscow: Soviet Encyclopedia. Vol. 2. K-Ya. P. 461-462. (In Russ.).

Kerlot Kh. E. (1994) Dictionary of Symbols. M.: REFL-book. 608 p. (In Russ.).

Lapshina Z. S. (2010) The image of the Serpent-Dragon in the monumental genre of the ancient art of the Amur. *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Pacific State University.* No. 1 (16). March. P. 267-272. (In Russ.).

Lapshina Z. S. (2011a) On the question of the method of describing the rock carvings of the Amur-Ussuriysk petroglyphic complex. *Vestnik razvitiya nauki i obrazovaniya = Bulletin of the Development of Science and Education*. No. 1. P. 66-73. (In Russ.).

Lapshina Z. S. (2011b) Faces of petroglyphs of the Amur-Ussuri complex: the structure of the drawing and the artistic image. *Naskal'noe iskusstvo v sovremennom obshchestve. K 290-letiyu nauchnogo otkrytiya Tomskoi pisanitsy: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 22–26 avgusta 2011 g. Kemerovo = Rock art in modern society. To the 290th anniversary of the scientific discovery of the Tomsk petroglyph: Proceedings of Int. Scientific Conf. August 22-26. 2011. Kemerovo*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. Vol. 2. P. 64-68. (In Russ.).

Lapshina Z. S. (2011c) Ornaments of the Neolithic ceramics of the Amur as symbols of the solar cult. *Nauchnoe obozrenie: gumanitarnye issledovaniya = Scientific Review: Humanitarian Studies.* No. 1. P. 45-51. (In Russ.).

Lapshina Z. S. (2012) Archaic model of the world in stone drawings of the Amur and the Usury. Khabarovsk: Khabarovsk State Institute of Culture. 212 p. (In Russ.).

Larichev V. E. (1980) Mammoth in the art of the Malaya Syya settlement and the experience of reconstructing the

литического человека Сибири о возникновении вселенной // Звери в камне. Первобытное искусство / отв. ред. Р. С. Васильевский. Новосибирск : Наука, 1980. С. 159–198.

Маак Р. К. Путешествие по долине р. Уссури. В 2-х томах. СПб. : Типография В. Безобразова и комп., 1861. Т. 1. 235 с.

Медведев В. Е. Проблемы истоков некоторых скульптурных и наскальных образов в первобытном искусстве юга Дальнего Востока и находки, относящиеся к осиповской культуре на Амуре // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 4 (8). С. 77–94.

Медведев В. Е. Неолитические культовые центры в долине Амура // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 4 (24). С. 40–69.

Окладников А. П. Древние амурские петроглифы и современная орнаментика народов Приамурья // Советская этнография. 1959. № 2. С. 38–46.

Окладников А. П. Утро искусства. Л. : Искусство, 1967. 136 с.

Окладников А. П. Лики древнего Амура: Петроглифы Сакачи-Аляна. Новосибирск : Зап-Сиб. кн. изд-во, 1968. 240 с.

Окладников А. П. Петроглифы Нижнего Амура. Ленинград : Наука, 1971. 335 с.

Окладников А. П. О работах археологического отряда Амурской комплексной экспедиции в низовьях Амура летом в 1935 г. // Источники по археологии Северной Азии (1935–1976 гг.). Новосибирск : Наука, 1980. С. 3–52.

Спеваковский А. Б. Духи, оборотни, демоны и божества айнов (религиозные воззрения в традиционном айнском обществе). М.: Наука, 1988. 205 с.

Топоров В. Н. Древо мировое // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. Т. 1. С. 389–406.

Топоров В. Н. Модель мира (мифопоэтическая) // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2-х томах. М.: Советская энциклопедия, 1982. Т. 2. С. 161–166.

Фролов Б. А. Примеры счёта в палеолите и вопрос об истоках математики // Известия Сибирского отделения АН СССР. Сер. Общественных наук. 1965a. № 9. Вып. 3. С. 97–104.

Фролов Б. А. К вопросу о содержании первобытного искусства // Советская этнография. 1965b. № 1. С. 165–168.

Фролов Б. А. Палеолитическое искусство и мифология // У истоков творчества. Первобытное искусство. Новосибирск : Наука, 1978. С. 106–115.

ideas of the Upper Paleolithic man of Siberia about the origin of the universe. *Zveri v kamne. Pervobytnoe iskusstvo = Animals in stone. Primitive art.* Novosibirsk: Science. P. 159-198. (In Russ.).

Maak R. K. (1861) Journey through the valley of the Ussuri River. In 2 vol. St. Petersburg: Tipografii V. Bezobrazova i komp. V. 1. 235 p. (In Russ.).

Medvedev V. E. (2001) Problems of the origins of some sculptural and rock images in the primitive art of the south of the Far East and finds related to the Osipov culture on the Amur. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii = Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia.* No. 4 (8). P. 77–94. (In Russ.).

Medvedev V. E. (2005) Neolithic cult centers in the Amur Valley. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii = Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia.* No. 4 (24). P. 40-69. (In Russ.).

Okladnikov A. P. (1959) Ancient Amur petroglyphs and modern ornamentation of the peoples of the Amur Region. *Sovetskaya etnografiya = Soviet Ethnography*. No. 2. P. 38-46. (In Russ.).

Okladnikov A. P. (1967) Morning of Art. Leningrad: Iskusstvo. 136 p. (In. Russ.).

Okladnikov A. P. (1968) Faces of ancient Amur: Petroglyphs of Sakachi-Alyan. Novosibirsk: Zap-Sib. book. publishing house. 240 p. (In Russ.).

Okladnikov A. P. (1971) Petroglyphs of the Lower Amur. Leningrad: Nauka. 335 p. (In Russ.).

Okladnikov A. P. (1980) About the work of the archaeological team of the Amur complex expedition in the lower reaches of the Amur in the summer of 1935. *Istochniki po arkheologii Severnoi Azii (1935–1976 gg.) = Sources on the archeology of North Asia (1935-1976).* Novosibirsk: Nauka. P. 3-52. (In Russ.).

Spevakovskii A. B. (1988) Spirits, werewolves, demons and deities of the Ainu (religious beliefs in traditional Ainu society). Moscow: Nauka. 205 p. (In Russ.).

Toporov V. N. (1980) The World Tree. *Mify narodov mira: Entsiklopediya = Myths of the peoples of the world: Encyclopedia*. Moscow. Vol. 1. P. 389-406. (In Russ.).

Toporov V. N. (1982) Model of the world. *Mify narodov mira. Entsiklopediya. V 2 t. = Myths of the peoples of the world. Encyclopedia.* In 2 vol. Moscow: Soviet Encyclopedia. Vol. 2. P. 161-166. (In Russ.).

Frolov B. A. (1965a) Examples of counting in the Paleolithic and the question of the origins of mathematics. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya AN SSSR. Ser. Obshchestvennykh nauk = Izvestiya SOAN SSSR. Ser. Social Sciences.* No. 9. Iss. 3. P. 97-104. (In Russ.).

Frolov B. A. (1965b) On the issue of the content of primitive art. *Sovetskaya etnografiya = Soviet ethnography.* No. 1. P. 165-168. (In Russ.).

Frolov B. A. (1978) Paleolithic art and mythology. *U istokov tvorchestva. Pervobytnoe iskusstvo = At the origins of creativity. Primitive art.* Novosibirsk: Nauka. P. 106-115. (In Russ.).

Харламов Н. Г. Руины Гальбу // Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 1–2. С. 42–44.

Чистов К. В. Традиция и вариативность // Советская этнография. 1983. № 2. С. 14–22.

Шевкомуд И. Я. Поздний неолит Нижнего Амура. Владивосток : ДВО РАН, 2004.156 с.

Штернберг Л. Я. Айнская проблема // Сборник Музея антропологии и этнографии. Ленинград : Изд-во АН СССР, 1929. Т. VIII. С. 334–380.

Штернберг Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Статьи и материалы. Хабаровск : Дальгиз, 1933. 778 с.

Laufer B. The Decorative Art of the Amur Tribes // Memoirs of the American Museum of Natural History. 1902. Vol. VII. 86 p.

Fowke G. Exploration of the Lower Amur Valley. American Anthropologist. 1966. Vol. VIII, no. 2 (Apr.-Jun.), pp. 276–297.

Kharlamov N. G. (1933) Ruins of Galbu. *Problemy istorii material'noi kul'tury = Problems of the history of material culture.* No. 1-2. P. 42-44. (In Russ.).

Chistov K. V. (1983) Tradition and variability. *Sovetskaya etnografiya = Soviet ethnography*. No. 2. P. 14-22. (In Russ.).

Shevkomud I. Ya. (2004) Late Neolithic of the Lower Amur. Vladivostok: FEB RAN. 156 p. (In Russ.).

Shternberg L.Ya. (1929) Ainu problem. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii = Collection of works of the Museum of Anthropology and Ethnography.* Leningrad: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR. Vol. 8. P. 334-380. (In Russ.).

Shternberg L. Ya. (1933) Gilyaks, Orochs, Golds, Negidals, Ainu. Articles and materials. Khabarovsk: Dal'giz. 778 p. (In Russ.).

Laufer B. The Decorative Art of the Amur Tribes // Memoirs of the American Museum of Natural History. 1902. Vol. VII. 86 p.

Fowke G. Exploration of the Lower Amur Valley. American Anthropologist. 1966. Vol. VIII, no. 2 (Apr.-Jun.), pp. 276–297.

Информация об авторе

З. С. Лапшина – кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора первобытной археологии,
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
690001, Владивосток, ул. Пушкинская, 89, Россия.

Вклад автора

Лапшина З. С. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 7 октября 2022 г.; одобрена после рецензирования 12 ноября 2022 г.; принята к публикации 21 ноября 2022 г.

Information about the author

Z. S. Lapshina – Cand. Sci. (History), Researcher of the department of primitive archeology,
Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS,
89, Pushkinskaya St., Vladivostok 690001, Russia.

Contribution of the author

Lapshina Z. S. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted October 7, 2022; approved after reviewing November 12, 2022; accepted for publication November 21, 2022.

Научная статья
УДК 903.05
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-34-43

Литьё из «чистой» меди в бронзовом веке Западного Забайкалья (на примере котла скифского типа)

Александр Ильич Симухин

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия,
simukhin.alexander@imbt.ru, https://orcid.org/0000-0001-6274-648X

Аннотация. Население бронзового века Забайкалья оставило после себя археологические памятники и артефакты, свидетельствующие о появлении в регионе металлообработки меди во II тыс. до н. э. Археологические изделия из «чистой» меди в большей части ассоциируются с простейшими предметами ранней стадии освоения металла человеком, выполненными в технике холодной ковки. Период раннего бронзового века в Прибайкалье и Забайкалье связан с глазковской культурой, датируемой XVIII–XIII вв. до н. э. Однако проведенные нами исследования химического состава изделий из цветного металла выявили экспонаты, отлитые из меди без лигатуры в более поздний период. В качестве примера в статье приведены данные элементного состава котла скифского типа (V–III вв. до н. э.) из фонда Музея Бурятского научного центра. Котел является уникальным для археологии Западного Забайкалья, информация о нем была опубликована автором ранее, при этом информация о широком диапазоне элементного состава металла публикуется впервые. Анализы проводились в разное время с помощью портативного рентгенофлуоресцентного спектрометра Tracer 5i компании Bruker и сканирующего электронного микроскопа Hitachi TM 3000 с приставкой Bruker Quantax70 для проведения элементного анализа на основе энергодисперсионной спектрометрии (SEM-EDX). Также на основе предшествующих исследований состава древней бронзы проведен небольшой обзор наличия в сплавах таких элементов, как алюминий, кремний и предположена вероятность их появления. Представлены факты литья котлов из «чистой» меди из коллекций эпохи бронзы в Западном Забайкалье и сопредельных территорий.

Ключевые слова: Западное Забайкалье, бронзовый век, металлообработка, литье, медь, бронза, примесь, элементный состав, энергодисперсионная спектрометрия, рентгенофлуоресцентный анализ

Благодарности: работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства», № 121031000241-1).

Для цитирования: Симухин А. И. Литьё из «чистой» меди в бронзовом веке Западного Забайкалья (на примере котла скифского типа) // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 4. С. 34–43. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-34-43

Original article

Casting from “pure” copper in the Bronze Age of the Western Transbaikalia (on the example of a cauldron of the “Scythian” type)

Alexander I. Simukhin

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude, Russia,
simukhin.alexander@imbt.ru, https://orcid.org/0000-0001-6274-648X

Abstract. The population of the Bronze Age of Transbaikalia left behind archaeological sites and artifacts that testify to the appearance of copper metalworking in the region in the 2nd millennium BC. Archaeological finds made of “pure” copper, for the most part, are associated with the simplest objects of the early stage of human acquaintance with metal, made using the cold forging technique. The period of the Early Bronze Age in the Baikal region is associated with the Glazkovo culture (18th-13th centuries BC). However, our studies of the chemical composition of non-ferrous metal products revealed exhibits cast from copper without ligature in a later period. As an example, the article presents data on the elemental composition of a “Scythian” type cauldron (V-III centuries BC) from the fund of the Museum of the Buryat scientific center. The cauldron is unique for the archeology of Western Transbaikalia and was published by the author earlier, while a wide range of the elemental composition of the metal is published for the first time. The anal-

© Симухин А. И., 2022

yses were carried out at different times using Bruker Tracer 5i Portable X-ray fluorescence (XRF) spectrometer and Hitachi TM 3000 scanning electron microscope with Bruker Quantax70 prefix for elemental analysis based on energy dispersive spectrometry (SEM-EDX). The question of the presence in ancient bronze alloys of such elements as aluminum and silicon is considered. Based on previous studies of the composition of ancient bronze, a small review of the presence of elements such as aluminum, silicon in alloys was carried out and the probability of their occurrence was stated. The facts of casting cauldrons from "pure" copper from the collections of the Bronze Age in Western Transbaikalia and adjacent territories are presented.

Keywords: Western Transbaikalia, Bronze Age, metalworking, casting, copper, bronze, impurity, elemental composition, SEM-EDX, XRF

Acknowledgements: the research was carried out within the state assignment (project "Historical Space of the Mongolian World: Archaeological Cultures, Societies and States", № 121031000241-1).

For citation: Simukhin A. I. (2022) Casting from "pure" copper in the Bronze Age of the Western Transbaikalia (on the example of a cauldron of the "Scythian" type). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 4. P. 34-43. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-34-43

Введение

Забайкальская земля богата полезными ископаемыми, среди которых есть различных масштабов месторождения меди, олова, свинца и других элементов, используемых как в древней, так и современной металлургии. Обработка первого металла в Забайкалье и Прибайкалье связана с глазковской культурой, в материалах которой преобладают изделия из медной руды без примеси, менее представительны оловянистые и мышьяковистые бронзы, обнаруженные в могильнике Фофаново (Герасимов, Черных, 1975). Для археологических культур Забайкалья эпохи бронзы характерно применение одиннадцати типов сплавов. Из них наиболее распространенными являются оловянистые бронзы (I тип), широко бытуют «чисто» медные изделия (VII тип), мышьяковистые (II тип) и свинцовые (IX тип) бронзы, медно-оловянно-мышьяковистые (III тип), медно-оловянно-свинцовистые (IV тип), сплавы и бронзы со сложной лигатурой олова, свинца и мышьяка (X тип). Остальные пять типов металлургических сплавов в конце бронзового века встречаются в единичных случаях (Сергеева, 1981). «Медь обладает очень высокой тепло- и электропроводностью; температура ее плавления 1083 °С; температура кипения 2305–2310 °С. Отливается медь плохо – даже при высокой температуре чистая медь остается густой, кашеобразной и плохо заполняет форму. Кроме того, расплавленная медь жадно поглощает газы, и отливки получаются пористыми» (Флёров, 1981. С. 40)[1]. Однако, установлено, что мастерами бронзолитейного производства I тыс. до н. э. в Западном Забайкалье отливались из меди достаточно сложные по технологии изготовления котлы, к готовой отливке тулова с ручками которых доливался поддон в форме усеченного конуса.

Методы и материалы

В составе бронзовых изделий могут присутствовать различные примеси, которые носят как естественный (геолого-геохимические характеристики рудного источника), так и искусственный характер. Искусственная двойная или многокомпонентная лигатура необходима для придания определенных физических характеристик сплава. Среди наиболее распространённых типов бронзы является оловянистая. Легирование бронзы 2 % и 5 % олова не вызывает значительного роста микротвердости. Заметное упрочнение литых сплавов начинается лишь при увеличении содержания олова до 10 % и выше и достигает максимума при 30 % (Равич, 1983. С. 139). При этом для мышьяковых бронз характерны хорошие литейные качества и возможность горячей и холодной ковки. «Полученные при легировании и ковке свойства зависят от состава сплава. Оптимальную ковкость в сочетании с прочностью и твердостью обнаруживают сплавы с 4–5 % мышьяка. Это позволяет считать их наиболее эффективным сырьем в производстве орудий труда колющего, режущего и ударного действия» (Равич, Рындина, 1984. С. 121).

Бронзолитейное производство в Забайкалье во II–I тыс. до н. э., как считают исследователи, было местным. При этом здесь бытовала и продукция

[1] Флёров А. В. Материаловедение и технология художественной обработки металлов. М.: Высшая школа, 1981. 288 с.

других крупных металлургических центров или областей, как результат межкультурного взаимодействия. О том, что металлургия меди зародилась и развивалась на месте с добычей и обработкой забайкальской медной руды, могут говорить геохимические данные рудных источников с корреляцией на химический состав изделий из металла. Поэтому заключения о бронзолитейном производстве, основанном на местной медной руде, среди специалистов в этой области носят в большей своей части лишь гипотетический характер. На территории Бурятии, к сожалению, не выявлены древние рудные разработки, на которые можно было бы опираться в изучении данной проблемы, а также – какие именно рудные источники были в работе древних горняков. Есть серия месторождений, локация которых косвенно может указывать на их использование в эпоху бронзы и позднее время, они дислоцированы, в том числе, и в непосредственной близости от археологических памятников бронзового века, но на самих разработках в настоящий момент археологического материала не зафиксировано. Кроме того, на стоянках бронзового века редко встречаются медные, бронзовые находки, учитывая их особенную ценность в древности, а таких стратифицированных объектов не так много. Отдельное внимание вызывает вопрос остатков древнего бронзолитейного производства. Самих тепловых конструкций не известно, но некоторые свидетельства в виде случайных находок обломков литейных форм на территории Бурятии имеются. В Тунке на выдувах по р. Иркут были зафиксированы фрагменты каменной формы, которую удалось восстановить, для отливки топора и две створки для литья заостренных стержней (Угольков, Уголькова, 2001). В Кяхтинском районе около улуса Хара-Бусун в долине р. Чикой, были найдены обломки литейной формы из камня, предназначенной для отливки стержней и ножа с кольчатым навершием. В Забайкальском крае находки литейных форм наиболее многочисленны, в большей части также изготовленные из камня (Сосновский, 1933; Диков, 1958; Членова, 1971; Гришин, 1981).

Накопленный археологический материал с данными спектрального анализа, тем не менее показал высокий уровень металлопроизводства на среднем этапе эпохи бронзы Забайкалья (X–VIII вв. до н. э.), преемственность горного и металлургического дела в позднем бронзовом веке (VII–II вв. до н. э.) и возможное существование нескольких металлургических очагов в Забайкалье. «Качественная и количественная характеристика металла дает возможность предполагать, что использование не только окисленных руд, но и сульфидных, в частности, блеклых руд из полиметаллических месторождений Забайкалья, а также высокий уровень металлургического процесса с применением относительно герметичного тигля, наличием восстановительной среды и флюсов, позволяющих снижать точку плавления руды» (Сергеева, 1978. С. 126).

Металлурги бронзового века производили различную продукцию от простых орудий до изделий, демонстрирующих сложность комплекса производственных операций, изящество художественного, скульптурного литья и т. д. Примером высокотехнологичного литейного ремесла древности может послужить котел скифского типа, хранящийся в Музее Бурятского научного центра СО РАН – (МБНЦ 666/145 РЖВ, ст. инв. № 145), информация о нем ранее опубликована и упоминается автором в нескольких работах (Симухин, 2004; Симухин, 2007; Симухин, 2021). Котел был случайно найден на южном склоне г. Кукучелок в Иволгинском районе Бурятии кандидатом геолого-минералогических наук Г. С. Риппом (Геологический институт СО РАН) (рис. 1). Литой котел с коническим поддоном и двумя вертикальными арочными ручками, украшенными орнаментальным желобком на внешней стороне. По тулову проходит декоративный пояс с тремя параллельными валиками (рис. 2. по: Симухин, 2021. Рис. 4). Экспонат после реставрации имеет золотисто-коричневую патину. Высота до венчика – 26–26,2 см, толщина стенок – 0,2–0,5 см, диаметр устья – 19–20,5 см, вес – 3,83 кг, объем – 4,65 литра. Поддон в форме полого усеченного конуса высотой 7,5 см, с верхним диаметром 7,7 см и плавным расширением книзу до 11,6–11,9 см. Внутри конуса, в нижней его части под небольшим углом от вертикальной оси сосуда имеется полукруглый выступ – остатки срубленного литника. Ранее предполагалось, что котел отлит из бронзового сплава, равно как и основная масса аналогичной посуды из памятников степного пояса Евразии.

Изучение состава металла было проведено на базе Лаборатории археологии, этнологии и антро-

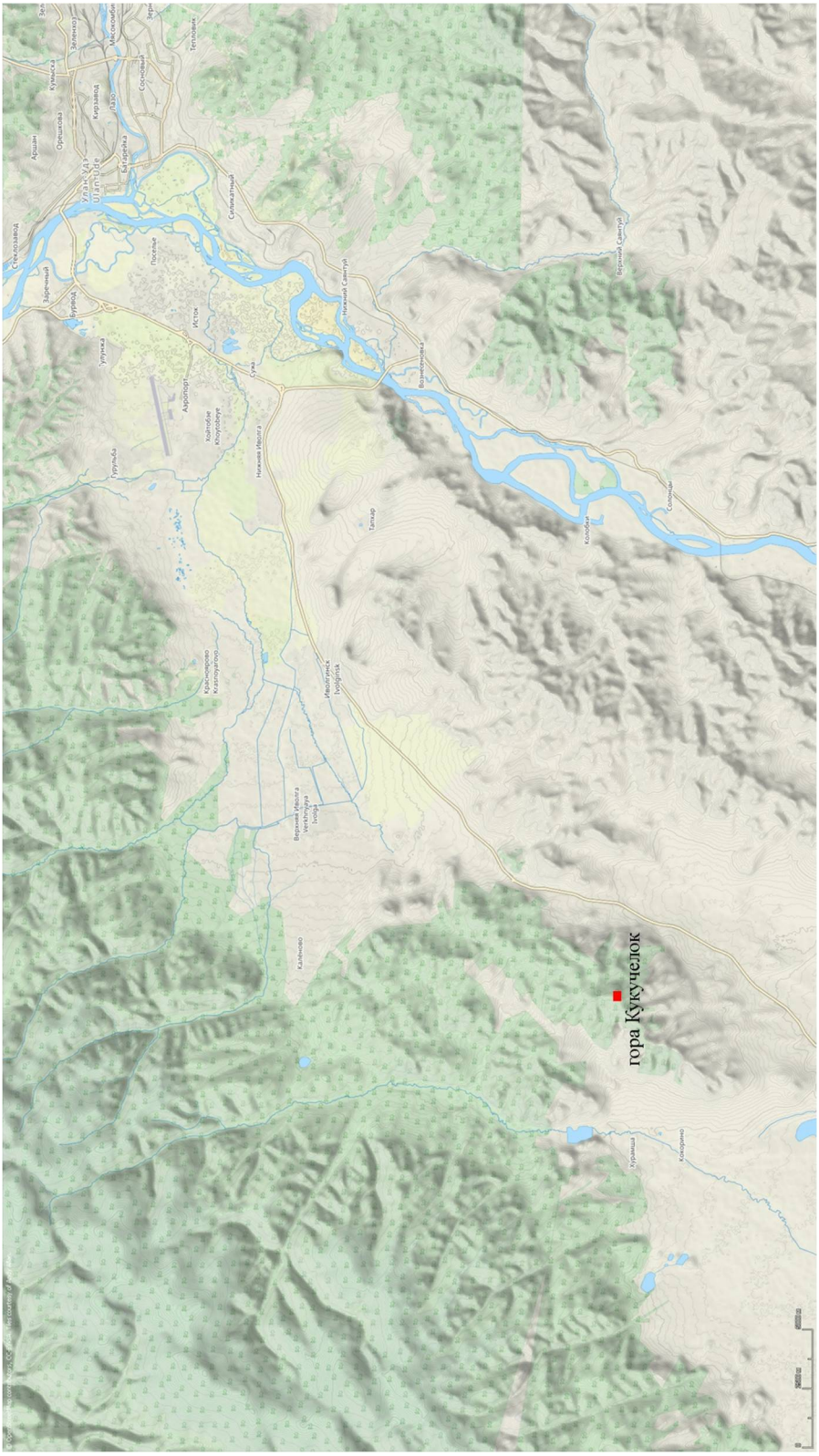

Рис. 1. Расположение места находки котла на горе Кукучелок в Иволгинском районе Республики Бурятии. Спутниковый снимок (приложение SAS. Планета)
Fig. 1. Location of the place where the cauldron was found on Mount Kukuchelok in the Ivolginsky district of the Republic of Buryatia. Satellite image (SAS. Planet)

Рис. 2. Котел с горы Кукучелок (по: Симухин, 2021. Рис. 4)
Fig. 2. Cauldron from the Kukuchelok Mountain (Simukhin, 2021. Fig. 4)

пологии ИМБТ СО РАН рентгенофлуоресцентным спектрометром Tracer 5i компании Bruker. В процессе работы использована функция «Alloys SmartGrade2» с методом автоматической калибровки и диаметром коллиматора 8 мм, который определяет размер пятна на обследуемом образце. Проведено 35 анализов в разных точках котла: поддон внутри/снаружи, сварной шов поддона и резервуара, тулово внутри/снаружи, ручки. Локация точек анализа обусловлена тем, что котел не цельнолитой, а конический поддон был долит или приварен к резервуару, о чем говорит шов на контакте двух деталей. В этой связи возник вопрос, а может ли быть разный химический состав металла в указанных местах, учитывая сложность данного литейного процесса? Однако результаты анализа показали одинаковый состав сплава на основном теле и поддоне котла, с незначительными колебаниями в количественном отношении во всех точках анализа экспоната, что вполне допустимо при многокомпонентном составе. Серу, как и иные элементы с незначительными количественными характеристиками, следует отнести к естественным примесям медной руды (табл.). Усреднённые значения показали следующий химический состав в процентах: Cu – 97.512, Si – 1.004, Sb – 0.323, As – 0.119, Sn – 0.1114, Fe – 0.135, Ni – 0.093, S – 0.012, Cr – 0.037, Se – 0.022, Ag – 0.046, Ti – 0.058, Mn – 0.023, Co – 0.011, Cd – 0.056, Te – 0.180, Pb – 0.035, Bi – 0.045. Как видно, основой металла является медь, при этом количественные показатели других элементов варьируют от десятых и сотых долей процента, только в одном случае показатели кремния (Si) достигают 1 %. Сигнал на наличие кремния вполне могли выдать микроостатки формовочной массы на шероховатой/пористой поверхности металла, равно как и такого элемента, как алюминий. Последний фиксировался при слабых контактах окна коллиматора прибора к поверхности металла на выпуклых, вогнутых участках. Этот факт интерпретирован как техническая погрешность самого процесса анализа и в сводную таблицу такие результаты не размещались.

Также нами был проведён анализ металла в Отделе геохронологии кайнозоя Института археологии и этнографии СО РАН с помощью сканирующего электронного микроскопа Hitachi TM 3000 (производство Япония), оснащенного приставкой Bruker Quantax 70 (Германия) для проведения элементного анализа на основе энергодисперсионной спектрометрии (SEM-EDX). Были взяты три пробы металла в разных точках котла: 1) участок перехода ручек к тулову; 2) место соединения поддона и резервуара; 3) поддон. Получены следующие результаты: 1) Cu – 96,8 %, S – 2,3 %, Al – 0,9 %; 2) Cu – 97,7 %, S – 1,6 %, Al – 0,6 %; 3) Cu – 97,8 %, S – 1,2 %, Al – 1,0 %. Принципиального и технологически важного количественного показателя в трех образцах нет, учитывая к тому же определенную погрешность метода и различные концентрации примесей в сплаве, в принципе. При этом метод SEM-EDX выявил наличие алюминия до 1 %. Необходимо отметить, что Al и Si в таблице Менделеева находятся рядом (атомные номера 13 и 14, соответственно), и в таком случае нельзя исключать вероятность наложения спектральных линий (дифракция) одного элемента на

Таблица. **Результаты рентгенофлуоресцентного анализа котла из местности Кукучелок в Иволгинском районе Бурятии**

Table. **Results of X-ray fluorescence analysis of a cauldron from the Kukuchelok locality in the Ivolginsky district of Buryatia**

№ файла/ File №	Наименование / Name	Cu	Si	Sb	As	Sn	Fe	Ni	S	Cr	Se	Ag	Ti	Mn	Co	Cd	Te	Pb	Bi
229	поддон внутри	97.59	0.638	0.296	0.084	<LOD	0.129	0.117	0.012	0.067	0.022	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	0.057	<LOD	<LOD	0.034
230	поддон внутри	96.26	0.9	0.357	0.093	0.086	0.151	0.141	0.012	0.06	0.039	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	0.237	<LOD	<LOD
231	поддон внутри	97.72	0.565	0.238	0.072	<LOD	0.097	0.137	0.012	0.039	0.027	0.061	0.067	0.024	<LOD	<LOD	0.166	<LOD	<LOD
235	поддон внутри	97.95	0.574	0.183	0.048	0.07	0.037	0.102	0.012	0.046	0.024	<LOD	<LOD	0.013	0.014	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD
239	поддон внутри литник	97.45	0.855	0.348	0.133	<LOD	0.132	0.111	0.009	0.047	0.016	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD
240	поддон внутри литник	98.54	0.526	0.218	0.108	0.083	0.116	0.099	0.017	0.054	0.033	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD
241	поддон снаружи патина	97.63	0.824	0.287	0.164	<LOD	0.128	0.079	0.013	0.039	0.028	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	0.029
242	поддон снаружи патина	98.08	0.63	0.255	0.166	<LOD	0.144	0.096	0.011	0.049	0.022	0.045	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD
243	поддон снаружи патина	98.34	0.599	0.305	0.115	<LOD	0.078	0.104	0.019	0.029	0.04	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD
244	поддон снаружи патина	98.18	0.584	0.552	0.208	<LOD	0.091	0.063	0.007	0.028	0.02	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD
246	поддон снаружи патина	97.9	1.164	<LOD	0.111	<LOD	0.157	0.084	0.012	0.056	0.02	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD
247	поддон снаружи патина	97.87	0.633	0.405	0.18	<LOD	0.057	0.095	0.007	0.037	0.02	0.043	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD
250	поддон сварной шов	99.07	0.238	0.205	0.096	<LOD	<LOD	0.089	0.015	0.017	0.012	0.031	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD
251	поддон сварной шов	97.17	0.807	0.259	0.06	0.053	0.058	0.133	0.015	<LOD	0.019	0.05	<LOD	<LOD	0.015	0.055	0.218	<LOD	<LOD
254	поддон сварной шов	98.67	0.353	0.286	0.082	<LOD	0.067	0.115	0.011	0.021	0.025	<LOD	<LOD	<LOD	0.014	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD
257	поддон сварной шов	98.19	1.169	0.148	0.08	<LOD	0.145	0.105	0.012	<LOD	0.013	0.037	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD
259	тулово у подона	97.45	1.555	<LOD	0.051	<LOD	0.207	0.121	0.011	0.028	0.028	<LOD	<LOD	0.02	<LOD	<LOD	<LOD	0.03	<LOD
260	тулово у подона	96.95	1.885	0.211	0.087	<LOD	0.168	0.112	0.013	0.027	0.022	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD
261	тулово у подона	97.99	1.039	<LOD	0.07	<LOD	0.076	0.089	0.02	0.029	0.032	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD
262	тулово у подона	97.68	0.87	0.485	0.188	<LOD	0.109	0.041	0.011	0.038	0.021	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	0.133	<LOD	<LOD
263	тулово у подона	98.15	0.535	0.313	0.052	<LOD	0.104	0.107	0.016	0.044	0.023	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD
264	тулово у подона	97.87	1.003	0.162	0.114	<LOD	0.09	0.061	0.012	0.029	0.02	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD
265	тулово	98.11	0.477	0.312	0.143	<LOD	0.049	0.089	0.012	0.018	0.016	0.057	<LOD	0.012	0.01	<LOD	0.176	<LOD	<LOD
266	тулово	98.44	0.392	0.474	0.185	<LOD	0.058	0.111	0.014	0.019	0.029	<LOD	<LOD	<LOD	0.011	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD
268	тулово	97.94	0.867	0.31	0.088	<LOD	0.074	0.067	0.013	0.033	0.024	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD
269	тулово	96.61	1.706	0.364	0.09	0.104	0.152	0.08	0.016	0.049	0.029	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD
272	тулово	97.55	1.083	0.295	0.123	<LOD	0.142	0.103	0.009	0.032	0.016	<LOD	<LOD	0.012	0.008	<LOD	0.108	<LOD	<LOD
273	тулово	96.65	1.476	0.379	0.08	<LOD	0.161	0.089	0.015	0.024	0.016	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD

276	ушко	96.97	1.668	0.474	0.168	<LOD	0.266	0.116	0.009	0.05	0.015	0.049	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD
277	ушко	96.03	2.066	0.369	0.159	<LOD	0.246	0.039	0.01	<LOD	0.013	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD
278	ушко	96.59	1.655	0.259	0.156	<LOD	0.189	0.07	0.009	0.028	0.01	0.043	0.054	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD
279	ушко	95.84	1.953	0.423	0.165	<LOD	0.225	0.072	0.011	0.039	0.021	<LOD	0.048	0.014	<LOD	<LOD	0.121	<LOD	<LOD
280	ушко	96.32	1.969	0.27	0.166	<LOD	0.257	0.045	0.011	0.036	0.028	0.05	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD
290	венчик внутри	98.23		0.487	0.081	0.319	0.26	0.062		0.042	0.022	<LOD	0.072	0.068	<LOD	<LOD	0.286	0.037	<LOD
291	венчик внутри	96.87	0.858	0.283	0.08	<LOD	0.168	0.126	0.015	0.044	0.033	<LOD	0.062	0.024	<LOD	<LOD	<LOD	<LOD	0.075
Среднее значение в %		**97.512**	**1.004**	**0.323**	**0.119**	**0.114**	**0.135**	**0.093**	**0.012**	**0.037**	**0.022**	**0.046**	**0.058**	**0.023**	**0.011**	**0.056**	**0.180**	**0.035**	**0.045**

Примечание: <LOD – показания ниже предела обнаружения

соседний. К тому же разрешающая способность энергодисперсионного анализатора меньше, чем у рентгенофлуоресцентного спектрометра Tracer 5i. При этом, наличие алюминия в результатах предшествующих спектральных анализов другими исследователями тоже имеет место быть. В 1970–80-е гг. Н. Ф. Сергеевой были проведены исследования спектрального анализа медных и бронзовых изделий из коллекций восточносибирских археологических памятников. Был изучен металл энеолита и бронзы Прибайкалья (около 120 образцов), Забайкалья (около 400 образцов) и Хакасско-Минусинской котловины. В монографии автора 1981 г. указано, что было изучено порядка 1000 изделий из погребальных комплексов Минусинской котловины, однако в книге представлены данные анализа порядка 300 предметов (Сергеева, 1981). Обзор опубликованных результатов выявил определенную корреляционную зависимость алюминия (Al) с химическим составом металла регионов. В прибайкальских коллекциях алюминий выявлен всего в двух образцах (Там же. Табл. Г) с шифрами лаборатории «601» и «602» – это кельт и наконечник копья из случайных находок в долине р. Кан. В химическом составе минусинских изделий алюминий, в принципе, отсутствует, хотя здесь представлен широкий спектр типологически разных предметов и свидетельств самого производства, включая руду, шлак, литейную форму, натёк на тигле (Там же. С. 90). Для географической широты обзора древней металлургии меди так же представлены 74 образца известного Улангомского могильника скифского времени в Западной Монголии. Проведенный количественный спектральный анализ этих материалов также не зафиксировал наличие алюминия. На этом фоне резко контрастируют забайкальские коллекции, среди которых алюминий обнаружен почти в 120 сплавах в количестве от тысячных долей до нескольких процентов. Элемент присутствует в металле бронзового века (Посольская стоянка на Байкале, Закаменский клад в долине р. Джида, могильник Бухусан у озера Исинга, случайные находки у оз. Котокель, у с. Большой Луг по Чикою и др.). Кроме того, алюминий выявлен в продукции хуннских металлургов памятников Дырестуйский Култук, Ильмовая падь, Черемуховая падь. Наибольшее значение алюминия – до 10 %, установлено в соскобах внутренней части литейной формы, найденной у с. Беклемишево в Восточном Забайкалье (Там же. Табл. Д).

Обнаруженные кремний и алюминий по результатам двух методов анализа состава металла, могут быть связаны с технологией производства, а именно с основным компонентом формовочной массы, тиглей для литья – глиной. Глина – осадочные горные породы, состоящие в основном из глинистых минералов; с водой образуют пластичное тесто, при высыхании способное сохранять приданную ему форму, а после обжига получать твёрдость камня. К глинам относятся и некоторые породы, не обладающие в естественном виде пластичностью и не размокающие в воде (например, аргиллиты). По размеру частиц к глинам принадлежат породы, состоящие по массе более чем на 50 % из частиц до 0,01 мм. При увеличении количества грубообломочного материала глины переходят в алевриты и пески. Главные химические компоненты глин – SiO_2 (30–70 %), Al_2O_3 (10–40 %) и H_2O (5–10 %); в подчинённых количествах присутствуют Fe_2O_3 (FeO), TiO_2, CaO, MgO, K_2O, Na_2O, CO_2, реже MnO, SO_3, P_2O_5 (Микоша, 1985. С. 72).

Заключение

Таким образом, исключая обозначенные выше химические элементы из категории искусственных

примесей, мы приходим к выводу, что данный котел был отлит из «чистой» меди. Еще одним фактом литья котлов из меди без лигатуры в бронзовом веке Западного Забайкалья является фрагмент стенки из коллекции Закаменского клада в Бурятии. «Судя по малым концентрациям всех элементов-примесей и почти полному отсутствию мышьяка, котел был отлит из медной руды без каких-либо намеренных легирующих добавок. Сложный набор примесей в обломке котла, хотя и в малых концентрациях, указывает, вероятно, на сложный минеральный состав медной руды» (Сергеева, 1981. С. 33).

Среди хуннских археологических коллекций есть некоторые экспонаты, схожие с котлом с г. Кукучелок. Так, один из них был найден на Иволгинском могильнике в женском погребении № 119 (II–I вв. до н. э.). Котел с более раздутым туловом, ручки в виде арок, судя по рисунку, несколько профилированы наружу, на уровне плеча сосуд декорирован двумя валиками, венчик также слегка отогнут наружу. Явное отличие состоит в том, что хуннские котлы имеют прорезной поддон (Давыдова, 1985. С. 33. Рис. VI–1). Также из хуннского кургана 43 Дырестуйского могильника происходит аналогичный иволгинскому котел с прорезями (Миняев, 2007. С. 27, 59. Рис. 12.7. Табл. 21.6). К сожалению, в публикациях по Иволгинскому комплексу и Дырестуйскому могильнику данные о спектральном анализе металла котлов нами не обнаружены.

В Прибайкалье также был найден котел «скифского» типа. В Иркутском областном краеведческом музее хранится Корсуковский клад бронзовых изделий, среди которых и котел с двумя дугообразными ручками и наплавом поддона. На данном экспонате, как и на описываемом, декор в виде валиков по тулову, поддон без прорезей, арочные или дугообразные ручки (Бердникова, Ветров, Лыхин, 1991). Котел отлит из медной руды без каких-либо намеренных легирующих добавок, при этом наплав поддона изготовлен из свинцовисто-мышьяковистой бронзы. Содержание свинца – 1 %, мышьяка – 1 %. «Подобный сплав имеет аналогии среди металлургических сплавов, выявленных в забайкальском металле, относящемся к эпохе бронзового века (Сергеева, 1991. С. 206). Интересна география происхождения данного клада – северная тайга бассейна р. Лена, которая не могла быть зоной обитания кочевой скифской культуры. Н. Л. Членовой было высказано предположение, что клад (котел и предметы высокохудожественной бронзы) могли принести представители культуры плиточных могил, отправившиеся сюда в поисках золота, на которое и могли быть обменены художественные бронзы (Членова, 2002. С. 138). Вообще, самое большое количество котлов «скифского» типа происходит из Минусинской котловины и немалое их количество отлито из медной руды без искусственных примесей (Богданова-Березовская, 1963. С. 130).

И это лишь малая часть аналогий по типологии и составу металла степного и лесостепного ареала распространения обширной группы котлов скифского типа, распространенных в Евразии от Байкала, Монголии до Причерноморья. В Забайкалье появление таких котлов относят примерно к V в. до н. э. (Гришин, 1981. С. 117). А типологическое сходство с хуннскими котлами, за исключением некоторых морфологических признаков, вполне очевидно говорит о преемственности традиций металлургии меди эпохи бронзы и железного века. Кроме того, у нас имеются неопубликованные данные о хуннском котле с Иволгинского городища, также отлитого из «чистой» меди.

Список источников

Бердникова В. И., Ветров В. М., Лыхин Ю. П. Скифосибирский стиль в художественной бронзе Верхней Лены // Советская археология. 1991. № 2. С. 196–205.

Богданова-Березовская И. В. Химический состав металлических предметов из Минусинской котловины // Новые методы в археологических исследованиях. М.; Л. Изд-во АН СССР. 1963. С. 115–158.

References

Berdnikova V. I., Vetrov V. M., Lykhin Yu. P. (1991) Scythian-Siberian style in decorative bronze of the Upper Lena. *Sovetskaya arkheologiya = Soviet Archeology*. No. 2. P. 196-205. (In Russ.).

Bogdanova-Berezovskaya I. V. (1963) Chemical composition of metal objects from the Minusinsk Basin. *Novye metody v arkheologicheskikh issledovaniyakh = New Methods in Archaeological Research*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. P. 115–158. (In Russ.).

Герасимов М. М., Черных Е. Н. Раскопки Фофоновского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. Л. : Наука, 1975. С. 23–48.

Гришин Ю. С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М.: Наука, 1981. 202 с.

Давыдова А. В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 112 с.

Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1958. 137 с.

Микоша Ю. С. Глины // Горная энциклопедия. В 5 т. Т. 2. Геосферы – Кенай / гл. ред. Е. А. Козловский. М.: Сов. Энциклопедия, 1985. С. 72–73.

Миняев С. С. Дырестуйский могильник. 2-е изд., доп. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. Вып. 3. Археологические памятники сюнну. 233 с.

Равич И. Г. Эталоны микроструктур оловянной бронзы // Художественное наследие: хранение, исследование и реставрация. Вып. 8 (38). М.: Всесоюз. науч.-исслед. ин-т реставрации, 1983. С. 136–143.

Равич И. Г., Рындина Н. В. Изучение свойств и микроструктуры сплавов медь-мышьяк в связи с их использованием в древности // Художественное наследие. 1984. № 9 (39). С. 114–124.

Сергеева Н. Ф. К химической характеристики металла эпохи бронзы в Забайкалье // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск : Иркутский государственный университет, 1978. Вып. 4. С. 121–127.

Сергеева Н. Ф. Древнейшая металлургия меди юга Восточной Сибири. Новосибирск: Наука, 1981. 152 с.

Сергеева Н. Ф. О химическом составе изделий Корсуковского клада // Советская археология. 1991. № 2. С. 206–207.

Симухин А. И. Бронзовый котел из Забайкалья // Интеграция археологических и этнографических исследований : сборник научных трудов. Алматы; Омск : Наука, 2004. С. 245–248.

Симухин А. И. Случайная находка из Забайкалья // Nota Bene: сборник научных трудов / под ред. О. А. Митько. Новосибирск, 2007. Вып. 1. Случайная находка. С. 95–100.

Симухин А. И. Металлообработка эпохи бронзы Западного Забайкалья II–I тыс. до н. э. (археологический фонд музея БНЦ СО РАН) // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 3. С. 46–59. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-46-59.

Gerasimov M. M., Chernyh E. N. (1975) Excavations of the Fofanovsky burial ground in 1959. *Pervobytnaja arheologija Sibiri = The Primeval Archaeology in Siberia.* Leningrad: Nauka P. 23–48. (In Russ.).

Grishin Yu. S. (1981) Neolithic, Bronze Age and Early Iron Age sites of the forest-steppe of Transbaikalia. Moscow: Nauka. 202 p. (In Russ.).

Davydova A. V.(1985) Ivolginsky Complex (Ancient Settlement and Burial Ground) – a site to the Xiongnu in Transbaikalia. Leningrad: Leningrad State University. 112 p. (In Russ.).

Dikov N. N. (1958) The Bronze Age of the Transbaikalia. Ulan-Ude: Buryat Book Publ. 137 p. (In Russ.).

Mikosha Yu. S. (1985) Clay. The Mountain Encyclopedia. In 5 Vol. Vol. 2. Geosphere - Kenai. Moscow: Sov. Entsiklopediya. P. 72-73. (In Russ.).

Minyaev S. S. (2007) Dyrestuj burial ground. Iss. 3. Xiongnu archaeological sites. St. Petersburg: Saint-Petersburg State University. 233 p. (In Russ.).

Ravich I. G. (1983) Standards of microstructures of tin bronze. *Khudozhestvennoe nasledie: khranenie, issledovanie i restavratsiya = Artistic Heritage: Storage, Research and Restoration.* Moscow: All-Union Research Institute of Restoration. Iss. 8 (38). P. 136–143. (In Russ.).

Ravich I. G., Ryndina N. V. (1984) Study of the properties and microstructure of copper-arsenic alloys in connection with their use in antiquity. *Khudozhestvennoe nasledie = Artistic Heritage*. Moscow. No. 9 (39). P. 114–124. (In Russ.).

Sergeeva N. F. (1978) On the chemical characteristics of the metal of the Bronze Age in Transbaikalia. *Drevnyaya istoriya narodov yuga Vostochnoi Sibiri = Ancient History of the Peoples of the South of Eastern Siberia.* Irkutsk: Irkutsk State University. Iss. 4. P. 121-127. (In Russ.).

Sergeeva N. F. (1981) Oldest copper metallurgy in the South of Eastern Siberia. Novosibirsk: Nauka. 152 p. (In Russ.).

Sergeeva N. F. (1991) On the chemical composition of items from the Korsukovsky treasure. *Sovetskaya arkheologiya = Soviet Archeology*. No. 2. P. 206–207. (In Russ.).

Simukhin A. I. (2004) Bronze Cauldron from Transbaikalia. *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanii = The Integration of Archaeological and Ethnographic Research*. Almaty; Omsk: Nauka. P. 245-248. (In Russ.).

Simukhin A. I. (2007) Random finding in Transbaikalia. *Nota Bene: Sbornik nauchnykh trudov = Nota Bene: collection of scientific works*. Novosibirsk. Iss. 1. *Sluchainaya Nakhodka = Random finding*. P. 95–100. (In Russ.).

Simukhin A. I. (2021) Metal processing in the Bronze Age of the Western Transbaikalia I–II th. B. C. (the archaeological fund of the Museum of the Buryat Scientific Center, SB RAS). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 3. P. 46–59. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-46-59.

Сосновский Г. П. К истории добычи олова на востоке СССР // Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 9–10. С. 15–19.

Угольков Ю. Н., Уголькова В. С. Древности Тункинской котловины. Кемерово : Сириус, 2001. 226 с.

Членова Н. Л. Литейные формы из Беклемишево (Забайкалье). Краткие сообщения Института археологии, 1971. Вып. 127. С. 104–110.

Членова Н. Л. Добывали ли золото в восточносибирской тайге в скифскую эпоху? // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 1 (9). С. 131–141.

Информация об авторе

А. И. Симухин – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
670047, Улан-Удэ, ул. Сахъяновой, 6, Россия.

Вклад автора

Симухин А. И. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 8 ноября 2022 г.; одобрена после рецензирования 5 декабря 2022 г.; принята к публикации 19 декабря 2022 г.

Sosnovskii G. P. (1933) On the history of tin mining in the east of the USSR. *Problemy istorii material'noi kul'tury = Problems of the history of material culture*. No. 9-10. P. 15-19. (In Russ.).

Ugol'kov Yu. N., Ugol'kova V. S. (2001) Antiquities of the Tunka valley. Kemerovo: Sirius. 226 p. (In Russ.).

Chlenova N. L. (1971) Casting molds from Beklemishevo (Transbaikalia). *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii = Brief Reports of the Institute of Archaeology*. Iss. 127. P. 104-110. (In Russ.).

Chlenova N. L. (2002) Was gold mined in the East Siberian taiga in the Scythian era? *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii = Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. No. 1 (9). P. 131–141. (In Russ.).

Information about the author

A. I. Simukhin – Cand. Sci. (History), scientific researcher of Department of History and Culture of Central Asia, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences,
6, Sakh'yanova street, Ulan-Ude 670047, Russia.

Contribution of the author

Simukhin A. I. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted November 8, 2022; approved after reviewing December 5, 2022; accepted for publication December 19, 2022.

Научная статья
УДК 902.01(903.211.3)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-44-55

Новые находки топоров-кельтов на Большом Патоме (Средняя Лена)

Александр Дмитриевич Степанов [1], Елена Николаевна Соловьёва [2, 3], Виктор Михайлович Дьяконов [4]

[1, 3, 4] Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия
[2] Арктический научно-исследовательский центр РС(Я), Якутск, Россия
[1] a.d.step@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-2178-4919
[2, 3] lenasolo05@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8920-3696
[4] arkh_muz@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4899-6148

Аннотация. Объектом и целью исследования в данной статье выступают три втульчатых кельта-топора, обнаруженные на реке Большой Патом, правом притоке р. Лены, примерно в 40 км выше села Большой Патом, в Иркутской области. От устья Большого Патома ближайшими ориентирами – населенными пунктами на р. Лене, являются с. Чапаево (около 15 км вверх по реке) и с. Мача (21 км вниз по реке). Все три кельта имеют одинаковую подпрямоугольную форму и относятся к типу кельтов, найденных Г. С. Розенталем в 1910 г. на Витиме, у бывшей деревни Прониха. Информация об этом опубликована в свое время А. П. Окладниковым. Кельты безушковые, с прямым или слегка выпуклым лезвием, орнаментированные в средней части характерным рельефным геометрическим узором – тремя горизонтальными линиями, двумя двойными треугольными шевронами (фестонами), с тремя спускающимися вниз линиями, так называемыми разделителями. В верхней части располагаются рельефные окружности – «глазки». Данный орнамент является характерной чертой кельтов пронинского типа. Форма и орнаментация патомских кельтов сближаются с некоторыми формами кельтов-топоров красноярско-ангарского типа, которые относятся к раннетагарскому времени. Рентгеноспектральный анализ показал, что патомские кельты изготовлены из меди. Ранее были известны находки двух кельтов подобного типа на территории Якутии – кельт из Мурьинского погребения на Средней Лене, недалеко от Ленска, и случайная находка на р. Вилюй, недалеко от Нюрбы. Новые находки патомских кельтов-топоров представляют собой клад новых изделий, еще не бывших в употреблении. Исследование показывает, что кельты пронинского типа прослеживаются на достаточно широкой территории от районов Ангары до Витима, Средней Лены и Вилюя.

Ключевые слова: Средняя Лена, Большой Патом, Витим, Пронино, кельты, пронинский тип, Красноярско-Ангарский тип, рентгеноспектральный анализ, медь, ранний железный век

Благодарности: исследование выполнено в рамках госзадания ИАЭТ СО РАН. Авторы выражают благодарность за консультацию и помощь при написании статьи кандидату исторических наук А. В. Тетенькину и И. В. Макарову.

Для цитирования: Степанов А. Д., Соловьёва Е. Н., Дьяконов В. М. Новые находки топоров-кельтов на Большом Патоме (Средняя Лена) // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 4. С. 44–55. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-44-55

Original article

New finds of the Celts-axes on the Bolshoy Patom River (Middle Lena River, Yakutia)

Alexander D. Stepanov [1], Elena N. Solovyeva [2, 3], Viktor M. Dyakonov [4]

[1, 3, 4] Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia
[2] Arctic Research Centre of Sakha Republic (Yakutia), Yakutsk, Russia
[1] a.d.step@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-2178-4919
[2, 3] lenasolo05@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8920-3696
[4] arkh_muz@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4899-6148

Abstract. The object and purpose of the study in this article are three socketed celt-axes found on the Bolshoy Patom River, the right tributary of the Lena, about 40 km upstream from the village of Bolshoy Patom, in the Irkutsk Region. From the mouth of

© Степанов А. Д., Соловьёва Е. Н., Дьяконов В. М., 2022

the Bolshoy Patom River, the nearest landmarks – settlements on the Lena River are the village of Chapaevo (about 15 km up the river) and the village of Macha (21 km down the river). All three celts have the same subrectangular shape and belong to the type of celts found by G. S. Rosenthal in 1910 on Vitim, near the former village of Pronikha, and published at the time by A. P. Okladnikov. The celts are without an ear, with a straight or slightly convex blade, ornamented in the middle part with a characteristic relief geometric pattern – three horizontal lines, two double triangular chevrons (scallops) with three lines descending downward, the so-called dividers. In the upper part there are embossed circles – "eyes". This ornament is a characteristic feature of the Pronin type celts. The shape and ornamentation of the Patom Celts are close to some forms of the celts-axes of the Krasnoyarsk-Angara type, which date back to the Early Tagar time. X-ray spectral analysis showed that the Patom Celts were made of copper. Previously, there were known finds of two celts of this type on the territory of Yakutia – a celt from the Muryinsky burial on the Middle Lena, near Lensk Town, and an accidental find on the Vilyui River, near Nyurba Town. The new finds of the Patom celts-axes were a treasure of new products that had not yet been used. The study shows that the celts of Pronin type can be traced over a fairly wide area from the Angara region to Vitim River, Middle Lena and Vilyui River.

Keywords: Middle Lena, Bolshoy Patom, Vitim, Pronino, celts, Pronin type, Krasnoyarsk-Angara type, X-ray spectral analysis, copper, Early Iron Age

Acknowledgements: the study was carried out within the framework of the state task of the IAET SB RAS. The authors are grateful for the advice and assistance in writing the article to Candidate of Historical Sciences A. V. Tetenkin and I. V. Makarov.

For citation: Stepanov A. D., Solovyeva E. N., Dyakonov V. M. (2022) New finds of the Celts-axes on the Bolshoy Patom River (Middle Lena River, Yakutia). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 4. P. 44-55. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-44-55

Введение

В 2018 г. местным жителем Василием Самсоновым села Большой Патом (Бодайбинский район Иркутской области) в Музей археологии и этнографии Северо-Восточного федерального университета были принесены на исследование три кельта-топора. Кельты были обнаружены еще в середине 1980-х годов в размытом обрывистом берегу р. Большой Патом, в районе его притоков Эселях и Алын-Юрях, примерно в 75 км от устья Большого Патома (рис. 1). Кельты втульчатые, безушковые, клиновидные, простой подпрямоугольной формы (рис. 2.1–3). Поверхность кельтов покрыта бурой и зеленой патиной, орудия имеют различной степени деформации, однако орнамент достаточно четко различим, конструктивные форма и размеры сохранены. По словам Василия Самсонова, еще несколько таких же кельтов находятся на руках у разных людей. Найденные на Большом Патоме кельты относятся к тому же типу, что и известные пронинские кельты (рис. 2.4), описываемые А. П. Окладниковым (Окладников, 1941. С. 72–73; Окладников, 1955. С. 151. Рис. 63.2) и включенные в восьмую группу кельтов типологической схемы Г. А. Максименкова (Максименков, 1960. С. 152–153. Рис. 8.8, 9). Еще в 1910 г. пронинские кельты в количестве четырех экземпляров были обнаружены студентом-естественником Санкт-Петербургского университета Г. С. Розенталем в устье р. Пронино (совр. назв. Прониха) на Витиме, «…в 66 верстах выше Бодайбо…», на ферме агрохозяйственного приискателя И. М. Буйвида. Здесь «…при пашне полей под картофель, рабочие нашли в земле, на глубине 5–6 вершков, на высоком берегу Витима, саженях в 20–30 от него и в 7–8 саженях от устья р. Прониной, – какие-то металлические вещи, всего четыре штуки…». Из четырех этих предметов, были обнаружены в сарае только три «…совершенно тождественные между собой, оказались медными топорами очень давнего происхождения. Один из топоров был передан г-м Розенталем г-ну Тульчинскому для музея в Бодайбо, а два … в дар музею Восточно-Сибирского Отдела И.Р.Г.Общества» (Отчет ВСОИРГО, 1913. С. 166)[1]. Витимские и патомские находки кельтов отделены друг от друга расстоянием в 285 км по прямой (рис. 1). Такое количество однотипных, совершенно одинаковых по форме и орнаменту патомских и пронинских кельтов, обнаруженных в одном районе, свидетельствует об активных производственных и торговых процессах в Витимо-Ленском регионе в эпоху ранних металлов.

Описание кельтов

Из трех, представленных кельтов Большого Патома, только один имеет более или менее целост-

[1] Отчет Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества за 1911 год. Иркутск : Паровая типография И.П. Казанцева, 1913. 207 с.

Рис. 1. Карта местонахождений кельтов пронинского типа: *1 – кельты с Большого Патома; 2 – кельты с Пронино; 3 – кельт из погребения у с. Мурья; 4 – Нюрбинский кельт*

Fig. 1. Map showing the locations of the Pronin type celts: *1 – celts from Bolshoi Patom River; 2 – celts from Pronino; 3 – celt from the burial near the village Murya; 4 – Nyurba celt*

Рис. 2. Топоры-кельты пронинского типа с Большого Патома и сопредельных территорий: *1, 2, 3 – кельты с р. Большой Патом (Средняя Лена) (медь); 4 – кельт с Пронино (медь) (р. Витим) по: (Окладников, 1955. Рис. 63.2) (без масштаба); 5 – Нюрбинский кельт (р. Вилюй) (масштабирован, приведен к масштабу); 6 – Мурьинский кельт (р. Лена) (масштабирован); 7 – кельт (цэпаньская культура) по: (Привалихин, 2011. Рис. 2.10) (без масштаба); 8 – красноярско-ангарский кельт по: (Генералов, Дзюбас, 1995. Рис. 2.2) (без масштаба); 9 – кельт из погребения Ручей Конный 2 (р. Ангара) по: (Савин, 2012b. Рис. 230) (масштабирован)*

Fig. 2. Axes-celts of the Pronin type from Bolshoy Patom River and adjacent territories: *1, 2, 3 – celts from the Bolshoi Patom River (Middle Lena) (copper); 4 – celt from Pronino (copper) (Vitim River) after (Okladnikov, 1955, Fig. 63, 2) (not to scale); 5 – Nyurba celt (Vilyui River) (scaled, reduced to scale); 6 – Murya celt (Lena River) (scaled); 7 – celt (Tsepan culture) after (Privalikhin, 2011, fig. 2, 10) (not to scale); 8 – Krasnoyarsk-Angara celt after (Generalov and Dzyubas, 1995, Fig. 2, 2) (not to scale); 9 – celt from burial Ruchey Konny 2 (Angara River) after (Savin, 2012b, Fig. 230) (scaled)*

ный вид, два других имеют разной степени сильные смятия и деформации. Форма кельтов в плане подпрямоугольная, незначительно расширяющаяся к втулке. Профиль клиновидный. Поперечное сечение прямоугольное. Размеры варьируют незначительно. Первый кельт, покрытый бурой и зеленоватой патиной, имеет длину 17 см (рис. 2.1). Ширина лезвия составляет 4,2 см. Внешний размер прямоугольной втулки – 4,5 × 3,5 см. Толщина стенок у втулки 0,3–0,4 см. Глубина втулки доходит до 13,5 см. Выступающие участки местами потерты и виден желтовато-красноватый блеск. Лезвие сильно затуплено. Поверхность имеет забитости и вмятины. На одной из сторон кельта присутствуют следы современной масляной краски салатово-зеленого цвета. Подпрямоугольные отверстия, размерами 1,3 × 0,7 см, оставшиеся от упоров сердечника при отливке, располагаются в средней части, «разрывая» среднюю горизонтальную линию орнамента. Данные отверстия служили в дальнейшем, видимо, и для стопорного «гвоздика» (шканта) при креплении кельта к древку-топорищу. Корпус имеет четко выделенные ребра, усиленные нервюрами. Также все кельты имеют боковую центральную нервюру технологического характера, оставшуюся, очевидно, в месте сочленения двух половинок литейной формы.

Второй кельт, с зеленой патиной, имеет несколько большую длину, в отличие от первого – 17,5 см (рис. 2.2). Ширина лезвия также составляет 4,2 см. Корпус так же оформлен ребрами-нервюрами. Втулка прямоугольная, внешний размер, с учетом реконструкции деформаций 5–5,3 × 3,7 см. Толщина стенок 0,3–0,5 см. Орудие имеет продольную деформацию, втулка смята с широких сторон. Отверстия от упоров сердечника подпрямоугольные, размерами 1,1–1,2 × 0,8 см, так же располагаются в средней части. Профиль тесловидный, возможно, не являющийся специально изготовленной формой, а образовавшийся в результате продольной деформации корпуса.

Третий кельт имеет наиболее сильные деформации и смятия корпуса (рис. 2.3). Поверхность сплошь покрыта бурой патиной. Длина полностью совпадает с длиной второго кельта – 17,5 см. Ширина лезвия 4,2 см. Реконструктивный внешний размер прямоугольной втулки 4,8 × 3,7 см. Толщина стенок 0,3–0,4 см. Отверстия от упоров сердечника подпрямоугольные, размерами 1–1,1 × 0,7 см, располагаются в средней части. Отверстие на одной из сторон заметно смещено от центральной оси. Ребра оформлены нервюрами.

Орнаментация кельтов одинаковая, геометрическая, рельефная (рис. 2.1–3). Орнамент размещается на лицевых гранях кельтов, не затрагивая их боковые стороны. В средней части находятся три горизонтальные линии, на расстоянии 0,7–0,8 см друг от друга. Здесь, на уровне средних горизонтальных линий, разрывая их, располагаются подпрямоугольные отверстия для стопорного шканта. От нижней линии вниз отходят два двойных треугольных шеврона (фестона), высотой 1,7 см. На двух кельтах шевроны с одной из сторон заканчиваются крестовидными вершинами, образованными в результате пересечения продолжающихся линий шевронов (данный крестовидный элемент не несет какой-либо семантической нагрузки, а скорее имеет в основе несущественный технологический брак). Шевроны обособлены тремя длинными вертикальными линиями «разделителями», длиной около 5 см, также спускающимися от нижней горизонтальной линии. Круглые «глазки», диаметром 1–1,1 см, располагаются в верхней части корпуса кельтов, на расстоянии 1,1–1,2 см от верхней горизонтальной линии и 3,2–3,5 см от верхнего обреза корпуса. «Глазки» изображены одной окружностью, внутри которой расположен «зрачок» в виде точки, что вообще, видимо, является характерной чертой кельтов пронинского типа, к которому относятся и кельты с Большого Патома.

Согласно описанию А. П. Окладникова, кельты пронинского типа имеют своеобразные специфические признаки, отличающие их от других сибирских находок. Из характерных признаков формы он отмечает, что они «необычайно длинны и узки», «слегка сужены к лезвию», «с прямоугольной в поперечном сечении втулкой», «ушки всегда отсутствуют». Также им была отмечена и своеобразность орнамента этих изделий, представленного рельефными прямыми, вертикальными и горизонтальными полосами, рельефными глазками, «часто с точкой внутри», рельефными треугольниками, обращенными вершинами к лезвию (Окладников, 1955. С. 151). По мнению А. П. Окладникова, «оригинальные крупные кельты таежных районов Восточной Сибири являются видо-

изменением древних китайских образцов иньской эпохи», сохранившими на себе в сильно упрощенном виде символическую орнаментику стилизованного образа мифического чудовища Тао-Тье, это и рельефные разделительные горизонтальные полосы, и свисающие треугольники, и глаза Тао-Тье (Окладников, 1955. С. 181–182).

Следует добавить, что согласно современной типологической схеме кельтов Сибири, разработка которой была положена в 1960 году Г. А. Максименковым (Максименков, 1960), и которая в целом, с некоторыми замечаниями и оговорками, продолжает применяться и сегодня (Генералов, Дзюбас, 1995; Савинов, 2002; Макаров, 2010), кельты пронинского типа относятся к более широкой красноярско-ангарской типологической группе. Еще в 1920-х годах немецким археологом Геро фон Мерхартом отмечалось своеобразие красноярских топоров, и в целом региональных особенностей бронзовых изделий Красноярско-Канской лесостепи, которые он подметил в период своей работы в Красноярском музее (Merhart, 1926. P. 46). По мнению Г. Мерхарта, «нормальной формой красноярского топора является довольно узкий симметричный клин с продолговато-угловатыми дорожками, прямоугольным отверстием глубокой втулки ... Размеры в среднем от 8–10 см в длину, до 5–6 см в ширину, с размерами втулки 2 × 5–3,5 см. Чисто геометрический орнамент выражен в острых рельефных полосах и, за редкими исключениями, на обеих дорожках одинаков. Боковые поверхности часто попрежнему несут верхние поперечные полосы…» (Merhart, 1926. P. 41).

Вместе с тем, классификационная схема Г. А. Максименкова, в свое время сделавшая большой шаг в развитии сибирской науки и лежащая в основе современной типологии красноярско-ангарских кельтов, содержит определенные методические проблемы, и сегодня действительно нуждается в уточнении и корректировке.

Проблемы типологической классификации

Типологическая схема, предложенная Г. А. Максименковым в начале 1960-х годов, очерчивает ареал распространения кельтов красноярско-ангарского типа, охватывающий Красноярскую и Канскую лесостепь, а также район Нижней Ангары (Максименков, 1960). В своей работе Г. А. Максименков критически подошел к первой формальной систематизации кельтов, проделанной Г. Мерхартом, и пересмотрел его выводы относительно развития и распространения кельтов. Среди основных признаков кельтов красноярско-ангарского типа, подмеченных еще Г. Мерхартом, следует выделить отсутствие ушек и наличие своеобразного геометрического орнамента. Г. А. Максименков выделил 8 типологических групп по данным формальным признакам, дополненных различными формами или пропорциями корпусов, формой лезвий, наличием муфт и другими индивидуальными особенностями, которые в свою очередь послужили основанием для их хронологической систематизации.

По мнению Н. П. Макарова, изменения в орнаментации красноярско-ангарских кельтов, подмеченные Г. А. Максименковым как соответствующие трём хронологическим этапам, пока не подкреплены находками из датированных памятников, и внутренняя хронология кельтов красноярско-ангарского типа в целом нуждается в дополнительной аргументации (Макаров, 2010). Кроме того, в группах, выделенных Г. А. Максименковым, наблюдаются определенные проблемы, которые можно назвать методическими. Так, по крайней мере, один из кельтов третьей группы (формы) (Максименков, 1960. Рис. 3.2) и пронинские кельты из восьмой группы (Там же. Рис. 8.8, 9) составляют один тип или типологическую группу. Сюда же можно отнести кельт из третьей группы с секирообразным лезвием (Там же. Рис. 3.8). Здесь же, в третьей группе, можно наблюдать также и типологически близкие формы и орнаменты. Так же близки к пронинскому типу и некоторые кельты из второй группы (Там же. Рис. 2.1, 4). Между собой по форме и орнаменту сближаются и некоторые кельты из 5 и 6 групп. Близки к ним и кельты седьмой группы. Г. А. Максименков так же отмечает сближение различных форм кельтов и орнаментов (Там же. С. 159).

Отдельно хотелось бы отметить третью группу по классификации Г. А. Максименкова, представленную различными кельтами с «закругленным и секирообразным» лезвием. На наш взгляд, подобные секирообразные лезвия у кельтов данной группы могли быть образованы проковкой затупившегося, замятого или деформированного лезвия. Подоб-

ная технологическая операция с проковкой, например, была проделана с мурьинским кельтом, после чего его лезвие приобрело секирообразную форму (рис. 3). Хотя, конечно, известны типы кельтов с изначально изготовленным секирообразным лезвием.

Кельты пронинского типа простой удлиненно-прямоугольной формы, слегка зауженной к лезвию, орнаментированные двумя треугольными шевронами и отличительными кругами «глазками», являются достаточно узнаваемым и устойчивым типом, распространенным на широкой территории от районов Ангары до Витима, Средней Лены и Вилюя. Здесь можно выделить две формы или два подтипа – с прямым лезвием и выпуклым/секирообразным. Пронинские кельты, очевидно, имеют относительно менее широкий район распространения, чем в целом красноярско-ангарская типологическая группа.

Рис. 3. Детализация прокованного лезвия мурьинского кельта
Fig. 3. Detailing of the forged blade of the Murya celt

Аналогии

Из ближайших аналогий, кроме упоминавшихся здесь кельтов с Витима (Пронино), на территории Якутии известны кельты из Мурьинского погребения (с. Мурья в Ленском районе) и случайная находка из Нюрбинского района РС(Я). За пределами Якутии несколько кельтов пронинского типа известны на Ангаре и р. Кан (бассейн Енисея).

Нюрбинский кельт был обнаружен в 2013 г. в 18 км западнее г. Нюрбы, в урочище Хомустах (Дьяконов, Бравина, 2015). Кельт имеет практически аналогичную патомским форму с несколько меньшими размерами – высота 15 см (возможно, втулка была срезана, когда деформировалась или искрошилась). Судя по другим находкам кельтов, сломы и деформации верхней части кельтов, видимо, являются частой причиной производственных повреждений. Размеры нюрбинского кельта: ширина лезвия 4 см, размер втулки 5,6 × 2,6 см. Отличия наблюдаются в орнаменте – треугольные шевроны одинарные, из двух зональных групп, одна из которых состоит из длинных треугольников, вторая выше – из коротких, глазки также располагаются выше, чем у патомских кельтов (рис. 2.5).

Мурьинский кельт был обнаружен в 1967 г. в 20 км ниже по реке от г. Ленска, в поселке Мурья, при строительных земляных работах, во время которых, судя по всему, было разрушено погребение раннего железного века (Федосеева, 1970; Федосеева, 1974; Эртюков, 1990). Орнамент отличается более крупными кругами «глазками». Лезвие секирообразное, видимо, раскованное (рис. 2.6). По проведенному в 1970-х годах спектральному анализу химического состава металлических изделий, обнаруженных на то время в Якутии, было установлено, что мурьинский кельт относится к изделиям из мышьяковистой бронзы (Лескова, Федосеева, 1975).

Подобные кельты известны из памятников и местонахождений на нижней Ангаре и относятся к материалам цэпаньской культуры (Привалихин, 2011. Рис. 2.10). Кельт практически не отличается орнаментом, имеет слегка выпуклое, возможно, тоже раскованное лезвие, верх втулки, судя по всему, разрушен и срезан (рис. 2.7). Находки кельтов подобного типа известны в основном из ранних коллекций – из раскопок Н. И. Витковского (1882 г.) и случайных находок начала и середины XX в. (При-

валихин, 2011. Рис. 6). Из Канской котловины также известно несколько экземпляров (Генералов, Дзюбас, 1995. Рис. 2.2) (рис. 2.8). Еще один кельт пронинского типа обнаружен на верхней Ангаре, в погребении раннего железного века на стоянке Ручей Конный 2 (Савин, 2012a[2]; Савин, 2012b[3]; Савин, 2015) (рис. 2.9). Интересна находка литейной формы кельта в Северном Приангарье из дер. Соколово (остров Соколовский на Ангаре), свидетельствующая о местном производстве кельтов пронинского типа на Северной Ангаре в раннем железном веке (Макаров, 2014. С. 444. Рис. 8).

Судя по относительно широкому распространению аналогий, от нижней Ангары и Витима на юге до средней Лены и Вилюя на севере, кельты пронинского типа были востребованным продуктом своего времени.

Обсуждение хронологии и датирования

Как было отмечено Н. П. Макаровым (Макаров, 2010), внутренняя хронология красноярско-ангарских кельтов пока недостаточно аргументирована. Оставляя в стороне первую группу кельтов с муфтой из классификационной схемы Г. А. Максименкова, как наиболее раннюю и, вероятно, характерную как для карасукского, так и для раннетагарского времени (см. например, кельт из погребения Саянтуй № 10 в Забайкалье (Цыбиктаров, 1998. С. 94, 115. Рис. 96)), обратимся к проблеме хронологии кельтов пронинского типа.

Согласно периодизации Г. А. Максименкова, разработанной по сочетанию признаков форм и орнаментов (Максименков, 1960. С. 154–155), пятая, шестая и седьмая формы кельтов (из III группы сочетаний признаков) относятся ко второй стадии тагарской культуры (по: С. В. Киселеву (Киселев, 1928), VII–IV вв. до н. э.). Вторая, третья и четвертая формы кельтов (из II группы сочетаний) относятся в основном к первой стадии тагарской культуры (по: С. В. Киселеву (Киселев, 1928), X–VII вв. до н. э.). Кельты восьмой формы (из IV группы сочетаний), как полагает Г. А. Максименков, хронологически соответствуют тому же времени, что и II группа сочетаний признаков, где есть кельты третьей формы, так как среди восьмой и третьей формами кельтов есть одинаковые орнаменты (а также, по нашему мнению, и однотипные формы).

Здесь следует отметить, что позднее, в конце 1940-х – начале 1950-х годов, С. В. Киселев уточнил даты основных стадий тагарской эпохи: I стадия – VII–V вв. до н. э.; II стадия – V–III вв. до н. э. (Киселев, 1951). Эти общие хронологические рамки тагарской культуры в нижних и верхних границах, возможно, за небольшими вариациями, в целом пока остаются актуальными и в современное время. Таким образом, согласно поправке С. В. Киселева, кельты восьмой формы из схемы Г. А. Максименкова, а также однотипные им третьей формы, должны датироваться VII–V вв. до н. э.

О датировке кельтов скифским временем, в частности кельта из Мурьи, высказывал мнение Н. Д. Архипов (Архипов, 1980; Архипов, 2020).

Некоторое уточнение к датировке кельтов пронинского типа может дать находка кельта из погребения, обнаруженного на стоянке Ручей Конный 2 на верхней Ангаре (рис. 2.9). Погребение Ручей Конный 2 грунтовое без признаков погребальных конструкций и сооружений, с остатками берестяного чехла, в который, вероятно, был завернут погребенный (Савин, 2012a[4]; Савин, 2012b[5]). Погребение интересно своим обрядом – предполагается, что оно вторичное, так как отсутствуют некоторые кости. Уложено в вытянутом положении, ориентировано по течению ручья Конный, головой на юго-запад, к Ангаре. Верхняя часть имеет признаки сожжения. Особое внимание обращает положение кельта, который располагался на правой стороне груди, «завернутый в специально сшитый чехол» из «кожи, мехом наружу» (Савин, 2012a[6]). Во втулке кельта

[2] Савин А.Н. Отчет об археологических исследованиях памятников Ручей Конный 1, Ручей Конный 2 в зоне затопления водохранилища Богучанской ГЭС Усть-Илимского района Иркутской области. В 4-х т. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2012a. Т. 1. С. 47–50 // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 30602.

[3] Савин А.Н. Отчет об археологических исследованиях памятников Ручей Конный 1, Ручей Конный 2 в зоне затопления водохранилища Богучанской ГЭС Усть-Илимского района Иркутской области. В 4-х т. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012b. Т. 3. Альбом иллюстраций. С. 220–234 // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 30603.

[4] Савин А.Н. Отчет ... Т. 1. 2012a. С. 47–50 // Архив ИА РАН.

[5] Савин А.Н. Отчет ... Т. 3. 2012b. Рис. 226 // Архив ИА РАН.

[6] Савин А.Н. Отчет ... Т. 1. 2012a. С. 48 // Архив ИА РАН.

сохранилась деревянная рукоять. Из других сопроводительных материалов были обнаружены небольшая «медно-бронзовая» бляшка в глазнице черепа и железная игла или стержень под правой бедренной костью погребенного (Савин, 2012a[7]; Савин, 2012b. Рис. 228[8]). Погребение Ручей Конный 2 на основании характера сопроводительного материала было датировано VIII–VII вв. до н. э. (Савин, 2015). Вместе с тем относительно крупный размер кельта с Ручья Конный 2, возможно, свидетельствует о его несколько более позднем возрасте. Совместное нахождение кельта пронинского типа с железным предметом является подтверждающим свидетельством датирования кельтов пронинского типа тагарским временем. Здесь справедливы выводы Н. П. Макарова (Макаров, 2010), что появление кельтов красноярско-ангарского типа в целом определяется VII в. до н. э. и синхронизируется с начальным этапом тагарской культуры.

Спектральный анализ

Изучение химического состава патомских кельтов проводилось методом рентгено-спектрального микроанализа, выполненным в Лаборатории отдела физико-химического метода анализа Института геологии алмаза и благородных металлов СО РАН. Анализ производился на рентгеновском спектрометре с энергодисперсионным микроанализом INCA Energy. Для анализа производилась зачистка окисленной поверхности. Результаты анализа представлены в таблицах 1–3.

Заключение

Рассмотренные в статье новые находки патомских кельтов типологически относятся к формам и орнаментации пронинского типа, который в свою очередь является частью более обширной типологической группы красноярско-ангарских топоров-кельтов. Изучение хронологии показывает, что кельты пронинского типа относятся к периоду раннего железного века и были распространены, по всей видимости, в скифское, в широком понимании, время.

Таблица 1. **Химический состав образца № 1**
Table 1. **Chemical composition of sample No. 1**

Spectrum	In stats.	C	O	Si	Cl	K	Cu	Total
1	Yes						100.00	100.00
2	Yes						100.00	100.00
3	Yes						100.00	100.00
4	Yes	29.38	12.26				58.36	100.00
5	Yes	44.04	16.11	0.32	0.68	0.31	38.53	100.00
6	Yes	10.51					89.49	100.00
7	Yes	28.00	14.77				57.23	100.00
Max.		44.04	16.11	0.32	0.68	0.31	100.00	
Min.		10.51	12.26	0.32	0.68	0.31	38.53	

Вариант обработки: все элементы проанализированы (нормализованны). Все результаты в весовых процентах.

Таблица 2. **Химический состав образца № 2**
Table 2. **Chemical composition of sample No. 2**

Spectrum	In stats.	C	O	Cu	Total
1	Yes	16.28	10.80	72.92	100.00
2	Yes			100.00	100.00
3	Yes			100.00	100.00
Max.		16.28	10.80	100.00	
Min.		16.28	10.80	72.92	

Вариант обработки: все элементы проанализированы (нормализованны). Все результаты в весовых процентах.

Таблица 3. **Химический состав образца № 3**
Table 3. **Chemical composition of sample No. 3**

Spectrum	In stats.	C	O	Cu	Total
1	Yes	20.44	11.90	67.66	100.00
2	Yes		13.77	86.23	100.00
Max.		20.44	13.77	86.23	
Min.		20.44	11.90	67.66	

Вариант обработки: все элементы проанализированы (нормализованны). Все результаты в весовых процентах.

Количественный состав металлов патомских кельтов показал, что все изделия изготовлены из однородной чистой меди практически без примесей.

Незначительно различающиеся размеры обнаруженных кельтов, в частности по форме, ширине втулки, возможно, указывают, что их отливка происходила одновременно в нескольких однотипных литейных формах, что говорит о заготовке определенной партии и в целом свидетельствует о нема-

[7] Савин А.Н. Отчет ... Т. 1. 2012a. С. 49–50 // Архив ИА РАН.
[8] Савин А.Н. Отчет ... Т. 1. 2012a. Рис. 228 // Архив ИА РАН.

лых объемах производства этого типа орудий, очевидно, изготавливаемых для торговли и экспорта. Отсутствие замятин и сколов на лезвии, целая верхняя кромка у обушка, указывают, что кельты не использовались в работе, и, скорее всего, являлись неким кладом или складированной партией новых изготовленных изделий. Место изготовления патомских кельтов остается под вопросом. Было ли место обнаружения их на Большом Патоме производственной площадкой или же перевалочным пунктом для дальнейшего их распространения неизвестно. Но очевидно, что кельты пронинского типа в целом имеют меньший район распространения, чем красноярско-ангарская типологическая группа. Относительно большое количество кельтов пронинского типа, обнаруженных недалеко друг от друга, свидетельствует об активных производственных и торговых процессах в Витимо-Ленском регионе в эпоху раннего железного века.

Список источников

Архипов Н. Д. Ранний железный век Якутии (к вопросу о взаимодействии скифо-сибирского мира и тайги) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство : материалы I Всесоюзной археологической конференции. Кемерево : КемГУ, 1980. С. 53–65.

Архипов Н. Д. Ранний железный век Якутии // Айыы Тангара и кузнечный культ в тенгрианстве : сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции с Международным участием (02–03 апреля 2021 г., с. Верхневилюйск, с. Кэнтик, Верхневилюйский улус (район) Республика Саха (Якутия), Россия). Якутск : Дани Алмас, 2020. С. 4–34.

Генералов А. Г., Дзюбас С. А. Бронзовые кельты Канского музея // Байкальская Сибирь в древности : межвузовский сборник научных трудов. Иркутск : ИГУ, 1995. С. 133–143.

Дьяконов В. М., Бравина Р. И. Нюрбинский бронзовый кельт (к вопросу о культурных связях Якутии и сопредельных территорий в эпоху палеометалла) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 4(13). С. 12–15.

Киселев С. В. Тагарская культура // Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (1924–1930 гг.). М., 1928. Т. IV. С. 257–267.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М.: АН СССР, 1951. 642 с.

Лескова Н. В., Федосеева С. А. Химический состав бронзовых изделий усть-мильской культуры // Якутия и ее соседи в древности : труды Приленской археологической экспедиции. Якутск : Якутский филиал Сибирского отделения Академии наук СССР, 1975. С. 100–105.

References

Arkhipov N. D. (1980) Early Iron Age of Yakutia (to the question of the interaction of the Scythian-Siberian world and the taiga). *Skifo-sibirskoe kul'turno-istoricheskoe edinstvo. Materialy I Vsesoiuznoi arkheologicheskoi konferentsii = Scythian-Siberian cultural and historical unity. Proceedings of the Ist All-Union Archaeological Conference.* Kemerevo: Kemerovo State University. P. 53-65. (In Russ.).

Arkhipov N. D. (2020) Early Iron Age of Yakutia. *Aiyy Tangara i kuznechnyi kul't v tengrianstve: Sbornik statei II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (02-03 aprelia 2021 g., s. Verkhneviliuisk, s. Kentik, Verkhneviliuiskii ulus (raion) Respublika Sakha (Iakutiia), Rossiia) = Aiyy Tangara and the blacksmith cult in Tengrianism: Collection of articles of the 2nd All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation (April 02-03, 2021, Verkhnevilyuysk village, Kentik village, Verkhnevilyuisk ulus (district) Republic of Sakha (Yakutia), Russia.* Yakutsk: Dani Almas. P. 4-34. (In Russ.).

Generalov A. G., Dzyubas S. A. (1995) Bronze Celts of the Kansk Museum. *Baikal'skaya Sibir' v drevnosti. Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov = Baikal Siberia in Antiquity. Interuniversity collection of scientific papers.* Irkutsk: Irkutsk State University. P. 133-143. (In Russ.).

D'yakonov V. M., Bravina R. I. (2015) Nyurba bronze Celt (on the issue of cultural ties between Yakutia and adjacent territories in the era of the Paleometal). *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik = North-Eastern Humanitarian Bulletin.* No. 4(13). P. 12-15. (In Russ.).

Kiselev S. V. (1928) Tagar culture. *Trudy sektsii arkheologii Rossiiskoi assotsiatsii nauchno-issledovatel'skikh institutov obshchestvennykh nauk (1924–1930 gg.) = Proceedings of the Archeology Section Russian Association of Social Sciences Research Institutes.* Moscow. Vol. IV. P. 257-267. (In Russ.).

Kiselev S. V. (1951) Ancient history of Southern Siberia. Moscow: USSR Academy of Sciences. 642 p. (In Russ.).

Leskova N. V., Fedoseeva S. A. (1975) The chemical composition of bronze items of the Ust-Mil' culture. *Yakutiya i ee sosedi v drevnosti = Yakutia and its neighbors in Antiquity.* Yakutsk: Yakutsk Branch of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. P. 100-105. (In Russ.).

Макаров Н. П. К вопросу о культурной принадлежности, территории и времени существования бронзовых кельтов красноярско-ангарского типа // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Материалы XV Междунар. Зап.-Сиб. археолого-этнограф. конф. (Томск, 19–21 мая 2010 года). Томск : Аграф-Пресс, 2010. С. 196–198.

Макаров Н. П. Ранний железный век Средней Сибири // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы. Сер. Археология евразийских степей. Казань : Отечество, 2014. Вып. 20. С. 437–454.

Максименков Г. А. Бронзовые кельты красноярско-ангарских типов // Советская археология. 1960. № 1. С. 148–162.

Окладников А. П. Археология и основные вопросы древней истории Якутии (в связи с итогами работ Ленской археологической экспедиции Института языка и культуры при СНК ЯАССР и ИИМК АН СССР в 1940 г.) // Краткие сообщения института истории материальной культуры (КСИИМК). 1941. Вып. IX. С. 63–79.

Окладников А. П. История Якутской АССР. В 3-х т. Т. I. Якутия до присоединения к русскому государству. М.; Л.: АН СССР, 1955. 432 с.

Привалихин В. И. Цэпаньская культура раннего железного века Северного Приангарья. История открытия, результаты и перспективы исследований // Второй век подвижничества : сборник научных статей. Красноярск : Красноярский краевой краеведческий музей, 2011. С. 161–183.

Савин А. Н. Стоянка Ручей Конный-2 // Труды Богучанской археологической экспедиции. Т. 1. Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 годы). Новосибирск : Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, 2015. С. 426–430.

Савинов Д. Г. К вопросу о датировке и историко-культурной интерпретации Верхне-Метляевского клада // Клады: состав, хронология, интерпретация : материалы тематической научной конференции (Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 года). СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, 2002. С. 222–228.

Makarov N. P. (2010) On the issue of cultural affiliation, territory and time of existence of bronze celts of the Krasnoyarsk-Angara type. *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: opyt Zapadno-Sibirskikh arkheologo-etnograficheskikh soveshchanii. Mater. XV mezhd. Zap-Sib. arkheologo-etnograf. konf. (Tomsk, 19–21 maya 2010 goda) = Culture as a system in a historical context: the experience of the West Siberian archaeological and ethnographic meetings. Prociidings of the XV International West--Siberin Archaeological and Ethnographic Conference (Tomsk, May 19-21, 2010).* Tomsk: Agraf-Press. P. 196-198. (In Russ.).

Makarov N. P. (2014) Early Iron Age of Central Siberia. *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, svyazi, istoricheskie sud'by. Ser. Arkheologiya evraziiskikh stepei = Ananyinsky world: origins, development, connections, historical destinies. Ser. Archaeology of the Eurasian Steppes.* Kazan': Otechestvo. P. 437-454. (In Russ.).

Maksimenkov G. A. (1960) Bronze Celts of the Krasnoyarsk-Angara Celts. *Sovetskaya arkheologiya = Soviet Archeology.* No. 1. P. 148-162. (In Russ.).

Okladnikov A. P. (1941) Archeology and main questions of the ancient history of Yakutia (in connection with the results of the work of the Lena Archaeological Expedition of the Institute of Language and Culture under the Sovet of People's Commissars of the YASSR and the Institute of the History of material Culture of the USSR Academy of Sciences in 1940). *Kratkie soobshcheniya instituta istorii material'noi kul'tury = Brief Reports of the Institute of History and Material Culture.* Iss. IX. P. 63-79. (In Russ.).

Okladnikov A. P. (1955) History of the Yakut ASSR. In 3 vol. Vol. I. Yakutia before joining the Russian state. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences. 432 p. (In Russ.).

Privalikhin V. I. (2011) Tsepan culture of the early Iron Age of the Northern Angara region. History of discovery, results and prospects of research. *Vtoroi vek podvizhnichestva: sbornik nauchnykh statei = Second century of selfless devotion. Collection of scientific articles.* Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore. P. 161-183. (In Russ.).

Savin A. N. (2015) Site of the Ruchey Konnyi-2. *Trudy Boguchanskoi arkheologicheskoi ekspeditsii. T. 1. Boguchanskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya: ocherk polevykh issledovanii (2007–2012 gody) = Proceedings of the Boguchansk Archaeological Expedition. T. 1. Boguchanskaya Archaeological Expedition: an outline of field research (2007-2012).* Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch RAS. P. 426-430. (In Russ.).

Savinov D. G. (2002) On the question of dating and historical and cultural interpretation of the Verkhne-Metlyaevsky treasure. *Klady: sostav, khronologiya, interpretatsiya. Materialy tematicheskoi nauchnoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 26-29 noyabrya 2002 goda) = Treasures: composition, chronology, interpretation. Proceedings of the Thematic Scientific Conference (St. Petersburg, November 26-29, 2002).* St. Petersburg: Sant-Petersburg State Univtrsity. 222-228. (In Russ.).

Федосеева С. А. Новые данные о бронзовом веке Якутии // По следам древних культур Якутии. Якутск : Якутское книжное изд-во, 1970. С. 128–142.

Федосеева С. А. Усть-Мильская культура эпохи бронзы Якутии // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск : Иркутский государственный университет, 1974. Вып. 2. С. 146–158.

Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ : Бурятский государственный университет, 1998. 288 с.

Эртюков В. И. Усть-Мильская культура эпохи бронзы Якутии. М. : Наука, 1990. 152 с.

Merhart G. von. Bronzezeit am Jenissei. Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens. Wien: A. Schroll & Company, 1926. 189 S. (На немецком).

Fedoseeva S. A. (1970) New data from the Bronze Age of Yakutia. *Po sledam drevnikh kul'tur Yakutii = In the footsteps of the ancient cultures of Yakutia.* Yakutsk: Yakutsk book publishing house. P. 128-142. (In Russ.).

Fedoseeva S. A. (1974) Ust-Mil' culture of the Bronze Age of Yakutia. *Drevnyaya istoriya narodov yuga Vostochnoi Sibiri = Ancient history of the peoples of the south of Eastern Siberia.* Irkutsk: Irkutsk State University. Iss. 2. P. 146-158. (In Russ.).

Tsybiktarov A. D. (1998) Culture of tiled graves in Mongolia and Transbaikalia. Ulan-Ude: Buryat State University. 288 p. (In Russ.).

Ertyukov V. I. (1990) Ust-Mil' culture of the Bronze Age of Yakutia. Moscow: Nauka. 152 p. (In Russ.).

Merhart G. von. Bronzezeit am Jenissei. Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens. Wien: A. Schroll & Company, 1926. 189 s. (In German).

Информация об авторах

А. Д. Степанов – научный сотрудник Якутской комплексной лаборатории археологии Крайнего Севера (ArcheoFarN),
Институт археологии и этнографии СО РАН,
630090, Новосибирск, пр-т Академика Лаврентьева, 17, Россия.

Е. Н. Соловьёва – научный сотрудник Музея арктической археологии им. С. А. Федосеевой,
Арктический научно-исследовательский центр РС(Я),
677000, Якутск, ул. Курашова, 22, Россия;
научный сотрудник Якутской комплексной лаборатории археологии Крайнего Севера (ArcheoFarN),
Институт археологии и этнографии СО РАН,
630090, Новосибирск, пр-т Академика Лаврентьева, 17, Россия.

В. М. Дьяконов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Якутской комплексной лаборатории археологии Крайнего Севера (ArcheoFarN),
Институт археологии и этнографии СО РАН,
630090, Новосибирск, пр-т Академика Лаврентьева, 17, Россия.

Information about the authors

A. D. Stepanov – Researcher at the Yakut Complex Laboratory of Archeology of the Far North,
Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
17, Academic Lavrentiev Avenue, Novosibirsk 630090, Russia.

E. N. Solovyova – Researcher at the S. A. Fedoseeva Museum of Arctic Archeology,
Arctic research centre of Sakha Republic (Yakutia),
22, Kurashova St., Yakutsk 677018, Russia;
Researcher of the Yakut Complex Laboratory of Archeology of the Far North,
Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
17, Academic Lavrentiev Avenue, Novosibirsk 630090, Russia.

V. M. D'yakonov – Cand. Sci. (History), Senior Researcher at the Yakut Complex Laboratory of Archeology of the Far North,
Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
17, Academic Lavrentiev Avenue, Novosibirsk 630090, Russia.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 7 сентября 2022 г.; одобрена после рецензирования 10 октября 2022 г.; принята к публикации 24 октября 2022 г.

Article info

The article was submitted September 7, 2022; approved after reviewing October 10, 2022; accepted for publication October 24, 2022.

Original article
УДК 902
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-56-70

Three Mongilian burials of three different periods found in Khatny Bulag

Sodnom Ulziibayar [1], Bat-Ulzii Baatarkhuu [2], Battulga Ochir [3], Ariuntsetseg Uranjargal [4]

[1] National University of the Mongolia and Izmir Katip Celebi University Joint Institute of Turkology Studies, Ulaanbaatar, Mongolia, ulziibayars@yahoo.com, https://orcid.org/0000-0001-7781-6276
[2] Culture and Arts Research Institute of Mongolian National University of Arts and Culture, Ulaanbaatar, Mongolia, huum@yahoo.com, https://orcid.org/0000-0003-1966-4870
[3] Institute of History and Ethnology, Ulaanbaatar, Mongolia, chenlygutu@yahoo.com, https://orcid.org/0000-0002-7256-7888
[4] Museum Training and Research Center of Dornogovi province, Sainshand, Mongolia, uranjargal.nhbt@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-5525-0977

Abstract. The expedition team organized within the project "From the Secret in Khatny Bulag" excavated and explored 3 burials belong to Middle Age Mongolian Grave Culture but with different parts of this period near the oasis Khatny Bulag in Khatanbulag Soum, Dornogovi Aimag from 2016 to 2018. The first grave or *Grave №4, Khond* is the burial with a single finger and a mirror used by the deceased during her alive period as the representation of the deceased and as the mirror design feature shows it belonged to the period before the IX-X centuries AD. The second burial *or Grave №1, Baruun Shivee* represents the burials that belong to the XIII century AD and it is special on the bronze mirror registered by an official in the Qin period and with funeral rituals feature clearly. The third burial or *Grave №3, Zuun Shivee* belongs to the comparatively later period, in other words, to the period from the XYII century to the XYIII century AD, the time of Buddhism introduction into Mongolia as the blue and white porcelain cup of the Ming period and "Lion sleeping position" of the deceased like the Buddha during his death show. The third burial is the last unusual example of the earth burial of the Middle Age period and appearance of burial on the ground in connection with the Buddhism introduction into Mongolia. Such burial has not excavated yet and can be considered as a science discovery that widens Mongolian traditional funeral ritual. It is special that the burial of this period was discovered in Mongolia firstly. These burials excavated near the Khatny Bulag will make big contributions in the Mongolian burial study.

Keywords: Dornogovi Aimag, Khatny Bulag, a tomb from before period of the Mongol Empire, mirror of the Tang period, Tomb of the period Mongol Empire, mirror of the Qin period, Tomb of the later period of the Mongol Empire, blue and white porcelain cup, lion position

For citation: Sodnom Ulziibayar, Bat-Ulzii Baatarkhuu, Battulga Ochir, Ariuntsetseg Uranjargal (2022) Three Mongilian burials of three different periods found in Khatny Bulag Paleolithic component. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 4. P. 56-70. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-56-70

Научная статья

Три монгольских погребения трех разных периодов, найденные в Хатны Булаге (Дорноговь аймаке)

Содномын Улзийбаяр [1], Бат-Улзийн Баатархуу [2], Баттулгын Очир [3], Ариунцэцэгийн Уранжаргал [4]

[1] Монгольский государственный университет и Измирский университет им. Катипа Челеби Совместный институт тюркологических исследований, Уланбатор, Монголия, ulziibayars@yahoo.com, https://orcid.org/0000-0001-7781-6276
[2] Научно-исследовательский институт культуры и искусств Монгольского национального университета искусств и культуры, Уланбатор, Монголия, huum@yahoo.com, https://orcid.org/0000-0003-1966-4870
[3] Институт истории и этнологии Монгольской академии наук, Уланбатор, Монголия, chenlygutu@yahoo.com, https://orcid.org/0000-0002-7256-7888
[4] Учебно-Исследовательский Центр Музей аймака Дорноговь, Сайншанд, Монголия, uranjargal.nhbt@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-5525-0977

© Содномын Улзийбаяр, Бат-Улзийн Баатархуу, Баттулгын Очир, Ариунцэцэгийн Уранжаргал, 2022

Аннотация. Участники экспедиции, организованной в рамках проекта «Тайны Хатного булага», исследовали три средневековых монгольских погребения, относящиеся к разным периодам вблизи оазиса Хатны Булаг в сомоне Хатанбулаг Восточногобийского аймака с 2016 по 2018 год. Первое из них – Хонд (могила № 4) – это захоронение с одним пальцем и зеркалом, которое использовалось умершей в период ее жизни. В могиле зеркало заменяло тело женщины. Как показывает особенность конструкции зеркала, оно относится к периоду до IX–X вв. Второе захоронение – Баруун Шивеэ (могила № 1) представляет собой захоронение, относящееся к XIII в., с четко выраженным погребальным ритуалом. В нем обнаружено бронзовое зеркало, зарегистрированное чиновником династии Цинь. Третье захоронение – Зуун Шивэе (могила № 3) относится к более позднему периоду – XVII–XVIII вв., времени проникновения буддизма в Монголию. В ней найдена бело-голубая фарфоровая чаша династии Мин. На ней изображен спящий лев, как Будда, прибывающий в нирване. Характерно, что погребение этого периода впервые было обнаружено в Монголии. Третье захоронение является одним из последних грунтовых погребений средневекового периода. С проникновением в Монголию буддизма умерших стали хоронить на поверхности земли. Подобные захоронения еще не раскапывались и это может рассматриваться как научное открытие, расширяющее представления о традиционном погребальном ритуале монголов. Целая сине-белая фарфоровая чаша периода Мин, обнаруженная в захоронении, является первым примером в истории монгольской археологии. Эти погребения, раскопанные рядом с Хатным булагом, внесут большой вклад в изучение погребального ритуала монголов.

Ключевые слова: Восточногобийский аймак, Хатны Булаг, монгольское погребение доимперского периода, зеркало танского периода, монгольское погребение имперского периода, зеркало циньского периода, монгольское погребение постимперского периода, сине-белая фарфоровая чашка, поза льва

Для цитирования: Содномын Улзийбаяр, Бат-Улзийн Баатархуу, Баттулгын Очир, Ариунцэцэгийн Уранжаргал. Три монгольских погребения трех разных периодов, найденные в Хатны Булаге (Дорноговь аймаке) // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 4. С. 56–70. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-56-70

Introduction

The expedition team of joint project “The Secret of Khatny Bulag” organized by the Institute of History and Archeology and Institute of Culture and Art study, Culture and Art university discovered many findings that belong to several periods of nomad history and made several excavations near the oasis Khatny Bulag, Khatanbulag Soum, Dornogovi Aimag. The burials in Tsagaan Khond, Baruun Shivee and Zuun Shivee are considered here.

Grave №4, Khond or Mongolian Burial that belongs to the period from the IX century to the X century, AD.

The place Tsagaan Khond is situated in the center of mountain range that begin from the back of Baruun Shivee mountain in the 8 km distance from Khatny Bulag. This mountain has a bench land and there is old stone knond (cattle shed) remaining in the bench`s south east slope. There are several stone piles of different sizes near the shed. Several fragments similar to brown enameled and grey ceramics that are commonly found in Baruun Shivee and Zuun Shivee. The stone piles were very similar to the Mongolian burials and the place has all features of Mongolian burial place of the Middle period. However, there was not burial under each stone pile and piles formed a structure on the land as clarified later. Only the memorial numbered as Khond №4 on the back of mountain and excavated in 2018 was the burial. The capstone seems of round shape. The west part of the capstone has comparatively big stones having another layer of stones inside it and stones outside the cover in the lower part of the capstone. The structure had three levelled round masonries after cleaning the scattered stones and earth. Because of break in the outside circle and left only the inner circle in the west it seems square. However, remained part of the capstone keeps its the circle shape. Diameter of the capstone in the lower part from west to east is 160 cm, from north to south 185 cm. There is no any capstones in the center above the sea level (Fig. 1.1,2). A dark hole stain that is sloped to the north east slightly and has size of 135 x 40/45 cm appeared in the yellow earth after the excavation exactly under the capstone. Several small wood parts were found in the stain during the continuous digging below the surface soil or 115 cm deep and the burial hole edge was seen. In the 120 cm depth a bronze mirror was appeared and a single human phalange under the mirror in the 140 cm depth was excavated. This phalange belonged to an adult. Other parts of the deceased were absent. The skeleton of deceased can be disappeared during the robbery lately. However, the burial hole was too narrow to bury deceased and only one finger can be buried in a wooden box or barrier representing copse of deceased.

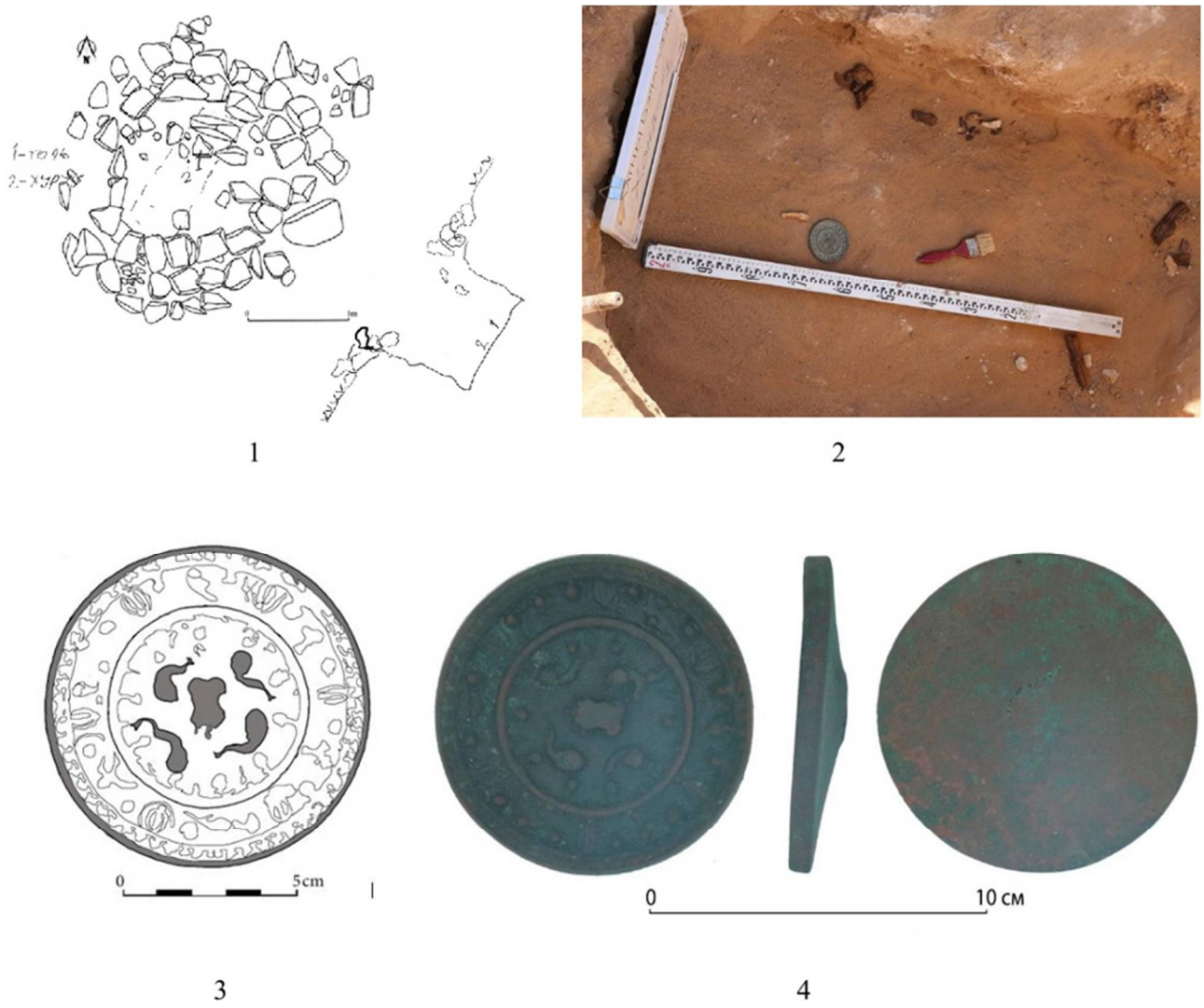

Fig. 1. Khond, grave 4: *1- gravestone masonry and burial section; 2 - the bottom of the grave pit; 3, 4 - bronze mirror*
Рис. 1. Хонд, могила 4: *1 – надмогильная кладка и разрез погребения; 2 – дно могильной ямы; 3, 4 – бронзовое зеркало*

Bronze mirror. It is exactly round convex mirror with 9,2 cm diameter, 0,6 cm thickness and 173,2 gm weight (Fig. 1.3,4). It kept in the average level and patterns at its back is clear. There is narrow ribbon continued along the mirror edge and flowers with three same petals on the ribbon. Between this ribbon and circle inside it there are very symmetrical 6 vitis viniferas that are separated with 3 convex balls. There are curled shapes between the vitis viniferas that can be the branches of the grapes but they became unclear in some parts. Three convex balls made the branch shape unclear. The edge of the inner circle has same height with the outer edge and there are 10 convex balls with same spaces between them. Inside the circle there are 4 tadpoles like animals with counterclockwise heads. The mirror was fastened in the center of these tadpoles and made the handle.

As the object shows bronze mirrors called “Grapes and animals with high instinct (animals that bring wellbeing)”, “Grapes and lion”, “Grapes, birds and wild animals” and “Grapes and sea animals” were common in the Tang dynasty period. Such decoration introduced deeply in the pattern manner in the end of the Sui dynasty and in the beginning of the Tang dynasty (Lubo-Lesnichenko, 1971. P. 47-51; Oborin, Savosin, 2017). Economy and foreign trade were developed intensively in the Tang dynasty period. Because of it, import goods from Iran, Middle Asia, Central Asia and India become more common. One of the imported goods was grape and the wine of grape made people calm and happy. Therefore, the grape considered “magical” and symbol of wellbeing and richness as the researchers noted. The lion takes away all bad things and guards the property and therefore his figure has been introduced deeply

into Chinese art widely since Tang period. Image of the lion can be introduced by the Iran and Middle Asia and the lion figure made together with the vitis viniferas became the basic in the Chinese pattern art. Four lion figures symbolize 4 Gods "syshen" representing four azimuth directions and their center. Five or six lions around them become the center and four azimuth directions and planet center "Lyuhe" (Cammann, 1953). Thus, Chinese art entered into a new level during the Tang period being based on the rich tradition of the Han dynasty and it is presented in the example of the bronze mirrors. For example, ribbon with cloud pattern as the representation of the Han dynasty temp and move were inherited with grape pattern and the mirror shape represents planet giving the mirror user wellbeing and taking away all bad things (Lubo-Lesnichenko, 1971. P. 45-51). In one side it shows the foreign trade amplitude and in other hand, particularly, the later copies have meaning "Grape and its branch fluff always symbolizing yields and richness and its tree symbolizes long life and totally long-life happiness and extended family" (Oborin, Savosin, 2017). Despite Tang dynasty was extinct and producing the mirrors with grapes and animals was stopped. However, the mirrors were produced again in the Jin dynasty period because the abovementioned symbolizing had been inherited.

Bronze mirrors with grapes and made in Tang dynasty period and their copies are excavated in many places abroad the China such as Far East, South Baikal, Minusinsk lowland in the south of the European part of Russia and the bronze mirror excavated in Khond №4 is same to these mirrors. In Mongolia nowadays there are about 10 bronze mirrors belonged to the Turkic and Uighur periods that are own collection item and museum exponents and archeology findings now and all have grape patterns on them (Tsegmed, 2019. P. 47).

The animal shapes on the mirror found in Khond №4 is like water drops with slightly curled tails. Such animal had eyes, teeth, and limbs and called sea high instinct animals they symbolized news and peace. However, the animal on the bronze mirror excavated in Khond №4 is the tadpole (蝌蚪), the frog`s larva. In the ancient Mongolian language frog (*melkhii* in Mong) was called "menekhei" and his larva called "menen" that symbolized multiplying. In the paragraph 41, The Secret history of Mongolia it was written as "… *ciduqul-boko ernes olotu bule'e ko'iin inu mene metii toreba menen-ba'arin oboqtan tede bol<u)ba*" (Igor de Rachewiltz, 1972) and the word "mene metii" here means "…the word mene is the cub of menekhei. The animal menekhei symbolized big family, richness and eternity. Therefore, names of tribes Baarin, Menen, Menen tudun are connected with these meanings" (Punsag, 2009. P. 10) said A.Punsag correcting the mistake of other researchers. As he noted Chinese people considered the menekhei symbol of multiplying. Therefore, frogs have symbolized multiplying and growing for East people from very ancient time because it multiplies very fast in short time.

Larva menen on the mirror symbolizes reproduction and the grapes mean multiplying in short time as we explain. Thus, the mirror is the item that was common in Tang period and symbolizes reproduction and yield. The mirror size decrease in the Tang period gave possibility to fill the space on its back completely as the comparisons show. The finding excavated in Khond №4 is smaller diameter and weight than the copies of the Jin period. As the study of E.Tsegmid shows the bronze mirrors of this period have diameters between 14-10 cm (Tsegmed, 2019. P. 47-48) and for example, the above mentioned mirror from Krasnoyarsk has 11,2 cm diameter, its edge thickness is 1 cm and weight is 309 gram and mirror from Khabarovsk has 14,0 cm diameter and 515 gram weight.

The size and weight of the bronze mirror from Khond are the main attributes that confirm the mirror belong to the Tang period. In other hand, the location of the burial is on the back slope of the mountains` joint but not on the south slope of the mountain as in the Middle age period shows that this finding belongs to the Tang period. Because of the robbery the capstone`s first shape was lost and had round shape. Unfortunately, there are no any items found that can give possibility to determine the period.

This memorial has also special features of burial. According to the nowadays keeping condition we can make conclusion that a finger part that represents the deceased was buried in the wooden box in the tight hole and on it there was put the mirror used by deceased when he/she was alive. As the hole and wood remaining show a limbthat represents its owner (particularly, a single finger phalange as we excavated) was buried here. In the ancient time there was a

custom to have a part of the deceased when it is no possibility to take away and bury the corpse to prevent the spirit of deceased from enemy`s hurt. In the paragraph 198, the Secret history of Mongols it was written as Togtoa Bekhi from Mergid was killed during the battle with Chinggis khan on the bank of Ercis river and *"…his sons, not being able to take his bones in hand, not being able to take his body away, cut off his head and, taking [it], departed"* (Tserensodnom, 2000. P. 125). Therefore, there was a custom to take away head of deceased as the representation of the whole corpse when there are no any possibility, time and condition for the Mongols.

As was said in the Mongolian legends about Galdan Boshigt Khan and Chingunjav finger could represent its owner. For example, as was written in legend published by the elder researcher D. Tserensodnom there was no any time to bring the corpse of deceased Galdan boshgot to his homeland. Therefore, Galdan boshgot`s close assistant Danjil hero considered this situation with wise lama and "he cut away two his thumbs, put them in two sandalwood boxes made secretly and send two people with these thumbs to different places as Tsambagarav mountain and his homeland… The thumb sent to Ili aimag had been kept by the man Nyamaan Doodon and lately was put on the mountain as was talked by oold people in Ili aimag" (Tserensodnom, 2000. P. 434). The toponym "Khuisiin huuryn enger (Khuis slope of corpse)" comes from the legend in which there was written as the thumb of Chingunjav was buried here. In the first version of the legend it was written as when Chingunjav went to Russia he said "I have to be buried in my homeland according the custom" and cut his thumb, buried it here and put stone on it (Geelii, 1972. P. 26). In the other version of the legend a wanderer bought a thumb of Chingunjav from the executioner during the execution, brought the finger and buried it with great respect in the Duuregch Van Khosun. Governors of Duuregch Van Khosun had worshiped this place every summer until 1920s (Bayarsaihan, 2004. P. 56-57).

Therefore, there was the custom of Mongols to bury head or thumb representing the deceased whole corpse. As the archeology findings show there was noticeable features of the head idolization and ritual were for Mongols in the Neolith and early Bronze Ages (Ulziibayar, Baatarhuu, 2017). Particularly, the main feature in the prone deceased burial culture of the Bronze Age was purpose cutting of the deceased head. The several burials with deceased without head in the nomadic memorials in the later period can be connected with above mentioned ritual. There is an information about worshiping of the Van Khan`s head, Khereid tribe by Naiman`s noblemen in the Secret history of Mongols. Therefore, the burial of a finger in the small wooden box considered here shows presence of the ritual to bury a part of a corpse and worshiping among Mongols. The single finger in the burial Khond №4 represents the whole corpse also as we explain.

In other hand, the mirror can represent its owner completely. In the Hunnu period burials there was ritual to break the mirror and put in the burial. However, eventually began to put the mirror wholly. So that the mirror is the reflection of its owner whole life it was broken when its owner died breaking his life. However, eventually the mirror began to be put in the mirror wholly that can be connected with life of deceased in the afterworld. Regarding the burial in Khond №4 the whole mirror keeps its owner`s spirit wholly and a single finger represents its owner`s corpse because the there was no possibility to bury whole corpse of deceased as we consider conclusively. As we consider the burial can be the memorial left by Mongolian nomads in the Uighur period or later period and this the burial with a single finger as representation of a whole corpse and a mirror that keeps whole life of its owner is the burial of a person who died far from his/her homeland.

Grave №1, Baruun Shivee or Mongolian Burial that belongs to the XIII century, AD.

It is a Mongolian burial under the capstone with 4 meters diameter which was excavated in 2017. The grave hole dimensions are 210 x 100 cm and the mount is in the center of the masonry. In the 90 depth below the surface there was felt spread out, the deceased young woman of age below 25 and 156 cm height lies on her right-side half and calm and her head was directed to the north. A woman`s bogtag hat was put above her right clavicle or in the right side of her head, also a bronze mirror under her right forearm, knife with wooden hand, awl and wooden comb were put under the mirror overlapping. Under the left side of the deceased there is metal scissors, sheep shank – near

her left knee and sheep blade and birch bark fragment – near her left buttock (Fig. 2; Fig. 3). On the edge of the mirror there is the word 西京大同府官口 Xī jīng dà tóng fǔ guān wéi (Fig. 4).

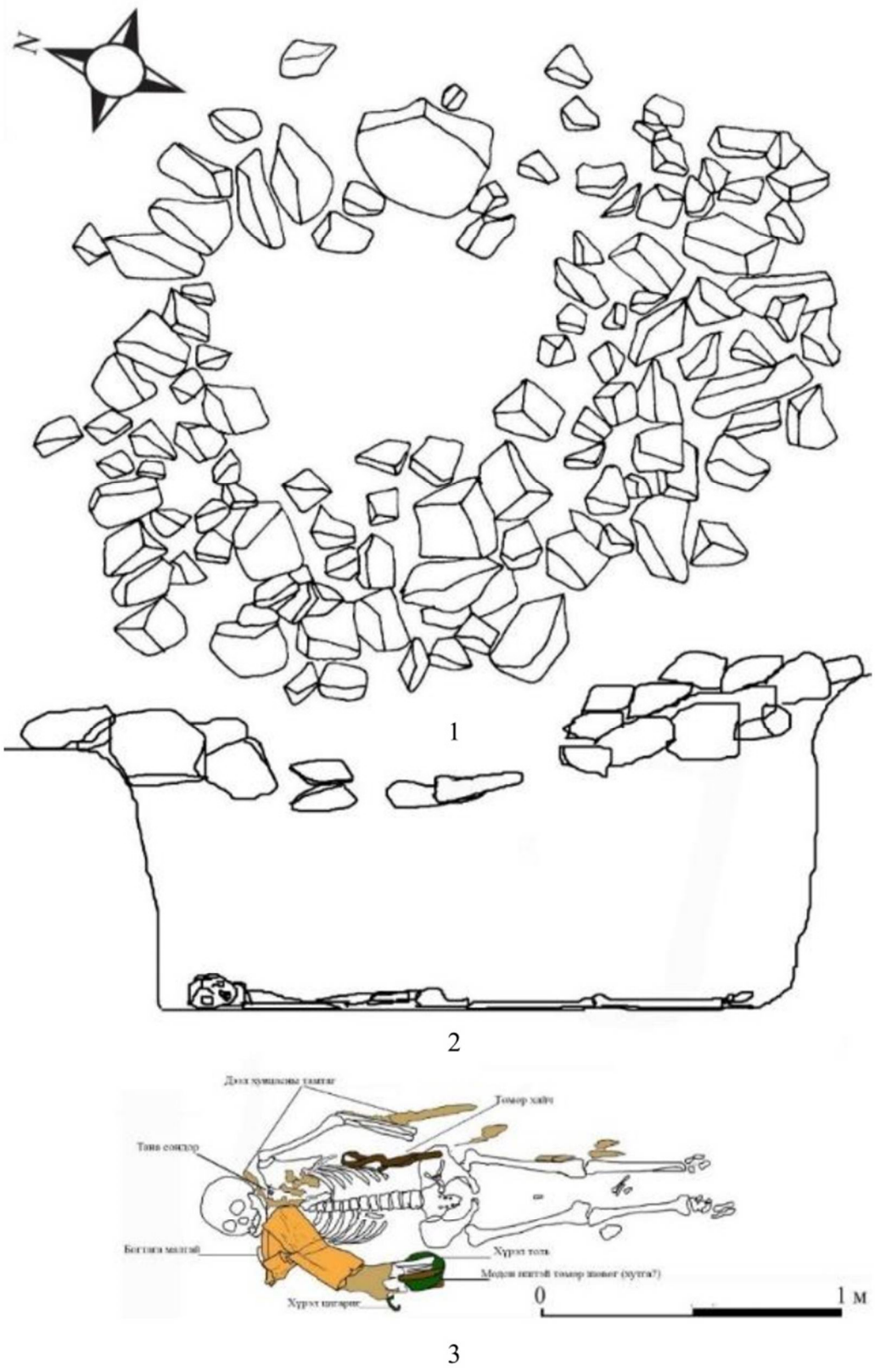

Fig. 2. Baruun Shivee, grave 1: *1 - gravestone masonry; 2 - burial section; 3 - the position of the buried*
Рис. 2. Баруун шиве, могила 1: *1 – надмогильная кладка; 2 – разрез погребения; 3 – положение погребенного*

Fig. 3. Baruun Shivee, grave 1, the position of the buried
Рис. 3. Баруун шиве, могила 1, положение погребенного

Fig. 4. Baruun Shivee, grave 1, bronze mirror
Рис.4. Баруун шиве, могила 1, бронзовое зеркало

Despite the bronze mirror production decrease and in Song, Liao and Jin dynasty periods after Tang dynasty defunction, the composition meaning became more realistic and civic than religious. Flowers, plant and wave patterns appeared newly. The bronze mirror found in on the back slope of Baruun shivee belongs to the mirror type with "flower, plant and wave pattern" that was produced in Song dynasty. Description of the researcher from China Kun Syansin described: "It is a round mirror and its hand looks like a magnolia and its four petals lean to each other in same direction forming circle shape. The leaves and flower at the end of each branch are same. There is circle of small pearls inside the edging" (Kun Syansin, 1992. P. 675. Fig. 1). The words *[Xī jīng dàtóng fǔ guān …]* or "Datunfu officer (signature), Western capital city" was written with the sharp item on the edge of the mirror and the last letter □is the Jurchen letter[1].

The bronze mirrors with such words have been found not only in the territory of China but also in the Russian Federation. Writing with sharp thing was required in that period because it was the official state confirmation in one hand. A.I. Ivliev, the researcher specialized in China study explained: "In the middle of the XI century the lack in copper increased and the Jin emperor made "the copper use prohibition" and regulation within the law. To make limitation for private mold workers all bronze productions were registered. If there is the registration notice on the mirror it could be bought and sold officially. The registration notice had to be written with sharp thing on the edge or the handle of the mirror and the official responsible for it had to writhe his name in zurchid language. And almost all notice was written from top to down clearly" (Ivliev, 1978. P. 104-117).

Such official notes were made not only on the current products, but also on the copy products of the previous periods. Therefore, the bronze mirrors with official notes can be the reliable source for determining the date of findings because such registration was made only in the Jin period at the and of XII century and at the beginning of XIII century (Oborin, Savosin, 2017. P. 6). We can mention a bronze mirror with such notification. On this copy mirror of the Jin period with the image of flying bird on the flower anadem background found in Ussuri town, Far East, the Russian federation it was carved as 西京官□[*Xī jīng guān* …] - "Official in West capital city□". The west Capital city of Jin had been 西京, *si tszin*, the province town was Datunfu 大同府 and it was in the north of former Shanxi province (Oborin, Savosin, 2017. P. 217. catalog, № 2.246).

Here the notice has same meaning to the above-mentioned official notice except the name Datunfu 大同府.

The other items excavated with the above-mentioned findings are following:

Metal scissors: The one part with its hand is absent, its blade is doubled in their point. The thickness of their backside is 0.8 cm, width 2.1 cm. The hand is round and hand`s diameter is 1.8 см. Total length is 30 cm, length of the hand is 13.5 cm.

Nacre bead: Its diameter is 0.8 cm, thickness – 0.75 cm, diameter for the thread hole is 0.15 cm.

Wooden comb: It has arched shape and it was broken into several parts. Its shaft thickness in the very top is 0.9 cm and in the thin part 0.5 cm. The space between teeth in the base is 0.25 cm and the depth of the groove between teeth is 0.1 cm. Despite a comb can be the is a component of findings in the Mongolian burials it has excavated not so often. Kh. Lhagvasuren studiea all excavated about 10 combs and noted that the combs were arched specially and there were circled patterns on them. He said "…such features show there was deep knowledge of wood processing (Lhagvasuren, 2007. P. 222).

Awl (knife): Its whole length is 9.2 cm. Its length is 5.75 cm, length of the iron part is 3.45 cm, diameter of the wooden hand is 2.1 cm and its point diameter are 1.5 cm. The wooden hand is cracked alongside.

Bogtag hat remaining: Its birch bark corpus was divided into several parts. There is the base for fastening the feather, top of the swinging part and wood for swinging are on these parts. The base for feather fastening was made of a berry shell with special made hole. Its height is 2.5 cm and its diameter –

[1] The writings on the bronze mirror was read by Doctor A. I. Ivliev, the researcher in the Institute of History, Archeology and Ethnology of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences and by Doctor A.Punsag, the researcher in the Institute of history and ethnology, Mongolia.

1.95 cm. The top of the swinging has rhombus shape and has hole in its center. Its length is 3.2 cm and width – 2.5 cm. The thickness of the central part with hole is 1.1 cm. The diameter of the hole is 0.65 cm. The wood for swinging part has 31 cm length and its thing part has 27.5 cm length. The width of the swinging part is 0.85 and its width is 0.35 cm. Moreover, are two wooden parts with 4.9 cm length and 0.8 см diameter and 5.4 cm length and 0.7 cm width.

Bronze ring: The diameter of the external edge of the ring is 4.7 cm and diameter of the inner edge – nn 3.5 cm. The thickness of the bronze item is 0.4 cm and its height – 0.6 cm (Fig. 5).

Grave №3, Zuun Shivee or Mongolian Burial that belongs to the period from the XYII century to the XYIII century

A burial with circle capstone with 3 meters diameter on the 30 cm height above the nowadays earth surface was excavated inside the fortress around the Zuun shivee in 2016. Comparatively even correct circled capstone masonry with 40 cm width is seen. Despite the width of the capstone masonry reached 100 cm in the north east part and in the tiny part in the west is 50 cm its width generally same. The human tibia and foot bones were excavated in the center of the area in 70 cm depth in the anatomy structure. In the

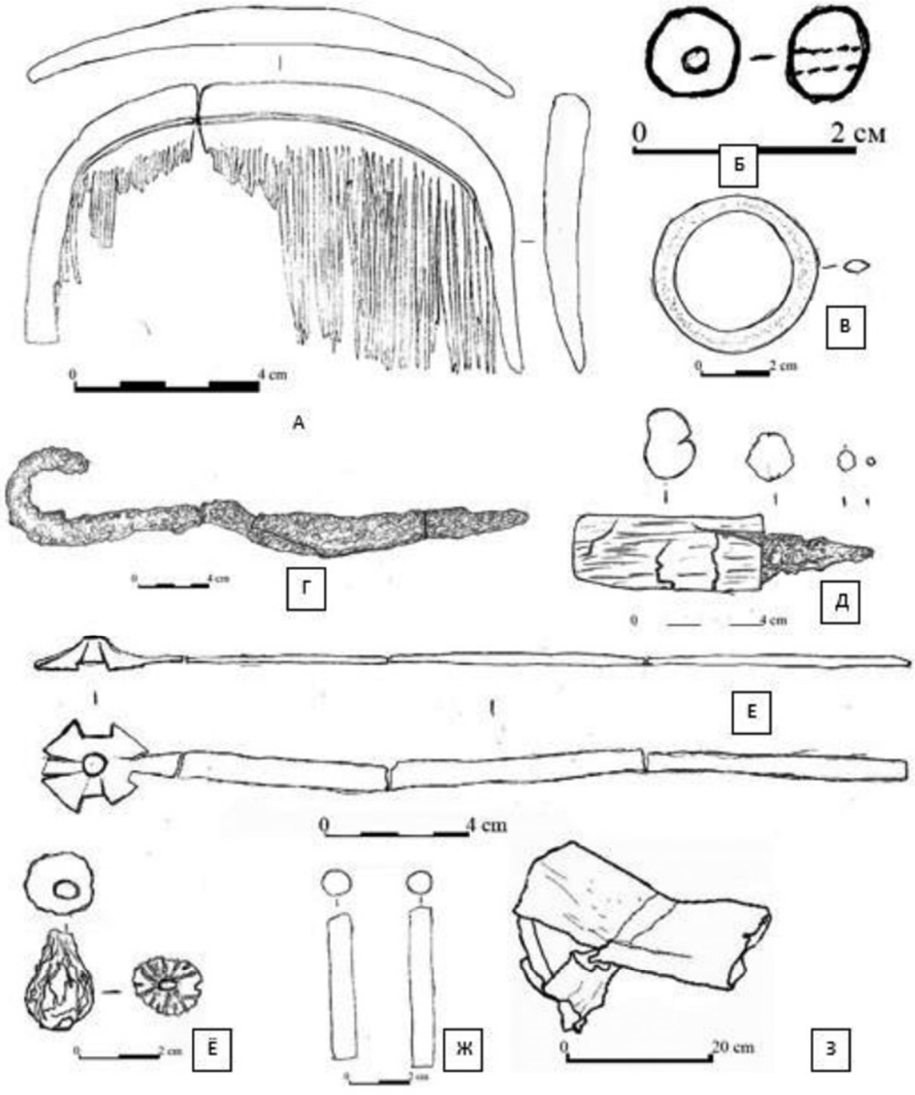

Fig. 5. Baruun Shivee, grave 1. Artefacts: *A - Wooden comb; B. Nacre bead; C - Bronze ring; D - Metal scissors; E - Metal awl with wooden hand; F - Swinging part of the Bogtag hand; G - base for feather fastening; H - Wooden parts of the hat; I - Birch bark parts*
Рис. 5. Баруун шиве, могила 1. Артефакты: *A – Деревянный гребень; B – Перламутровая бусина; C – Бронзовое кольцо; D – Ножницы по металлу; E – Металлическое шило с деревянной ручкой; F – Навершие богтаг; G – Основание для крепления пера; H – Деревянные части богтаг; I – Части бересты*

north east along the leg bones a wooden partition continued. After the wooden partition ah been taken away and the excavation had been continued along the stain human vertex, chest and other parts were appeared. The deceased who lied on her/his right-side squatting in the 110 cm depth form the capstone top and 90 cm depth from the nowadays surface. The lower part of the corpse below its waist was buried 20 cm above the main corpse. The 20 cm difference between the burial of upper and lower part of corpse is very strange and it might be an unusual burial ritual.

Near the back side of the deceased head there is sheep/goat`s head without jawbone and a blue and white whole porcelain inverted cup next to the vertex. Moreover, there is bone archery bow limb, triangle wooden item with copper nails and plain metal item behind the deceased back. And a sheep leg part appeared from under the deceased back. After all mentioned finding were drawn and taken away there were two front sheep/goat legs under the deceased back and two back sheep/goat legs under the lower part of the deceased and 3 vertebras under the deceased chest. After that the natural soil appeared and the excavation was stopped.

The burial hole that was sloped slightly into the north east was dug with 45-50 cm width, 180 cm length and 70 cm depth. Then the part for the lower part of the deceased was left and the hole was dug 20 cm down. Sheep/goat skin with unseparated head (without jawbones) and four legs was spread out, then five internal sheep/goat organs and three vertebras were on the skin and finally was covered with the right and left sided of the skin meaning a whole sheep/goat (zuld in Mongolian) and the deceased was buried on it lying on her/his right-side squatting. The sheep mouth pointed to the north and the its vertex is on the earth. In such way the grave hole part under the upper part of deceased corpse was dug 20 cm deeper to place the meat of sheep/goat wrapped with its skin. Near the sheep/goat head there is an inverted cup used by deceased when he/she was alive and bone archery limb behind the deceased back. The corpse was surrounded by the wooden partition with copper nail and metal rings. Finally, the grave hole was filled with earth a mound was done and the mound were surrounded with capstone. During long time the sheep/goat zuld (button wrapped with sheep skin) under the deceased was absorbed by the earth and disappeared and the upper part bones of the deceased went down in 20 cm and the lower part of the deceased left in the former place. Three vertebras bone, four sheep/goat leg and head bones are under the deceased skeleton.

According to the Buddhist burial rituals in Mongolia the deceased began to be buried on the earth surface lying like lion on his right side (if deceased was male) or like tiger lying on her left side (if deceased was female) bending the upper leg and putting hands under the head as the ethnologists noted (Mongol ulsiin…, 2012. P. 185-186; Tangad, 2014. P. 62). The east part of ger, the Mongolian national dwelling belongs to the wife and when she lies on her left side with the head pointed to the north and face to the east. And husband who lies on his right side and head pointed to the north looks to the west or the husband`s part of the ger. As was written in the note by B.B.Byambayev in 1920s during his travel in Buryat "…If the deceased was a man he is left on his right side, his right arm is bet and put under his neck, left hand is on his left buttock and legs are bent. If the deceased was a woman she was put on her left side, her left arm was bent and put under her neck and right leg is bent. Such lying is the lion`s manner of lying" (Bambaev, 1920. P. 45-52)[2] (Fig. 6).

Burial of deceased in such position means the letting spirit of deceased release quickly and "According to the lion lying the thumb of the right hand covers the deceased nostril and other fingers under his neck, the free hand is put along his body and upper leg is bent. This position was made by Buddha when he passed away. This position means enlightening" (Galbadrakh, 2016. P. 57-62).

There was tradition to put strip of felt on the chosen land and white lamb skin with no any black parts under the deceased pelvic among the Khalkha people but zachchin people put a white cloth or white sheep skin and a white small felt on the land and locate the deceased on them in her/his first position (BNMAU-in…, 1987. P. 302, Mongol ulsiin…, 2012. P. 465-466). In the beginning of the XIX century there were different Mongolian burial types. Former nobleman/ noblewoman

[2] Bambaev B.B. (1920) Description of the funeral rite and its origin. Center of Oriental Manuscripts and Woodcuts of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS. Fund. 11. Inv. 1. List. 13. File. 45-52. Ulan-Ude. 81 l. (In Russ.).

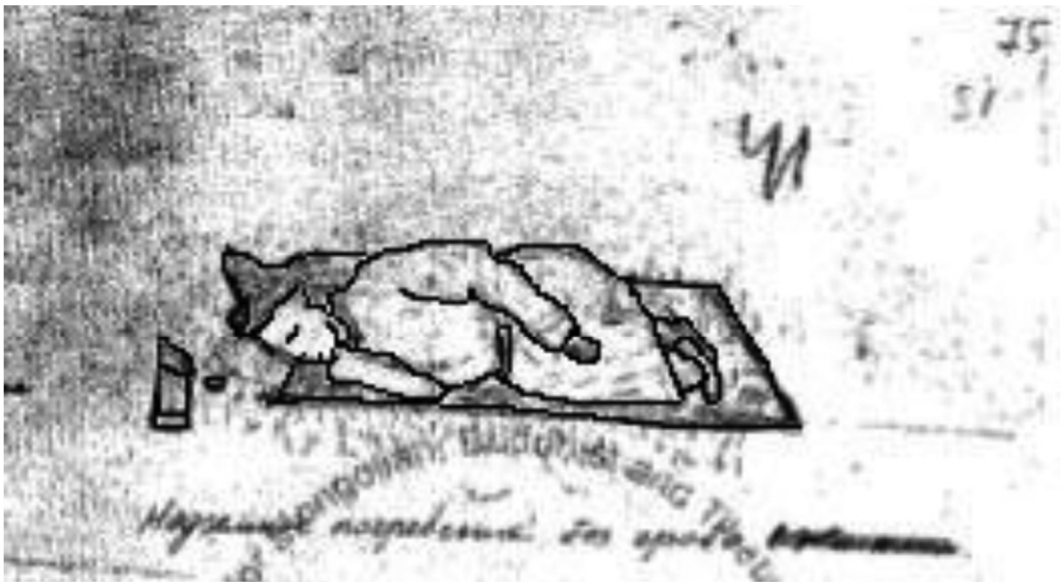

Fig 6. Burial on the earth surface (Byambayev 1920s)
Рис 6. Погребение на поверхности земли (Бямбаев, 1920-е гг.)

deceased were dressed with special burial clothes in the coffins, worshiped and after the burial it had been worshiped every year officially by the deceased` descendants. Deceased who was common person was dressed with his/her best clothes and was put in calm position and wrapped with felt. All deceased was buried only in the north from the deceased former dwelling but can be buried in different ways as on the tree branch, or in the depthless grave hole, or on the earth surface and covered with stone pile and etc. according to the lama`s astrology calculation (Bichurin, 1828. P. 186). In Dariganga "on the on the welcomed place put felt and the main thing was to place the pelvic hole of the deceased had to be matched with arrow stacked in the ground (Badma-Oyu, 2005. P. 205-212)".

The custom to put white lamb skin under the deceased pelvic has kept until now. The custom to put white lamb skin under the deceased pelvic and in the grave hole burial and put white sheep skin under the deceased during the burial on the earth surface was followed in the burial in Zuun shivee mountain in which four sheep legs and head were left its skin and put under the deceased as we think clearly. Several elements of common burial on the earth surface during the Buddhism spread and elements of middle age burials in the grave hole at its extinction period are seen in this burial (Fig. 7; Fig. 8).

Porcelain fragments have been found in the monastery and fortress ruins in our country not so rarely. Edges of white and blue porcelain cup edge and bottom fragments were excavated in Saridag monastery ruins, Erdene soum, Central aimag (Saridagiin hiid…, 2019. P. 406-407. Fig. № 18) and fragments and whole Chinese porcelain items belonged to the XYIII-XX centuries were found in the Shar monastery ruins on the left bank of Buyant river, Khovd town (Ozheredova, Ozheredov, 2011. P. 540-545; Ozheredova, Ozheredov, 2012. P. 409-417). These findings resemble to the findings with porcelain item excavated in Zuun Shivee mountain burial with their date and kept condition. However, the finding in Zuun Shivee was found in whole state firstly.

The porcelain cup found in Zuun Shivee gives opportunity to determine the precise date of the burial having big science significance (Fig. 9). Moreover, same fragments found in the fortress ruins near the spring (Fortress №1, Zuun shivee) in chosen excavation will become the rare findings for determination of the burial and fortress date. As the porcelain catalog in the network and other sources show this finding was made in Jingdezhen **town**, the world porcelain capital city and belongs to the porcelain type *with blue and white dragons*. There is the information with little mistake that it was made at the beginning of the Ming dynasty or in the XY century, clearly from 1560 to 1590 (ancientpoint.com)[3].

[3] http://ancientpoint.com/imgs/a/b/d/v/u/15thc_ming_dynasty_blue__white_vase_designed_plate_bowl_signed_5_lgw.jpg

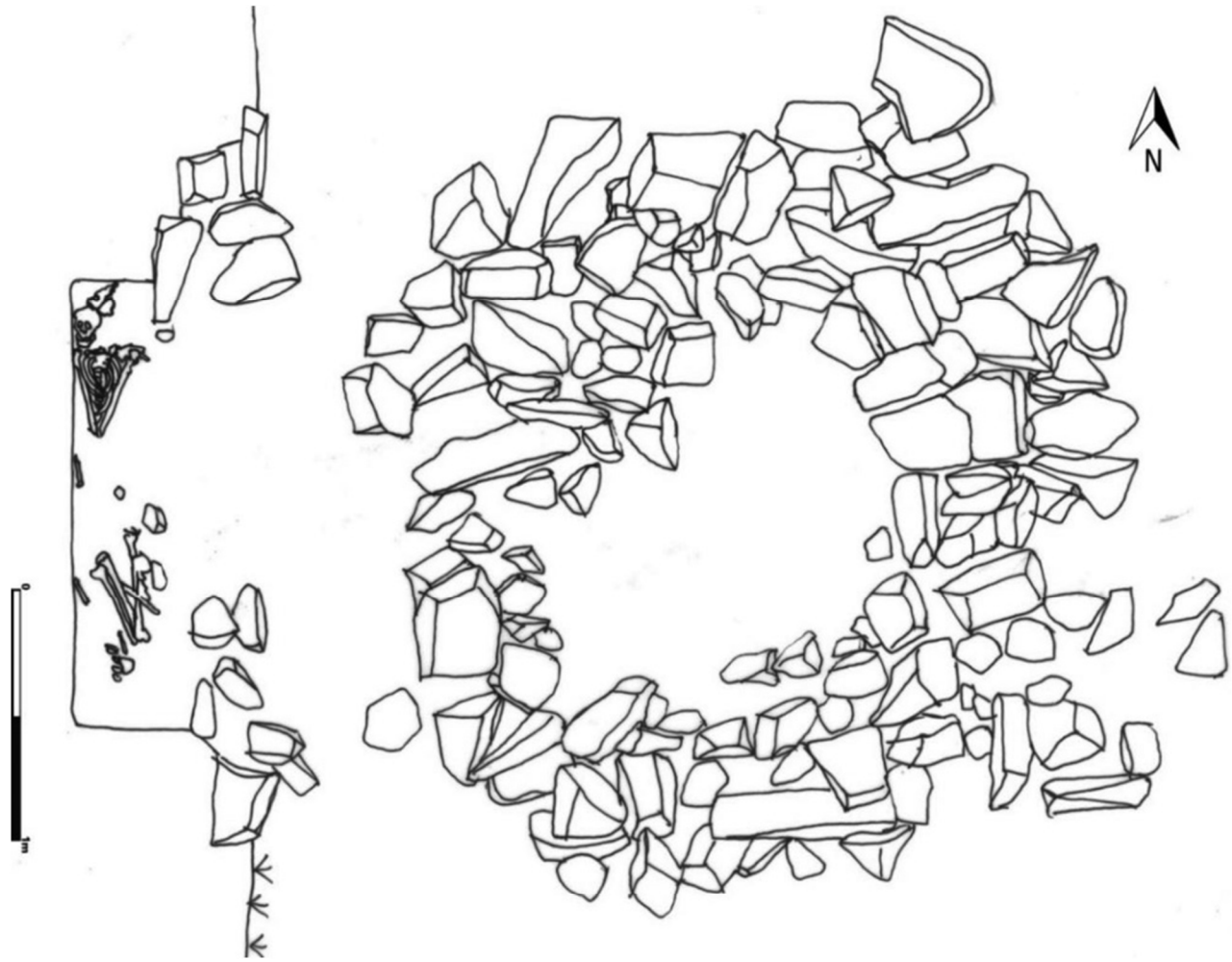

Fig. 7. Zuun Shivee, grave 3. Inner structure of the burial
Рис. 7. Зуун шивээ, могила 3. Внутреннее устройство погребения

Fig. 8. Zuun Shivee, grave 3. Mongolian Burial that belongs to the period from the XVII century to the XVIII century
Рис.8. Зуун шивээ, могила 3. Монгольское захоронение, относящееся к периоду с XVII века по XVIII век

Fig. 9. Zuun Shivee, grave 3. Blue and white cup, Ming period
Рис. 9. Зуун шивээ, могила 3. Сине-белая чашка, период Мин

Ethnologist Ts. Ayush wrote in his report of his study in several Durvud soums: "Thee first cup of tea of that day put near the deceased and every first part of every newly prepared tea was added and finally the tea on the cup were sprinkled to the deceased when he/she was taken away for burial and the cup was put near the buried deceased" (Ayush, 2019. P. 264). As was described in abovementioned drawing by B.B.Bambayev the deceased lies in "lion" position and dombo (Mongolian kettle) and cup were put near the deceased. The own cup of the deceased had significance for the burial rituals in the late period. Therefore, it is clear that blue and white cup in the considered burial is the cup that belonged to the deceased or used for the burial rituals.

Thus, date of the burial is tended to be determined as period from XY to XYI century tentatively and it is significant being the finding that can show the components of Mongolian burial ritual in the at the beginning of Buddhism introduction into Mongolia and in the state disunion. As the deceased lies Buddhism ritual influenced on the burial despite the any its culture items are absent. Beginning this period burial of deceased in the grave hole was extinct and burial on the earth surface began according to the Buddhism ideology. Therefore, as we consider this burial belongs to the period before XYI century or before the intensive introduction of the Buddhism ideology.

The expedition team of "From the Khatny Bulag secrets" project made excavations of three Mongolian burials that belonged to three different period near the oasis "Khatny Bulag", Khatanbulag Soum, Dornogovi Aimag from 2016 to 2018. In the first burial Khond №4 there was buried only a finger of a deceased with his/her bronze mirror and it belongs to the period from IX to X centuries as the mirror design shows. The burial №1 in Baruun shivee mountain back slope represents the Mongolian burial of the XIII century as the bronze mirror with the certifying writing by an official in the period of Jin dynasty and burial ritual show. The burial №3 in Zuun Shivee mountain belongs to the comparatively late period, in other words, in the period when the Buddhism began to be introduced into Mongolia as the blue and white cup and "Lion" position of the deceased show. It is unusual that the burial of that period was excavated firstly in Mongolia. These burials excavated near the Khatny Bulag are the rare contributions to the Mongolian burial study as we believe.

Conclusion

Excavation of cemetery that belong to three different periods were made near the oasis Khatny Bulag, Khatanbulag Soum, Dornogobi Aimag made by expedition team from 2016 to 2018. Khond №4, the first burial has a mirror and a finger, that presents the deceased. As the mirror design feature shows it belongs to the IX-X century or to period before it. However, the burial №1 at the north slope of the Baruun shivee mountain represents Mongolian burials in the XIII century as the mirror confirmed by an official of the Jin State 金朝 (AD 1115-1234) and other objects of burial ritual show clearly.

The burial №3 on the Zuun Shivee mountain belongs to the later period when Buddhism introduced into the Mongolian life as the white and blue porcelain of the Ming dynasty (AD1368-1644) period and deceased that "lies as a lion". This burial is special because it was found in the Mongolian territory first time. These burials will be the big contribution to the study of Mongolian burials as we think without hesitation.

References

Ayush Ts. (2019) Durvod historical ethnographic study. Ulaanbaatar: "Bembi san" press. P. 335. (In Mong.).

Список источников

Аюуш Ц. Дөрвөд түүхэн угсаатны зүйн судалгаа. Улаанбаатар: Хэвлэл "Бэмби сан", 2019. 335 х.

Badma-Oyu B. (2005) Regarding the open burial of Mongolians (as an example of Darigang). *Studia archaeologica.* Ulaanbaatar. Vol. III (XXIII). Fasc. 16. P. 205-212. (In Mong.).

Bayarsaihan D. (2004) History is my homeland. Ulaanbaatar: "Tsomorlig" press. 180 p. (In Mong.).

Bichurin N.Ya. (1828) Notes about Mongolia. St. Petersburg: Tipografiya Pavla Kraya. Vol. 1. Pt. 1, 2. 613 p. (In Russ.).

(1987) Ethnography of the MPR. I. Ulaanbaatar: "Ulsin hevleliin gazar". 320 p. (In Mong.).

Galbadrakh B. (2016) To the study of one funeral rite based on the materials of ethnoarchaeology. *Journal of the Archaeology, History and Humanitarian.* Ulaanbaatar. Vol. 12 (11). P. 57-62. (In Mong.).

Geelii R. (1972) Mountain and water legend of Khuvsgul region. Murun: "Murun hevlel". 185 p. (In Mong.).

Ivliev A. L. (1978) On the inscriptions on the sides of medieval bronze mirrors*. Arkheologicheskie materialy po drevnei istorii Dal'nego Vostoka SSSR = Archaeological materials on the ancient history of the Far East of the USSR.* Vladivostok: DVNTs AN SSSR. P 104-117. (In Russ.).

Kun Syansin (1992) The Illustrated Encyclopedia of Chinese Bronze Mirrors. Pekin: Ven'u chuban'she. 952 p. (In China.).

Lubo-Lesnichenko E. I. (1971) Chinese bronze mirrors depicting animals and grapes in the Hermitage collection. *(SGE) Soobshcheniya gosudarstvennogo ordena Lenina Ermitazha = (SGE) Reports of the State Order of Lenin Hermitage.* Leningrad. Iss. XXXII. P. 47-51. (In Russ.).

Lhagvasuren H. (2007) Archeology of Mongolia (period of Chinggis khan). Ulaanbaatar: "Sorhon tsagaan" LLC. Vol. I. 681 p. (In Mong.).

Oborin Yu.V., Savosin S. L. (2017) Chinese bronze mirror case of chance finds. Krasnoyarsk-Moscow. 527 p. (In Russ.).

Ozheredova A. Yu., Ozheredov Yu. I. (2011) Chinese porcelain at the Barunkhurai site. *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri.* Materialy mezhdunar. nauch. konf. (Irkutsk, 3–7 maya 2011 g.) = *Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia: Proceedings of the Interational Scientific Conference (Irkutsk, May 3–7, 2011).* Irkutsk. Iss. 2. P. 540-546. (In Russ.).

Ozheredova A. Yu., Ozheredov Yu. I. (2012) Chinese porcelain on the ruins of the Shar Sum monastery complex in Western Mongolia*. Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri. Materialy III Mezhdunar. nauch. konf. (Ulan-Bator, 5–9 sentyabrya 2012 g.) = Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia: Proceedings of the Interational Scientific Conference. (Ulan-Bator, September, 5–9, 2012 g.).* Ulan-Bator: Izd-vo Mong. Gos. un-ta. Iss. 3. Vol. 2. P. 409-420. (In Russ.).

Ulziibayar S., Baatarhuu B. (2017) From the secret of the "Khatny Bulag". *Mongoliin soyol, urlag sudlal.* Ulaanbaatar. Vol. XXIII. Fasc. 7. P. 17-28. (In Mong.).

Punsag A. (2009) Research by the Mongolian Secret Service. Ulaanbaatar: "Bembi san" LLC. 168 p. (In Mong.).

Бадма-Оюу Б. Монголчуудын ил оршуулах ёсны тухайд (Дарьгангын жишээгээр) // Studia archaeologica. Tom. III (XXIII). Fasc. 16. Ulaanbaatar, 2005. Т. 205-212.

Баярсайхан Д. Миний нутгийн түүх. Улаанбаатар: Хэвлэл "Цоморлиг", 2004. 180 х.

Бичурин Н.Я. Записки о Монголии. Санкт Петербург : Типография Павла Края, 1828. Т. 1. Части I и II. 613 с.

БНМАУ-ын угсаатны зүй I. Улаанбаатар: "Улсын хэвлэлийн газар" 1987. 320 х.

Галбадрах Б. Оршуулгын нэгэн зан үйлийг археологи, угсаатны зүйн хэрэглэгдэхүүнээр нягтлах нь // Journal of the Archaeology, History and Humanitarian. Vol 12 (11). Улаанбаатар, 2016. т. 57-62

Гээлий Р. Хөвсгөл нутгийн уул усны домог. Мөрөн: "Мөрөн хэвлэл", 1972. 185 х.

Ивлиев А.Л. О надписях на бортиках средневековых бронзовых зеркал // Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока СССР. Владивосток : ДВНЦ АН СССР, 1978. С. 104–117.

Кун Сянсин. Иллюстрированная энциклопедия бронзовых зеркал Китая. Пекин: Вэньу чубаньшэ,1992. 952 с. (孔祥星 著. 中国古代铜镜图典. – 北京: 文物出版社, 1992).

Лубо-Лесниченко Е.И. Китайские бронзовые зеркала с изображением животных и винограда в собрании Эрмитажа // СГЭ (Сообщения государственного ордена Ленина Эрмитажа). Вып. XXXII. Ленинград, 1971. С. 47–51.

Лхагвасүрэн Х. Монголын археологи (Чингэс хааны үе). Тэргүүн дэвтэр. Улаанбаатар: "Сорхон цагаан" ХХК. 2007. 681 х.

Оборин Ю.В., Савосин С.Л. Китайские бронзовых зеркала корпус случайных находок. Красноярск – Москва, 2017. 527 с.

Ожередова А.Ю., Ожередов Ю.И. Китайский фарфор на памятника Барунхурая // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Материалы междунар. науч. конф. (Иркутск, 3–7 мая 2011 г.). Вып 2. Иркутск, 2011. С. 540–546.

Ожередова А.Ю., Ожередов Ю.И. Китайский фарфор на развалинах монастырского комплекса "Шар сум" в Западной Монголии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Материалы III Междунар. науч. конф. (Улан-Батор, 5–9 сентября 2012 г.). Улан-Батор: Изд-во Монг. Гос. ун-та, 2012. Вып. 3. Том 2. С. 409–420. (in Russ).

Өлзийбаяр С., Баатархүү Б. Хатны булгийн нууцаас // Монголын соёл, урлаг судлал. Том XXIII, Fasc.7. Улаанбаатар, 2017. Т. 17-28.

Пунсаг А. Монголын нууц товчооны судалгаа. Улаанбаатар, "Бэмби сан" ХХК. 2009. 168 х.

(2019) Saridag Monastery - the creative center of Űndür gegeen Zanabazars. Ulaanbaatar. 488 p. (In Mong.).

Tangad T. (2014) Research ethnographic expedition of Mongolia. Vol. I. Ulaanbaatar: "Munhiin useg" LLC. 210 p. (In Mong.).

Tsegmed E. (2019) Bronze mirrors found in Mongolia. Ulaanbaatar: "Naran zon print" LLC. 168 p. (In Mong.).

Tserensodnom D. (2000) Secret History of Mongolia. Academic translation and interpretation. Ulaanbaatar: "Munhiin useg" LLC. (In Mong.).

Cammann S. (1953) The Lion and Grape Patterns on Chinese Bronze Mirrors. Artibus Asiae. Vol. 16. No. 4. P. 265-291. https://doi.org/10.2307/3248647.

Igor de Rachewiltz. (1972) Index to the Secret History of the Mongols. Indiana University publications. Uralic and Altaic series. Vol. 121. Indiana University, Bloomington. 347 p.

Information about the authors

Sodnom Ulziibayar – Doctor (Ph.D.) of History, Researcher, National University of Mongolia and Izmir Katip Celebi University Joint Institute of Turkology Studies,
Ikn Surguuliin gudamj-1 P.O.Box-46 A/523, 14201 Ulaanbaatar, Mongolia.

Bat-Ulzii Baatarkhuu – Doctor (Ph.D.) of History, Associate Professor,
Researcher at Culture and Arts Research Institute of Mongolian National University of Arts and Culture,
St. Ankara 26, Chingeltey district, 15140, Ulaanbaatar, Mongolia.

Battulga Ochir – Master of history, Researcher,
Institute of History and Ethnology MAS,
Enhtaivan ave. 54b. Ulaanbaatar 13330, Mongolia.

Ariuntsetseg Uranjargal – Master of history, Researcher,
Museum Training and Research Center of Dornogovi province,
Hutagt ave. 12. Sainshand 14250, Mongolia.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted June 20, 2022; approved after reviewing October 12, 2022; accepted for publication October 24, 2022.

Сарьдагийн хийд Өндөр гэгээн Занабазарын уран бүтээлийн хүрээ. Улаанбаатар, 2019. 488 х.

Тангад Т. Монголын угсаатны зүйн хээрийн судалгаа I боть. Улаанбаатар, "Мөнхийн үсэг" ХХК. 2014. 210 х.

Цэгмэд Э. Монгол нутгаас олдсон хүрэл толиуд. Улаанбаатар, "Наран зон принт" ХХК. 2019. 168 х.

Цэрэнсодном Д. Монголын нууц товчоо. Эрдэм шинжилгээний орчуулга, тайлбар. Улаанбаатар, "Мөнхийн үсэг" ХХК. 2000.

Cammann, S. The Lion and Grape Patterns on Chinese Bronze Mirrors. Artibus Asiae. Vol. 16. No. 4 (1953). P. 265-291. https://doi.org/10.2307/3248647.

Igor de Rachewiltz. Index to the Secret History of the Mongols. Indiana university publications. Uralic and Altaic series. Vol. 121. Indiana University, Bloomington, 1972. 347 p.

Информация об авторах

Содномын Улзийбаяр – кандидат исторических наук, научный сотрудник,
Монгольский государственный университет и Измирский университет им. Катипа Челеби Совместный институт тюркологических исследований,
14201, Уланбатор, Ул. Госуниверситета -1, Монголия.

Бат-Улзийн Баатархуу – кандидат исторических наук, научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт культуры и искусств Монгольского национального университета искусств и культуры,
Ул. Анкара, 26, район Чингэлтэй, 15140, Улан-Батор, Монголия.

Баттулгын Очир – магистр исторических наук, научный сотрудник,
Институт истории и этнологии Монгольской академии наук,
13330, Уланбатор, Пр. Энхтайван 54 б, Монголия.

Ариунцэцэгийн Уранжаргал – магистр исторических наук, научный сотрудник,
Учебно-исследовательский Центр Музей аймака Дорноговь,
14250, Сайншанд, Пр. Хутугта 12, Монголия.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 20 июня 2022 г.; одобрена после рецензирования 12 октября 2022 г.; принята к публикации 24 октября 2022 г.

Научная статья
УДК 904(571.54/.56)(09)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-71-86

Забайкальские археологические памятники в трудах Г. И. Спасского (1783–1864 гг.) на страницах журнала «Сибирский вестник»

Светлана Евгеньевна Бакшеева

Институт истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения Российской академии наук, Владивосток, Россия, sarantceva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3778-5142

Аннотация. Фигура Г. И. Спасского – историка, археолога Сибири, горного инженера, публициста, собирателя, члена-корреспондента Академии наук хорошо известна в отечественной и зарубежной исторической науке. В 1818 г. в одном из первых номеров научно-популярного журнала в г. Петербурге в разделе «Древности Сибири» были опубликованы сведения о развалинах древних зданий и остатков укреплений, расположенных на территории Забайкалья. В статье упоминаются могильники, остатки рудных копий, вал Чингисхана, Хирхиринское городище, каменная стела – эпиграфический памятник, получивший в последствии название «Чингисов камень», Кондуйский городок. К работе приложено несколько рисунков. Два из них – это довольно подробные планы археологических памятников XIII–XIV вв. – Хирхиры и Кондуя, а также центрального здания Кондуйского городка – дворца, исполненные в схематичной манере. Кроме этого, один из рисунков посвящен археологическим находкам, собранным на Кондуе: керамической черепице и архитектурному декору, двум видам гранитных драконов, выполненных в виде голов и протома мифического животного в разных ракурсах. На рисунке присутствуют каменные базы с разными типами художественной обработки. Здесь же представлен стратиграфический разрез, отражающий особенности залегания архитектурных остатков дворца. На последней иллюстрации изображена каменная стела с надписью старомонгольским письмом и отдельно крупным планом она же, уменьшенная в восемь раз. В результате исследования установлено, что при подготовке текста статьи автор, вероятно, воспользовался данными, собранными не лично, а полученными им от одного или скорее всего нескольких его многочисленных «корреспондентов». Большинство рисунков, а именно планы памятников, чертеж дворца, некоторые изображения драконов были, очевидно, скопированы с рисунков другого видного собирателя – П. К. Фролова, оказавшего на Спасского большое влияние и снабжавшего его издание многими материалами. Источник некоторых других рисунков, использованных Спасским, пока так и остается неустановленным.

Ключевые слова: Григорий Иванович Спасский, «Сибирский вестник», Забайкалье, Сибирь, археология, древности, Кондуй, Хирхира, Чингисов камень

Для цитирования: Бакшеева С. Е. Забайкальские археологические памятники в трудах Г. И. Спасского (1783–1864 гг.) на страницах журнала «Сибирский вестник» // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 4. С. 71–86. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-71-86

Original article

Transbaikal archaeological sites in the works of G. I. Spassky (1783–1864) on the pages of the magazine Sibirskiy Vestnik

Svetlana E. Baksheeva

Institute of the History, Archaeology and Ethnology of Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, sarantceva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3778-5142

Abstract. The figure of G. I. Spassky, a historian, archaeologist of Siberia, mining engineer, publicist, collector, corresponding member of the Academy of Sciences, is well known in domestic and foreign historical science. In 1818, in one of the first issues of a popular science magazine in St. Petersburg, in the section “Antiquities of Siberia”, information was published about the ruins of ancient buildings and the remains of fortifications located on the territory of Transbaikalia. The article mentions burial grounds, the remains of ore mines, the rampart of Genghis Khan, Khirkhira settlement, a stone stele - an epigraphic monument, which later received the name “Genghis’s Stone”, and Kondui site. Several drawings are attached to the work. Two of them are rather detailed

© Бакшеева С. Е., 2022

plans of archaeological sites of the 13th-14th centuries - Khirhira and Kondui, as well as the central building of the Kondui site - the palace, executed in a schematic manner. One of the drawings is devoted to archaeological finds collected at Kondui: ceramic tiles and architectural decoration, two types of granite dragons made in the form of heads and a mythical animal from different angles. The figure contains stone bases with different types of artistic processing. A stratigraphic section is also presented here, reflecting the peculiarities of the occurrence of the architectural remains of the palace. The last illustration shows a stone stele with an inscription in the old Mongolian script and a separate close-up of the same, reduced eight times. As a result of the study, it was established that in preparing the text of the article, the author probably used the data collected not personally, but received by him from one or, most likely, several of his numerous "correspondents". Most of the drawings, namely the plans of the sites, the drawing of the palace, some images of dragons were obviously copied from the drawings of another prominent collector - P. K. Frolov, who had a great influence on Spassky and supplied his publication with many materials. The source of some of the other drawings used by Spassky remains unidentified.

Keywords: Grigory Ivanovich Spassky, Sibiskiy Vestnik, Transbaikalia, Siberia, archaeology, antiquities, Kondui, Khirkhira, Genghis's stone

For citation: Baksheeva S. E. (2022) Transbaikal archaeological sites in the works of G. I. Spassky (1783–1864) on the pages of the magazine Sibirskiy Vestnik. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 4. P. 71-86. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-71-86

Древности Забайкалья впервые кратко упомянуты в трудах иностранных путешественников, следовавших через даурские земли проездом, а также в работах академических учёных, совершавших целенаправленные поездки по Сибири во второй половине XVII – XVIII в. (напр., Спафарий, 1882; Messerschmidt., 1966; Миллер, 1937; Gmelin, 1752; Паллас, 1788 и др.). Первым отечественным исследователем, сообщившим широкой общественности о «достопамятностях» забайкальских степей, явился Григорий Иванович Спасский – историк и археолог Сибири, горный инженер, публицист и собиратель, член-корреспондент Академии наук «по разряду словесности и древности», опубликовавший в 1818 г. на страницах первого номера «Сибирского вестника» статью о некоторых ныне хорошо известных археологических памятниках.

«Сибирский вестник», а с 1825 г. «Азиатский вестник» – периодический научно-популярный журнал, издававшийся в Санкт-Петербурге с 1818 по 1827 г. на личные средства Г. И. Спасского, содержал огромный спектр сведений о Сибири: её освоении, истории, археологии, этнографии, географии, ближайших соседях и другой проблематике. В «Сибирском вестнике» впервые были опубликованы некоторые письменные источники, относящиеся к XVII–XVIII вв., например, Строгановская летопись, летопись Саввы Есипова, отрывки из Черепановской летописи, путешествия Ивана Петлина и многие другие исторические памятники (Мирзоев, 1970. С. 132; Афиани, 1988). Для читателя большим подспорьем к немногословным описаниям являлись иллюстрации. Так, в сопровождении некоторых журнальных статей «Сибирского вестника» были помещены рисунки, демонстрировавшие различные виды Сибири, портрет Ермака, изображения костюмов местных народов, карты маршрутов путешествий, древние петроглифы и археологические находки.

Относительно древностей Забайкалья в отечественной и зарубежной историографии отсылки к «Сибирскому вестнику» встречаются часто, прежде всего, в связи с первой публикацией в этом издании сенсационной находки начала XIX в., так называемого Чингисова камня, и началом дискуссии по поводу содержания перевода надписи, развернувшейся уже после доставки стелы в Петербург в 1832 г. (Киселев, 1965. С. 53–54). При этом сведения об археологических памятниках Забайкалья, являющиеся, на наш взгляд, не менее интересными, упоминаются лишь в связи с вопросом определения настоящего места ее обнаружения. Особенный интерес в этой связи вызывает публикация в «Сибирском вестнике» планов двух средневековых монгольских памятников XIII–XIV вв. – Хирхиринского городища и Кондуйского городка, авторство которых на сегодняшний день точно не определено. Рисунки, иллюстрировавшие опубликованные в «Сибирском вестнике» описания, за исключением стелы, никогда не попадали в зону внимания исследователей.

Перед автором настоящей работы стояла задача отыскать статью Г. И. Спасского, посвященную древностям Сибири, проанализировать изложенные в ней факты, предпринять попытку выявить возмож-

ные источники, использованные сибирским историком, оценить его вклад.

Найти первую журнальную публикацию о забайкальских древностях, увидевшую свет более двухсот лет назад, оказалось весьма непростой задачей: первый том «Сибирского вестника», как и издание в целом, давно уже является библиографической редкостью (Шафрановская, 1976. С. 291). К сожалению, полным собранием всех томов ныне не обладает ни одна из отечественных библиотек. Первый том «Сибирского вестника» состоял из четырех книг, напечатанных в виде отдельных частей. Все они датированы 1818 г., однако три из них вышли в 1818 г., а последняя – четвертая часть, несмотря на то что имеет эту же дату, увидела свет лишь в следующем, 1819 г. Оглавления томов приведены в начале книг; статьи имеют двойную пагинацию страниц, что привносит большую путаницу и значительно затрудняет поиск и ориентацию в издании. Иллюстрации в сопровождении тома, как правило, были вшиты между страниц с текстом, либо помещались в конце книги.

С большим трудом отыскав четвертую книгу первого тома и необходимую публикацию, оказалось, что, несмотря на отсылки к рисункам в тексте, иллюстрации в ней отсутствуют (Спасский, 1818b). Выяснилось, что в сопровождении первого тома прилагался отдельный альбом иллюстраций, допечатанный, возможно, по организационным и финансовым причинам несколько позже выхода журнала в свет.

Обратившись к «Сибирской библиографии» В. И. Межова, оказалось, что к первому тому «Сибирского вестника» за 1818 г. был действительно допечатан альбом под названием «Развалины», содержавший, судя по перечню составителя каталога, 9 листов чертежей (Межов, 1903. С. 92), четыре из которых – с шестого по девятый, относились к интересующей нас тематике. К большому сожалению, разыскать этот альбом не удалось. Еще одно издание – «Альбом видов, чертежей зданий и древних надписей Сибири», приложение к третьей части «Сибирского вестника», увидевший свет также в 1818 г. в настоящий момент хранится в ГПИБ (Спасский, 1818a)[1]. Издание, очевидно, сохранилось до нашего времени частично, так как содержит только семь листов иллюстраций, начиная с XII по XVII рисунок включительно. Очевидно, часть листов альбома были некогда утрачены. Четыре из сохранившихся в издании рисунка продублированы и в составе альбома «Развалины», однако необходимых нам иллюстраций, относящихся к статье о забайкальских древностях, в нем также не сохранилось.

Изредка издания «Сибирского вестника» выставляются на продажу от частных лиц на букинистических и антикварных аукционах (напр., Альбом, составленный из иллюстраций…, 1818–1819)[2], которые в силу понятных причин недоступны обычным читателям, однако, как правило, содержат подробное библиографическое описание. Так, по сведениям одного из таких аукционов, иллюстрации альбома к первому тому содержат семь гравюр, а также в его состав входят две карты, десять таблиц и десять листов иллюстраций (Альбом гравюр и карт из «Сибирского вестника», 1818–1824)[3].

Об иллюстрациях в целом известно не слишком много. Так, четыре из семи гравюр считаются уникальными, были выполнены известным гравёром Д. Кулибиным (род. 1775 г.). Они являлись копией с картин трагически погибшего художника Сибири и Алтая В. П. Петрова (1770–1811 гг.) (Каралькин, 1957). Двенадцать рисунков для первого номера журнала выполнил компаньон и соиздатель Г. И. Спасского В. В. Дмитриев (Пономарёва, 2016b. С. 132–133). В издании «Сибирского вестника» не

[1] Спасский Г. И. Альбом видов, чертежей зданий и древних надписей Сибири (приложение к работе автора «О древних развалинах Сибири» в журнале «Сибирский вестник», 1818a., №3). 7 л.: ил. // Сайт Государственной публичной исторической библиотеки [Электронный ресурс]. URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/12073-spasskiy-g-i-albom-vidov-chertezhey-zdaniy-i-drevnih-nadpisey-sibiri-1818 (дата обращения 24.10.2022).

[2] Альбом, составленный из иллюстраций, напечатанных в журнале «Сибирский вестник». СПб., [1818–1819]. // Сайт «Bidspirit». [Электронный ресурс]. URL: https://portal.bidspirit.com/ui/lotPage/source/catalog/auction/199/lot/37890?lang=ru (дата обращения 1.11.2022).

[3] Альбом гравюр и карт из Сибирского вестника Григория Спасского. [1818–1824]. 29 л. грав. ил., карт., табл. // Сайт «Литфонд. Аукционный дом» [Электронный ресурс]. URL: https://www.litfund.ru/auction/240/21/ (дата обращения 1.11.2022).

было предусмотрено отдельного списка приложенного к тому иллюстративного материала – гравюр, чертежей и рисунков: пояснения к иллюстрациям и отсылки к ним приведены непосредственно в текстах статей. Таким образом, оказалось, что несмотря на имеющийся для анализа текст статьи, иллюстрации оказались недоступны.

К счастью, в библиотеке РГО нам удалось отыскать отдельный оттиск «Сибирского вестника» Григория Спасского «Записки о Сибирских древностях», увидевший свет в 1819 г., в который издателем были выборочно помещены несколько статей журнала из первых четырех выпусков и 23 «гравированных изображения». Иллюстрации заключены в однотипные рамки и обозначены римскими цифрами, подрисунки же имеют арабскую нумерацию (Спасский, 1819). Подписи выполнены рукописным письмом на двух языках: справа каллиграфическим почерком сделана подпись на русском языке, слева она же в том же стиле дублируется на французском. В левом нижнем углу, под рисунками этих и других листов иллюстраций сделана небольшая подпись от руки «*Г. С.*» (Григорий Спасский?) (Спасский, 1819), очевидно, рисунки подписаны самим Григорием Ивановичем (Пономарёва, 2016b. С. 132–133).

Раздел журнала «Древности Сибири» посвящен памятникам Сибири Северной и Восточной: условно разделен на две части по географическому признаку. Первый из них касается исторических и необычных природных объектов, расположенных на р. Лене – Шаманскому камню, Ледяной пещере, Верхнему каменному столбу и другим.[4] Подстатья «Забайкальские развалины древних зданий и остатки укреплений» в целом, небольшая: лишь несколько страниц посвящено памятникам юго-востока Сибири. Общий объём этой части журнала – 7 тыс. знаков. Вскользь упоминаются Г. И. Спасским курганы, распространенные в Забайкалье по рекам Шилке, Чикою, Аге и Джиде, и так называемые «чудские копи» – следы рудных выработок древнего населения края. В основном содержании этой части работы приводятся описания средневековых монгольских городищ XIII–XIV вв.: развалин Хирхиринского городища и Кондуйского городка, а также северо-восточного вала Чингисхана и городков, датированных киданьским временем (Крадин, Харинский, Прокопец, Ивлиев, Ковычев, Эрдэнэболд, 2019).

Забайкальским достопримечательностям, как уже было упомянуто выше, посвящено лишь четыре листа иллюстраций «Сибирского вестника» – с XIX по XXII (Спасский, 1819). Они напечатаны на листах большего размера, чем текст сборника и имеют сложенный в три раза формат. Чертежи и рисунок снабжены масштабной шкалой там, где это необходимо, согласно применявшейся в то время системе русской метрологии – в саженях и аршинах. Помимо изображения указаний сторон света на одном из чертежей и масштабной линейки, имевшей обозначения римскими цифрами и подписанной на русском языке письменными буквами, легенда на чертежах отсутствует. Почерк надписей под рисунками и обозначений на чертежах разный. Качество иллюстраций не слишком хорошее: местами рисунки плохо пропечатались и загрязнены; со временем листы приобрели потертости и перегибы, что очень сказалось на их качестве.

Описание забайкальских древностей начинается с памятников, расположенных в бассейне р. Аргуни (рис. 1). «Следуя от озера Далай, вниз по течению сей реки, между Российским пограничным караулом Хайласутаевским и крепостью Цурухайтуевскою, встречается земляной вал вышиною в одну с половиною сажень, продолжающийся в длину от запада к востоку на весьма большое пространство». Здесь речь идет о так называемом вале Чингисхана. Спасский пишет, что он начинается в 12 верстах ниже пограничного Хайласутаевского караула и продолжается уже за Аргунью. С юго-восточной стороны располагаются здесь остатки укреплений, «называемых тамошними жителями *Керем*». Он приводит некоторые данные, касающиеся трёх небольших укреплений. Одно из них, расположенное на расстоянии около полутора вёрст от Хайласутаевского караула, описано наиболее подробно. В плане укрепление имеет вид четырехугольника размером сторон 8 × 6 саженей, вал, окружавший городок высотой полутора саженей и имеется ров. Еще два четырехугольных укрепления находятся в 10 верстах Хайласутая, в степи. Одно из них со сторонами дли-

[4] Обозначенные объекты в то время располагались на территории Иркутской губернии (ныне Республика Саха (Якутия).

Рис. 1. Карта юго-восточного Забайкалья. Упоминаемые Г. И. Спасским археологические объекты и топонимы: *Оз. Далай (ныне оз. Далай-Нор) (КНР); Р. Урулюнгу – ныне р. Урулюнгуй; Кондуйская слобода – с. Кондуй; Цурухайтуевская крепость – с. Староцурухайтуй Приаргунского района Забайкальского края; Кайласутаевский караул – с. Кайластуй Краснокаменского района Забайкальского края; р. Малая Кондуй – р. Кондуй или р. Кундуй; Нерчинский завод – с. Нерзавод Нерчинско-Заводской район Забайкальского края*

Fig. 1. Map of southeastern Transbaikalia. Archaeological objects and toponyms mentioned by G. I. Spassky: *Lake Dalai (now Lake Dalai-Nor) (People's Republic of China); R. Urulyungui - now the river Urulyungui; Konduiskaya Sloboda - the village of Kondui; Tsurukhaytuevskaya fortress - the village of Starotsurukhaytuy, Priargunsky district of the Trans-Baikal Krai; Kailasutaevsky guard - the village of Kailastui, Krasnokamensky district, Trans-Baikal Krai; the Malaya Kondui River - the river Kondui or a river Kunduy; Nerchinsk plant - the village of Nerzavod Nerchinsko-Zavodskoy district of the Trans-Baikal Krai*

ной в три сажени, а второй – семь саженей, имеют аналогичные первому укреплению валы, а «рвы совсем уже обрушились». Внутри укреплений нет следов каких-либо построек. Далее, дополняет автор, на запад располагаются еще несколько аналогичных городков. Рисунка или чертежа, которые дополнили бы эту часть статьи, не прилагается.

В продолжении по тексту приводится достаточно лаконичное описание памятников, расположенных на левом берегу р. Урулюнгуй, впадающей в р. Аргунь (рис. 1). На «Кыркыре и малой Кондуе открыты следы прежде бывших некоторых зданий».

Кыркиринские развалины сохранились в виде остатков валов и рвов, которые, по мнению Спасского, находились на расстоянии 90 саженей друг от друга. Часть из них представлена автором на рис. XIX (рис. 2), план на котором снабжён масштабной шкалой, но не содержит обозначение сторон света:

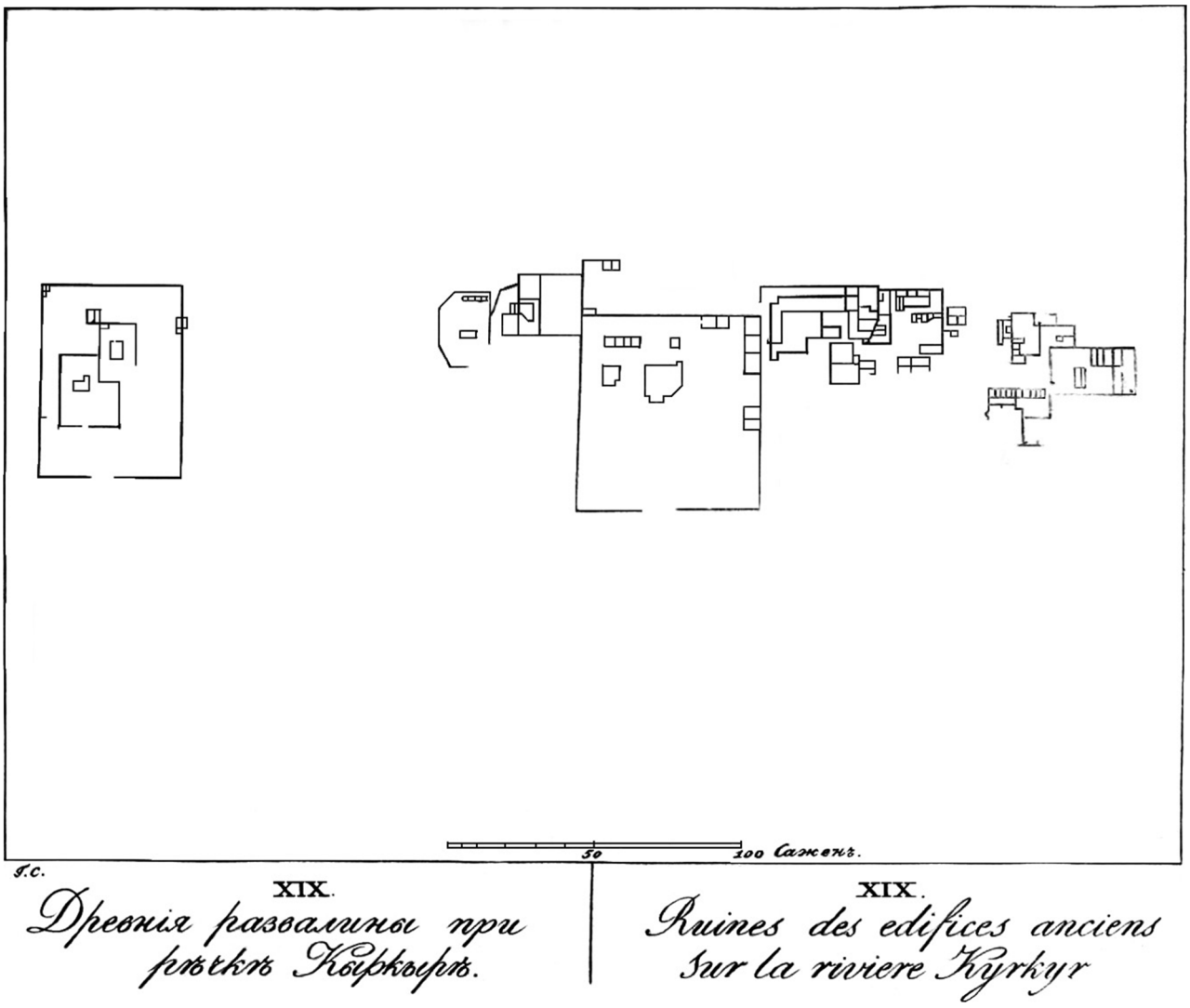

Рис. 2. Хирхиринское городище
Fig. 2. Khirkhira settlement

развалины «имеют странное и многоразличное направление; но есть и такие, которые имеют вид четвероугольника, составлявшего как будто бы основание ограды». На рисунке же изображены остатки как минимум двух крупных усадеб и других, прилегающих к ним укреплений, имевших весьма сложное внутреннее устройство. Сопоставляя чертеж, представленный Г. И. Спасским с глазомерным планом памятника, опубликованным в монументальном труде «Древнемонгольские города» в 1965 г. обнаруживается их явное сходство (Киселев, 1965. С. 25. Рис. 1). Не вызывает сомнений, что на плане из «Сибирского вестника» изображены усадьбы Хирхиринского городища, а в центральной части его, очевидно, самое большое укрепление памятника – частично раскопанная С. В. Киселевым в 1959 г., так называемая «Ханская усадьба». На чертеже Спасского топография усадеб памятника представлена значительно более детальной, нежели на глазомерном плане С. В. Киселева. На первый взгляд может показаться, что за полтора столетия эти подробности могли бы быть утрачены ввиду долгого времени и хозяйственной деятельности, ведущейся на памятнике, однако более сложная топография обнаруживается при сравнении с планом памятника 2018 г., выполненном при помощи аэрофотосъемки (Крадин., Бакшеева, 2018. Рис. 9б).

Древние развалины при р. Кондуе, согласно Спасскому, располагались в 4 верстах от Кондуйской слободы (рис. 3)[5]. По его сообщению, они долго не привлекали к себе никакого внимания в связи с тем,

[5] Ныне с. Кондуй Борзинского района Забайкальского края.

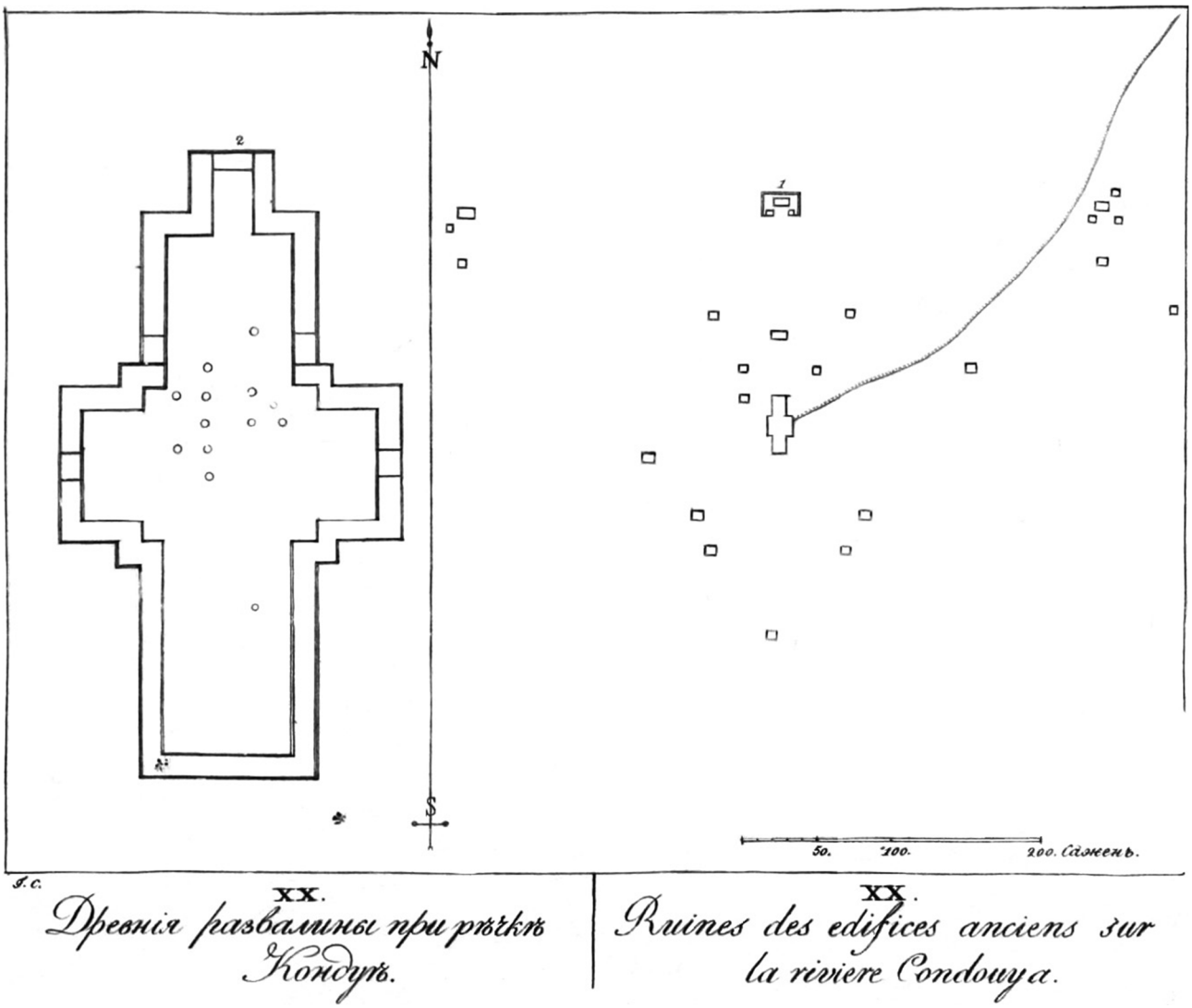

Рис. 3. Кондуйский дворец (слева) и план Кондуйского городка (справа)
Fig. 3. Kondui Palace (left) and plan of the Kondui site (right)

что внешне представляли собой только валы и рвы, покрытые землей и обросшие травой. На (Рис. XX) приведен чертеж общего плана городка и «обширного» здания крестообразной формы, располагавшегося в центре комплекса. Чертёж, названный «Древние развалины при речке Кондуе», снабжён масштабной линейкой, имеет ориентацию по сторонам света и разделен на две части. Справа на рисунке расположен общий план памятника с нанесенными на него остатками построек (рис. 3.2), слева размещен крупный план центрального здания (рис. 3.1) (Спасский, 1819). Масштаб имеет отношение лишь к общему плану памятника и не распространяется на дворец.

Второй рисунок, сопровождавший описание кондуйских развалин, посвящен достопримечательным найденным здесь вещам: изображению «стратиграфического разреза», разновидностям гранитных баз и найденным каменным драконам, керамическим черепицам и скульптурному декору (рис. 4). Все находки имеют на рисунке сквозную нумерацию и ссылки на неё в тексте.

На план памятника нанесены остатки 26 курганов, имевших разную форму и отличавшихся друг от друга своими размерами. Один из них, самый большой, расположен в центре археологического комплекса – остатки большого здания крестообразной формы. Дорога, отходящая от здания в северо-восточном направлении, очевидно, вела в с. Кондуй, куда в начале XIX в. местные жители вывозили строительные материалы для постройки церкви. В целом количество курганов, их расположение и соот-

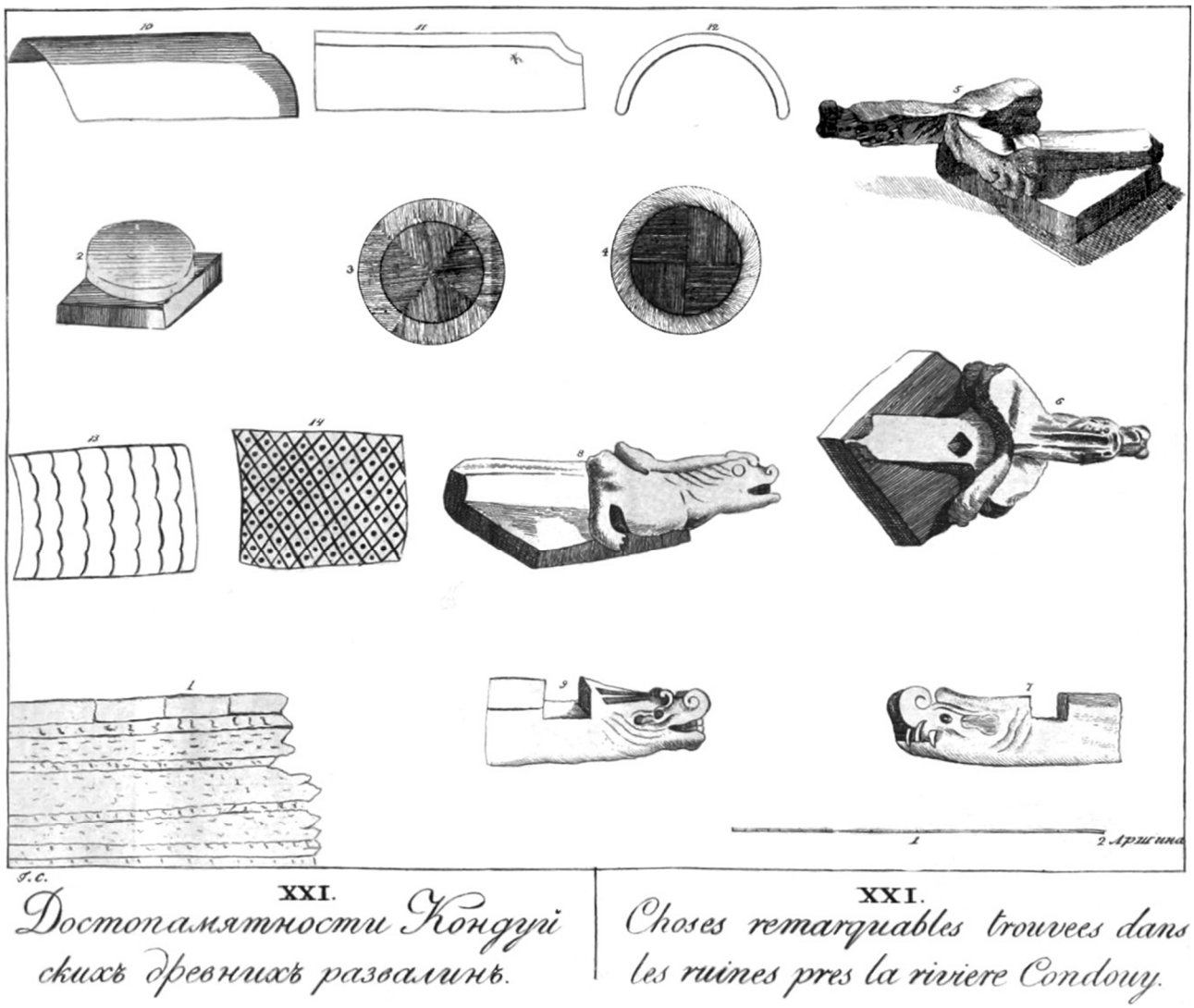

Рис. 4. Стратиграфический разрез (1) и археологические находки (2–4), найденные на Кондуйском городке
Fig. 4. Stratigraphical section (1) and archaeological finds (2–4) from the Kondui site

ношение размеров за некоторым исключением можно считать относительно верным и соответствующим действительности. Соблюдена осевая линия расположения объектов памятника. На поверхности главного сооружения отмечено 12 каменных баз, расположенных преимущественно в его центральной части.

Здание крестообразной формы, размещено в центральной части комплекса, по описанию длиной сорок восемь и шириной двадцать восемь саженей, и возведено «из кирпича не обожжённого и не выбитого, а отрезного, шириною в ¾ аршина, длиной до 16 вершков». Однако здесь сведения, приведенные Спасским, не совсем отвечают тому, что изображено на плане: число каменных баз, располагающихся на поверхности сооружения, тридцать против двенадцати, показанных на чертеже.

Небольшое количество использованного кирпича, которое, по мнению Спасского, не соответствовало размерам постройки, позволило ему сделать заключение, что здание было невысоким, либо же кирпич был вывезен куда-то, поскольку нигде не было обнаружено обрушившихся стен, внутри которых располагалась только земля.

Далее в тексте следует описание внутреннего устройства сооружения: «Пол по всему зданию выстлан был кирпичом на основании, сколько прочном столько же и необыкновенном. Оно состояло из слоёв глины и каменного щебня один в другом лежащих, из коих первые имели толщины 3/4, а последние ½ аршина, так что на толщине 3 аршин находится их шесть», здесь в тексте идет отсылка читателя к стратиграфическому разрезу (рис. 4.1).

Внутри сооружения насчитывается тридцать гранитных баз, размерами 1, в 1 ½ и 1 1/3 аршина, на поверхности которых расположены бороздки или черточки в разных направлениях (рис. 4.2–4). Гранитные изваяния драконов, представленные на рис. 4.5–9 количественно соответствуют каменным базам: по этой причине автор предположил, что они могли применяться как постаменты для драконов. Однако «обработка их и различная величина показывают, что драконы находились в другом месте и едва ли не в стенах были закладены головами наружу». Один из каменных драконов, по сообщению автора, был доставлен в Нерчинский завод[6].

Черепица, найденная здесь, имела различные размеры, была в большинстве случаев обожженной и покрыта «белою, жёлтою и зелёною муравою[7]». Черепицы были желобчатые и имели «закраины» (Спасский, 1819. С. 121 (180)) (рис. 4.10–12). На рисунке на внешней поверхности одной из полуцилиндрических черепиц изображен некий знак, более всего, на наш взгляд, напоминающий китайский иероглиф 五 (*у*), обозначающий числительное «пять» (рис. 4.11). Далее Г. И. Спасский пишет, что поверхность некоторых из черепиц имела «чешуйчатый вид (рис. 4.13, 14), а на других вытеснены были головы драконов. Сии последние заставили думать, что как они, так и прочие черепицы, служили к составлению драконов», и высказывает предположение, что все они находились на кровле здания: «ибо для образования из них драконов многого еще не достает, вытесненные же головы служили только к украшению черепиц или может быть и для придания большей важности самому зданию».

Автор приводит сведения, что жители Кондуйского поселения, возможно, из любопытства или нужды разрыли остатки и нашли керамические кирпичи и черепицу. «Сие подало мысль, жителю Кондуйской слободы козачьему уряднику *Гепову* [8], приложить еще большее старание к открытию всех оных насыпей, дабы вынутые материалы употребить на строение церкви. Скоро, с помощью других ревнителей благонамеренного предприятия, достиг он своей цели. Насыпи были разрыты и в них найдены многие остатки знаменитого древнего здания». После этого все найденные предметы вывезли и использовали для строения церкви. И далее: « …сего кирпича достало на постройку церкви, хотя весьма необширной, не более как до половины» (Спасский, 1819. С. 122 (181)).

На последней иллюстрации статьи приведен рисунок знаменитой стелы, известной как **«Чингисов камень»** (рис. 5). Рисунок разбит автором на две части. Слева стела изображена стоящей на постаменте с разворотом в 45º. И постамент, и стела имеют на своих поверхностях следы глубоких поперечных трещин. На второй части рисунка (справа) помещена надпись, как утверждается, высеченная на камне «восточными буквами надписью», «с возможной точностью, снятая сквозь тонкую бумагу» и уменьшенная для печати в 8 раз. По сообщению Спасского, «большой гранитный камень» был найден вверх по течению р. Урулюнгуй, в 5 верстах от Хирхиринских развалин, где находились несколько курганов (рис. 1). Спасский сообщает, что камень стоял на каменном драконе. Однако, пишет он, большинство мнений свидетельствует о том, что стела была обнаружена не на Хирхире, а на Кондуе. Сам в тот момент также больше склонялся к этой мысли.

Описание камня приводится следующее: «Сий камень состоит из гранита, имеет длины 2 аршина 13 вершков, ширины 14 ¾ и толщины 5 вершков. Надпись на нём высечена сверху вниз. Несмотря на чистое и красивое начертание надписи и сходство ее с Монгольским или Калмыцким письмом, никто доселе не мог оной в точности изъяснить. Но некоторые разобранные в надписи слова, как то в вынос с левой руки, означающей по переводу на Русский язык *последуя временам*; нижняя в первой строке, *все Монгольские народы*; начальные во второй строке, *Чингис–Каган* и тому подобные, придают ей много важности и заставляют желать, чтобы сия загадка была истолкована, которая может быть послужила бы к объяснению и прочих здешних достопримечательностей» (Спасский, 1819. С. 123 (182)).

[6] Нерчинский завод (Нерзавод) – село, территориально-административный центр Нерчинского горного округа, в нач. XIX в. центр горнозаводской промышленности.

[7] Мурава – полива, глазурь.

[8] Козачий урядник Гепов (Епов, Эпов) – один из представителей обширного рода забайкальских Эповых, потомки которых до сих пор проживают в с. Кондуй Борзинского района.

Рис. 5. Чингисов камень
Fig. 5. Genghis's stone

Обсуждение. В литературе неоднократно поднимался вопрос о происхождении материалов издания. Статьи этого тома не подписаны. На страницах журнала Г. И. Спасский довольно часто обращается к трудам учёных-путешественников XVIII в. Д. Г. Мессершмидта, Г. Ф. Миллера и особенно П. С. Палласа; очевидно, он был знаком и с трудами И. Г. Гмелина, однако именно в этой части первого тома «Сибирского вестника» нет ссылок на исследователей и использованную литературу. Возможно, это было связано с тем, что том был первым, концепция подачи материала как таковая издателем ещё не сформировалась, не были окончательно выработаны и принципы его изложения. Между тем, исследователи, изучавшие творчество учёного и публициста, авторство именно этой работы не подвергают сомнениям (Будылина, 1939. С. 1239; Пономарёва, 2017. С. 205[9]). Известно, что Григорий Иванович никогда не был за Байкалом. Крайняя точка на карте Восточной Сибири, которую посетил ученый – г. Иркутск, куда он был прикомандирован в состав научной части несостоявшегося посольства в Китай графа Ю. А. Головкина (Смирнов, 1927. С. 111). В тексте статьи Г. И. Спасским упоминается фраза «по доставленному мне плану», что является свидетельством того, что для написания статьи им были привлечены чьи-то материалы (Спасский, 1819. С. 175 (116)). Сибирский писатель, этнограф и краевед Н. С. Щукин в середине XIX в. писал, что Спасский опубликовал с описанием план здания, вычер-

[9] Пономарёва С. А. Григорий Иванович Спасский: исследователь Сибири и просветитель : дис… на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Красноярск, 2017. 227 с.

ченный горными чиновниками Нерчинского завода (Щукин, 1852. С. 84–85).

Иллюстрации имеют поразительное сходство с материалами П. К. Фролова – горного инженера, начальника Алтайского горного округа, позднее томского гражданского губернатора, коллекционера и собирателя, имевшего на Г. И. Спасского большое влияние и снабжавшего его материалами, предназначавшимися для опубликования в журнале (Рафиенко, 2006. С. 229–260; Пономарёва, 2016а. С. 65). В настоящее время «Альбом рисунков различных сибирских древностей» хранится в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки в г. Санкт-Петербурге. Альбом содержит двадцать пять иллюстраций, некоторые из них дублируют рисунки, размещенные в «Сибирском вестнике». Благодаря подписям под рисунками и планам Кондуйского городка, где речь шла о постройке церкви, было высказано предположение, что они были выполнены не ранее 1806 г. и не позже 1817 г., когда Альбом был выкуплен Библиотекой наряду с другими ценными материалами у П. К. Фролова (Бакшеева, 2021. С. 105).

Сравнительная характеристика рисунков из «Альбома» Фролова и из «Сибирского вестника» Г. И. Спасского. В Альбоме П. К. Фролова имеется четыре рисунка, посвященных забайкальским древностям: три из них относятся к Кондуйскому городку, а один является планом Хирхиринского городища. Техника исполнения рисунка и планов в Альбоме П. К. Фролова – тушь и акварель, иногда карандаш. Первый из них, вычерченный на большом листе план «Развалинам, находящимся … при устье речки Киркиры, втекающей с левой стороны в Урулюнгуй» имеет сложную и подробную топографию. План в издании Г. И. Спасского является почти полной копией этого рисунка, несколько уменьшенной в размере. Масштаб на обоих чертежах показан в саженях. План Г. И. Спасского более схематичен и состоит из простых прямых и перекрещивающихся линий, изображающих топографию усадеб, тогда как у Фролова те же линии более широкие и показаны как валы. Очевидно, человек, копировавший рисунок для журнала, подгонял его под необходимый размер листа и тем нарушил его: оказалось не соблюдено расстояние между центральной и крайней левой усадьбами памятника. В «Сибирском вестнике» на чертеже отсутствует указатель, показывающий направление сторон света, в то время как на чертеже из Альбома Фролова он есть.

Второй и третий рисунки из «Альбома» П. К. Фролова объединены в «Сибирском вестнике» в один (рис. 3). У Фролова – это «План древним строениям … при речке Малом Кондуе» и «План развалинам … при речке Малом Кондуе» (Бакшеева., 2021. Рис. 3, 4). В «Сибирском вестнике» чертежи Кондуйского городка уменьшены в два раза. Масштабы выполнены также в саженях, однако план дворца масштаба не имеет (рис. 3). Оба рисунка снабжены стрелкой, указывающей направление сторон света. На плане памятника П. К. Фролова всего 27 объектов, в центральной части памятника расположен дворец, в «Сибирском вестнике» – 25 построек разных форм и размеров, т. е. два, один на северо-западе комплекса, а второй – у северных ворот, возможно, были «утеряны» при перекопировании. Несмотря на общую линию, имеется разница в расположении объектов у П. К. Фролова и в «Сибирском вестнике». Объекты изображены на чертеже по-разному: в Вестнике очень схематично, в виде простых геометрических фигур, у Фролова подробно, как возвышения с остатками частей видимых стен (?). Крестообразный дворец на этом же плане также показан с подробностями: остатками стен по периметру и каменными базами.

Как уже упоминалось ранее, осевой принцип размещения объектов более близок к реальному расположению остатков зданий и точнее соблюден на рисунке в «Сибирском вестнике», чем у Фролова.

Отдельное изображение дворца по сравнению с чертежом П. К. Фролова также примитивно: едва соблюдена форма, отсутствуют некоторые входы в здание, нет пандуса в северной части дворца. На поверхности дворца показаны 12 круглых баз, сохранившиеся преимущественно в центральной части дворца, несмотря на то что, как уже упоминалось ранее, в тексте статьи речь идет о тридцати (Спасский, 1819. С. 120 (179)). У П. К. Фролова чертеж дворца более «подробен»: к нему прилагается легенда и продольный профиль. На легенде обозначены стены и гранитные базы, из которых добывались кирпичи на строение Кондуйской церкви. Каменных баз на этом чертеже больше, чем у Г. И. Спасского, их расположение совпадает не полностью. Чертеж

выполнен в саженях и имеет обозначение сторон света.

Четвертый рисунок из Альбома П. К. Фролова – виды гранитных драконов. Два из них украшали балюстраду, один – это изображение протомы дракона, располагавшееся по углам здания дворца. Изваяния голов драконов и передних частей их тел выполнены в изометрической проекции, с объемными чертами, нарисованными карандашом, тушью и акварелью. Аналогичные виды каменных драконов помещены и в «Сибирском вестнике» на (Рис. XXI) (рис. 4.7–9), рисунки здесь сделаны гораздо менее художественно, чем у П. К. Фролова, лишены многих деталей. Видимо, особенно пострадали при копировании черты морд (глаза, уши, зубы); на лапе чудовища были упразднены перепонки. Некоторые черты и вовсе исчезли. Рисунки также, как и в других случаях, были уменьшены: изображения в «Сибирском вестнике» выполнены в аршинах, а у П. К. Фролова – в вершках. Схема стратиграфического разреза и изображения других археологических находок: черепиц, образцов архитектурного декора и видов каменных баз в целом весьма точны, но в бумагах П. К. Фролова не найдены. Если сравнить изображения 8 и 5, 6, обращает внимание различный стиль рисунков протом дракона. Возможно, они могли быть взяты из другого источника. Разница в использовавшихся метрических единицах у П. К. Фролова и Спасского может быть объяснена необходимостью привести размеры рисунков находок, полученных из разных источников к общему масштабу. Возможно, при подготовке этой иллюстрации «Сибирского вестника» Г. И. Спасский мог воспользоваться какими-то неизвестными дополнительными материалами.

При детальном рассмотрении становится очевидным, что рисунки в «Сибирском вестнике» выполнены схематичнее, проще, если не сказать, примитивнее, но в целом, как уже отмечалось ранее, несмотря на незначительные отличия, это далеко не лучшая копия материалов П. К. Фролова (Бакшеева, 2021. С. 105). Вероятно, отчасти такое упрощение было связано с техникой изготовления рисунка для печати. Изготовление гравированных изображений требовало специальных знаний, было трудоемким занятием, стоило дорого, да и, судя по всему, автор не ставил перед собой задачи добиться большей точности, поскольку основной целью издания являлось ознакомление читателя со столь актуальной в то время сибирской проблематикой.

Чингисов камень был обнаружен в 1802 г. начальником Нерчинских заводов И. И. Черницыным (1748–1809 гг.) (Константинова, Мясников, 2014). После находки камень перевезли в Нерзавод, где он до 1829 г. и находился. Предполагалось, что во время транспортировки камень разломился на две части, однако один из безымянных рисунков, хранящихся в Государственном архиве Красноярского края в фонде Г. И. Спасского, демонстрирует, что камень был разбит ранее, стела была установлена в паз гранитного постамента (рис. 6). В 1829 г. Г. И. Спасский, уже вышедший к тому времени в отставку, обратился к кн. П. Н. Волконскому, у которого просил посодействовать о доставке этого камня в Петербург (Спасский, 1857. С. 159). Уточнено было и место находки стелы: «…в 17 верстах от Кличкинского рудника на левой стороне от речки Хоркыры, впадающей в Урулюнгуй» (Константинова., Мясников, 2014. С. 273). Так, благодаря хлопотам Спасского в 1832 г. стела прибыла в Петербург, а в мае 1833 г. была выставлена на всеобщее обозрение в одном из залов Второй Промышленной выставки. После ее доставки началось изучение надписи. Сам Спасский имел несколько копий, и в одном из своих писем писал, что «всякий любопытный человек, посещавший Нерчинския заводы, непременно запасался снимком этой надписи, которых и я имею несколько, даже один нарочно для меня списанный тиснением» (Цит. по: Пономарёва, 2017. С. 159[10]).

Если городки вдоль Вала Чингисхана еще до Г. И. Спасского были описаны в литературе Г. Ф. Миллером и И. Г. Гмелином (Миллер 1937. С. 513–520. Рис. 28; Gmelin, 1752. P. 97–98), Хирхиринское городище открыто Д. Г. Мессершмидтом (Messerschmidt, 1966. P. 136–137), то Кондуйский городок, за исключением возможного краткого упоминания Н. Г. Спафарием (Спафарий, 1882. С. 143), без конкретной привязки к местности и описаний, получил широкую известность лишь после его публикации в «Сибирском вестнике». То же

[10] Пономарёва С. А. Григорий Иванович Спасский: исследователь Сибири и просветитель : дис… на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Красноярск, 2017. 227с.

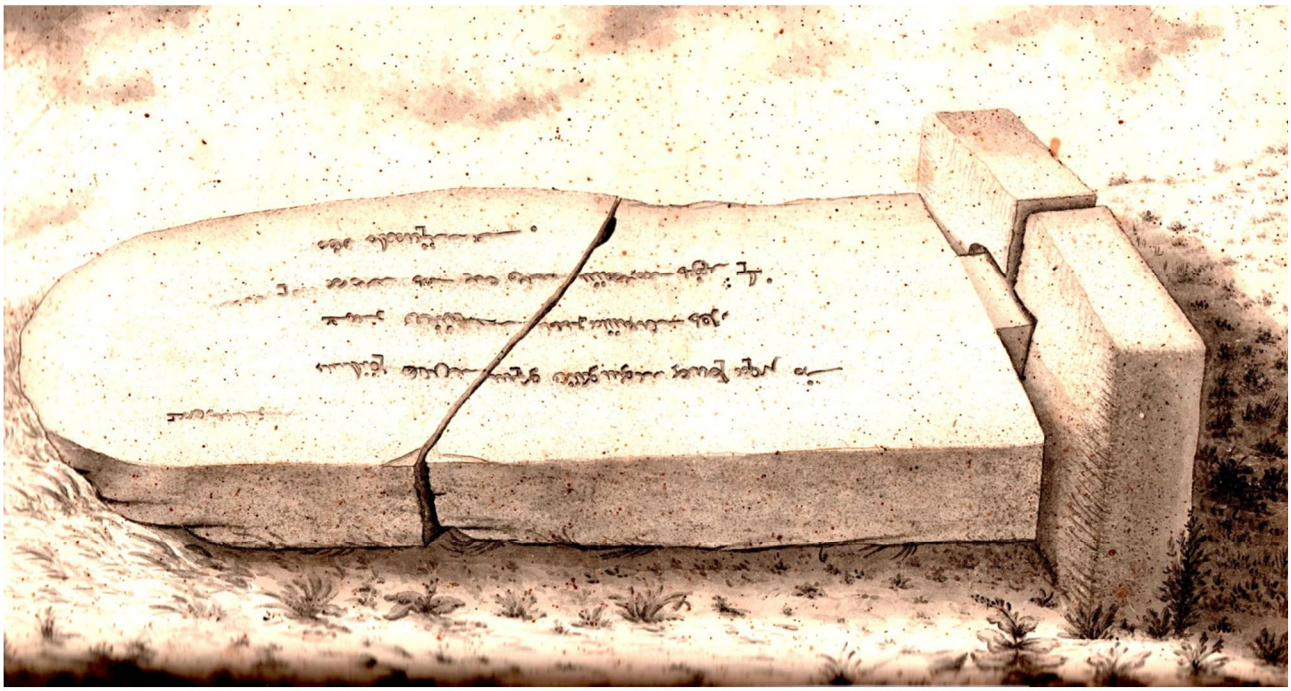

Рис. 6. Один из рисунков Чингисова камня из архивного фонда Г. И. Спасского *(ГАКК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 36. Л. 19)*
Fig. 6. Drawing of Genghis's stone from the archive fund of G. I. Spassky *(State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund. 805. List. 39. File 19)*

можно сказать и о стеле с надписью на старомонгольском языке. Даже несмотря на неудовлетворительное качество снятой копии (Клюкин, 1927. С. 7), Григорий Иванович был первым, кто показал ее миру: кроме публикации на русском языке в 1818 г., книга, посвященная сибирским надписям, вышла на латыни (Spasskiĭ, 1822. P. 15–16, 31, VII. 1822).

Опубликованные Г. И. Спасским материалы на протяжении нескольких десятилетий являлись основой для всей сибирской историко-археологической историографии XIX века, долгое время на это издание ссылались и перепечатывали. В заключение отметим, что статья, размещенная в «Сибирском вестнике» не единственная, посвященная Забайкалью. Анализ этих и других сибирских материалов журнала ещё впереди и по-прежнему ждет своих исследователей.

Список источников

Афиани Ю. В. Публикация исторических документов в журнале Г. И. Спасского «Сибирский вестник» (1818–1824) // Актуальные вопросы теории, методики и истории публикации исторических документов. М. : Московский государственный историко-архивный институт. 1988. С. 119–129.

Бакшеева С. Е. Первые планы средневековых монгольских городищ Забайкалья по неопубликованным источникам: П. К. Фролов (1771–1839 гг.) // Археология евразийских степей. 2021. № 4. С. 96–109. DOI: 10.24852/2587-6112.2021.4.96.109.

Будылина М. Григорий Иванович Спасский (к 75-летию со дня смерти) // Известия Государственного Географического общества. М.; Л. 1939. Т. 71. Вып. 8. С. 1238–1241.

References

Afiani Yu. V. (1988) Publication of historical documents in the journal of G. I. Spassky "Siberian Bulletin" (1818–1824). *Aktual'nye voprosy teorii, metodiki i istorii publikatsii istoricheskikh dokumentov = Topical issues of theory, methodology and history of the publication of historical documents*. Moscow: Moscow State Institute of History and Archives. P. 119–129. (In Russ.).

Baksheeva S. E. (2021) The first plans of medieval Mongolian settlements in Transbaikalia according to unpublished sources: P. K. Frolov (1771–1839). *Arkheologiya evraziiskikh stepei = Archaeology of the Eurasian Steppes.* No. 4. P. 96–109. (In Russ.). DOI: 10.24852/2587-6112.2021.4.96.109.

Budylina M. (1939) Grigory Ivanovich Spassky (on the occasion of the 75th anniversary of his death). *Izvestiya Gosudarstvennogo Geograficheskogo obshchestva = Proceedings of the State Geographical Society*. Moscow; Leningrad. Vol. 71. Iss. 8. P. 1238–1241. (In Russ.)

Каралькин П. Сибирские рисунки художника В. П. Петрова // Сибирские огни. 1957. № 2. С. 160–161.

Киселев С. В. Город на реке Хиркира // Древнемонгольские города. М. : Наука, 1965. С. 23–58.

Клюкин И. А. Древнейшая надпись на Хорхирасском «Чингисхановом» камне: (К разбору древнейших памятников монгольской письменности) // Труды Государственного Дальневосточного университета. 1927. Сер. VI. № 5. С. 3–38.

Константинова Т. А., Мясников А. В. Чингисов камень: документальная история открытия // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. IV. С. 272–274.

Крадин Н. Н., Бакшеева С. Е. Города Монгольской империи // Города средневековых империй Дальнего Востока. М. : Издательство восточной литературы, 2018. С. 281–314.

Крадин Н. Н., Харинский А. В., Прокопец С. Д., Ивлиев А. Л., Ковычев Е. В., Эрдэнэболд Л. Великая киданьская стена: Северо-Восточный вал Чингисхана. М. : Наука, Вост. лит., 2019. 168 с.

Межов В. И. Сибирская библиография: указатель книг и статей о Сибири на русском языке и одних только книг на иностранных языках за весь период книгопечатания: в 3 т. с азбучными указателями имен авторов и предметов. СПб. : Склад издания в книжном магазине Ф. А. Семенова под фирмою «А. С. Семенов и сын». 1903. Т. 1–2: Источники и материалы для истории Сибири: библиографические указатели, исторические и историко-юридические акты и документы, письма и мемуары. История. Биография. География. Путешествия. Статистика. Этнография. Картография. Т. 1. 485 с.; Т. 2. 470 с.

Миллер Г. Ф. О древних памятниках в уезде Селенгинском и Нерчинском // История Сибири. М.-Л. : АН СССР, 1937. Т. 1. С. 513–520.

Мирзоев В. Г. Историография Сибири (Домарксистский период). М. : Мысль, 1970. 391 с.

Паллас П. С. Путешествия по разным провинциям Российского государства. Половина первая. 1772 и 1773 г. СПб. : Императорская академия наук, 1788. Ч. 3. 624 с.

Пономарёва С. А. «Журнал моего путешествия по Сибири…» – о «Сибирском (Азиатском) вестнике», издаваемом Г. И. Спасским в 1818–1827 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2016a. Т. 23. № 3. С. 63–69. DOI: 10.15372/HSS20160311.

Пономарёва С. А. Финансово-хозяйственная деятельность Г. И. Спасского для обеспечения издания «Сибирского (Азиятского) вестника» в 1817–1827 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2016b. № 406. С. 131–135.

Karal'kin P. (1957) Siberian drawings by artist V. P. Petrov. *Sibirskie ogni = Siberian lights.* No. 2. P. 160–161. (In Russ.).

Kiselev S. V. (1965) City on the River Khirkira. *Drevnemongol'skie goroda = Ancient Mongolian cities*. Moscow: Nauka. P. 23–58. (In Russ.).

Klyukin I. (1927) The oldest inscription on the Khorhiras ("Genghis Khan" stone) (On the analysis of the oldest monuments of Mongolian writing). *Trudy Gosudarstvennogo Dal'nevostochnogo universiteta = Proceedings of the State Far Eastern University*. Ser. VI. No. 5. P. 3–38. (In Russ.).

Konstantinova T. A., Myasnikov A. V. (2014) Genghis Stone: A Documentary History of the Discovery. *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani = Proceedings of IV (XX) of the All-Russian Archaeological Conference in Kazan*. Kazan: Otechestvo. Vol. IV. P. 272–274. (In Russ.).

Kradin N. N., Baksheeva S. E. (2018) Cities of the Mongol Empire. *Goroda srednevekovykh imperii Dal'nego Vostoka = Cities of Medieval Empires of the Far East.* Moscow: Oriental Literature Publ. P. 281–314. (In Russ.).

Kradin N. N., Kharinskii A. V., Prokopets S. D., Ivliev A. L., Kovychev E. V., Erdenebold L. (2019) The Great Khitan Wall: The North-Eastern Wall of Genghis Khan. Moscow: Nauka. Eastern literature. 168 p. (In Russ.).

Mezhov V. I. (1903) Siberian Bibliography: Index of books and articles about Siberia in Russian and only books in foreign languages for the entire period of printing: in 3 volumes. with alphabetical indexes of names of authors and subjects. St. Petersburg: Warehouse of the publication in the bookstore of F. A. Semenov under the firm A. S. Semenov and son. 1903. Vol. 1–2. Sources and materials for the history of Siberia: Bibliographic indexes, historical and historical-legal acts and documents, letters and memoirs. History. Biography. Geography. Puteshestviya. Statistics. Ethnography. Kartography. Vol. 1. 485 p.; Vol. 2. 470 p. (In Russ.).

Miller G. F. (1937) About ancient sites in Selenginsky and Nerchinsky districts. *Istoriya Sibiri = History of Siberia*. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences USSR. P. 513–520. (In Russ.).

Mirzoev V. G. (1970) Historiography of Siberia (Pre-Marxist period). Moscow: Mysl'. 391 p. (In Russ.).

Pallas P. S. (1788) Journeys to different provinces of the Russian state. Pt. 3. Iss. I. 1772-1773. St. Petersburg: Imperatorskaya akademiya nauk. 624 p. (In Russ.).

Ponomareva S. A. (2016a) “Journal of my travels in Siberia...” - about the “Siberian (Asian) Bulletin”, published by G. I. Spassky in 1818–1827. *Gumanitarnye nauki v Sibiri = Humanities in Siberia*. Vol. 23. No. 3. P. 63–69. (In Russ.). DOI: 10.15372/HSS20160311.

Ponomareva S. A. (2016b) Financial and economic activities of G. I. Spassky to ensure the publication of the “Siberian (Asiatic) Bulletin” in 1817–1827. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. No. 406. P. 131–135. (In Russ.).

Рафиенко Л. С. Приложение. Переписка П. К. Фролова // Проблемы истории управления и культуры Сибири XVIII–XIX вв.: Избранное. Новосибирск : Сова, 2006. С. 229–275.

Смирнов Б. Григорий Иванович Спасский: (Материалы к биографии) // Сибирские огни. 1927. № 1. С. 110–122.

Спасский Г. И. Памятники древности в Сибири Северной и Восточной // Сибирский вестник. 1818b. Ч. 4. С. 167–182 (108–123).

Спасский Г. И. Записки о сибирских древностях Григория Спасского, Императорской Санктпетербургской Академии Наук Корреспондента и разных ученых Обществ Члена : (из Сибирского вестника). Санктпетербург, 1819. // Сайт Библиотеки Российского географического общества. URL: https://elib.rgo.ru/handle/123456789/217503 (дата обращения 24.10.2022).

Спасский Г. И. О достопримечательнейших памятниках сибирских древностей и сходстве некоторых из них с великорусскими // Записки Императорского Русского Географического Общества. СПб., 1857. Кн. 12. С. 111–181.

Спафарий Н. Г. Путешествия через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария / с введ. и примеч. Ю. В. Арсеньева. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1882. 214 с.

Шафрановская Т. К. Г. И. Спасский – издатель «Сибирского вестника» и «Азиатского вестника» // Страны и народы Востока. М. : Наука. Главная редакция научной литературы, 1976. Вып. XVIII. С. 288–294.

Щукин Н. Забайкальская область // Москвитянин. 1852. Ч. 4. № 14 (Июль). Кн. 2. С. 61–88.

Gmelin J. G. D. Reise durch Sibirien, von dem Jahre 1733. bis 1743. Bd. 2. Göttingen: verlegts Abram Vandenhoecks seel., Wittwe, 1752. 652 S. На нем. яз.

Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. T. 3: Tagebuchaufzeichnungen, Mai 1724 - Februar 1725 / In Verbindung mit Zahlreichen Fachgelehrten Herausgegeben von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch. Berlin: Akademie-Verlag, 1966. 274 S. mit 8 Kunstdrucktafeln und 1 Karte. (Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas; B. VIII; T. 3). На нем. яз.

Spasskiĭ, G. I. Inscriptiones Sibiriacae. De antiquis quibusdam sculpturis et inscriptionibus in Sibiria repertis. Petropoli: Typis N. Gretschii. 1822. На лат. яз. // Сайт «HathiTrust. Digital library». URL: https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=hvd.32044081025041 &view=1up&seq=32 (дата обращения 1.11.2022).

Rafienko L. S. (2006) Application. Correspondence P. K. Frolova. *Problemy istorii upravleniya i kul'tury Sibiri XVIII–XIX vv.: Izbrannoe = Problems of the History of Management and Culture of Siberia in the 18th–20th centuries. Selected works.* Novosibirsk: Sova. P. 229–275. (In Russ.).

Smirnov B. (1927) Grigory Ivanovich Spassky: (Materials for the biography). *Sibirskie ogni = Siberian lights.* No. 1. P. 110–122. (In Russ.).

Spasskii G. I. (1818b) Sites of antiquity in Northern and Eastern Siberia. *Sibirskii Vestnik = Siberian Bulletin*. Pt. 4. P. 167–182 (108–123). (In Russ.).

Spasskii G. I. (1819) Notes on Siberian antiquities by Grigory Spassky, the Imperial St. Petersburg Academy of Sciences Correspondent and various scientists of the Member Societies. (From the Siberian Bulletin). St. Petersburg, 1819. *Sait Biblioteki Rossiiskogo geograficheskogo obshchestva = Website of the Library of the Russian Geographical Society*. (In Russ.). Available from: https://elib.rgo.ru/handle/123456789/217503it (accessed October 24, 2022).

Spasskii G. I. (1857) About the most noteworthy sites of Siberian antiquities and the similarity of some of them with the Great Russian. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva = Notes of the Imperial Russian Geographical Society.* St. Petersburg. Book 12. P. 111–181. (In Russ.).

Spafarii N. G. (1882) Travels through Siberia from Tobolsk to Nerchinsk and the borders of China by the Russian envoy Nikolai Spafariy in 1675. Travel diary of Spafariy. St. Petersburg: Tip. V. Kirshbauma. 214 p. (In Russ.).

Shafranovskaya T. K. (1976) G. I. Spassky is the publisher of the “Siberian Bulletin” and “Asian Bulletin”. *Strany i narody Vostoka = Countries and peoples of the East*. Moscow: Nauka. Eastern literature Publ. Vol. XVIII. P. 288–294. (In Russ.).

Shchukin N. (1852) Transbaikal region. *Moskvityanin = Muscovite*. Pt. 4. No. 14. Book 2. P. 61–88. (In Russ.).

Gmelin J. G. D. Reise durch Sibirien, von dem Jahre 1733. bis 1743. Bd. 2. Göttingen: verlegts Abram Vandenhoecks seel., Wittwe, 1752. 652 P. (In Germ.)

Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. T. 3: Tagebuchaufzeichnungen, Mai 1724-Februar 1725 / In Verbindung mit Zahlreichen Fachgelehrten Herausgegeben von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch. Berlin: Akademie-Verlag, 1966. 274 p. mit 8 Kunstdrucktafeln und 1 Karte. (Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas; B. VIII; Vol. 3). (In Germ.)

Spasskiĭ, G. I. Inscriptiones Sibiriacae. De antiquis quibusdam sculpturis et inscriptionibus in Sibiria repertis. Petropoli: Typis N. Gretschii. 1822. Available at: https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=hvd.32044081025041 &view=1up&seq=32 (accessed November 1, 2022). (In Latin)

Информация об авторе

С. Е. Бакшеева – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Сектора раннесредневековой археологии,
Институт истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения Российской академии наук, 690001, Владивосток, ул. Пушкинская, 89, Россия.

Вклад автора

Бакшеева С. Е. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 15 ноября 2022 г.; одобрена после рецензирования 9 декабря 2022 г.; принята к публикации 19 декабря 2022 г.

Information about the author

S. E. Baksheeva – Cand. Sci. (History), Senior Researcher of the Early Medieval Archaeology Department,
Institute of the History, Archaeology and Ethnology of Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences,
89, Pushkinskaya St., Vladivostok 690001, Russia.

Contribution of the author

Baksheeva S. E. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted November 15, 2022; approved after reviewing December 9, 2022; accepted for publication December 19, 2022.

Научная статья
УДК 30,39
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-87-96

Технологии сохранения русского языка в эмиграции (США, 1920–2000-х гг.)

Наталья Валентиновна Шалыгина

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия,
etgender@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8636-1162

Аннотация. В настоящее время во всех 50 штатах США проживает около 1 млн 300 тыс. человек, считающих русский язык основным языком своего общения, что составляет примерно треть всего русскоязычного населения в США. Однако ситуация с самоидентификацией «русских американцев» на основе владения русским языком постепенно меняется – большинство тех, кто приехал в США в детском возрасте, а также наиболее молодые представители так называемой пятой волны русскоязычной иммиграции уже билингвальны и не считают русский единственным языком своего повседневного общения. Предсказать динамику развития ситуации, учитывая актуализацию английского языка в современном мире, таким образом не составляет особого труда. И в этой связи остро встает проблема сохранения русского языка как основы «Русского мира» в США, его укрепления и дальнейшего развития в новых геополитических условиях. В статье рассматривается несколько вариантов сохранения русского языка в иммигрантской среде, имеющих различные значения. Одним из важнейших способов сохранить русский язык в иммиграции, очевидно, следует считать практику общения на родном языке в семье. Однако определенная часть семей русскоязычных иммигрантов США, стремясь как можно быстрее интегрироваться в американское общество, сознательно отказывалась от использования русского языка не только среди своих соотечественников во внешней среде, но и в домашних условиях. Компенсирующим фактором в этом смысле можно считать активность русскоязычных издательских компаний, которые на протяжении нескольких поколений сохраняли традиции русской словесности на страницах своих изданий. Третьим каналом распространения и укрепления русского языка среди иммигрантов оказались русскоязычные школы, значение которых в США постоянно возрастает. Технологии сохранения русского языка в Америке, таким образом, представляют собой достаточно сложное переплетение нескольких разнонаправленных сил и требует многофакторного анализа.

Ключевые слова: культурная идентичность, плавильный котел, адаптация, русскоязычная Америка, русскоязычная диаспора в США, ассимиляция, иммиграция, репатрианты, русская периодика за рубежом, протестантская мораль американского общества, русская ментальность

Для цитирования: Шалыгина Н. В. Технологии сохранения русского языка в эмиграции (США, 1920–2000-х гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 4. С. 87–96. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-87-96

Original article

Technologies for preserving the Russian language in emigration (USA, 1920-2000-s)

Nataliya V. Shalygina

Institute of Ethnology and Anthropology named after N. N. Miklukho-Maclay of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
etgender@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8636-1162

Abstract. Currently, in all 50 US states, there are about 1 million 300 thousand people who consider Russian the main language of their communication, which is about a third of the entire Russian-speaking population in the United States. However, the situation with the self-identification of “Russian Americans” based on knowledge of the Russian language is gradually changing - the majority of those who came to the United States as children, as well as the youngest representatives of the so-called fifth wave of Russian-speaking immigration, are already bilingual and do not consider Russian the only language of their everyday communication. Thus, it is not difficult to predict the dynamics of the development of the situation, taking into account the actualization of the English language in the modern world. And in this regard, the problem of preserving the Russian language as the basis of the “Rus-

© Шалыгина Н. В., 2022

sian World" in the United States, its strengthening and further development in the new geopolitical conditions is acute. The article discusses several options for the preservation of the Russian language in an immigrant environment, which have different meanings. One of the most important ways to preserve the Russian language in immigration, obviously, should be considered the practice of communication in the native language in the family. However, a certain part of the families of Russian-speaking immigrants to the United States, seeking to integrate into American society as quickly as possible, deliberately refused to use the Russian language not only among their compatriots in the external environment, but also at home. In this sense, the activity of Russian-language publishing companies, which for several generations have preserved the traditions of Russian literature on the pages of their publications, can be considered a compensating factor. The third channel for the dissemination and strengthening of the Russian language among immigrants turned out to be Russian-language schools, the importance of which in the United States is constantly growing. The technologies for the preservation of the Russian language in America, therefore, are a rather complex interweaving of several multidirectional forces and require multifactorial analysis.

Keywords: cultural identity, melting pot, adaptation, Russian-speaking America, Russian-speaking diaspora in the USA, assimilation, immigration, repatriates, Russian periodicals abroad, Protestant morality of American society, Russian mentality

For citation: Shalygina N. V. (2022) Technologies for preserving the Russian language in emigration (USA, 1920-2000-s). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 4. P. 8796. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-87-96

Сохранение русского языка и культуры в США стала актуальной проблемой для русскоязычных иммигрантов уже в первой трети XX в. Основной причиной для беспокойства в этом смысле стало отсутствие в Америке русскоязычных школ, в которых иммигранты так называемой первой, послереволюционной волны могли бы обучать своих детей непосредственно после переезда за океан. Во многих странах Европе для российских переселенцев такой проблемы не существовало, так как и во Франции, и в Чехословакии, и, например, в Югославии русскоязычные школы были созданы самими русскими иммигрантами еще после первой мировой войны и с тех пор продолжали только расширять свою образовательную деятельность за рубежом. Никаких препятствий для развития русскоязычных школ со стороны правительств европейских стран не было. Что же касается США, то в этой стране в начале XX в. активно проводилась политика «плавильного котла», предусматривающая смешение культурных особенностей всех национальностей, проживавших на ее территории. Учреждение национальных школ в принципе противоречило бы такой политике. Однако несколько православных учебных заведений в США в те годы все-таки смогли добиться для своих учащихся включения в американскую программу и тех предметов, которые преподавались в русских школах (например, таких, как русский язык, литература, история отечества, природоведение, а также Закон Божий, катехизис и др.). В 1941 г. некоторые русскоязычные журналы г. Нью-Йорка нередко отмечали, что за очень малым исключением дети забывают свой русский язык, а число тех иммигрантов, которые способны читать на русском периодику, быстро уменьшается, достигнув во втором поколении 8,3 %, а в третьем – 1,5 % (Абдурашитова, 2016. С. 70).

Сохранение русской культурно-языковой идентичности в немалой степени зависело и от степени замкнутости самой общины в условиях иммиграции. При условии проживания в компактной колонии, не владеющей широкими общественно-политическими коммуникациями, сохранение родного языка происходило, как правило, лишь на бытовом уровне при столь же элементарном владении английским. Характерным примером подобного рода технологий сохранения русского языка в условиях иммиграции может служить район Брайтон-Бич, где уже в 1920-е годы сложился свой собственный диалект русского языка, перемешанный с бытовой англоязычной лексикой, который весьма ярко проявляется и даже по-своему развивается по сей день.

Тем не менее среди представителей русской эмиграции первой волны, переселившихся в Америку после Октябрьской революции и Гражданской войны в России 1918–1921 гг., осталась не очень многочисленная, но внутренне консолидированная общность носителей русского языка и русских культурных традиций, влияние которой на всю русскую диаспору в США оказалось весьма стойким и ощущается даже сегодня. После Второй мировой войны это сообщество получило существенное подкрепление в лице достаточно многочисленной группы рус-

скоязычных репатриантов, вынужденно уехавших за океан, но также приверженных русской культуре.

На протяжении полувекового периода (1920–1970-х гг.) значительная часть российской иммиграции в США предпринимала усилия для воспитания своих собственных детей в духе отечественных культурных традиций, сохраняя их из поколения в поколение. Наиболее отчетливо такая межпоколенная трансляция русской культуры проявлялась в семьях первой волны иммигрантов, начавших перебираться за океан сразу же после октябрьской революции. Главная причина такой культурной преемственности состояла в том, что представители этой волны, состоявшей, как правило, из представителей офицерского состава Белой гвардии, обладали высоким уровнем образования и преданностью как российскому государству, так и многовековой русской культуре, что и повлияло на социализацию нескольких последующих молодых поколений в семье.

Точно такой же механизм сохранения русского языка и русской культурной идентичности, основанный на семейном воспитании и сохранении высокого образовательного уровня всех членов семьи, характерен, кстати, и для двух последующих волн иммигрантов, переселявшихся в Америку на протяжении более чем 4-х десятилетий – с середины 1945 по конец 1990-х годов. Как правило, состав этих волн включал в себя представителей различного рода советской интеллигенции (артистов, врачей, преподавателей и др.), образ жизни которой и до переезда в Америку был сориентирован на достаточно высокий социальный и профессиональный статус. Отказ от русского языка в эмиграции, как правило, не рассматривался представителями этой волны как шаг к успеху в новых условиях. Скорее наоборот, воспринимался в качестве снижения уровня интеллектуального капитала, приобретенного в течение жизни. Поэтому, даже отдавая своих детей в американские школы, родители обеспечивали им регулярные занятия грамматикой русского языка, написания сочинений по русской литературе и т. п. (Шалыгина, 2021. С. 338).

Адаптация к этнокультурной реальности США (структурная ассимиляция, т. е., необходимость полноценного вхождения в новую для иммигрантов социально-экономическую среду) грозила утерей родного языка не только представителям молодых, но и старших поколений россиян, покинувших родину. Но при этом шел и параллельный процесс – сохраняющаяся потребность в общении с земляками, обеспечивавшая русскоязычным иммигрантам необходимый психологический комфорт в инокультурной среде. Для удовлетворения этой потребности большинство иммигрантов первых волн использовали русскоязычную прессу и радио, а, начиная с 1950-х г., и телевидение. По воспоминаниям Аллы Радзинской, «*хотя в двадцати шести домиках нашей подковы (русский дачный поселок в г. Монтиселло) жили исключительно выходцы из СССР, я единственная получала газету на русском. Она ходила по рукам и зачитывалась до дыр*» (Радзинская, 2004. С. 66–67).

Характерной особенностью русскоязычной периодики в 1950-х годах было то обстоятельство, что практически вся она рассматривалась издательствами как инструмент борьбы с советской идеологией и была посвящена почти исключительно проблемам, существовавшим тогда в СССР. Одним из приемов в этой борьбе стало принципиальное использование некоторыми изданиями дореформенной орфографии, которая была изменена еще в 1918 г. (Печатное дело Русского зарубежья…, 2003). Так, например, крупнейшее периодическое издание на русском языке, выходившее в США вплоть до 2010 г., носило название «Новое русское слово и Россія». Публичное, нарочитое обращение к старой орфографии русского языка должно было подчеркнуть его отстраненность от всей советской культуры и, наоборот, демонстративно декларируемое родство с «настоящей», русской культурой.

Можно сказать, что русскоязычная периодика в США на протяжении всего XX в. обеспечивала сохранение культурно-языкового кода иммигрантов даже в самых удаленных регионах Америки (Вишнякова, 1998). Но сам культурно-языковой код русскоязычных иммигрантов не был единым. Начиная со второй половины XIX в., большинство русскоязычной периодики поступало в США из России, а также из центров русскоязычной эмиграции в Европе (Лондон, Женева, Париж и др.), которые, как правило, придерживались левых политических взглядов. Со временем и в самой Америке начали быстро распространяться местные редакции русской периодики, которые, как и зарубежные издания русской

эмиграции, также имели идейно-политическую ориентацию. Однако, в отличие от европейской русскоязычной периодики, политические предпочтения в среде Русского зарубежья США имели более разнообразную политическую палитру левых взглядов, включая в себя социал-демократические, эсеровские, анархические и других направления, в зависимости от того, к какому именно идеологическому крылу принадлежало то или иное издание (Базанов, 2000b. С. 116).

Кроме того, в Америке 1930-х годов издавались русскоязычные газеты и журналы, не имеющие отношения к политическим проблемам и открыто демонстрировавшие свою оторванность как от политической жизни самой диаспоры, так и от международной политики вообще. Так, издание «Вестник монархиста», выходившее в г. Нью-Йорке в 1930–1940-х годах рассказывало на своих страницах о жизни представителей дома Романовых за границей, подробно описывало свадьбы членов императорской семьи, монархические собрания и т. п. Однако из-за слабости полиграфической базы издания широкого распространения среди иммигрантов США не имело и заметного влияния на их сознание не оказывало.

Иначе обстояло дело с теми русскоязычными изданиями, которые поддерживались профсоюзным движением Америки и отражали большинство злободневных проблем выживания иммигрантов в новых условиях. Например, в 1920-х годах в США активно действовали организации, защищавшие права представителей той или иной профессии иммигрантов и имевшие при этом свой собственный печатный орган – журнал «Американская техника», «Бюллетень информационного бюро русских кооператорских союзов», «Бюллетень Фонда помощи российским писателям и ученым» (Селезнева, 2016. С. 166). Все подобного рода издания, помимо профессиональной помощи и поддержки специалистов из России, сохраняли и русскую лексику, и сугубо профессиональную терминологию на русском языке, необходимую для полноценной профессиональной деятельности (Струве, 1996).

Но отличительной чертой большинства русскоязычных изданий в США этого периода была установка на интеграцию протестантской морали американского общества в православное сознание русских иммигрантов. Так, на страницах газеты «Американская Русь» по инициативе ее издателей М. Волкова и М. Романович утверждалось, что русские должны оставаться русскими, но при этом уважительно относиться к обычаям и нормам жизни в Америке: «*Не следует забывать, что мы русские, и во всех колониальных делах действовать, как и подобает выходцам из одной страны: без зависти, без ненависти, без интриг, а с любовью к общему делу, дружно и честно по отношению друг к другу… Следует ближе знакомиться с американской жизнью и воспринимать все хорошие стороны американцев…, улучшать наше экономическое положение путем честного труда, сбережениями, учиться при помощи книжек и разговоров с хорошими людьми*» (Базанов, 2000 с. С. 134–135). Для большинства представителей первой волны русскоязычных иммигрантов США подобного рода советы становились своего рода программным документом, облегчающим адаптацию в новой стране и при этом позволяющим сохранять родной язык. Иными словами, издательско-просветительские группы определяли свою основную миссию не только как распространение знаний среди русскоязычных рабочих, но и оказание им различных видов практической помощи, обучение американскому образу жизни, т. е. не бояться трудностей, а упорно преодолевать их, не сомневаться в своих возможностях, стремиться к получению образования и скорейшему трудоустройству.

Установка на сохранение «русскости», впрочем, далеко не всегда присутствовала в русскоязычных изданиях США. Идеологемы русских эмигрантов, формировавшиеся главным образом в европейских странах, чаще всего включали в себя исключительно хвалебные оды американской жизни, противопоставляя ее новой большевистской власти в России: *«Взоры русских обращены теперь к американцам, к той нации, которая проявила себя перед всем миром в славной знаменитой борьбе за освобождение народов от рабства, к той стране, плодами культуры и просвещения которой пользуется весь свет, к той стране, которая в экономической жизни европейских государств ныне играет главенствующую роль и которая в данное время обладает наибольшей долей мирового золотого запаса и имеет массу свободных капиталов*» (Измо-

зик, 1992. С. 50). Публицистические статьи европейских белоэмигрантов наполняли русскоязычные издания в США совершенно определенным содержанием, превозносящим Америку во всех ее начинаниях, включая отношение к самой России: «*Американцы помогали русским в войне с большевиками, помогали русским беженцам, участливо относились к их детям, которых избавили от голодной смерти и которым стараются дать соответствующее их положению образование и воспитание…они <американцы> помогают возрождению России, сохраняя при этом неприкосновенность ее территории и не сочувствуя <ее> расчленению*» (Измозик, 1992. С. 51).

Идеализация образа Америки в русскоязычной печати на протяжении 1920–1940-х годов несмотря на то, что упрощала сам процесс социально-экономической адаптации переселенцев, неизбежно приводила к трансформации всей их языковой культуры в целом. Теряя русский язык, иммигранты одновременно переживали и состояние практически полной изоляции от американской общественной и культурной жизни. В 1917 г. многие эмигранты сетуют на то, что «*русский человек чувствует себя в Америке одиноким… Он не имеет друзей и каких-либо социальных центров, где он мог бы обрести друзей… Америка вообще не интересуется душой и духовной жизнью русского иммигранта, она заинтересована лишь в его мускулах*» (Восков, 1925. С. 33).

Современники, наблюдавшие процесс вживания русских иммигрантов в американскую жизнь первой половины XX в., отмечали, тем не менее, их способность к быстрому и эффективному обучению: «…Постепенно *их кругозор расширялся, потребности становились выше. Такие нередко шли, не считаясь с возрастом, в сельскохозяйственные колледжи и институты, занимаются просветительной и организаторской деятельностью в русской колонии… становились членами рабочих юний (профсоюзов), стихийно учились общественности и защите своих прав и интересов… во много раз больше читали, чем русские в России*» (Вильчур, 1914. С. 90–91). В 1915 г. советник российского посольства в Вашингтоне А. И. Щербатский писал, что среди русскоязычных иммигрантов «*появились “свои” врачи, торговые заведения, солидарность и некоторый местный русско-американский патриотизм*» (Щербатский, 1915. С. 10). Часть русских рабочих оказалась вовлеченной и в американское профсоюзное движение, что заметно сказывалось на улучшении их материального положения.

Процесс интенсивного обучения, позволявший русским иммигрантам быстрее и эффективнее приспосабливаться к американской культуре, постепенно повышая образование, заработок и уровень жизни в США, с другой стороны, стимулировал их интерес и к возрождению в новых условиях собственной культуры. Иммигранты организовывали свои союзы, открывали школы, библиотеки, проводили лекции на общественных началах, стремясь к приобщению как можно большего числа своих соотечественников к образованию. В результате уже спустя несколько лет после прибытия в Америку многие из них начинали читать русскоязычные газеты, даже если и не все еще в них понимали (Окунцов, 1967. С. 28).

По личным наблюдениям автора этой статьи (полевые исследования проводились в 2000–2003 годах), традиция обращения русскоязычных иммигрантов по любому случаю к печатным изданиям на русском языке, издававшимся в США, сохранялась вплоть до начала XXI в., пока не произошел тотальный переход к интернет-коммуникациям, обеспечивший неограниченный доступ к информации самого различного рода. Но в первой половине XX в. информационно-издательские группы фактически полностью владели умами переселенцев, формируя их ментальность. Русскоязычные издания в США этого периода призывали не забывать о своих корнях и, если возникнет необходимость, отстаивать собственные духовные традиции. Так, журнал «Зарница» в середине 1920-х годов приводил как аргумент в пользу укрепляющейся духовности русскоязычного населения США растущее число религиозной и философской литературы на русском языке.

К концу 1930-х годов издательская деятельность русской эмиграции еще более активизируется. В США как в страну, свободную от нацизма, в это время начинают переселяться многие русскоязычные писатели, журналисты и ученые, ранее обосновавшиеся в европейских странах. Их мотивация состояла в том, чтобы сохранить в США свободу творческой деятельности, которая в Европе активно подавлялась нацистским режимом. Но уже к началу

1940-х годов в среде русской интеллигенции, нашедшей в Америке свою новую родину, усилилось идеологическое размежевание между консерваторами, защищавшими монархию, и представителями левых взглядов, послужившее основой для раскола внутри диаспоры и особенно ярко проявившееся в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Так, если монархисты на страницах «своих» периодических изданий (газета «Россия») размещали материалы, свидетельствующие о низкой боеспособности советской армии, то «Новое русское слово», напротив, было проникнуто гордостью за победы Советского Союза над фашистскими войсками: *«Восемь русских армий неумолимо двигаются на запад. Это Россия, двинувшаяся с нижней Волги. Она остановится только на Эльбе. Ибо: Россия Германию разбила»* (Нитобург, 2005. С. 69).

В начале 1950-х годов на русском языке в США выходит только около 20 периодических изданий (Ручкин, 2007). Снижение издательской активности русскоязычной диаспоры в это время было обусловлено, в первую очередь, атмосферой холодной войны, а газеты и журналы, издававшиеся в СССР, хранились исключительно в крупных библиотеках США и поэтому практически не были доступны иммигрантам. К тому же советская периодика не соответствовала информационным и культурным запросам основной массы русскоязычной Америки и спрос на нее был весьма незначительным (Якобсон, 2004. С. 234). В результате русскоязычное сообщество США оказалось вне динамики тех изменений русского языка, которые сопутствовали трансформации социокультурных установок на его родине. Особенно «застойные процессы» коснулись лексики русского языка, не пополнявшейся в должной мере, например, советизмами, характерными для этого периода развития страны. С другой стороны, возможно, что благодаря в том числе и такого рода «застойным» явлениям, русский язык иммигрантов в США вплоть до начала 1960-х годов смог сохранить свои стилевые особенности.

Заметные изменения в русском языке иммигрантов начались в 1960-х годах, когда следующие поколения интеллектуальной элиты из СССР увидели за океаном новые возможности для своего творческого развития. Так, члены литературного объединения «Центр культуры эмигрантов из Советского Союза» определили своей основной задачей установление разнообразных контактов между представителями двух культур в эмиграции, стремясь к созданию некой новой культуры, которая сохраняла черты и русской, и американской культуры одновременно. С этой целью объединение «Центр культуры эмигрантов из Советского Союза» в своих альманахах начал пропаганду равной лояльности обеим культурам в иммигрантской среде и развития билингвизма среди своих читателей (Базанов, 2000а). Темы русской истории, философии, литературы в 1950–1960-х годах активно освещались, например, в таких печатных изданиях, как «Записки Русской академической группы в США», включались сборники, содержащие в себе произведения русских классиков – А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Толстова и др. (Ульянкина, 2010). Традиция выпуска литературных сборников и альманахов оказалась весьма устойчивой, о чем свидетельствовало (Печатное дело Русского зарубежья…, 2003).

В 1970-е годы в США наблюдается еще один всплеск интереса к русскоязычной периодике, что объясняется двумя факторами. С одной стороны, в эти годы отмечен большой наплыв вновь прибывающих из СССР эмигрантов, не владеющих в достаточной мере английским языком, но желающих найти работу, услуги и т. п. Представителям этой волны надо было устроить детей в школу, подтвердить собственные дипломы, полученные еще в СССР, обеспечить себе хотя бы минимальный уровень медицинской помощи и т. п. (Поляков, 1996). С другой стороны, к этому времени возрастает и потребность в самой Америке в изучении русского языка, продиктованная условиями холодной войны между СССР и США. Появляется повышенный спрос на такие специализации, как советология и русистика, потребовавший специальной литературы, словарей и т. п. Не меньшее значение для развития современного тому времени русского языка имел и тот факт, что к концу 1960-х годов началось активное соперничество СССР и США в сфере космических достижений, которое обогатило новыми терминами и понятиями как русский, так и английский (американский) язык.

Интенсивная издательская деятельность русскоязычного сообщества в США не только способствовала сохранению русского языка в эмиграции,

но и активно влияла на формирование менталитета самих иммигрантов. Особенно этот процесс отразился на деятельности основного печатного органа Конгресса русских американцев (КРА) – альманаха «Русский Американец», первый номер которого увидел свет в 1974 г., но который продолжает издаваться до сих пор. Содержание альманаха с самого начала его существования составили публикации о выдающихся иммигрантах русского происхождения в США, их биографии, достижения, участии в благотворительных организациях, наградах, общественной деятельности и т. п. На страницах альманаха находили отражение и наиболее знаковые события в истории самой России. Например, в 1995 г. в разделе «Наша летопись» были опубликованы такие материалы иммигрантов, как «1000-летие Крещения Руси» (Евгений Александров), «200-летие русского православия в Америке» (Николай Гвоздев), «Миссионерская деятельность в России» (Протоиерей Александр Милеант) и другие.

Однако в 1970–1980-х годах русский язык в США начал испытыватть на себе довольно серьезное давление со стороны той части иммигрантской интеллигенции из СССР, которая сознательно стремилась как можно быстрее интегрироваться в американскую культуру, отказывалась говорить по-русски даже в домашней обстановке и запрещала своим детям в школе общаться с соотечественниками. Своего рода противовесом этому направлению иммигрантских настроений стал Клуб русских писателей Нью-Йорка, основанный в 1979 г. и объединяющий сегодня десятки российских писателей, переводчиков, преподавателей русской словесности и многих других активистов, кому небезразлична была судьба русской культуры за рубежом.

Начало 1990-х годов ознаменовалось буквально взрывной активностью пропаганды русского языка и культуры. Одним из флагманов нового идеологического течения в иммигрантской среде стал журнал «Большой Вашингтон», поставившей своей задачей «сплачивать вокруг великого русского языка и русской культуры людей разных национальностей, исповедующих разные религии» (Кузнецов, 2006). В 2000-х годах журнал «Большой Вашингтон», распространившись по всей Америке, стал выходить и в России. Публикации журнала создавали новый имидж России и, по сути, наводили мосты между русской иммиграцией в США и новой Россией. Для самих иммигрантов, живущих в США, журнал оказался еще и своего рода бюллетенем, оповещавшим русскоговорящую общественность о важных мероприятиях, проводившихся в Вашингтоне не только благотворительными обществами, но и российским посольством. Появившаяся у различных групп русскоязычного населения США возможность собираться вместе в российском посольстве, общаться на русском языке, договариваться об укреплении русского языка в Америке сплачивала русскоязычную диаспору и придавала ей новые возможности для развития. Характерно, что в этот период русский язык стал восприниматься иммигрантами как символ общественного согласия, соединяющий интересы представителей дворянского (монархического) сообщества, ветеранов Великой Отечественной войны, живущих в США, студенческой молодежи из России и т. д.

Укрепление и развитие русского языка в США неожиданно нашло себе поддержку и со стороны постсоветских иммигрантов, которые стремясь к самореализации в новых условиях и обладая таким ресурсом, как качественное советское образование, инициировали открытие целого ряда русскоязычных школ в различных регионах Америки. В начале 2000-х годов широкое признание в США получили такие школы, как Детский образовательный центр «Да Винчи», Школа русского языка (Ирина Ужанская), школа «Гармония» (Ульяна Бабанова) и др. Наиболее предприимчивые женщины-иммигрантки бывшего Советского Союза, стремясь к сохранению русского языка в семьях переселенцев, активно внедряли в систему преподавания частных воскресных школ в США такие предметы на русском языке, как литература, развитие речи, математика, алгебра, геометрия, музыка, музыкальная фонетика, изобразительное искусство, лепка, рисунок, танцы, история России, история Древнего мира, история развития мировой культуры, география, природоведение, физика, астрономия, занимательная химия, шахматы, французский язык, гитара, программирование, журналистика и др. В результате воскресные русскоязычные школы в США сегодня привлекают не только тех, кто уже живет в США, но и тех, кто только собирается переезжать туда на ПМЖ: *«Я хочу переехать в штаты на ПМЖ, но мои дети говорят на*

русском языке. Они не смогут сразу пойти в школу с полностью английским языком, просто не поймут. Я хотел узнать, есть ли школы для русских? Хотя бы пока не освоят язык»[1].

Важно и то, что система образования, принятая в самих американских школах, во многом не устраивает иммигрантов из бывшего Советского Союза, которые считают ее значительно менее эффективной, по сравнению с российской: «Разница *методик преподавания в русской и американской школах настолько велика, что согласовать программы, то есть выбрать класс, соответствующий знаниям студента, практически невозможно. Обязательно надо или что-либо доучивать самому или прослушивать во второй раз то, что уже "проходили" в русской школе»*[2].

Кроме того, в русских школах США работают так называемые группы продленного дня, где на основе дополнительного образования преподаются танцы, фигурное катание, рисование, гимнастика и многое другое.

Результатом системы преподавания, предлагаемой русскоязычными женщинами из иммигрантской среды, становится осознанное и отрефлексированное погружение детей в русский мир со всеми его вербальными и образными символами. Женщины-преподаватели ставят со своими учениками спектакли по мотивам русских сказок и произведениям советских писателей («Финист – ясный сокол», «Праздник непослушания», «Новогодние приключения Маши и Вити» и др.), организуют просмотр лучших советских мультфильмов, разучивают стихи русских и советских поэтов, продвигают и высокотехнологичные проекты, ориентированные на русскую и советскую историю (например, создание интерактивных биографий участников Великой Отечественной войны) и многое другое. При этом русскоязычные женщины-преподаватели в США формируют в сознании детей и представление о межкультурной толерантности как в отношении собственно американцев, так и в отношении других народов мира в целом. Так, американский праздник «День благодарения» в русских школах адаптирован таким образом, что дети в этот день благодарят своих родителей, братьев, сестер, учителей, школу, друзей и т. д. (акция «Скажи спасибо!»). Кулинарные же навыки прививаются детям через изучение кухни народов мира, в первую очередь, узбекской, татарской и других народов бывшего СССР (Шалыгина, 2021. С. 141).

Таким образом, технологии сохранения русского языка в среде иммигрантов США, начиная с 1920-х годов, постепенно наращивают свой ресурс и расширяют диапазон сценариев его развития. Так, активизация деятельности русскоязычных школ в современных США способствует укоренению идеологии «миски салата» в американском социуме, которая, в свою очередь, «работает» на сохранение не только русского языка за океаном, но и всего Русского мира в целом. При этом опыт предыдущих поколений иммигрантов, также направленный на сохранение русского языка в Америке, сегодня используется на качественно новом уровне интернет-технологий и тем самым позволяет создавать адаптированные варианты его дальнейшего развития.

[1] Русские школы в США. URL.: http://usa-24.ru/russkie-shkoly-v-ssha (дата обращения 10.11.2016).

[2] Бакмастер В. Образование в Америке. URL.: http://old.russ.ru/ist_sovr/sumerki/20011017_bak.html (дата обращения: 17 октября 2001).

Список источников

Абдурашитова С. Я. Роль русскоязычных иммигрантов в формировании языковой ситуации г. Нью-Йорк // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5–3 (59). С. 69–74.

Базанов П. Н. Издательства русской эмиграции второй половины XX века : вопросы исследования // Труды : сб. тр. по материалам 11-х Смирдинских чтений. Санкт-Петербург : Сант-Петербургский государственный университет культуры и искусств (СПбГУКИ), 2000а. Т. 151. Книга. Культура. Общество. С. 94–101.

References

Abdurashitova S. Ya. (2016) The role of Russian-speaking immigrants in shaping the language situation in New York. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Questions of theory and practice.* No. 5 (59). P. 69-74. (In Russ.).

Bazanov P. N. (2000a) Publishing houses of Russian emigration of the second half of the XX century: research questions. *Trudy : sb. tr. po materialam 11-kh Smirdinskikh chtenii = Proceedings: coll. tr. Based on the materials of the 11th Smirda Readings.* St. Petersburg: Saint-Petersburg State University of Culture. Vol. 151. Book. Culture. Society. P. 94–101. (In Russ.).

Базанов П. Н. Издательская политика политических организаций русской эмиграции // Зарубежная Россия 1917–1939 гг. : сб. ст. Санкт-Петербург : Европ. Дом, 2000b. С. 113–122.

Базанов П. Н. Издательства и периодика политических партий первой волны русской эмиграции // Научно-методические проблемы подготовки специалистов в области культуры и искусств : материалы конференции преподавателей Санкт-Петербург. государственного университета культуры и искусств, 18 дек. 1999 г. Санкт-Петербург : Сант-Петербургский государственный университет культуры и искусств, 2000c. С. 134–144.

Вильчур М. Е. В американском горниле. Из записок эмигранта. Нью-Йорк, 1914. 93 с.

Вишнякова Н. В. Из истории распространения русской книги в США // Вестник Омского университета. 1998. Вып. 3. С. 44–50.

Восков С. Сборник статей, воспоминаний и документов / сост. и обраб. А. Л. Ильин-Женевский. Л. : Прибой, 1925. 106 с.

Измозик В. С. Письма российских эмигрантов середины двадцатых годов как исторический источник // Из истории российской эмиграции. СПб., 1992. С. 48–52.

Кузнецов С. Родину мы все-таки не сдали... // Большой Вашингтон. 2006. № 8 (43). С. 4–6.

Нитобург Э. Л. Русские в США: история и судьбы: 1870–1970. Этноисторический очерк. М. : Наука, 2005. 421 с.

Окунцов И. К. Русская эмиграция в Северной и Южной Америке. Буэнос-Айрес : Сеятель, 1967. 431 с.

Печатное дело Русского зарубежья в исследованиях и документах: материалы к библиографии / сост. О. А. Коростелев // Диаспора: Нов. Материалы. Вып. 5. Париж; СПб., 2003. С. 661–715.

Поляков Ю. А. Адаптация и миграция – важные факторы исторического процесса // История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX веках. Сб. ст. М. : Институт российской истории РАН, 1996. С. 4–18.

Радзинская А. В. Я живу в Америке, на пятом этаже. М.: Книжный клуб 36.6, 2004. 221 с.

Ручкин А. Б. Русская диаспора в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX века. М.: Изд-во Национального ин-та бизнеса, 2007. 446 с.

Селезнева Т. В. Русская эмиграция в Северной Америке (1920–1930) // Русское зарубежье: История и современность : сб. ст. / РАН. ИНИОН. Центр комплексных исслед. росс. эмиграции; ред. колл.: Мухачёв Ю. В. (гл. ред.) и др. М. : ИНИОН РАН, 2016. Вып. 5. С. 160–173.

Bazanov P. N. (2000b) Publishing policy of political organizations of Russian emigration. *Zarubezhnaya Rossiya 1917–1939 gg.: sb. st. = Foreign Russia, 1917-1939. Collection of articles.* St. Petersburg**:** Evrop. Dom. P. 113-122. (In Russ.).

Bazanov P. N. (2000c) Publishers and periodicals of the political parties of the "first wave" of Russian emigration. *Nauchno-metodicheskie problemy podgotovki spetsialistov v oblasti kul'tury i iskusstv : materialy konf. prepodavatelei Sankt-Peterburg. gos. unta kul'tury i iskusstv 18 dek. 1999 g. = Scientific and methodological problems of training specialists in the field of culture and arts. Mat. conf. teacher. Saint-Petersburg State University of Culture. 18 Dec. 1999.* St. Petersburg. P. 134-144. (In Russ.).

Vil'chur M. E. (1914) In the American crucible. From the notes of an emigrant. New York. 93 p. (In Russ.).

Vishnyakova N. V. (1998) From the history of the distribution of Russian books in the USA. *Vestnik Omskogo universiteta = Bulletin of the Omsk University*. Iss. 3. P. 44–50. (In Russ.).

Voskov S. (1925) Collection of articles, memories and documents. Leningrad: Surf. 106 p. (In Russ.).

Izmozik V. S. (1992) Letters from Russian emigrants in the mid-twenties as a historical source. *Iz istorii rossiiskoi emigratsii = From the history of Russian emigration.* St. Petersburg. P. 48–52. (In Russ.).

Kuznetsov S. (2006) We still didn't surrender our homeland ... *Bol'shoi Vashington = Greater Washington*. No. 8(43). P. 4-6. (In Russ.).

Nitoburg E. L. (2005) Russians in the USA: history and fate: 1870–1970. Ethnohistorical essay. Moscow: Nauka. 421 p. (In Russ.).

Okuntsov I. K. (1967) Russian emigration in North and South America. Buenos Aires: Sower. 431 p. (In Russ.).

Korostelev O. A. (2003) Printed business of Russian abroad in researches and documents: materials for bibliography. *Diaspora: Nov. Materialy = Diaspora: Nov. Materials.* Paris; St. Petersburg. Iss. 5. P. 661–715. (In Russ.).

Polyakov Yu. A. (1996) Adaptation and migration are important factors of the historical process. *Istoriya rossiiskogo zarubezh'ya. Problemy adaptatsii migrantov v XIX–XX vekakh. Sb. st. = History of the Russian Abroad. Problems of adaptation of migrants in the 19th–20th centuries. Collection of articles.* Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. P. 4–18. In Russ.).

Radzinskaya A. V. (2004) I live in America, on the fifth floor. Moscow: Book Club 36.6. 221 p. (In Russ.).

Ruchkin A. B. (2007) Russian diaspora in the United States of America in the first half of the twentieth century. Moscow: Publishing House of the National Institute of Business. 446 p. (In Russ.).

Selezneva T. V. (2016) Russian emigration in North America (1920–1930. *Russkoe zarubezh'e: Istoriya i sovremennost': Sb. st. Russian Abroad: History and Modernity. Collection of articles.* Moscow: Institut nauchnoy informatsii po obshchestvennym naukam RAN. Iss. 5. P. 160-173. (In Russ.).

Струве Г. П. Русская литература в изгнании. 3-е изд., испр. и доп.; Краткий биографический словарь русского Зарубежья / Р. И. Вильданова, В. Б. Кудрявцев, К. Ю. Лаппо-Данилевский; вступ. ст. К. Ю. Лаппо-Данилевского. Париж : YMCA-Press; М. : Русский путь, 1996. 448 с.

Ульянкина Т. И. «Дикая историческая полоса…». Судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950). М. : Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН). 2010. 640 с.

Шалыгина Н. В. Русские американцы: Поиск новых идентичностей. М.: ИЭА РАН, 2021. 390 с.

Щербатский А. И. Русская эмиграция в Соединенные Штаты // Известия Министерства иностранных дел. 1914. Петроград : Типография В. Ф. Киршбаума, 1915. Книга VI. С. 1–32.

Якобсон Е. А. Пересекая границы. Революционная Россия – Китай – Америка / пер. с англ. Е. Б. Дорман. М. : Русский путь, 2004. 272 с.

Struve G. P. (1996) Russian Literature in Exile. Brief Biographical Dictionary of the Russian Diaspora. Moscow: SP “Rus. put'”; Parizh: UMSA-press. 448 p. (In Russ.).

Ul'yankina T. I. (2010) Wild historical streak: the fate of Russian scientific emigration in Europe (1940-1950s). Moscow: Publishing House Russian Political Encyclopedia. 640 p. (In Russ.).

Shalygina N. V. (2021) Russian Americans: The Search for New Identities. Moscow: Institute of Anthropology and Ethnography RAS. 390 p. (In Russ.).

Shcherbatskii A. I. (1915) Russian emigration to the United States. *Izvestiya Ministerstva inostrannykh del. Kniga VI. 1914. = News of the Ministry of Foreign Affairs. Book 6.1914.* Petrograd: Tipografiya V. F. Kirshbauma. P. 1–32. (In Russ.).

Yakobson E. A. (2004) Crossing borders. Revolutionary Russia - China - America / per. from English E. B. Dorman. Moscow: Russian way. 272 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Н. В. Шалыгина – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра Гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН,
119334, Москва, Ленинский проспект, 32А, Россия.

Вклад автора

Шалыгина Н. В. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 2 сентября 2022 г.; одобрена после рецензирования 26 ноября 2022 г.; принята к публикации 5 декабря 2022 г.

Information about the author

N. V. Shalygina – Cand. Sci. (History), Senior Researcher at the Center for Gender Studies,
Institute of Ethnology and Anthropology named after N. N. Miklukho-Maclay of the Russian Academy of Sciences
32A, Leninskii Avenue, Moscow 119334, Russia.

Contribution of the author

Shalygina N. V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted September 23, 2022; approved after reviewing November 26, 2022; accepted for publication December 5, 2022.

Научная статья
УДК 94(47).048
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-97-111

Сибирские воеводы XVII века в исследованиях, опубликованных в 2010–2021 гг.*

Егор Андреевич Багрин

Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина, Санкт-Петербург, Россия,
Egor-bagrin@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-3067-9117

Аннотация. В статье рассматриваются исследования, касающиеся воеводского управления Сибирью в конце XVI–XVII вв., опубликованные в период 2010–2021 гг. Данные материалы позволяют ввести в научный оборот новые сведения, в большинстве своем, основанные на изучении неопубликованных архивных источников. Кроме того, они уточняют ранее известную информацию, которая систематизируется, позволяя исследователям создать целостную картину развития административного руководства Сибирью в конце XVI–XVII вв. В статье показаны работы: Е. В. Вершинина, Я. Г. Солодкина, А. А. Бродникова, О. П. Еланцевой, О. Ю. Шаходановой, М. О. Акишина, В. И. Трухина, В. Н. Добжанского, П. Н. Бараховича, А. Ю. Конева, В. А. Слугиной, Г. П. Визгалова, В. Д. Пузанова, И. П. Каменецкого, А. А. Люцидарской, Е. А. Тимохина, А. П. Санникова, Е. А. Багрина. Эти материалы посвящены: особенностям структуры и работы административного управления Сибири как в целом, так и отдельных ее регионов; публикации и анализу неизвестных и малоизученных документов, связанных с воеводским управлением (наказов, росписных списков); сведениям о личностях воевод, их биографии и служебной деятельности. Особенное внимание в исследовании уделено монографии екатеринбургского историка Е. В. Вершинина «Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII вв.», в значительной мере резюмировавшего данные об изучаемой проблеме, накопленные на данный момент. Отметим также ряд статей ученого из Нижневартовска Я. Г. Солодкина, посвященный становлению административного управления в Сибири на начальном этапе ее присоединения. Значительное количество и высокое качество исследований, связанных с изучением различных аспектов сибирского воеводского управления, показывает, что эта тема является одной из самых востребованных в сибиреведении.

Ключевые слова: воеводы, административное управление, власть, Сибирь, Тобольский разряд, уезд, XVII век, история, историография

* Кроме того, в статью включены некоторые материалы о приказных людях, управлявших крупными уездами, но не имевших статуса воеводы (например, в Нерчинском уезде).

Для цитирования: Багрин Е. А. Сибирские воеводы XVII века в исследованиях, опубликованных в 2010–2021 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 4. С. 97–111. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-97-111

Original article

Siberian voivodes (governors of province) of the 17th century in studies published in 2010-2021

Egor A. Bagrin

Boris Yeltsin Presidential Library, Saint-Petersburg, Russia, Egor-bagrin@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-3067-9117

Abstract. The article presents the studies related to the voivode (governor of province) administration of Siberia at the end of the 16th-17th centuries, published in the period 2010-2021. These materials introduce new information into scientific field, mostly based on the study of unpublished archival sources. In addition, they clarify previously known information and allow researchers to create a complete picture of the administrative leadership development of Siberia at the end of the 16th-17th centuries. The article presents the studies of: E. V. Vershinin, Ya. G. Solodkin, A. A. Brodnikov, O. P. Elantseva, O. Yu. Shakhodanova, M. O. Akishina, V. I. Trukhin, V. N. Dobzhansky, P. N. Barakhovich, A. Yu. Konev, V. A. Slugina, G. P. Vizgalov, V. D. Puzanov, I. P. Kamenetsky, A. A. Lucidarskaya, E. A. Timokhin, A. P. Sannikov, E. A. Bagrin. These materials are devoted to: 1) aspects of work and structure of

© Багрин Е. А., 2022

the administrative department of Siberia; 2) publication and analysis of unknown and insufficiently explored documents related to the voivod department (mandates, copies); 3) information about voivodes personalities, their biography and official activities. Special attention is paid to the monograph of Yekaterinburg historian E. V. Vershinin "Russian colonization of North-Western Siberia at the end of the 16th-17th centuries" which summarizes the data on problem under study accumulated at the moment. Author also notes number of articles by Ya. G. Solodkin, a scientist from Nizhnevartovsk, devoted to the formation of administrative management in Siberia at the initial stage of its joining to Russia. A significant number and high quality of research related to the study of various aspects of the Siberian voivodship administration shows that this topic is one of the most popular in Siberian studies.

Keywords: voivodes (governors), administration, power, Siberia, Tobolsk, county, XVII century, history, historiography

****** In addition, the article includes some materials about clerks who ruled large counties, but did not have the status of a Voivode (for example, in Nerchinsk county).

For citation: Bagrin E. A. (2022) Siberian voivodes (governors of province) of the 17th century in studies published in 2010-2021. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 4. P. 97-111. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-97-111

Воеводское управление Сибирью с самого начала сибиреведения традиционно является одной из самых популярных тем для исследования. Данной проблеме посвящено большое количество научных статей, монографий и диссертаций. Мы позволим себе не упоминать здесь работы, посвященные сибирским администраторам, которые были представлены научному сообществу в XIX–XX вв., сконцентрировав свое внимание на исследованиях, увидевших свет в 2010–2022 гг., затронув в контексте излагаемой информации также и материалы десятилетия, предшествовавшего этому периоду.

Исследования, рассмотренные в этой статье, можно условно разделить на работы: а) описывающие особенности структуры и работы административного управления в Сибири как в целом, так и отдельных ее регионов; б) анализирующие различные документы, связанные с воеводским управлением; в) посвященные личностям воевод, их биографии и служебной деятельности; г) прочие работы, не вписывающиеся в рамки предыдущих пунктов, часто имеющие междисциплинарный характер. В изложении материала мы будем руководствоваться этим делением.

Исследования, посвященные особенностям воеводского управления в Сибири

В конце 1990-х гг. и первом десятилетии 2000-х гг. появился целый ряд крупных работ, посвященных процессу складывания и особенностям функционирования воеводского управления в Сибири XVII – начала XVIII столетия. Были опубликованы монографии и диссертации М. О. Акишина[1], Е. В. Вершинина, Н. Н. Симачковой, О. Ю. Шаходановой[2], включавшие в себя огромное количество сведений, впервые вводимых в научный оборот (Вершинин, 1998а; Симачкова, 2006). Материалы по данной тематике также вошли в справочные издания «Власть в Сибири XVI – начало XX в.»[3] и «Историческая энциклопедия Сибири»[4].

На наш взгляд, в ряду работ последнего десятилетия большое внимание заслуживает монография Е. В. Вершинина «Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII вв.» (Вершинин, 2018). Известный екатеринбургский ученый, несколько десятилетий изучающий тему воеводского управления в Сибири (Вершинин, 1988; Вершинин, 1989; Вершинин, 1991; Вершинин, 1998а; Вершинин, 1998b; Вершинин, 2000), проанализировав большой объем информации, резюмировал накопленные данные в соответствующем разделе исследования.

[1] Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: дис. … на соиск. уч. степ. д-ра ист. наук. Новосибирск, 2003. 391 с.

[2] Шаходанова О. Ю. Центральные и местные органы управления Западной Сибирью в конце XVI – начале XVIII века: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: дис. … на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Тюмень, 2000. 190 с.

[3] Власть в Сибири XVI – начало XX в.: межархивное справочное издание. Новосибирск : Сова, 2005. 695 с.

[4] Историческая энциклопедия Сибири: В 3 т. / гл. ред. В. А. Ламин. Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2009. Т. 1–3.

Остановимся на некоторых выводах исследователя, базовых для изучения обозначенной проблемы: а) становление системы воеводского управления в общероссийском масштабе совпало с первыми десятилетиями присоединения Сибири, где администрация при наличии специфических черт формировалась по тем же принципам и имела аналогичные функции, что и в европейской части России; б) главной отличительной чертой местного управления в Сибири стало «создание здесь более крупной, чем уезд, административно-территориальной единицы – разряда»[5]. При этом иерархия управленческих звеньев: уездный центр – разрядный воевода – центральный приказ, на практике часто не соблюдалась, т. к. уездные воеводы по ряду причин стремились решать свои дела, миновав среднее звено, вследствие разрешения Москвы докладывать напрямую «о больших делах»; в) администрация разрядного города имела, прежде всего, военные функции, превышавшие полномочия уездных воевод, сочетавших гражданскую и военную власть в уезде (Вершинин, 2018. С. 220–227).

Е. В. Вершинин отмечает, что в разрядные центры обычно назначалась высшая придворная аристократия – бояре и окольничие, а в уезды – носители чина «дворяне московские» и стольники. Исследователь, приводя сведения о составе и функциях сибирской администрации, предполагает, что служба «письменного головы», прежде всего, носила военный характер, а не делопроизводственный. Он также указывает на эволюцию этой должности в помощника воеводы[6]. По мнению ученого, отсутствие регламентированного разделения власти первого и второго воеводы в руководстве уездом было вызвано стремлением правительства установить взаимный контроль администраторов, но на практике часто приводило к дезорганизации местного управления (Вершинин, 2018. С. 225–228).

Фискальная функция воевод, которые должны были обеспечить максимальные доходы казны, представляется Е. В. Вершинину ведущей по отношению к другим их обязанностям[7]. Исследователь, используя данные челобитных с росписью «прибылых дел» и прошениями о пожаловании, затрагивает такую малоизученную проблему как стремление к добросовестному исполнению наказов администраторами, которое влияло на рост их дальнейшей карьеры и материального обеспечения (денежное жалованье и поместные оклады)[8]. При этом Е. В. Вершинин считает, что для населения уездов на первое место выступала судебная компетенция воевод, т. к. в Сибири не было губных старост для уголовных расследований, отсутствовала возможность переноса большинства дел в московские приказы. Приведены примеры роли воеводского управления в функционировании судебно-полицейского аппарата, в т. ч. по отношению к ясачному населению (Вершинин, 2018. С. 249–254, 269–275).

Кроме того, ученый поднимает вопрос о малоизученной проблеме обеспечения воеводской службы, обращая внимание на то, что должность воеводы не имела определенного денежного жалованья. Последнее соответствовало окладу, который

[5] О. А. Курбатов отмечает, что «понятие «разряда» как формы управления воеводами в Сибири пришло из практики Разрядного приказа второй половины XVI в.». В то же время, по причине малочисленности вооруженных сил Сибири и отсутствия полковой организации, существовало принципиальное отличие «разрядов», создаваемых на южной границе России и Новгородского разряда от сибирских, которые были отдельной разновидностью военно-административных округов (Курбатов, 2017).

[6] Эту же точку зрения разделяет и Я. Г. Солодкин, посвятивший военным функциям письменных голов специальное исследование (Солодкин, 2015).

[7] А. А. Космовская, опираясь на изучение материалов Перми Великой, считает, что система управления в Верхнем Прикамье была сходна с управлением в Сибири. По ее подсчетам, от 72 до 84 % воеводских дел приходилось на административное-хозяйственные функции, от 2 до 15 % – на военные (причем, максимальная цифра соответствует периоду Смутного времени) и 13–14 % – на административно-полицейские и судебные дела (Космовская, 2012; Космовская, 2014). В. Н. Глазьев, напротив, считает военную функцию уездных и городовых воевод основной. Он также отмечает, что именно военная карьера позволяла служилым людям претендовать на воеводские должности. Например, после указа 5 мая 1661 г. все претенденты должны были иметь подтверждение своего активного участия в боевых действиях, иметь ранения, свидетельства о пребывании в плену (Глазьев, 2004. С. 166–167).

[8] Тему, связанную с вознаграждением за службу сибирских администраторов на примере тюменских воевод, продолжил Е. А. Тимохин, предложив рассматривать их ожидания награды как компонент правового сознания (Тимохин, 2011).

получал служилый человек по отечеству на момент назначения администратором. Также воевода мог в течение срока своей службы рассчитывать на ресурсы, привезенные с собой, количество которых строго регламентировалось (Вершинин, 2018. С. 232–237).

Известный новосибирский ученый А. А. Бродников также обратился к обозначенному выше вопросу обеспечения воевод. В своей работе на примере администраторов Якутского уезда он раскрывает механизм транспортировки запасов, предназначенных для обеспечения воевод и их дворовых людей. А. А. Бродников отмечает, что попытки правительства ограничить поток «запасов», ввозимых в Сибирь воеводами «путем введения норм на обеспечение» при помощи таможенного контроля, часто не давали особого результата. Одной из причин было то, что значительная их часть перевозилась по рекам вне досягаемости надзорных органов (Бродников, 2021).

Добиваясь места в администрации Сибири, претенденты надеялись поправить тем свое материальное положение. В контексте «негативной» деятельности воевод Е. В. Вершинин предлагает не использовать термин «злоупотребление», заменив его на «должностное преступление». Исследователь приводит новые данные как о расследованиях деятельности отдельных воевод, так и об общесибирских сысках (Вершинин, 2018. С. 255–269).

Проблема злоупотреблений сибирских администраторов поднята также в статьях тюменских исследователей О. П. Еланцевой и О. Ю. Шаходановой. Они отметили, что воеводы, сведения о должностных преступлениях которых отсутствовали, являлись исключением из общего правила. При этом обычное наказание со стороны центральных властей сводилось к штрафам и отстранением управленцев от власти (Еланцева, Шаходанова, 2014; Еланцева, Шаходанова, 2020). В связи с этой же проблемой И. В. Сизикова отметила, что к 1670-м гг. назрел кризис между центральным и воеводским управлением в Сибири. Следствием его стало издание ряда законодательных актов, «направленных на правовую и духовную стабилизацию в Западной Сибири и регулирование контроля над взаимоотношениями воеводского (регионального) управления в целях укрепления российской государственности» (Сизикова, 2015).

В ряду исследований, описывающих общие процессы формирования сибирского административного управления, отметим также работы Я. Г. Солодкина, известного нижневартовского ученого, изучающего служилое население Западной Сибири XVII столетия. Он считает, что в первые годы становления воеводской системы в Сибири, начиная с постройки Тобольска, существенная (по отношению к европейской части России) административная роль в управлении сибирскими городами принадлежала письменным, казачьим и стрелецким головам. Он также обращает внимание на то, что уже к 1590 г. возросла роль тобольских «начальных людей», в итоге определившая появление Тобольского разряда (Солодкин, 2015а). Создание последнего, по мнению Я. Г. Солодкина, произошло в 1599 г., когда главным сибирским воеводой стал окольничий С. Ф. Сабуров родственник нового царя Б. Годунова (Солодкин, 2014).

Отдельное исследование Я. Г. Солодкин посвятил управлению Сибирью в период Смутного времени. Он отметил, что «во главе приказных изб ряда сибирских городов очутились родственники умершего накануне Бориса Федоровича, что для них являлось почетной ссылкой». В это время фиксируется некоторый упадок Тобольска как «столицы» Сибири по причине того, что Лжедмитрий I разрешил уездным воеводам напрямую адресовать отписки в Москву. Исследователь также обращает внимание на то, что в Смутное время администраторы занимали свои посты дольше, чем обычно (Солодкин, 2012).

Я. Г. Солодкин, приведя данные о службе большого количества сибирских воевод, отмечает, что многие администраторы назначались на воеводские места по два, три и даже четыре раза, вследствие востребованности накопленного ими опыта по управлению новыми территориями, имевшими свою специфику. При этом письменные головы, получая повторное назначение, нередко становились уездными воеводами или «товарищами» первого Тобольского воеводы. Кроме того, практика перевода воевод из одного города Сибири в другой позволяла правительству избавиться от значительной части казенных расходов на обеспечение проезда чиновников из европейской части России в Сибирь (Солодкин, 2016).

Я. Г. Солодкин фиксирует многочисленные случаи временного замещения должности воеводы в случае их смерти. Разрядных воевод на несколько месяцев заменяли уездными, а на их места назначались их «родственники, преимущественно, сыновья прежних воевод, письменные, стрелецкие и казачьи головы, дети боярские, чаще всего, тобольские, иногда местные атаманы и приказные люди». Причиной такой практики была отдаленность сибирских уездов от Москвы, обуславливающая невозможность быстрой присылки новых администраторов (Солодкин, 2019).

В связи с обозначенными выше проблемами Е. В. Вершинин и Г. П. Визгалов отметили, что на период смены сибирских воевод значительно влияла война с Польшей. Правительство не спешило отправлять в Сибирь сменщиков, т. к. военный опыт представителей высшей аристократии был востребован для участия в конфликте. Например, по этой причине мангазейский воевода Р. М. Павлов находился на своей должности с 1662 по 1670 г. вместо положенных 2 лет (Вершинин, Визгалов, 2020).

Исследователь из Благовещенска В. И. Трухин посвятил свою работу формированию административного управления Даурии (Нерчинского и Албазинского уездов). Автор обращает внимание на то, что созданное в 1654 г. Даурское воеводство во главе с А. Ф. Пашковым, после того как не состоялось присоединение Амурских земель к Забайкалью, было переведено в статус уезда Енисейского разряда. Около 20 лет им управляли приказные люди, не имеющие статуса воеводы. При этом «основным документом, регламентирующим их деятельность, Нерчинские приказчики должны были считать царский наказ, данный при отправлении на службу воеводе А. Ф. Пашкову. Вновь прибывший приказчик обязан был сделать с него себе копию и исполнять все его предписания». Описывая реформу по созданию Нерчинского (в Забайкалье) и Албазинского (в Приамурье) воеводств, В. И. Трухин уточняет время создания последнего, отнеся его к периоду между 2 апреля и 31 августа 1683 года, а не к 1682 г. как считалось ранее (Трухин, 2020а).

Иркутский исследователь А. П. Санников обозначил большое значение совместных действий воевод и духовенства, способствующее скорейшему освоению Сибири, строительству церквей и монастырей, христианизации коренного населения и обустройству быта первопоселенцев (Санников, 2019).

В заключение этого раздела выделим также обобщающую работу В. Ю. Софронова «Воеводское управление в Сибири: от возникновения до упразднения: сибирская история в документах» позволяющую комплексно ознакомиться с обозначенным вопросом (Софронов, 2014).

Исследования документов, связанных с воеводским управлением Сибирью в XVII в.

Традиционно, наибольшее внимание исследователи уделяют такому источнику как воеводские наказы (Шаходанова, 2010). Благодаря сравнительному анализу наказов сибирским воеводам, Е. В. Вершинин считает, что их основное содержание сложилось к середине XVII в., изменяясь в дальнейшем лишь в малой степени, т. к. к этому периоду правительство определилось с принципами и задачами колонизируемых территорий. Несмотря на стереотипное содержание, наказы не были пустой формальностью, помогая воеводам, впервые попавшим в Сибирь, ориентироваться на новом месте, имевшим серьезные отличия от европейских и южных территорий России (Вершинин, 2018. С. 244–248).

Кемеровский исследователь В. Н. Добжанский впервые полностью опубликовал наказы и наказные памяти тобольским воеводам С. Ф. Сабурову и А. Ф. Третьякову (1599 г.), а также Ф. И. Шереметеву и О. М. Пушкину (1601 г.). На основании этих документов В. Н. Добжанский считает, что значительное расширение сферы влияния тобольских воевод произошло после 1601 г., после того как на них были возложены функции контроля над сбором денег и хлебных запасов не только в Тобольске, но и во всех сибирских городах и острогах. Исследователь уточняет дату смерти воеводы С. Ф. Сабурова, обращая внимание на то, что она наступила не ранее 11 февраля 1601 г., а не июня 1600 г. как считалось ранее (Добжанский, 2020; Добжанский, 2021).

Историк из Тюмени А. Ю. Конев в статье, посвященной наказу тобольскому воеводе князю А. Н. Трубецкому 1628 г., пришел к выводу о том, что большую часть текста наказов первой трети XVII в. составляли статьи, связанные с политикой в отноше-

нии народов Сибири. Уточняя приведенные выше выводы Е. В. Вершинина, А. Ю. Конев считает, что именно наказ 1628 г. закрепляет особую роль «больших тобольских воевод», обобщая в себе опыт освоения Сибири к этому моменту. Он отмечает, что «оформившийся» формуляр 1628 г. в дальнейшем изменялся незначительно (Конев, 2019).

Красноярский ученый П. Н. Барахович опубликовал наказ енисейскому воеводе Ж. В. Кондыреву (1631 г.). Для Енисейска это первый и самый ранний документ такого рода, который дополняет ряд опубликованных царских наказов сибирским воеводам XVII в. (Барахович, 2018).

В. А. Слугина и А. Ю. Конев посвятили специальное исследование «жалованному слову», содержащемуся в наказах сибирским воеводам. Они произвели сравнительный анализ ряда источников, впервые выявив структурные, содержательные и формулярные элементы данной статьи наказов по отношению к ясачному населению и их трансформацию в течение XVII столетия. Ученые пришли к выводу об однозначной связи этих текстов с «жалованным словом», включенным в грамоты Бориса Годунова о сложении ясачного сбора на 1600 г. (Слугина, Конев, 2020).

Вероятно, вторым по значимости видом документации, связанной с административным управлением, являются росписные списки, составлявшиеся во время смены руководства городов и острогов при передаче дел от одного администратора другому.

П. Н. Барахович в монографии «Енисейск в XVII–XVIII столетиях. Малоизвестные страницы истории» ввел в научный оборот росписной список енисейских воевод А. П. Салтыкова и К. О. Щербатого (1683 г.) (Барахович, 2019. С. 163–188).

В. И. Трухин впервые полностью опубликовал и проанализировал росписные списки Албазинского острога 1674, 1678 и 1684 гг. Полученная информация, позволила исследователю выявить ряд важных деталей, неизвестных прежде, которые значительно уточняют картину развития Албазинского острога на основных этапах его существования (Трухин, 2018; Трухин, 2020b).

Е. В. Вершинин и Г. П. Визгалов привели подробное содержание росписного списка Мангазеи при передаче города воеводой Р. М. Павловым своему преемнику Д. Т. Наумову. Этот документ позволил исследователям сделать важный вывод о том, что причиной переноса административного центра из Мангазеи в Туруханск и переселение ее жителей было вызвано неудобным географическим положением Мангазеи как центра сбора ясака, а не противодействие аборигенных народов русской власти, как утверждал известный историк географических открытий в Арктике М. И. Белов (Вершинин, Визгалов, 2020).

Сибирские воеводы: биографии и служебная деятельность

Большое внимание первым сибирским воеводам и письменным головам уделил Я. Г. Солодкин. Исследователь оспаривает мнение ученых считающих, что реальное присоединение Сибири к России началось с походов царских воевод, основавших первые русские крепости за Уралом: Обский городок, Тюмень и Тобольск, а поход Ермака имел только характер набега. Исследователь, следуя традиционной точки зрения, считает, что Ермак и его начальные люди, овладевшие столицей Сибирского ханства и удерживавшие ее около 2 лет, приводя новые земли к присяге русскому государю и собирая с них ясак, совершали первое административное управление, по сути, являясь служилыми людьми (Солодкин, 2018a).

Я. Г. Солодкин в своих работах обратился к деятельности воевод С. Д. Болховскова, И. А. Мансурова, В. Б. Сукина и И. Н. Мяснова, возглавлявших в 1584–1586 гг. первые государственные военные экспедиции в Сибирь. По мнению ученого, вопреки мнению известного исследователя истории Сибири Н. И. Никитина, отряд С. Д. Болховского был не вспомогательным войску Ермака, а наоборот, основной силой, в которую должны были влиться ермаковцы. Сам же С. Д. Болховский должен был заступить в «Сибирь … на воеводство». Отметим также, что Я. Г. Солодкин не согласен с мнением Р. Г. Скрынникова о том, что И. А. Мансуров основал Обский городок для обеспечения безопасного отступления «на Русь», считая, что крепость строилась для объясачивания населения Обь-Иртышского междуречья. Также он полагает, что отряд В. Б. Сукина и И. Н. Мясного включал в себя значительно больше служилых людей, чем это традиционно считается (Солодкин, 2011; Солодкин, 2017). В

контексте постройки первых сибирских городов ученый убедительно показал, что дворянин московский Н. В. Траханиотов, ставший основателем и первым воеводой Березова, не имел прямого отношения к «поставлению» Обдорского острога и Сургута (Солодкин, 2018b).

Кроме того, Я. Г. Солодкин продолжил серию исследований предыдущего десятилетия, посвященную биографии и службам воевод и письменных голов Сибири (См. например: Коньков, 2001; Солодкин, 2001; Коновалов, 2004). Он систематизировал и представил данные об административном руководстве Тобольска, Тюмени, Березова, Сургута и ряда других городов (Солодкин, 2015a; Солодкин, 2015b; Солодкин, 2020). Большое количество информации о служебной карьере воевод, служивших в городах Западной Сибири, приведено также в монографии В. Д. Пузанова (Пузанов, 2010).

Новосибирский ученый И. П. Каменецкий в библиографическом исследовании предпринял попытку наиболее полно представить карьеру знаменитого российского администратора, князя и боярина Ю. Я. Сулешёва, занимавшего место Тобольского воеводы. По мнению исследователя, во время своей службы в Сибири Сулешев предпринял первую успешную попытку реформирования хозяйственной, финансовой и социальной системы колонизуемого края, определившей во многом её дальнейшее развитие (Каменецкий, 2018).

М. О. Акишин освятил сибирский период государственной службы известного российского государственного деятеля князя А. Н. Трубецкого. Исследователь показал огромное значение Трубецкого в определении внешней политики на восточном направлении. Под его влиянием было организовано продвижение в Якутию и Колыму, Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье. Кроме того, он руководил дипломатическими отношениями с монгольскими ханствами и инициировал установления отношений с Китаем (Акишин, 2018).

В. Н. Добжанскому принадлежит исследование биографии и сибирского этапа карьеры выборного дворянина Я. О. Тухачевского. Кемеровский ученый, используя ряд документов, приводит подробные сведения о ссылке Я. О. Тухачевского в Сибирь, о назначении его воеводой Тары и участии во множестве военных предприятий, а также, в основании Ачинского острога. Несомненным достоинством статьи является приложение с публикацией целого ряда неопубликованных источников, касающихся деятельности Я. О. Тухачевского в Сибири (Добжанский, 2019).

Воеводам Средней и Восточной Сибири, к сожалению, уделено существенно меньше внимания, чем их коллегам из западной ее части. В конце 1990-х гг. и первом десятилетии 2000-х гг. научные работы, описывающие деятельность воевод Якутского уезда, опубликовали А. А. Бродников, А. Г. Жирнов, И. Р. Соколовский, администраторов Нерчинского и Албазинского уездов А. Р. Артемьев и Г. Б. Красноштанов (Бродников, 1994; Бродников, 1996; Жирнов, 1995; Соколовский, 1999; Артемьев, 2006; Красноштанов, 2008). В рассматриваемый нами период также опубликовано несколько интересных работ.

Исследуя деятельность рода сибирских детей боярских Толбузиных, В. Д. Пузанов пришел к выводу, что представители этой фамилии, служившие на воеводских должностях во многих городах и острогах Сибири, «пользовались большим доверием воевод Тобольска, руководства Сибирского приказа», занимая «особое место среди … служилых людей Тобольска и всей Сибири». Особое внимание ученый уделил службе Лариона и Алексея Толбузиных в Нерчинском уезде (Пузанов, 2017).

И. П. Каменецкий представил исследования о деятельности дворянского рода Сенявиных, не получившего еще должного освящения в научной литературе. Братья И. А. и Б. А. Сенявины в период с 1697 по 1711 гг. сменили ряд воеводских постов в сибирских городах. Вместе и по одному они служили воеводами в Кузнецком остроге, проявив себя умелой борьбой с «немирными» кочевниками. Затем оба брата занимали тот же пост в Иркутске, способствуя экономическому росту города и уезда. В частности, при Сенявинах в Иркутске развивается каменное строительство. Интересно, что Б. А. Сенявин после отъезда в Москву в 1711 г., пройдя ряд назначений в 1715 г., снова был определен в Кузнецк, где теперь уже как комендант занимался строительством пограничных крепостей на юге Западной Сибири. Их родственник А. С. Сенявин также как и И. А. Сенявин состоял в знаменитом посольстве Ф. А. Головина, подписав-

шем с китайской стороной Нерчинский договор, определявший первую русско-китайскую границу. Кроме того, А. С. Синявин в период с 1686 по 1689 год занимал место воеводы в Иркутске, обеспечивая войско Ф. А. Головина и гарнизоны даурских острогов провиантом и мобилизуя в уезде военные силы для помощи в противостоянии войскам монголов и маньчжуров (Каменецкий, 2009; Каменецкий, 2021).

Также И. П. Каменецкий посвятил свое исследование роду белорусов Аршинских, занимавших должности начальных людей в разных городах Сибири в течение всего XVII в. Один из них, Д. Д. Аршинский, долгое время возглавлял Нерчинский уезд. И. П. Каменецкий отметил, что «все представители этого рода занимали важное место в военно-административном аппарате Тобольска», что свидетельствует «об успешном опыте интеграции выходцев из белорусских земель в русское сибирское сообщество и вхождении отдельных его представителей в элитарную часть населения» наряду с представителями Речи Посполитой и других «привилегированных групп «иноземцев», оказавшихся в Сибири» (Каменецкий, 2015).

О деятельности нерчинского воеводы Ф. Д. Воейкова и его сына А. Ф. Воейкова, назначенного его отцом на приказ в Албазинский острог, рассказывается в статье В. И. Трухина. Исследователь заострил свое внимание на конфликте Ф. Д. Воейкова и албазинских казаков, отказавшихся подчиняться его сыну, по причине не выплаты им ожидаемого жалованья[9].

Потомкам И. М. Перфирьева, занимавшего должности приказчиков в ряде острогов Приангарья и Забайкалья, посвящена статья А. А. Бродникова. Исследователь отметил, что его сыновья также занимали места приказных людей и руководили различными острогами. В связи с этим, А. А. Бродников заметил, что «мы не можем утверждать, что в семьях представителей «служилой аристократии» велась планомерная подготовка детей к выполнению в последующем каких-то управленческих функций, однако пример отцов, других старших родственников должен был формировать некоторые навыки, представления о правильности выбора действий» (Бродников, 2012).

В заключение нашего обзора, отметим работы, раскрывающие различные аспекты жизни сибирских воевод, не связанные с вопросами управления, личностями и их служебной деятельностью. А. А. Люцидарская посвятила свой материал одежде сибирских администраторов, которая, по мнению исследовательницы, «служила олицетворением власти и ставила барьер между воеводами и рядовыми жителями» (Люцидарская, 2017). Изображения воевод в Ремезовской летописи как источник для реконструкции облика служилых людей в Сибири в XVII в. исследуются в статье Е. А. Багрина (Багрин, 2016). Эти материалы стали основой цветной исторической реконструкции, изображающей даурского воеводу второй половины XVII в. (Албазинский острог…, 2019).

Таким образом, можно отметить, что в течение последнего десятилетия научное сообщество представило значительное количество высококачественных работ, раскрывающих вопросы, связанные с различными аспектами деятельности и личностями сибирских воевод. Автор не претендует на то, что исследования, представленные в статье, полностью исчерпывают все работы, посвященные данной тематике, опубликованные в обозначенный период. Однако даже эти материалы позволяют судить о том, что в научный оборот активно водятся новые сведения, в большинстве своем основанные на изучении неопубликованных архивных источников, уточняется ранее известная информация, которая систематизируется, позволяя исследователям создать целостную картину административного руководства Сибирью, изучение которого по-прежнему очень актуально для ученых-сибиреведов.

[9] Трухин В. И. Причины и последствия конфликта казаков Албазинского острога с Нерчинскими воеводами Воейковыми в 1682 году // Град Албазин. URL: http://albazin.ucoz.ru/publ/t/trukhin_v_i/prichiny_i_posledstvija_konflikta_kazakov_albazinskogo_ostroga_s_nerchinskimi_voevodami_voejkovymi_v_1682_godu/50-1-0-73 (дата обращения 02.09.2022).

Список источников

Акишин М. О. Государевы службы князя А. Н. Трубецкого в Сибири и Поволжье // Вопросы истории. 2018. № 1. С. 125–139.

Албазинский острог: История, археология, антропология народов Приамурья / отв. ред. А. П. Забияко, А. Н. Черкасов. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. 348 с.

Артемьев А. Р. Воеводы и приказчики Нерчинского и Албазинского уездов во второй половине XVII века (Из истории кадровой политики царской администрации в Забайкалье и Приамурье) // Отечественная история. 2006. № 2. С. 3–10.

Багрин Е. А. Изображения воевод на рисунках Ремезовской летописи как источник для исторической реконструкции облика служилых людей в Сибири в XVII в. // Parabellum novum: военно-исторический журнал. 2016. № 5 (38). С. 88–94.

Барахович П. Н. Наказ царя Михаила Федоровича енисейскому воеводе Ж. В. Кондыреву 31 января 1631 года // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2018. Т. 17. № 1. С. 91–103.

Барахович П. Н. Енисейск в XVII–XVIII столетиях. Малоизвестные страницы истории. Красноярск : Литерапринт, 2019. 304 с.

Бродников А. А. Отписка П. П. Головина и М. Б. Глебова из Тобольска в Сибирский приказ (к вопросу об образовании Якутского воеводства) // Социально-политические проблемы истории Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 1994. С. 3–10.

Бродников А. А. Пребывание отряда П. Головина и М. Глебова в Енисейске (к вопросу об образовании Якутского воеводства) // Социально-демографические проблемы истории Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 1996. С. 3–7.

Бродников А. А. Третье поколение Перфирьевых (из истории сибирской служилой династии XVII века) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2012. Т. 11. № 8. С. 27–34.

Бродников А. А. О запасах продовольствия первых якутских воевод и их окружения // Культура русских в археологических исследованиях: археология Севера России: Сборник научных статей. Сургут, 08–13 ноября 2021 года. Омск; Сургут : Автономная некоммерческая организация «Институт археологии Севера», 2021. С. 188–192.

Вершинин Е. В. Воеводские наказы в Сибирь конца XVI–XVII в. как источник по истории управления // Источниковедение массовых источников. Москва, 1988. С. 56–70.

References

Akishin M. O. (2018) The sovereign services of prince A. N. Trubetskoy in Siberia and the Volga region. *Voprosy istorii = Questions of History*. No. 1. P. 125-139. (In Russ.).

Zabiyako A. P., Cherkasov A. N. (2019) Albazin fortress: History, archeology, anthropology of the peoples of the Amur region. Novosibirsk: IAET SO RAN. 348 p. (In Russ.).

Artem'ev A. R. (2006) Voivodes (town governors) and prikazchiks (department heads) of Nerchinsk and Albazin uyezds (regions) in the second half of the XVIIth centuries (from the history of the tsarist administrations's personnel policy in the Transbaikal and Amur areas). *Otechestvennaya istoriya = National History*. No. 2. P. 3-10. (In Russ.).

Bagrin E. A. (2016) Pictures of governors in Remezov's chronicles as a source for historical reconstruction of sibirian service people in the 17th century. *Parabellum novum: voenno-istoricheskii zhurnal = Parabellum Novum: Military History Magazine*. No. 5(38). P. 88-94. (In Russ.).

Barakhovich P. N. (2018) The instruction ("nakaz") of tsar Mikhail Fyodorovich to the Yeniseisk voivode Zh. V. Kondyrev, January 31, 1631. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya = Vestnik NSU. Ser. History and Philology*. Vol. 17. No. 1. P. 91-103. (In Russ.).

Barakhovich P. N. (2019) Yeniseisk in the XVII-XVIII centuries. Little-known pages of history. Krasnoyarsk: Literaprint. 304 p. (In Russ.).

Brodnikov A. A. (1994) The reply of P. P. Golovin and M. B. Glebov from Tobolsk to the Siberian Order (Prikaz) (on the issue of the formation of the Yakut Voivodeship). *Sotsial'no-politicheskie problemy istorii Sibiri XVII-XX vv. = Socio-demographic problems of the history of Siberia in the 17th - 20th centuries.* Novosibirsk. P. 3-10. (In Russ.).

Brodnikov A. A. (1996) The stay of the detachment of P. Golovin and M. Glebov in Yeniseisk (on the issue of the formation of the Yakutsk Voivodeship). *Sotsial'no-demograficheskie problemy istorii Sibiri XVII - XX vv. = Socio-demographic problems of the history of Siberia in the 17th - 20th centuries.* Novosibirsk. P. 3-7. (In Russ.).

Brodnikov A. A. (2012) The third generation of Perfiryev (from the history of the Siberian service dynasty XVII century). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya = Vestnik NSU. Ser. History and Philology*. Vol. 11. No. 8. P. 27-34. (In Russ.).

Brodnikov A. A. (2021) About food stocks of the first yakut voivodes and their entourage. *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh: arkheologiya Severa Rossii: sbornik nauchnykh statei, Surgut, 08–13 noyabrya 2021 goda = Russian culture in archaeological research: archeology of the Russian North. Collection of scientific articles, Surgut, November 08–13, 2021.* Omsk; Surgut: Avtonomnaya nekommercheskaya organizatsiya «Institut arkheologii Severa». P. 188-192. (In Russ.).

Vershinin E. V. (1988) Voivodship orders to Siberia at the end of the 16th-17th centuries as a source on the history of management. *Istochnikovedenie massovyh istochnikov = Source study of mass sources.* Moscow. P. 56-70. (In Russ.).

Вершинин Е. В. «Прибыльная» деятельность сибирских воевод в XVII в. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1989. № 3. С. 60–70.

Вершинин Е. В. Воеводская власть и уралосибирское население в XVII в. // Власть, право и народ на Урале в эпоху феодализма. Свердловск : АН СССР. Уральское отделение, Институт истории и археологии, 1991. С. 18–35.

Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург : Муниципальный учебно-методический центр «Развивающее обучение», 1998a. 204 с.

Вершинин Е. В. Судебная компетенция сибирских воевод XVII века (к постановке вопроса) // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XX веков : материалы III региональной научной конференции / отв. ред. С. А. Красильников, 1998b. С. 158–162.

Вершинин Е. В. Наказал бог народ – наслал воевод // Родина. 2000. № 5. С. 92–95.

Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII вв. Екатеринбург : Демидовский институт, 2018. 504 с.

Вершинин Е. В., Визгалов Г. П. Мангазея: отчет последнего воеводы // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8. № 1. С. 253–269.

Глазьев В. Н. Городовое воеводство второй половины XVII в. // Очерки феодальной России. Москва: УРСС. 2004. С. 165–174.

Добжанский В. Н. Яков Остафьевич Тухачевский в Сибири (1629–1647 годы) // Учёные записки музея-заповедника «Томская писаница», 2019. Вып. 10. С. 109–138.

Добжанский В. Н. Наказ и наказные памяти царя Бориса Федоровича Годунова тобольским воеводам С. Ф. Сабурову и А. Ф. Третьякову 1599 года как источники по истории Сибири конца XVI века // Учёные записки музея-заповедника «Томская писаница». 2020. Вып. 12. С. 154–198.

Добжанский В. Н. Наказ и наказные памяти царя Бориса Фёдоровича Годунова тобольским воеводам Ф. И. Шереметеву и А. М. Пушкину 1601 года, как источники по истории Сибири начала XVII века // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2021. Вып. 14. С. 146–159.

Еланцева О. П., Шаходанова О. Ю. Злоупотребления сибирских воевод на материалах РГАДА // Теория и практика общественного развития. 2014. № 10. С. 113–115.

Vershinin E. V. (1989) «Profitable» activity of Siberian governors in the 17th century. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya = Bulletin of Moscow University. Series 8. History.* No. 3. P. 60-70. (In Russ.).

Vershinin E. V. (1991) Voivodship authority and the Ural-Siberian population in the 17th century. *Vlast', pravo i narod na Urale v epokhu feodalizma = Power, law and people in the Urals in the Era of Feudalism.* Sverdlovsk: AN SSSR, Ural'skoe otdelenie, Institut istorii i arkheologii. P. 18-35. (In Russ.).

Vershinin E. V. (1998a) Voivodship Administration in Siberia (XVII century). Ekaterinburg: Munitsipal'nyi uchebno-metodicheskii tsentr “Razvivayushchee obuchenie”. 204 p. (In Russ.).

Vershinin E. V. (1998b) Judicial competence of the Siberian governors of the 17th century (on the formulation of the question*). Problemy istorii mestnogo upravlenija Sibiri XVI - XX vekov. Materialy III regional'noj nauchnoj konferencii = Problems of the history of local government in Siberia in the 16th - 20th centuries. Proceedings of III Regional Scientific Conference.* P. 158-162. (In Russ.).

Vershinin E. V. (2000) God punished the people - sent the governor. *Rodina = Motherland*. No. 5. P. 92-95. (In Russ.).

Vershinin E. V. (2018) Russian colonization of North-Western Siberia at the end of the 16th-17th centuries. Ekaterinburg: Demidovskii institut. 504 p. (In Russ.).

Vershinin E. V., Vizgalov G. P. (2020) Mangazeya: the report of the last voivode. *Quaestio Rossica.* Vol. 8. No. 1. P. 253-269. (In Russ.).

Glaz'ev V. N. (2004) City Voivodeship in the second half of the 17th century. *Ocherki feodal'noi Rossii = Essays on feudal Russia.* Moscow: URSS. P. 165-174. (In Russ.).

Dobzhanskii V. N. (2019) Yakov Ostafyevich Tukhachevsky in Siberia (1629-1647). *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika «Tomskaya pisanitsa» = Scientific Notes of the Museum-Reserve “Tomskaya Pisanitsa”*. Iss. 10. P. 109-138. (In Russ.).

Dobzhanskii V. N. (2020) Order and mandated memory of tsar Boris Fedorovich Godunov to Tobolsk governors S. F. Saburov and A. F. Tretyakov 1599 as sources on the history of Siberia at the end of the 16th century. *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika «Tomskaya pisanitsa» = Scientific Notes of the Museum-Reserve “Tomskaya Pisanitsa”*. Iss. 12. P. 154–198. (In Russ.).

Dobzhanskii V. N. (2021) Order and mandated charters of tsar Boris Fedorovich Godunov to Tobolsk governors F.I. Sheremetev and O.M. Pushkin of 1601 as sources on the history of Siberia in the early 17th century. *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika «Tomskaya pisanitsa» = Scientific Notes of the Museum-Reserve “Tomskaya Pisanitsa”*. Iss. 14. P. 146-159. (In Russ.).

Elantseva O. P., Shakhodanova O. Yu. (2014) Corrupt practices of Siberian voivodes: case study of documents of the Russian State Archives of Ancient Documents. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of*

Еланцева О. П., Шаходанова О. Ю. Феномен коррупции в системе воеводского управления в Сибири XVII в.: междисциплинарный подход к изучению причин // Современные исследования социальных проблем. 2020. Т. 12. № 3. С. 15–27.

Жирнов А. Г. Клановая система в воеводском управлении Якутии третьей четверти XVII в. // Студент и научно-технический прогресс : материалы XXXIII Международной научной конференции. Новосибирск, 1995. С. 28–33.

Каменецкий И. П. Розыскное дело воеводы Б. Синявина: к вопросу о взаимоотношении сибирской администрации и коренных народов в Южной Сибири в эпоху Петра I // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 2. С. 7–10.

Каменецкий И. П. «Белорусцы» Аршинские на службе в Сибири в XVII веке // Гуманитарные проблемы военного дела. 2015. № 3 (4). С. 83–87.

Каменецкий И. П. Сибирская служба боярина Ю. Я. Сулешева // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Сер. Исторические науки. 2018. Т. 4 (70). № 3. С. 40–50.

Каменецкий И. П. «Радетельный воевода». Илларион Сенявин и его родственники на службе в Сибири в эпоху петровских преобразований // Исторический курьер. 2021. № 5 (19). С. 20–31.

Конев А. Ю. Наказ тобольскому воеводе, князю А. Н. Трубецкому 1628 г.: из истории становления региональной системы управления народами Сибири // Тюменская область: историческая ретроспектива, реалии настоящего, контуры будущего : сб статей Международной научной конференции. 2019. С. 218–225.

Коньков Н. Л. Тобольские воеводы конца XVI – начала XVIII века. Тобольск : Изд-во общест. фонда «Возрождение Тобольска», 2001. 118 с.

Коновалов В. В. Лобанов-Ростовский Федор Михайлович // Сибирский исторический журнал. 2004. № 1. С. 22–23.

Космовская А. А. Воеводское управление в Перми Великой в XVII в. // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2012. № 1 (18). С. 135–143.

Космовская А. А. Военные функции воевод в Пермском Прикамье в конце XVI – XVII веке // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2014. № 2 (25). С. 7–13.

Social Development. No. 10. P. 113-115. (In Russ.).

Elantseva O. P., Shakhodanova O. Yu. (2020) The phenomenon of corruption in the system of voivodeship governance in Siberia of the 17th century: interdisciplinary approach to studying causes. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem = Modern Studies of Social Issues*. Vol. 12. No. 3. P. 15-27. (In Russ.).

Zhirnov A. G. (1995) The clan system in the voivodeship administration of Yakutia in the third quarter of the 17th century. *Student i nauchno-tehnicheskii progress: materialy XXXIII mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii = Student and scientific and technological progress. Proceedings of the XXXIII International Scientific Conference.* Novosibirsk. P. 28-33. (In Russ.).

Kameneckii I. P. (2009) The case of voivoda B. Siniavin: concerning the problem of aboriginal and yasak policy of the Siberian administration in Southern Siberia in the epoch of Peter I. *Gumanitarnye nauki v Sibiri = Humanities in Siberia*. No. 2. P. 7-10. (In Russ.).

Kamenetskii I. P. (2015) "Belorustsy" from Arshinsky dynasty in the serve in Siberia in the XVII century. *Gumanitarnye problemy voennogo dela = Humanitarian Problems of Military Affairs*. No. 3 (4). P. 83-87. (In Russ.).

Kamenetskii I. P. (2018) Siberian service of the boyar Yu.Ya. Suleshev. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki = Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Historical Sciences.* Vol. 4 (70). No. 3. P. 40-50. (In Russ.).

Kamenetskii I. P. (2021) "The Zealous Voivode". Illarion Sinyavin and his relatives in service in Siberia during the Times of Peter the Great's Reforms. *Istoricheskii kur'er = Historical Courier.* No. 5 (19). P. 20-31. (In Russ.).

Konev A. Yu. (2019) The 1628 instruction to Tobolsk voivode, prince A.N. Trubetskoy: one aspect of creation of a regional system of governance the indigenous peoples of Siberia. *Tyumenskaya oblast': istoricheskaya retrospektiva, realii nastoyashchego, kontury budushchego: sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii = Tyumen region: historical retrospective, realities of the present, contours of the future. Collection of articles of the international scientific conference.* P. 218-225. (In Russ.).

Kon'kov N. L. (2001) Tobolsk governors of the late 16th - early 18th centuries. Tobol'sk: Izd-vo obshhest. fonda «Vozrozhdenie Tobol'ska». 118 p. (In Russ.).

Konovalov V. V. (2004) Lobanov-Rostovsky Fedor Mikhailovich. *Sibirskii istoricheskii zhurnal = Siberian Historical Journal*. No. 1. P. 22-23. (In Russ.).

Kosmovskaya A. A. (2012) Voivode governance in Perm the great in the XVIIth century. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya = Bulletin of the Perm University. History.* No. 1 (18). P. 135-143. (In Russ.).

Kosmovskaya A. A. (2014) Military functions of voivodes in Perm Kama region in the late XVI-XVII century. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya = Bulletin of the Perm University. History.* No. 2 (25). P. 7-13. (In Russ.).

Красноштанов Г. Б. Никифор Романов Черниговский: документальное повествование. Иркутск. 2008. 378 с.

Курбатов О. А. Областные разряды царского войска: от воеводских росписей до военных округов // Белгородская черта: сб. статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. 2017. № 2. С. 3–15.

Люцидарская А. А. Одежда сибирских воевод в XVII веке (по материалам архивных росписей) // Народный костюм в Сибири. 2017. С. 42–45.

Пузанов В. Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI – XVII в.). СПб.: Алетейя, 2010. 432 с.

Пузанов В. Д. Род Толбузиных – воевод Забайкалья в XVII веке // Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество : материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию Революции 1917 года, 80-летию со дня образования Читинской области, 50-летию атомной промышленности в Забайкалье : в 3 ч. 2017. Ч. 2. С. 31–35.

Санников А. П. «Дело государево» и «слово божие»: из опыта административного управления в Восточной Сибири периода начальной колонизации // Конституция: воплощение ценностей верховенства права, гражданского общества и современного государства : сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции с Международным участием. 2019. С. 90–96.

Сизикова И. В. Центральная власть и воеводское правление в Западной Сибири в XVII веке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота. 2015. № 12. Ч. 3. С. 150–153.

Симачкова Н. Н. Становление воеводской системы управления в Сибири: (конец XVI – начало XVII в.). Тюмень : Мандр и Ка, 2006. 112 с.

Слугина В. А., Конев А. Ю. «Жалованное слово» в наказах сибирским воеводам: к вопросу о происхождении и эволюции формуляра // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии. К 90-летию Н. Н. Покровского : сб. науч. тр. Сер. Археография и источниковедение Сибири / отв. ред.: А. П. Деревянко, А. Х. Элерт; Институт истории Сибирского отделения РАН. 2020. С. 183–193.

Krasnoshtanov G. B. (2008b) Nikifor Romanov Chernigovskii: documentary narration. Irkutsk. 378 p. (In Russ.)

Kurbatov O. A. (2017) Regional ranks of the Tsarist army: from voivodship describings to military districts. *Belgorodskaya cherta: sbornik statei i materialov po istorii Belgorodskoi oboronitel'noi cherty = Belgorod line: a collection of articles and materials on the history of the Belgorod defensive line.* No. 2. P. 3-15. (In Russ.).

Lyutsidarskaya A. A. (2017) Clothes of Siberian governors in the 17th century (based on archival paintings). *Narodnyi kostyum v Sibiri = Folk costume in Siberia*. P. 42-45. (In Russ.).

Puzanov V. D. (2010) Military factors of the Russian colonization of Western Siberia (late 16th – 17th century). St. Petersburg: Aleteiya. 432 p. (In Russ.).

Puzanov V. D. (2017) Family Tolbuzin - governor Transbaikalia in XVII century. Prigranichnyj region v istoricheskom razvitii: partnjorstvo i sotrudnichestvo. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu Revolyutsii 1917 goda, 80-letiyu so dnya obrazovaniya Chitinskoi oblasti, 50-letiyu atomnoi promyshlennosti v Zabaikal'e: v 3 ch. = Border region in historical development: partnership and cooperation. materials of the International Scientific Conference dedicated to the 100th anniversary of the Revolution of 1917, the 80th anniversary of the formation of the Chita region, the 50th anniversary of the nuclear industry in Transbaikalia: in 3 pt.* Pt. 2. P. 31-35. (In Russ.).

Sannikov A. P. (2019) “The case of the sovereign” and "the word of God": from the experience of administrative management in Eastern Siberia during the period of initial colonization. *Konstitutsiya: voploshchenie tsennostei verkhovenstva prava, grazhdanskogo obshchestva i sovremennogo gosudarstva: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem = Constitution: the embodiment of the values of the rule of law, civil society and the modern state. Collection of materials of the All-Russian Scientific-Practical Conference with International Participation*. P. 90-96. (In Russ.).

Sizikova I. V. (2015) Central authority and voivode government in Western Siberia in the XVII century. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Questions of Theory and Practice.* Tambov: Gramota. No. 12. Pt. 3. P. 150-153. (In Russ.).

Simachkova N. N. (2006) Formation of the voivodship system of administration in Siberia: (late 16th-early 17th century). Tyumen': Mandr i Ka. 112 p. (In Russ.).

Slugina V. A., Konev A. Yu. (2020) “Challenge word” in orders to Siberian governors: on the issue of the origin and evolution of the form. *Aktual'nye problemy otechestvennoi istorii, istochnikovedeniya i arkheografii. K 90-letiyu N. N. Pokrovskogo: sbornik nauchnykh trudov. Ser. Arkheografiya i istochnikovedenie Sibiri. Institut istorii Sibirskogo otdeleniya RAN = Actual problems of national history, source studies and archeography. To the 90th anniversary of*

Соколовский И. Р. Аккультурация иностранцев в Сибири XVII века (пример Андрея Барнешлева) // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. № 2. С. 84–87.

Солодкин Я. Г. Воеводы и головы Березова с первых лет его существования // Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки. Тюмень : Изд-во Юрия Мандрики, 2001. Вып. 4. С. 10–16.

Солодкин Я. Г. Первые государевы воеводы в Сибири // Военно-исторический журнал. 2011. № 11. С. 48–51.

Солодкин Я. Г. Административный аппарат Сибири в Смутное время: особенности формирования и тенденции развития // История государства и права. 2012. № 6. С. 30–33.

Солодкин Я. Г. О времени образования Тобольского разряда // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 4 (31). С. 113–117.

Солодкин Я. Г. Начало формирования воеводской системы управления в Сибири // История государства и права. 2015a. № 24. С. 46–50.

Солодкин Я. Г. Первые воеводы и письменные головы Тюмени (к истории складывания административной системы «русской» Сибири) // Водные ресурсы и ландшафтно-усадебная урбанизация территорий России в XXI веке : сб. докл. XVII Междунар. науч.-практ. конф. : в 2-х т. 2015b. Т. 2. С. 118–126.

Солодкин Я. Г. О военных функциях письменных голов Сибири конца XVI – начала XVII в. // Военно-юридический журнал. 2015c. № 6. С. 22–26.

Солодкин Я. Г. Вновь среди «градодержателей» Сибири… (к истории воеводского управления на восточной окраине России в конце XVI – XVII в.) // Северный регион: наука, образование, культура. 2016. № 2 (34). С. 7–12.

Солодкин Я. Г. Начало «второго сибирского взятия»: поход воеводы В. Б. Сукина и основание «русской» Тюмени // «Культура – это любовь к миру»: Сибирь, Россия, мир в исследовательском и образовательном пространстве : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. участием, посвященной 25-летию кафедры теории, истории культуры и музеологии НГПУ / под ред. В. А. Зверева, Е. Е. Тихомировой. 2017. С. 110–113.

N. N. Pokrovsky. Collection of scientific papers. Ser. Archaeography and Source Studies of Siberia. Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. P. 183-193. (In Russ.).

Sokolovskii I. R. (1999) Acculturation of foreigners in Siberia in the 17th century (the example of Andrey Barneshlev). *Gumanitarnye nauki v Sibiri = Humanitarian Sciences in Siberia*. No. 2. P. 84-87. (In Russ.).

Solodkin Ya. G. (2001) Governors and heads of Berezov from the first years of his existence. *Zapadnaya Sibir': istoriya i sovremennost'. Kraevedcheskie zapiski = Western Siberia: history and modernity. Notes on local history.* Tyumen': Izd-vo Yuriya Mandriki. Iss. 4. P. 10–16. (In Russ.).

Solodkin Ya. G. (2011) The first sovereign governors in Siberia. *Voenno-istoricheskii zhurnal = Military History Journal.* No. 11. P. 48-51. (In Russ.).

Solodkin Ya. G. (2012) Administrative mechanism in Siberia during the dark years: peculiarities of formation and tendencies of development. *Istoriya gosudarstva i prava = History of State and Law.* No. 6. P. 30-33. (In Russ.).

Solodkin Ya. G. (2014) On the chronology of the Tobolsk razryad establishment. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Surgut State Pedagogical University.* No. 4(31). P. 113-117. (In Russ.).

Solodkin Ya. G. (2015a) Early formation of the voivodeship system of administration in Siberia. *Istoriya gosudarstva i prava = History of State and Law*. No. 24. P. 46-50. (In Russ.).

Solodkin Ya. G. (2015b) The first governors and written heads of Tyumen (on the history of the formation of the administrative system of "Russian" Siberia). *Vodnye resursy i landshaftno-usadebnaya urbanizatsiya territorii Rossii v XXI vek : sbornik dokladov XVII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii : v 2 t. = Water resources and landscape-estate urbanization of Russian territories in the XXI century. Collection of reports of the XVII International Scientific and Practical Conference: in 2 vol.* Vol. 2. P. 118-126. (In Russ.).

Solodkin Ya. G. (2015c) About military functions of writing heads in Siberia of the end of the XVI - beginning of the XVII century. *Voenno-yuridicheskii zhurnal = Military Legal Journal*. No. 6. P. 22-26. (In Russ.).

Solodkin Ya. G. (2016) Among the town heads of Siberia again... (towards the history of voivode administration on the eastern frontier of Russia in the late XVI-XVII century*). Severnyi region: nauka, obrazovanie, kul'tura = Northern Region: Science, Education, Culture.* No. 2 (34). P. 7-12. (In Russ.).

Solodkin Ya. G. (2017) The start of the "second Siberian seizure": the campaign of voivode V. B. Sukin and the foundation of «Russian» Tyumen. *«Kul'tura – eto lyubov' k miru»: Sibir', Rossiya, mir v issledovatel'skom i obrazovatel'nom prostranstve. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoi 25-letiyu kafedry teorii, istorii kul'tury i muzeologii NGPU = "Culture is love for the world": Siberia, Russia, the world in research and educational space. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Partici-*

Солодкин Я. Г. Ермак или воеводы «святоцаря» Федора? Кто положил начало присоединению Сибири к России // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. История. Политология. Социология. 2018a. № 3. С. 19–23.

Солодкин Я. Г. Воевода Н. В. Траханиотов и раннее русское градостроительство в Северо-Западной Сибири // Пять столетий Югры: проблемы и решения, итоги и перспективы. Нижневартовск, 2018b. С. 3–13.

Солодкин Я. Г. Институт временного воеводства в Сибири XVII в. // Вопросы истории. 2019. № 12–1. С. 195–203.

Солодкин Я. Г. «Росписи» администраторов городов и острогов в старшей редакции Сибирского летописного свода // Документальный источник в историческом исследовании и в исследовании по истории науки: опыт использования, современные проблемы и задачи: к 100-летию со дня рождения А. А. Зимина : материалы Междунар. науч. конф., Москва, 02–03 апреля 2020 года. Архив РАН, Российский государственный гуманитарный университет. 2020. С. 446–458.

Софронов В. Ю. Воеводское управление в Сибири: от возникновения до упразднения: сибирская история в документах. Тобольск : Тобольская государственная социально-педагогическая академия им. Д. И. Менделеева, 2014. 186 с.

Тимохин Е. А. Награды за службу глазами тюменских воевод первой половины XVII века // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 22 (237). С. 21–29.

Трухин В. И. «Росписной список» Албазинского острога (1674) // К 200-летию императора Александра II. Архивные документы по Российской истории в научных исследованиях и публикациях : сб. науч. тр. / науч. ред.: Н. В. Дунаева, С. Г. Кащенко. СПб. : Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина. 2018. С. 178–189.

Трухин В. И. Административно-территориальное устройство Приамурских земель в составе Русского государства в XVII веке // Известия Лаборатории древних технологий. 2020a. Т. 16. № 3. С. 150–161.

Трухин В. И. Албазинский острог: от «росписи» до «росписи» // История России, Венгрии и Китая в исследованиях современных ученых : сб. науч. тр. Сборники Президентской библиотеки / науч. ред.: Н. В. Дунаева, *pation, dedicated to the 25th anniversary of the Department of Theory, History of Culture and Museology of the National State Pedagogical University.* P. 110-113. (In Russ.).

Solodkin Ya. G. (2018a) Yermak or “Saint Czar” Fyodor's voivodes? Who pioneered the Russian acquisition of Siberia. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya = Bulletin of the Voronezh State University. Ser. History. Political science. Sociology.* No. 3. P. 19-23. (In Russ.).

Solodkin Ya. G. Voevoda N. V. (2018b) Trakhaniotov and early Russian urban planning in Northwestern Siberia. *Pyat' stoletii Yugry: problemy i resheniya, itogi i perspektivy = Five centuries of Yugra: problems and solutions, results and prospects.* Nizhnevartovsk. P. 3-13. (In Russ.).

Solodkin Ya. G. (2019) The institute of temporal voivode governance in Siberia in the 17th century. *Voprosy istorii = Questions of history.* No. 12-1. P. 195-203. (In Russ.).

Solodkin Ya. G. (2020) "Describings" of administrators of cities and towns in the older edition of the Siberian chronicle. *Dokumental'nyi istochnik v istoricheskom issledovanii i v issledovanii po istorii nauki: opyt ispol'zovaniya, sovremennye problemy i zadachi. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya A. A. Zimina: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Moskva, 02–03 aprelya 2020 goda = Documentary source in historical research and in research on the history of science: experience of use, modern problems and tasks.To the 100th anniversary of the birth of A. A. Zimin. Proceedings of the International Scientific Conference. Archive of the Russian Academy of Sciences, Russian State University for the Humanities.* P. 446-458. (In Russ.).

Sofronov V. Yu. (2014) Voivodship administration in Siberia: from its inception to abolition: Siberian history in documents. Tobol'sk: Tobol'skaya gosudarstvennaya sotsial'no-pedagogicheskaya akademiya im. D. I. Mendeleeva. 186 p. (In Russ.).

Timokhin E. A. (2011) Awards for service through the eyes of the Tyumen governors of the first half of the 17th century. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. No. 22 (237). P. 21-29. (In Russ.).

Trukhin V. I. (2018) The “description lists” of the Albazinskiy ostrog (1674). To the 200th anniversary of Emperor Alexander II. Archival documents on Russian history in scientific research and publications. Collection of scientific papers. St. Petersburg: Prezidentskaya biblioteka im. B. N. El'tsina. P. 178-189. (In Russ.).

Trukhin V. I. (2020a) Administrative-territorial structure of the Amur lands as part of the Russian state in the 17th century. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laborotory of Ancient Technologies.* Vol. 16. No. 3. P. 150-161. (In Russ.).

Trukhin V. I. (2020b) Albazin ostrog: from one «description lists» to another «description lists». *Istoriya Rossii, Vengrii i Kitaya v issledovaniyakh sovremennykh uchenykh: sbornik nauchnykh trudov. Sborniki Prezidentskoi biblioteki =*

С. Г. Кащенко. СПб. : Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина. 2020b. С. 200–215.

Шаходанова О. Ю. Наказы как источники по истории управления России в XVII веке // Документ в оперативной и ретроспективной среде : сб. науч.-практ. ст. / под общей ред. Т. Н. Кондратьевой. Тюмень : Изд.-во «Печатник», 2010. С. 125–128.

History of Russia, Hungary and China in the studies of modern scientists. Collection of scientific papers. Collections of the Presidential Library. St. Petersburg: Prezidentskaya biblioteka im. B. N. El'tsina. P. 200-215. (In Russ.).

Shakhodanova O. Yu. (2010) Instructions as sources on the history of Russian administration in the 17th century. *Dokument v operativnoi i retrospektivnoi srede: sbornik nauchno-prakticheskikh statei = Document in the operational and retrospective environment: a collection of scientific and practical articles*. Tyumen': Pechatnik. P. 125-128. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. А. Багрин – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-методической службы, Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина, 190000, Санкт-Петербург, Сенатская площадь, 3, Россия.

Information about the author

E. A. Bagrin – Cand. Sci. (History), leading researcher of the Scientific and Methodological Department, Boris Yeltsin Presidential Library, 3, Senatskaya Square, Saint-Petersburg 190000, Russia.

Вклад автора

Багрин Е. А. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

Bagrin E. A. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 7 июля 2022 г.; одобрена после рецензирования 5 сентября 2022 г.; принята к публикации 12 сентября 2022 г.

Article info

The article was submitted July 7, 2022; approved after reviewing September 5, 2022; accepted for publication September 12, 2022.

Научная статья
УДК 94(47).048+568.9
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-112-123

Организационная структура китайской армии в ходе первой осады Албазинского острога

Алексей Юрьевич Лохов [1], Илья Евгеньевич Еремин [2], Алексей Викторович Нацвин [3]

[1] Дальневосточное высшее общевойсковое командное ордена Жукова училище имени Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского, Благовещенск, Россия, kluger999@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0002-1285-6987
[2, 3] Амурский государственный университет, Благовещенск, Россия
[2] ilya.eremin.70@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4038-9124
[3] natsvin1998@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-5392-7462

Аннотация. В статье авторами рассматривается организация маньчжурского войска, непосредственно использованного в ходе первой осады Албазинского острога 1685 года, ставшей результатом агрессивной политики Цинского Китая с целью «усмирения русских», осваивающих Дальний Восток. Более детальное изучение имеющихся исторических сведений, а также выбранная авторами методика онтологической обработки исходной информации позволили охарактеризовать и упорядоченно представить состав сил и средств войск маньчжурской империи. Другими словами, авторам удалось решить задачу, позволяющую по-новому взглянуть на исследуемую проблему. Во-первых, авторам удалось обосновать общую численность осадной армии, которая может быть определена суммарным числом 4000 пехотинцев, 400 артиллеристов и 1000 всадников, и в результате предлагаемого расчета выявить реальное наличие 5400 бойцов, что фактически полностью подтверждается архивными данными из китайских источников. Во-вторых, проведенный авторами объективный анализ условно-тактических знаков, представленных различными флажками соответствующих форм и цветов, позволили установить принципиальную идентичность базовой структуры штурмовых отрядов обоих флангов. Каждый фланг включал в себя по 4 императорские роты желтого знамени с красной каймой, дополненных двумя ротами зеленого знамени, а также отдельными ротами белого знамени с красной каймой и красного знамени с белой каймой, что указывает на его фактическую историческую достоверность. Современная методика онтологической обработки информационных данных, используемая на постоянной основе авторами, в очередной раз показала свою достаточно высокую эффективность. Действительно, в рамках предлагаемого решения рассматриваемой задачи был выявлен ряд новых деталей изучаемого в ее рамках исторического события, знание которых может оказаться, с одной стороны, полезным для качественного развития научного направления отечественной истории в целом. С другой стороны, выявленные особенности являются практически востребованными и с точки зрения совершенствования общей методологии исторической информатики.

Ключевые слова: боевой порядок, восьмизнаменная армия, онтологическая обработка, организационная структура, осада, острог, реконструкция, флаги, штурмовая группа

Для цитирования: Лохов А. Ю., Еремин И. Е., Нацвин А. В. Организационная структура китайской армии в ходе первой осады Албазинского острога // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 4. С. 112–123. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-112-123

Original article

Organizational structure of the Chinese Army during the first siege of the Albazin Fortress

Aleksei Yu. Lokhov [1], Ilya E. Eremin [2], Aleksei V. Natsvin [3]

[1] The Marshal of the Soviet Union K. K. Rokossovsky Far Eastern Higher Combined Arms Command School, Blagoveshchensk, Russia, kluger999@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0002-1285-6987
[2, 3] Amur State University, Blagoveshchensk, Russia
[2] ilya.eremin.70@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4038-9124
[3] natsvin1998@yandex.ru,https://orcid.org/0000-0002-5392-7462

Abstract. The authors consider the organization of the Manchurian Army, directly used during the first siege of the Albazin Fortress in 1685, which was the result of the aggressive policy of Qing China in order to "pacify the Russians" who were exploring

© Лохов А. Ю., Еремин И. Е., Нацвин А. В. 2022

the Far East. A more detailed study of the available historical information, as well as the method of ontological processing of initial information chosen by the authors, allowed us to characterize and present in an orderly manner the composition of the forces and means of the troops of the Manchurian Empire. In other words, the authors managed to solve a problem that allows them to take a fresh look at the problem under study. Firstly, the authors managed to justify the total number of the siege army, which can be determined by the total number of 4,000 infantry, 400 artillery and 1,000 horsemen, and as a result of the proposed calculation, to identify the actual presence of 5,400 fighters, which is actually fully confirmed by archival data from Chinese sources. Secondly, the objective analysis of conditional tactical signs carried out by the authors, represented by various flags of the corresponding shapes and colors, allowed us to establish the fundamental identity of the basic structure of the assault detachments of both flanks. Each flank included 4 imperial companies of the yellow banner with a red border, supplemented by two companies of the green banner, as well as separate companies of the white banner with a red border and the red banner with a white border, which indicates its actual historical authenticity. The modern method of ontological processing of information data, used on an ongoing basis by the authors, has once again shown its sufficiently high efficiency. Indeed, within the framework of the proposed solution to the problem under consideration, a number of new details of the historical event being studied within its framework have been identified, knowledge of which may, on the one hand, be useful for the qualitative development of the scientific direction of national history as a whole. On the other hand, the identified features are practically in demand from the point of view of improving the general methodology of historical informatics.

Keywords: order of battle, eight-banner army, ontological processing, organizational structure, siege, fortress, reconstruction, flags, assault group

For citation: Lokhov A. Yu., Eremin I. E., Natsvin A. V. (2022) Organizational structure of the Chinese Army during the first siege of the Albazin Fortress. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 4. P. 112-123. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-112-123

Исследования исторических событий, развернувшихся вокруг Албазинского острога во время военных действий, предпринятых Цинским Китаем против Российского государства в 1685 и 1686–1687 гг., вызывают неослабевающий интерес у научной общественности еще со времен первого амурского сплава, организованного и проведенного в 1854 году под руководством графа Муравьева-Амурского с целью установления доступности устья реки Амур для выхода в Охотское море. То есть тогда, когда после перерыва почти в два столетия Россия возобновила мирную политику освоения и изучения Дальневосточного региона. Однако, несмотря на существующий достаточно большой объем собранных и накопившихся материалов, многие теоретические вопросы, связанные с детализацией хода первой осады вышеназванного острога требуют дополнительной проработки в целях установлений наиболее объективных фактов.

На текущий момент в научном обороте фигурируют следующие документальные данные, содержащие информацию о том, с привлечением какого количества сил и средств и как именно проходила осада Албазинской крепости. Однозначно можно утверждать, что в июне 1685 года осада была организованна прибывшим к острогу многотысячным маньчжурским войском (Албазин, 1911). Вместе с этим возникает ряд вопросов, а именно: какова была структура этой армиии и какое всё-таки количество людей находилось в её составе. По одним сведениям, представленным русскими источниками, количество маньчжуров составляло от пяти до десяти тысяч человек, что само по себе достаточно сомнительно ввиду большого разброса диапазона названного общего количества. По другим данным, основанным на показаниях «китайского языка», взятого в плен на месте расположения Албазинского острога после ухода основных сил маньчжур с осаждаемых позиций, количество той «китайской силы», которую император собирал без малого три года, находилось в пределах от 4500 до 5000 человек. К этому показателю авторы пришли, проанализировав слова того самого китайского человека, от которого стало известно, что основная часть осадной армии была доставлена по воде на левый берег Амура на ста «бусах» (больших дубовых лодках), вмещавших по 40–50 и более человек с луками и мечами. В их числе находилось 1200 человек рабочих и 100 человек с пищалями. Кроме того, своим ходом по правому берегу Амура передвигался кавалерийский отряд из тысячи всадников с луками, наряду с которыми были пушки (Дополнения к актам историческим…, 1872. С. 112)[1].

[1] Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией» / ред. А. И. Тимофеев. СПб. : Тип. Праца, 1872. Т. 12. 469 с.

Именно они как раз и сыграли решающую роль в предстоящей осаде, так как стены острога не могли противостоять орудийным ядрам, легко прошивающим тыновые стены. Орудия полевой и осадной артиллерии, предназначенные для подавления огневых средств и уничтожения фортификационных сооружений русской крепости, были также переправлены на левый берег маньчжурскими лодками. Количество артиллерийских орудий, которое маньчжурами было переправлено через Амур и сосредоточено на огневых позициях осаждающих подразделений также противоречиво. Этот вопрос, кстати, авторами уже поднимался в одной из предыдущих статей (Лохов, Еремин, Нацвин, 2021). По отечественным источникам количество артиллерийских орудий разного калибра составляло от 140 до 250 единиц или же всего порядка 45 единиц – по другим данным (Трухин, Багрин, 2019; Албазинское воеводство, 2019[2]; Русско-китайские отношения в XVII веке, 1969[3]; Русско-китайские отношения в XVII веке, 1972[4]; Международные отношения в Центральной Азии, XVII–XVIII вв., 1989[5]). Таким образом, конкретизация организационно-штатной структуры подразделений маньчжурского экспедиционного корпуса, непосредственно действовавшего во время первой осады острога в 1685 году, остается достаточно актуальной научной задачей.

Приступая к её решению, необходимо отметить наличие исторической зарисовки события, представленной картографическим рисунком «Luosha» (рис. 1) из китайского атласа конца XVII века (Трухин, 2019. С. 166). При этом если взять за основу тот факт, что официальное историописание Цинской империи второй половины XVII–XVIII вв. являлось одним из важнейших механизмов социальной индоктринации, специально для которой был разработан особый вид исторических трудов, описывающих победоносные войны (Каморная, 2014. С. 143), то можно вполне обоснованно утверждать, что имеющаяся на нем графическая информация является формализованным описанием фактического хода изучаемой боевой операции (Албазинский острог…, 2019), расшифровка которой открывает новые возможности выявления реальных деталей рассматриваемых исторических событий.

Действительно, системное изучение внутреннего устройства острога, изображенного на рисунке «Luosha» с достаточной степенью детализации, уже позволило авторам реализовать его виртуальную реконструкцию (рис. 2), получив тем самым новый научный результат. В действительности модель острога, представленная в 3D-формате, обладает рядом уникальных особенностей, информативность и полнота которой существенно превосходят любые традиционные решения и принципиально отличаются от представленных ранее вариантов внешнего облика и внутреннего устройства данного острога (Артемьев, 1999; Кочедамов, 1978; Крадин, 1988). Причина этого обстоятельства обусловлена применением современной методики онтологической обработки исходных данных (Еремин, Трухин, Бугаев, 2019; Еремин, Нацвин, Трухин, 2020; Еремин, Нацвин, Трухин, Лохов, 2020; Лохов, Нацвин, Трухин, 2021).

Кроме того, использование вышеназванной технологии при уточнении фактического состава китайской артиллерии, непосредственно участвовавшей в первой осаде, даёт возможность обоснованно утверждать, что маньчжуры могли реально обстреливать Албазин только из двадцати орудий (Лохов, Еремин, Нацвин, 2021). Иными словами, на изображении данного исторического события запечатлено их общее количество и тактическая дислокация, которые абсолютно точно зафиксированы на рассматриваемой исторической зарисовке и, выражаясь на языке военного искусства, вполне реалистично соответствуют тактической обстановке. Именно расположение орудий и позиций подразделений представляет собой не что иное, как элементы боевого порядка, расположенные с относительной достоверностью топографической привязки к ярко выраженным окружающим предметам местности.

[2] Албазинское воеводство : сборник документов / В. И. Трухин., В. В. Крюков. Хабаровск : Библиотека Дальневосточного казачества, 2019. 628 с.

[3] Русско-китайские отношения в XVII веке : материалы и документы. 1608–1683 / Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. М. : Наука, 1969. 614 с.

[4] Русско-китайские отношения в XVII веке : материалы и документы. 1686–1691 / Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. М. : Наука, 1972. 703 с.

[5] Международные отношения в Центральной Азии, XVII–XVIII вв. Документы и материалы / Б. П. Гуревич, В. А. Моисеев. М. : Наука, 1989. 373 с.

Рис. 1. Фрагмент рисунка первой осады острога из китайского атласа XVII века
Fig. 1. A fragment of the drawing of the first siege of the fortress from the Chinese atlas of the XVII century

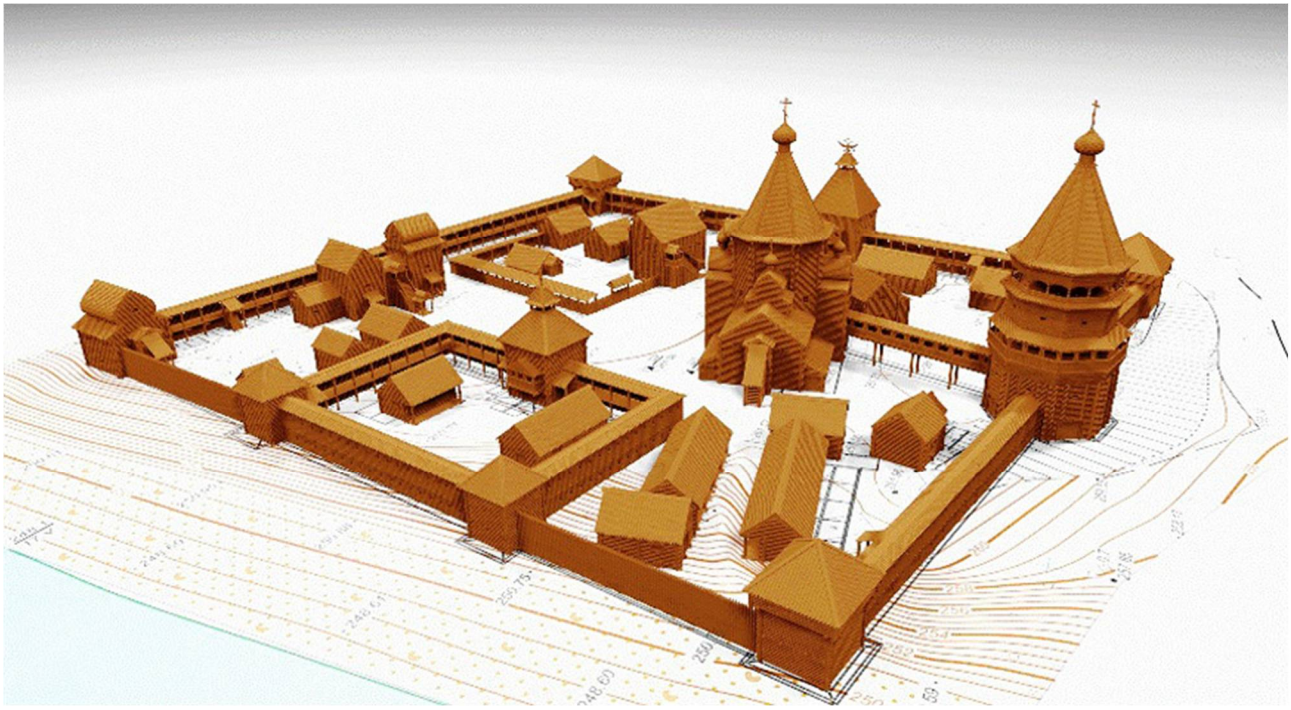

Рис. 2. Трехмерная компьютерная реконструкция общего устройства острога
Fig. 2. Three-dimensional computer reconstruction of the general structure of the fortress

Что касается оценки практической части подготовки и ведения боевых действий, то, анализируя данные рисунка «Luosha», можно констатировать умелые и грамотные действия войск под руководством Лантаня. Ещё на этапе выработки замысла ведения осадных действий, после проведённой разведки местности вблизи Албазина, Лантань полагал, что только использование пушек хунъипао обеспечат успех кампании, при этом двадцати единиц этих орудий будет достаточным для разрушения деревянного острога. Кроме того, из донесения того же Лантаня в указе императора было определено коли-

чество воинов в три тысячи человек с дополнением резерва усиления до полутора тысячи воинов из Гирина и Нингуты[6]. Таким образом, можно обоснованно полагать о соответствии показателей графических данных с количественными показателями описываемых событий в китайских источниках.

Ещё одним убедительным фактом в пользу авторской методики является описание самих боевых действий. Так, при исследовании тактических эпизодов хода боевых действий, описанных в китайском источнике, устанавливается их очевидное сходство с графическим рисунком. В частности, это выделение части сил для установки щитов в качестве ложных позиций и последующее использование обстрела лучниками передней части острога в качестве имитации начало приступа крепости. Этими действиями противник рассчитывал запутать её обороняющихся защитников относительно направления главного удара. В то же время китайским войскам зеленого знамени было приказано скрытно выдвинуться в тыл крепости, где расположить пушки и приступить к настоящему приступу. Одновременно другим войскам было приказано обойти крепость с флангов, где оборудовать позиции для пушек цзянцзюньпао, откуда и вести огонь. По сути, своими действиями Лантань полностью блокировал и окружил острог. В качестве охранения позиции сухопутных подразделений маньчжур и исключения внезапного появления подкрепления русских войск по воде с южной части крепости были расположены боевые суда[7]. Выбранная маньчжурами тактика, численное превосходство в силах и средствах, безусловно, способствовали их безоговорочной победе, несмотря на отчаянные попытки противостояния обороняющихся осажденных войск острога. В целом же описываемые события очевидно совпадают с теми, что представлены графически на китайском рисунке «Luosha».

Достаточно очевидно, что возможность осуществления предлагаемого авторами алгоритма в рамках практического решения поставленной задачи, основывается на систематизации справочных данных. Во-первых, требуется четкое понимание общей организационной структуры Цинской армии конца XVII века (Мелихов, 1974; Мясников, 1980; Александров, 1984; Доронин, 2002). Во-вторых, необходима детализация качественного и количественного состава её отдельных структурных подразделений (Мандзяк, 2002; Бобров, Худяков, 2008; Пастухов[8]).

Военизированные формирования «Восьмизнаменных войск», учрежденные ханом Нурхаци в 1614 году, послужили основой военно-административной системы династии Цин, обеспечившей Китаю гегемонию в дальневосточном регионе. Одним из первых проведенных им мероприятий было учреждение в 1601 году территориально-административных единиц (ниру), явившихся низовой ячейкой складывающегося феодального государства. Однако постоянные войны быстро выявили недостаточность этой меры, поэтому уже в 1606 году Нурхаци начал преобразовать армию на основе созданных им элементов.

Основой реорганизованной армейской системы являлось тактическое подразделение «ниру» (т. н. «рота») – наименьшее воинское подразделение, состоявшее из 300 человек. В свою очередь пять таких однородных рот составляли «чалэ» (батальон), пять чалэ образовывали «гуса» (полк), а два полка объединялись в дивизию. Для каждой дивизии был определен свой отличительный цвет – желтый, красный, белый и синий. По существовавшим на то время нормам только третья часть взрослых мужчин, числившихся в официальных списках ниру, была должна находиться на военной службе, а остальным обязывалось заниматься сельским хозяйством, обеспечивая армию необходимым продовольствием. В дальнейшем мобилизационная численность ниру сократилась до 150 человек. Следовательно, на действительной службе одновременно могли находиться не более 50 воинов.

В 1615 году в связи с ростом тунгусо-маньчжурского населения ханства Хоу Цзинь и уве-

[6] Русско-китайские отношения в XVII веке : материалы и документы. Т. 2. 1686–1691. М., 1972.

[7] Там же.

[8] Пастухов А. М. Восьмизнаменная армия в период Тяньмин–Канси (1616–1722) // Проект «Китай. Корея. Маньчжурия. Монголия. Приамурье». URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1668367805&tld=ru&lang=ru&name=AlekseyPastuhov_VosmiznamennayaarmiyavperiodTyanmin-Kansi(1616-1722) (дата обращения 01.11.2022 г.).

личением численности правящего рода Айсинь Гиоро каждый из четырех первоначальных родоплеменных корпусов был разделен на «основной» и «окаймленный». Иными словами, маньчжурское войско приобрело свой оригинальный формат в виде Восьмизнаменной армии. При этом выделялись старшие знамена, подчиненные непосредственно императору – желтое основное, желтое с красной каймой, белое основное, а также младшие знамена, находившиеся в ведении территориальных органов власти – белое с красной каймой, красное основное, красное с белой каймой, синее основное, синее с красной каймой. Кроме того, знаменные корпуса были объединены в крылья. Левое крыло образовывали желтое знамя с красной каймой, белое основное, белое с красной каймой и синее основное, а правое – желтое основное знамя, красное основное, красное с белой каймой и синее с красной каймой.

В свою очередь совместно с маньчжурскими ротами (ниру) в состав армии вливались монгольские роты (суманы), а также китайские роты (цзолины). Таким образом, к 1643 году армия «Восьми знамен» была окончательно сформирована и включала в себя 24 дивизии – 8 маньчжурских, 8 монгольских и 8 китайских, равномерно распределенных по восьми корпусам. Этнические маркеры отражали политические обстоятельства присоединения той или иной группы к Цинскому государству. При этом войска «Зеленого знамени», созданные из минских солдат уже после 1644 года, использовались в качестве приданных подразделений только для усиления основных корпусов (рис. 3). Система восьми знамён была одним из заметных политических институтов Цинской империи (1636–1912 гг.). Флаги различного цвета (жёлтого, белого, синего и красного) и дизайна (с каймой или без) обозначали принадлежность к военизированному сообществу так называемых знамённых людей.

Достаточно очевидно, что параллельно с увеличением общей численности Цинской армии совершенствовалась и структура ее низовых подразделений. А именно, к 1626 году штатная организация ниру оказалась реформированной следующим образом. В каждой роте назначался командир и пять его помощников, в подчинении у которых находилось 20 конных латников и 80 пехотинцев. Основным оружием солдат служили мечи и луки, а в качестве вспомогательного – пики или трехлезвийные копья. В свою очередь на вооружении имелось значительное количество фитильных мушкетов, большая часть которых находилась у китайских подразделений (рис. 4).

Принимая во внимание все вышеперечисленные обстоятельства, можно сделать вывод, что любая общевойсковая рота подразделялась на пять взводов, состоявших из двадцати солдат и одного командира. При этом три ее взвода являлись стрелковыми и вооружались луками или мушкетами, а два оставшихся выполняли обеспечивающие функции разведывательного авангарда (всадники) и боевого охранения (копейщики). Кроме того, в составе войск зеленого знамени существовали отдельные артиллерийские роты, включавшие в себя по сто солдат, предназначенных для оборудования

Рис. 3. Полковые знамена и униформа Цинской армии второй половины XVII века
Fig. 3. Regimental banners and uniforms of the Qing Army of the second half of the XVII century

Рис. 4. Изображение боевого порядка китайской роты (цзолин) синего знамени
Fig. 4. Image of the order of battle of the Chinese company (Zolin) blue banner

огневых позиций и боевого обслуживания порядка пяти орудий однотипного калибра. Следует отметить, что помимо стандартизированного вооружения каждая рота централизованно обеспечивалась и необходимым полевым снаряжением, например, унифицированными двухскатными палатками на десять человек.

Таким образом, обладая достаточной справочной информацией, можно попытаться прочесть изучаемый картографический рисунок «Luosha» (рис. 1). Для этого авторами принято решение рассмотреть его в качестве аналога боевого графического документа, то есть рабочей карты командира. Первое, что практически сразу же бросается в глаза, – это различие общего вида разноцветных флажков, скорее всего обозначающих места реального расположения рот осадной армии во время исследуемого события. Это обстоятельство можно, безусловно, трактовать ни чем иным как нанесенными условно-тактическими знаками, обозначающими реальные места расположения осаждающих подразделений. Действительно, названные условные обозначения четко делятся на две группы: первая представляет собой флаги, нарисованные над лагерными палатками; вторая – флаги, образующие две фронтальные линии (рис. 5).

Непосредственная дефиниция количества и цветового оформления флажков каждой из названных категорий даёт нам следующие результаты. Флаги, изображенные над палатками: всего 54 штуки, из которых желтых с красной точкой – 16; белых с красной точкой – 18; красных с белой точкой – 6; зеленых – 14. Флаги, расположенные в виде двух отдельных линий: всего 19 штук, из которых желтых с красной точкой – 10; белых с красной точкой – 2; красных с белой точкой – 2; зеленых – 5. Перечисленные очевидные особенности дают возможность следующей интерпретации зашифрованной с их помощью информации.

Во-первых, цвета ротных флажков обозначают их принадлежность к соответствующему корпусу восьмизнаменной армии. При этом желтые флаги с красной точкой обозначают войска желтого знамени с красной каймой, белые с красной точкой – белого знамени с красной каймой, красные с белой точкой – красного знамени с белой каймой; зеленые – вспомогательные войска зеленого знамени. Отметим, что два первых из четырех названных корпусов представлены наибольшими числами флажков и организационно входили в состав левого крыла Цинской армии. В свою очередь третья разновидность флажков является наиболее малочисленной и относится к правому армейскому крылу.

Во-вторых, суммарное число лагерных флажков дает возможность чёткого определения общей структуры осадной армии. А именно, принимая во внимание объективное наличие четырех артиллерийских рот зеленого знамени, вооруженных пятью

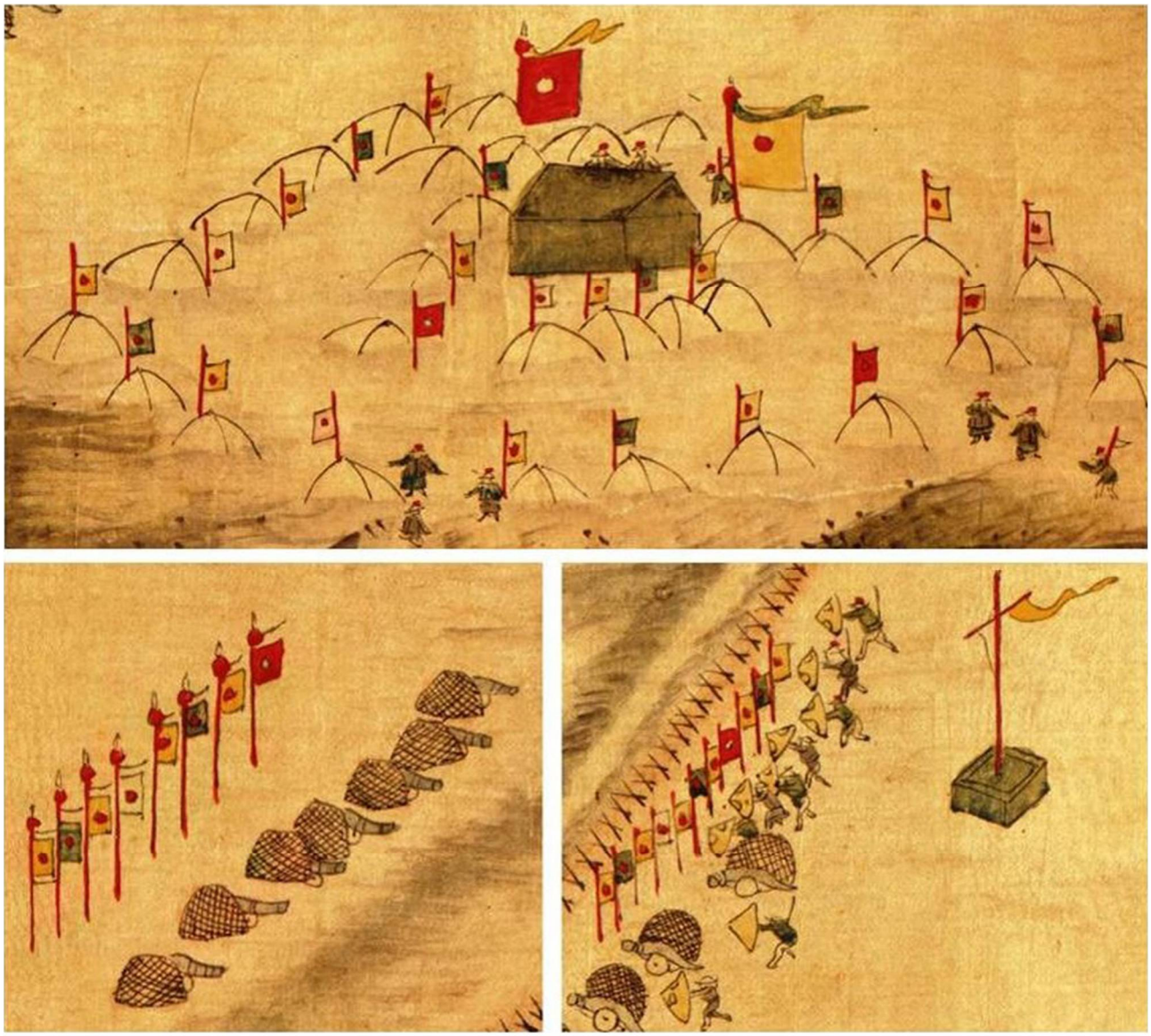

Рис. 5. Обозначение местоположения рот – в полевом лагере и во время штурме
Fig. 5. Designation of the location of the companies - in the field camp and during the assault

осадными орудиями (хунъипао) и пятнадцатью полевыми пушками (цзянцзюньпао), то за их вычетом общее количество пехотных рот оказывается равным пятидесяти, иными словами, целиком и полностью соответствует штатному параметру дивизии. При этом составляющие её полки, вероятнее всего, имели следующие конфигурации. Первый включал в себя шестнадцать рот старшего желтого знамени с красной каймой, доукомплектованных четырьмя ротами красного знамени с белой каймой и пятью ротами зеленого знамени, а второй – восемьнадцать рот младшего белого знамени с красной каймой, дополненных двумя ротами красного знамени с белой каймой и пятью ротами зеленого знамени. Следовательно, дивизия, участвовавшая в первой осаде Албазинского острога, включала в себя два полноценных маньчжурских полка – императорский (желто-красного знамени) и территориальный (бело-красного знамени), усиленные четырьмя артиллерийскими ротами.

В-третьих, общее количество личного состава, фактически находившегося в каждой из пехотных рот, составляло не более восьмидесяти человек, так как все их штатные всадники выдвигались к Албазину в составе объединенного конного отряда и оказались размещенными на правом берегу Амура (рис. 6). Таким образом, общая численность осадной армии может быть определена суммарным числом

Рис. 6. Изображение местонахождения маньчжурской конницы (правый берег)
Fig. 6. Image of the location of the Manchurian cavalry (right bank)

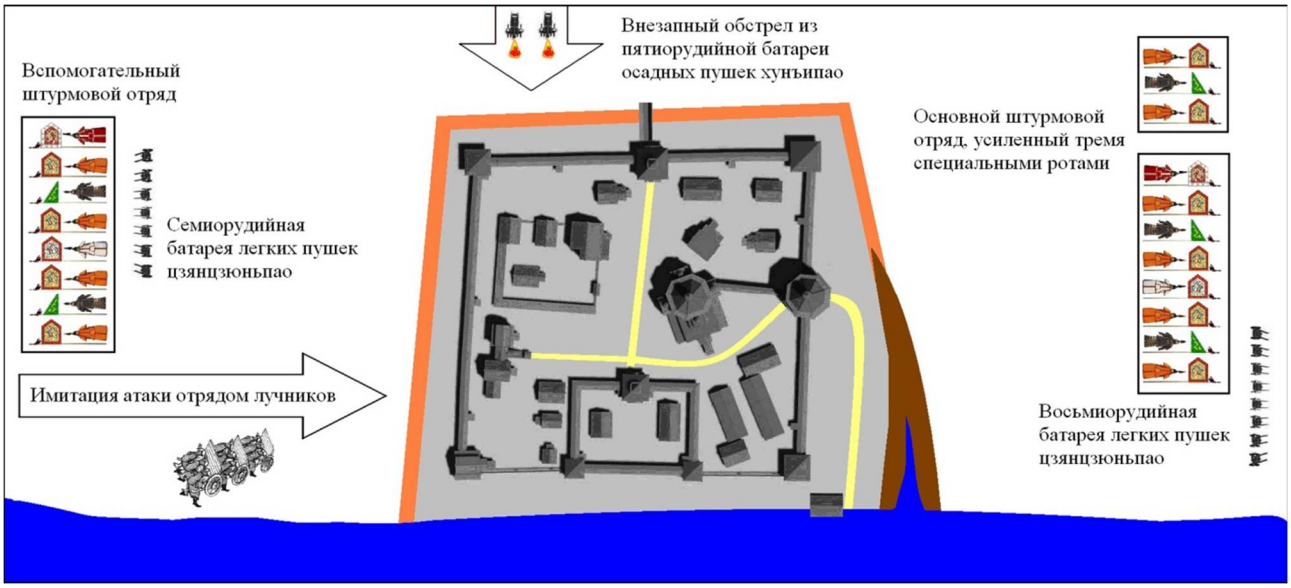

Рис. 7. Детализированная схема боевого порядка осадной армии во время штурма
Fig. 7. Detailed scheme of the order of battle of the siege army during the assault

4000 пехотинцев (50 рот по 80 человек), 400 артиллеристов (4 роты по 100 человек) и 1000 всадников (50 взводов по 20 человек).

С одной стороны, результаты предлагаемого расчета, выявляющего реальное наличие 5400 бойцов, фактически полностью подтверждаются архивными данными из китайских источников. С другой стороны, становится вполне очевидным обычно не учитываемое обстоятельство того, что вторая группа флагов, представляющих собой фронтальные линии, имеет непосредственное отношение к изображению местоположения маньчжурских войск, принимавших непосредственное участие в штурме осажденной русской крепости. В свою очередь пошаговая расшифровка этой дополнительной и достаточно важной информации может быть реализована следующим образом.

Визуальный анализ цветовой гаммы рассматриваемых флажковых групп показывает их частичную идентичность, а именно последовательность раскраски флагов левой группы полностью соответствует восьми нижним флагам правой группы. При этом напрашивается вывод, что данные обозначения отображают принципиальную идентичность базовой структуры штурмовых отрядов обоих флангов, каждый из которых включал по 4 императорские роты желтого знамени с красной каймой, дополненных двумя ротами зеленого знамени, а также

отдельными ротами белого знамени с красной каймой и красного знамени с белой каймой. В свою очередь правый отряд имел группу специального назначения, действительно упоминаемую китайскими источниками, в виде двух императорских рот и одной роты зеленого знамени (рис. 7).

Объективный анализ выявленного обстоятельства указывает на его фактическую историческую достоверность. С одной стороны, существенное преобладание императорских рот в составе штурмовых групп оправдано возможностью присвоения заслуги взятия Албазинского острога главе правящей династии. С другой стороны, риск участников штурма в случае неудачной попытки осад оказывается равномерно распределенным между подразделениями территориальных формирований.

В заключение необходимо отметить, что современная методика онтологической обработки информационных данных, используемая на постоянной основе авторами, в очередной раз показала свою достаточно высокую эффективность. Действительно, в рамках предлагаемого решения рассматриваемой задачи был выявлен ряд новых деталей изучаемого в ее рамках исторического события, знание которых может оказаться, с одной стороны, полезным для качественного развития научного направления отечественной истории в целом. С другой стороны, выявленные особенности являются практически востребованными и с точки зрения совершенствования общей методологии исторической информатики, например, использовании полученных результатов при решении соответствующих прикладных задач (Нацвин, Еремин, Лохов, 2021).

Список источников

Албазин // Военная энциклопедия / под ред. К. И. Величко. Т. 1. СПб., 1911. С. 235–236.

Албазинский острог: история, археология, антропология народов Приамурья / А. П. Забияко, А. Н. Черкасов. Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2019. 348 с.

Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск : Кн. изд-во, 1984. 272 с.

Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток : Изд-во Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1999. 336 с.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2008. 776 с.

Доронин Б. Г. Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2002. 288 с.

Еремин И. Е., Нацвин С. В., Трухин В. И. Трехмерное компьютерное моделирование Албазинского острога периода 1684 г. II // Информатика и системы управления. 2020. № 2 (64). С. 43–56.

Еремин И. Е., Нацвин С. В., Трухин В. И., Лохов А. Ю. Трехмерное компьютерное моделирование Албазинского острога периода 1684 г. III // Информатика и системы управления. 2020. № 3 (65). С. 14–25.

References

Velichko K. I. (1911) Albazin. *Voennaya entsiklopediya = Military Encyclopedia.* St. Petersburg. Vol. 1. P. 235-236. (In Russ.).

Zabiyako A. P., Cherkasov A. N. (2019) Albazin fortress: history, archeology, anthropology of the peoples of the Amur region. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences. 348 p. (In Russ.).

Aleksandrov V. A. (1984) Russia on the Far Eastern frontiers (the second half of the XVII century). Khabarovsk: Publishing House. 272 p. (In Russ.).

Artem'ev A. R. (1999) Cities and fortresses of Transbaikalia and the Amur region in the second half of the 17th–18th centuries. Vladivostok: Publishing House of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. 336 p. (In Russ.).

Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. (2008) Armament and tactics of the nomads of Central Asia and Southern Siberia in the Late Middle Ages and Early Modern Times (XV – the first half of the XVIII century). St. Petersburg: St. Petersburg State Technical University. 776 p. (In Russ.).

Doronin B. G. (2002) Historiography of Imperial China of the XVII–XVIII centuries. St. Petersburg: St. Petersburg State University. 288 p. (In Russ.).

Eremin I. E., Natsvin S. V., Trukhin V. I. (2020) Three-dimensional computer modeling of the Albazin fortress of the period of 1684. II. *Informatika i sistemy upravleniya = Informatics and Control Systems.* No. 2 (64). P. 43-56. (In Russ.).

Eremin I. E., Natsvin S. V., Trukhin V. I., Lokhov A. Yu. (2020) Three-dimensional computer modeling of the Albazin fortress of the period of 1684. III. *Informatika i sistemy upravleniya = Informatics and Control Systems.* No. 3 (65). P. 14-25. (In Russ.).

Еремин И. Е., Трухин В. И., Бугаев С. Н. Трехмерное компьютерное моделирование Албазинского острога периода 1684 г. I // Информатика и системы управления. 2019. № 4 (62). С. 10–25.

Каморная Ю. О. Завоеватели или мироустроители: проблема внешних войн в официальном историописании периода Цин // Россия и АТР. 2014. № 2. 138–157.

Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири. М. : Стройиздат, 1978. 190 с.

Крадин Н. П. Русское деревянное оборонное зодчество. М. : Искусство, 1988. 192 с.

Лохов А. Ю., Еремин И. Е., Нацвин А. В. Артиллерия в ходе первой осады Албазинского острога // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 3. С. 115–126. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-115-126

Лохов А. Ю., Нацвин А. В., Трухин В. И. Реконструкция застройки внутреннего пространства Албазинского острога 1685 года // Клио. 2021. № 11 (179). С. 99–110.

Мандзяк А. С. Воинские традиции народов Евразии. М. : Изд-во АСТ, 2002. 384 с.

Мелихов Г. В. Маньчжуры на Северо-востоке (XVII в.). М.: Наука, 1974. 246 с.

Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М.: Наука, 1980. 312 с.

Нацвин А. В., Еремин И. Е., Лохов А. Ю. Компьютерная реконструкция облика амурских казаков и маньчжуров XVII века // Историческая информатика. 2021. № 4. С. 11–21.

Трухин В. И., Багрин Е. А. Албазинский острог в 1665/1666–1689 гг.: фортификация и защитники – опыт исторической реконструкции // История военного дела: исследования и источники. 2019. Т. X. С. 385–431.

Трухин В. И. Албазинский острог и его оборона по китайским изображениям (графическим источникам) // Албазинский острог: История, археология, антропология народов Приамурья / отв. ред. А.П. Забияко, А.Н. Черкасов. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 159–173.

Eremin I. E., Trukhin V. I., Bugaev S. N. (2019) Three-dimensional computer modeling of the Albazin fortress of the period of 1684. I. *Informatika i sistemy upravleniya = Informatics and Control Systems.* No. 4 (62). P. 10-25. (In Russ.).

Kamornaya Yu. O. (2014) Conquerors or pacificators: the problem of military expansion in official historiography of the Qing period. *Rossiya i ATR = Russia and the Asia-Pacific Region.* No. 2. P. 138-157. (In Russ.).

Kochedamov V. I. (1978) The first Russian cities of Siberia. Moscow: Stroiizdat. 190 p. (In Russ.).

Kradin N. P. (1988) Russian wooden defensive architecture. Moscow: Art. 192 p. (In Russ.).

Lokhov A.Yu., Eremin I.E., Natsvin A.V. (2021) Artillery during the first siege of the Albazin fort. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies.* Vol. 17. No. 3. P. 115–126. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-3-115-126.

Lokhov A. Yu., Natsvin A. V., Trukhin V. I. (2021) Reconstruction of the building of the inner space of the Albazin fortress in 1685. *Klio = Clio.* No. 11(179). P. 99-110. (In Russ.).

Mandzyak A. S. (2002) Military traditions of the peoples of Eurasia. Moscow: AST. 384 p. (In Russ.).

Melikhov G. V. (1974) The Qing Empire and the Russian State in the XVII century. Moscow: Nauka. 246 p. (In Russ.).

Myasnikov V. S. (1980) Manchus in the Northeast (XVII century). Moscow: Nauka. 312 p. (In Russ.).

Natsvin A. V., Eremin I. E., Lokhov A. Yu. (2021) Computer reconstruction of the appearance of Amur Cossacks and Manchus of the XVII century. *Istoricheskaya informatika = Historical Computer Science*. No. 4. P. 11-21. (In Russ.).

Trukhin V. I., Bagrin E. A. (2019) Albazin fortress in 1665/1666-1689: fortification and defenders - the experience of historical reconstruction. *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki = History of Military Affairs: Research and Sources.* Vol. 10. P. 385-431. (In Russ.).

Trukhin V. I. (2019) Albazin fortress (Ostrog) and its defense according to Chinese images (graphic sources). *Albazinskii ostrog: Istoriya, arkheologiya, antropologiya narodov Priamur'ya = Albazin fortress: History, Archaeology and Anthropology of the people of Amur Region.* Novosibirsk: Institute of Archeology and Etnography of the Siberian of the Russian Academy of Sciences. P. 159-173. (In Russ.).

Информация об авторах

А. Ю. Лохов – кандидат исторических наук, доцент, кафедра тактики,
Дальневосточное высшее общевойсковое командное училище им. К. К. Рокоссовского,
675021, Благовещенск, ул. Ленина, 158, Россия.

И. Е. Еремин – доктор технических наук, профессор, профессор, кафедра информационных и управляющих систем,
Амурский государственный университет,
675021, Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21, Россия.

Information about the authors

A. Yu. Lokhov – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Tactics Department,
The Far Eastern Higher Combined Arms Command School named after Marshal of the Soviet Union K. K. Rokossovsky,
158, Lenin St., Blagoveshchensk 675021, Russia.

I. E. Eremin – Dr. Sci. (Technical), Professor, Professor, Department of Information and Control Systems,
Amur State University,
21, Ignatevskoye Highway, Blagoveshchensk 675021, Russia.

А. В. Нацвин – аспирант, кафедра информационных и управляющих систем,
Амурский государственный университет,
675021, Благовещенск, ул. Игнатьевское шоссе, 21, Россия.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 10 ноября 2022 г.; одобрена после рецензирования 6 декабря 2022 г.; принята к публикации 19 декабря 2022 г.

A. V. Natsvin – Postgraduate, Department of Information and Control Systems,
Amur State University,
21, Ignatevskoye Highway, Blagoveshchensk 675021, Russia.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted November 10, 2022; approved after reviewing December 6, 2022; accepted for publication December 19, 2022.

Научная статья
УДК 93/94+929
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-124-132

«В борьбе участия не принимал, в генерал-майоры произведен по должности…»: Гражданская война в судьбе А. С. Кондрашева

Дмитрий Игоревич Петин

Омский государственный технический университет, Омск, Россия,
dimario86@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0003-1614-8133

Аннотация. Работа посвящена актуальному для современной российской исторической науки исследованию службы армейского генералитета и высшего офицерства в условиях Гражданской войны в России. Отечественная историография сегодня делает весомый акцент на судьбах генштабистов, уделяя иным представителям руководящего командного состава меньшее внимание. Цель нашей работы – проанализировать пример адаптации генерал-майора белой армии Алексея Степановича Кондрашева к условиям эпохи социальных катаклизмов, указав факторы, предопределившие трагический финал судьбы этого военного деятеля в советском Омске. Основа исследования – комплекс неопубликованных судебно-следственных документов, входящих в состав возбужденного чекистами в отношении героя публикации уголовного дела. Эти источники впервые вводятся в научный оборот; наиболее информативные из них – протоколы допросов. Теоретическая база работы – принцип системности, антропологический подход, теории социальной адаптации и социальной идентичности, проблемный и биографический, и сравнительно-исторический методы. Эта методологическая совокупность позволила на биографическом примере героя публикации представить положение генералитета, занимавшего должности высшего командного состава в антибольшевистских вооруженных силах востока России; изучить опыт встраивания представителей данной категории в советское общество. По итогам исследования поднимается вопрос о дискуссионности применения в тот период высшей меры наказания к представителям белого генералитета, а также последующей их реабилитации и отказе в таковой в постсоветской России. Работа адресована специалистам, изучающим период Революции и Гражданской войны в России, военную и социально-политическую историю, аспекты социальной адаптации представителей генералитета и офицерства к условиям кризиса государственного управления, массовые политические репрессии в раннем советском социуме.

Ключевые слова: военная антропология, социальная адаптация, генералитет, советская власть, советское общество, Гражданская война, белое движение, белая армия, репрессии, ВЧК, Омск

Благодарности: исследование выполнено в Омском государственном техническом университете при поддержке Российского научного фонда, проект 22–28–20144 «Белое офицерство в советском Омске: социальный портрет и проблема адаптации (ноябрь 1919 – 1927 гг.)».

Для цитирования: Петин Д. И. «В борьбе участия не принимал, в генерал-майоры произведен по должности…»: Гражданская война в судьбе А. С. Кондрашева // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 4. С. 124–132. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-124-132

Original article

«I did not take part in the struggle, I was promoted to General-Major...»: Civil War in the fate of A. S. Kondrashev

Dmitry I. Petin

Omsk State Technical University, Omsk, Russia, dimario86@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0003-1614-8133

Abstract. The work is devoted to the study of the service of army generals and senior officers in the conditions of the Civil War in Russia, which is relevant for modern Russian historical science. Domestic historiography today makes a significant emphasis on the fate of the General Staff officers, paying less attention to other representatives of the leading command staff. The purpose of our work is to analyze the example of the adaptation of General-Major of the White Army Alexei Stepanovich Kondrashev to the conditions of the era of social cataclysms indicating the factors that predetermined the tragic ending of the fate of this military figure in Soviet Omsk. The basis of the study is a combination of unpublished judicial and investigative documents that are part of

© Петин Д. И., 2022

the criminal case initiated by the security officers against the hero of the publication of the criminal case. These sources are introduced into scientific circulation for the first time; the most informative of them are interrogation protocols. The theoretical basis of the work is the principle of consistency, anthropological approach, theories of social adaptation and social identity, problematic and biographical and comparative historical methods. Using the biographical example of the hero of the publication this methodological set made it possible to present the position of the generals who held the positions of senior officers in the anti-Bolshevik armed forces of the East of Russia as well as to study the experience of integrating representatives of this category into Soviet society. Based on the results of the study, the issue of the dilatability of the application of capital punishment to representatives of the White generals at that time as well as their subsequent rehabilitation and refusal to do so in post-Soviet Russia is emphasized. The work is addressed to specialists who study the period of the Revolution and the Civil War in Russia, military and socio-political history, aspects of the social adaptation of representatives of the generals and officers to the conditions of the state administration crisis, mass political repressions in the early Soviet society.

Keywords: military anthropology, social adaptation, generals, Soviet power, Soviet society, Civil War, White movement, White Army, repressions, All-Russian Emergency Commission, Omsk

Acknowledgements: the research was carried out at the Omsk State Technical University with the support of the Russian Science Foundation, grant 22-28-20144 "White Officers in Soviet Omsk: a Social Portrait and Adaptation Problem (November 1919 - 1927)".

For citation: Petin D. I. (2022) "I did not take part in the struggle, I was promoted to General-Major...": Civil War in the fate of A. S. Kondrashev. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 4. P. 124-132. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-124-132

Среди представителей современной академической общественности, изучающих Гражданскую войну в России, распространение получили междисциплинарные практики, в том числе, ориентированные на методологическую призму военной антропологии, каковая активно развивается в течение текущих 10 лет (Анфертьев, 2011; Разиньков, 2012; Гладышев, 2017; Сенявская, 2018). В связи с этим закономерно, что одним из популярных жанров стала историческая биография (См. подр.: Скипина, 2003; Цветков, 2018; Ганин, 2020а), а устоявшаяся ранее в военной истории исследовательская формула «кони и походы» получила содержательные дополнения, благодаря чему события периода 1917–1922 гг. обрели более полноценные трактовки (Ходяков, 2018. С. 124).

Одним из основных административных, военных и политических центров в годы Гражданской войны был белый Омск, по отношению к советской России олицетворявший идеологическую альтернативу государственного развития страны. Значение города в те годы определило его особый для Сибири историко-культурный и туристический статус сегодня. Применительно к современной коммеморативной практике относительно событий Гражданской войны Омск входит в тройку наиболее известных городов макрорегиона, связанных с событиями «Смуты XX века» (Пученков, 2018; Сушко, Петин, 2019). Для академической среды здесь весома роль Центра изучения истории Гражданской войны, действующего как научно-просветительское и общественное пространство Исторического архива Омской области (Штырбул, 2022; Чекалина, 2022). На этой площадке с 2014 г. проводится тематическая конференция «Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие», в рамках которой одной из приоритетных тем стало изучение феномена человека в условиях армейского социума в те годы (См. обзоры: Stelmak, 2018, Машкарин, 2020; Петин, Тишкина, 2022).

Вниманию читателя представляется исследование финального этапа жизни генерал-майора белой армии Алексея Степановича Кондрашева. Его биография известна лишь в формате обзора, где период 1918–1919 гг. описан скупо (Купцов, Буяков, Юшко, 2011. С. 269)[1]. Наше исследование не претендует на формат полной биографической реконструкции, концентрируя взгляд именно на противоречивом военно-революционном периоде. Это обосновывается тем, что в условиях Гражданской войны в обществе, подчас, поставленном на грань выживания, резко обострился вопрос социальной адаптации (Шишкин, 2010). Не менее болезненным и политизированным в те годы был и выбор социальной идентичности: судьба героя публикации сопряжена с аспектом, вызыва-

[1] Купцов И. В., Буяков А. М., Юшко В. Л. Белый генералитет на востоке России в годы Гражданской войны. Биографический справочник. М.: Кучково поле; Военная книга, 2011. 672 с.

ющим академическую и общественную полемику – военной изменой. В ходе братоубийственного противостояния сознательные переходы на сторону противника по идеологическим и вынужденным мотивам осуществлялись военнослужащими всех категорий персонально и в массовом порядке (См. напр.: Ганин, 2020b).

Алексей Степанович Кондрашев родился в Казани, как он указывал, в семье с крестьянскими корнями. В дате его появления на свет есть разночтения. В научно-справочной литературе находим версии: «14/26 января 1871 г.» (Купцов, Буяков, Юшко, 2011. С. 269)[1] и «1869» (Забвению не подлежит, 2001. С. 232). Вторую дату мы считаем верной: на допросе в Томской губернской ЧК 5 февраля 1920 г. он указал, что ему 51 год (Архив УФСБ России по Омской области (АУФСБОО). Ф. 4. АУД. П–14545. Л. 12, 24, 25 об.). В источниках встречаются и разные написания фамилии героя публикации. В названии и тексте статьи приводим вариант написания по документам 1920–1921 гг., что совпадает с данными И. В. Купцова, А. М. Буякова и В. Л. Юшко.

Получив домашнее образование, юноша в 1894 г. окончил по 1-му разряду Казанское пехотное юнкерское училище. Через 10 лет службы штабс-капитаном вышел в отставку, состоял в ней 10 месяцев. Будучи вновь в строю с декабря 1904 г., стал участником Русско-японской войны. В 1907–1914 гг. наш герой – капитан, комендантский адъютант Владивостокской крепости, отмеченный орденами Св. Анны 3-й степени, Св. Станислава 3-й и 2-й степеней (Купцов, Буяков, Юшко, 2011. С. 269)[1].

В годы Первой мировой войны его служба проходила на Северо-Западном и Западном фронтах на административно-тыловых должностях в штабе 10-й армии. Так, обер-офицер при военно-цензурном отделении капитан Кондрашев «за отлично-усердную службу и труды, понесенные во время боевых действий» был пожалован орденом Св. Владимира 4-й степени (Высочайший приказ от 20 августа 1915 г. С. 17). Вскоре с производством в подполковники, он стал начальником этапного участка 10-й армии, обеспечивая переброску войск и военных грузов. Этот пост, как и чин полковника, полученный в 1917 г., для Алексея Степановича стал последним в «старой армии». Примета эпохи – в небольшом местечке в Курляндии в марте 1917 г. наш герой непродолжительно, наряду с исполнением служебных обязанностей, был председателем исполкома и возглавлял в нем финансовую секцию. А 9 октября 1917 г. офицер подал прошение об отставке, но был, в итоге, уволен в отпуск. События Октябрьского переворота застали его во Владивостоке. Тогда полковник Кондрашев в числе многих офицеров, кратковременно был арестован революционными властями, однако вскоре вернулся домой к жене и двум детям, фактически на полгода оставив военную службу. Алексей Степанович утверждал, что его мечтой был штатский уклад жизни, занятие домашним хозяйством, разведением птиц и молочного скота. Кондрашевы жили в собственном доме с большой усадьбой (АУФСБОО. Ф. 4. АУД. П–14545. Л. 13 об., 14 об., 18 об.–19).

Но мирный быт прервался в начале июля 1918 г., когда после Чехословацкого переворота отставного офицера мобилизовали в белую армию, направив на должность дежурного генерала в штаб войск Приморской области. Здесь полковник Кондрашев служил под руководством генерал-майора П. Г. Бурлина – активного участника свержения советской власти во Владивостоке (это дает право полагать, что Кондрашев мог иметь связь с офицерским подпольем). Следуя за своим начальником, переведенным на повышение с 1 января 1919 г. в Омск, наш герой последовал в белую столицу, где получил назначение помощником начальника штаба Верховного главнокомандующего. По словам Кондрашева, эпизод с недолгим арестом осенью 1917 г. стал одним из мотивов его перевода в Омск. Неясно, почему именно у офицера сложилось нежелание служить во Владивостоке, но занимаемая с 15 февраля 1919 г. должность помощника дежурного генерала в высшей штабной структуре колчаковской армии для Алексея Степановича была однозначным крупным карьерным успехом (Там же. Л. 19 об., 24 об.). Приказом Верховного правителя и Верховного главнокомандующего от 17 июня 1919 г. полковнику Кондрашеву было установлено старшинство в чине с 18 мая 1916 г. (Официальный отдел (продолжение) // Русская армия (Омск). 1919. 6 июля. С. 1).

Система высшего руководства антибольшевистскими войсками востока России в течение 1919 г. не раз менялась. В частности, в июле 1919 г. с учреждением в штабе Верховного главнокомандующего должностей 1-го, 2-го и 3-го генерал-

квартирмейстеров Кондрашев – дежурный генерал штаба Верховного главнокомандующего (к тому времени произведен в следующий чин по должности) – курировал административно-хозяйственный, наградной и инспекторский отделы. Хотя, как он подчеркивал, тогда фактические функции и права награждения орденами перешли в руки командующих армиями (АУФСБОО. Ф. 4. АУД. П–14545. Л. 13 об., 19 об.).

Осенью 1919 г. ситуация на фронте резко изменилась не в пользу белых армий, что потребовало очередного изменения структуры высшего управления войсками. Указом Верховного правителя из Ставки Верховного Главнокомандующего и Походного Штаба Главнокомандующего Восточным фронтом 1 октября 1919 г. сформировали единый орган: Штаб и Управление Восточного фронта. Кондрашов занял должность дежурного генерала фронта (Переформирование Ставки // Родина (Томск). 1919. 5 ноября. С. 1).

С отступающими войсками наш герой в начале ноября 1919 г. из Омска последовал в Новониколаевск, оттуда – в Ачинск, затем – в направлении Красноярска. Но в пути генерал Кондрашев был низложен. Любопытно, что в условиях нараставшей катастрофы поздней осенью 1919 г. в белой армии еще оставалось место служебным интригам. Сделав отступление, отметим, что к монархии Алексей Степанович, по его словам, относился отрицательно. В молодые годы в его окружении были родственники-пролетарии, увлеченные революционными идеями. Стоит полагать, что установившаяся в Сибири при А. В. Колчаке жесткая военно-буржуазная диктатура вряд ли могла вызвать у Алексея Степановича политические симпатии. С долей вероятности его можно назвать сочувствующим демократии (относительно белого генералитета, в целом). Во время службы генерал имел сведения (в том числе, от контрразведки) о службе в РККА в 1918 г. своих подчиненных, их просоветских настроениях, но зная об этом, не доносил, поскольку сам отчасти разделял такие суждения (что подчеркивал позднее). Свой громкий уход из штаба Верховного главнокомандующего 27 ноября 1919 г. генерал связывал не только с назначением К. В. Сахарова командующим Восточным фронтом белой армии, а В. И. Оберюхтина – начальником штаба. Отношения Кондрашева с контрразведкой усугублялись личным конфликтом Алексея Степановича с Н. П. Злобиным – одним из организаторов и руководителей спецслужб белой Сибири. Контрразведчика в белом Омске за отличия в службе представили к производству в генерал-майоры. Кондрашев, в чьем ведении был наградной отдел, из неприязни препятствовал этому, но тщетно. В итоге, как считал наш герой, данный инцидент, а также признаки политической неблагонадежности в его служебном окружении стали ключевой причиной его смещения с высокого штабного поста (АУФСБОО. Ф. 4. АУД. П–14545. Л. 14, 19 об.–20).

Алексей Степанович в Новониколаевске подал в отставку. Взамен был направлен в распоряжение командующего 3-й армией, но, ввиду невозможности дать строевое назначение в силу пригодности лишь к нестроевой службе генерала откомандировали обратно. Позднее свою службу у белых он описывал чекистам так: «В борьбе участия не принимал, в генерал-майоры произведен по должности, а не за отличия. Особым расположением начальства не пользовался, протекции вверху не имел, своему служебному положению обязан работоспособностью» (Там же. Л. 13 об.).

Причинами поражения белого движения Кондрашев называл просоветские настроения в войсках на всех уровнях, плохое снабжение армии, интриги в армейской верхушке, сочетавшиеся со стремлением воинских начальников лучше устроить себя и своих знакомых. Критично генерал высказался и в отношении власти в белой Сибири, отмечая террор, противоречия между официальными заявлениями и ситуацией на деле, злоупотребления и даже моральное падение чиновников. К примеру, обвинял начальника канцелярии и помощника управляющего Военным министерством генерал-майора А. П. Беловского в махинациях со спиртом и сахаром, а также связях с машинистками ведомства (Там же. Л. 14 об.).

Из своих коллег Кондрашев выделял личностные и деловые качества генерал-лейтенанта А. П. Будберга, а среди своего окружения – полковника В. Р. Гернберга, начальника инспекторского отдела в управлении Дежурного генерала штаба Верховного главнокомандующего. Стоит сказать, что с будущим военным министром Российского правительства А. В. Колчака нашего героя связывал не один год службы, когда барон Будберг занимал должность начальника штаба в 1902–1913 гг. во Владивостокской крепости, в 1914–1915 гг. – в 10-й армии. Не раз

в своем дневнике Будберг упоминает о Кондрашеве, который наряду с генералом Бурлиным, предстает как единомышленник и помощник в деле противоборства Будберга непрофессионализму и управленческой косности «омской» власти. Барон писал, что в конце июля 1919 г. в Ставке Верховного главнокомандующего произошел громкий скандал «по поводу задержки в производстве в полковники какого-то подполковника Васильева, имеющего счастье состоять супругом певицы Каринской. Васильев, по рассмотрению дежурного генерала, никакого права на производство не имеет, но жена его все время клянчит за него у адмирала. Последний изругал Бурлина и приказал выслать на фронт дежурного генерала Ставки Кондрашева – жалкая картина в специфически-морском духе» (Будберг, 2001. С. 51, 65, 72, 199).

Любопытную характеристику о Верховном правителе оставил и сам Алексей Степанович. С адмиралом ему дважды довелось близко общаться, когда Кондрашов ходил с докладом вместо своего начальника. «Адмирал Колчак <…> человек очень нервный и легко поддающийся посторонним влияниям. Находились ловкие люди, которые пользовались этой особенностью в характере Колчака, и <…> получалось, что только принятое решение менялось. Как моряк, адмирал Колчак был очень несведущ в операциях в этой войне. Руководил действиями армии Наштаверх, но ни в коем случае не Колчак» (АУФСБОО. Ф. 4. АУД. П–14545. Л. 14 об.). Свидетельство Кондрашева тождественно взглядам большинства генералов, относившихся к А. В. Колчаку прохладно, отмечая склонность адмирала к чужому руководительству, а также непонимание им солдатской психологии, вытекавшее из специфики служебных взаимоотношений офицеров и матросов в Русском флоте. Все это закономерно роняло тень на общий имидж адмирала в его омскую бытность (Новиков, 2020. С. 36).

По словам Алексея Степановича, в декабре 1919 г. в следовавших на восток эшелонах нарастала атмосфера тревожной неопределенности. За несколько станций до Красноярска в его купе собрались генералы – «старшие вагонов». Совещание решило, что надежнее будет выйти на просоветских повстанцев, договориться с ними о необходимом усилении караула, об охране и последующей передаче перевозимого имущества и денег. Когда 4 января 1920 г. поезд стоял на станции Минино, к Кондрашеву явился представитель от В. О. Каппеля с предложением следовать далее на восток на лошадях. Но Алексей Степанович решил действовать самостоятельно, отвергая требования находящихся рядом белых частей о выдаче миллионных сумм из наличности Главного полевого казначейства. Он, как и все его подчиненные, имея возможность уехать, предпочёл остаться, перейти на сторону советской власти. Кондрашев и его сослуживцы передали ценности, имевшиеся в эшелоне, советскому коменданту Красноярска. Затем бывших колчаковских штабистов неделю держали в их же поезде, после чего, «как повстанческую часть», направили в Томск в распоряжение 5-й армии (АУФСБОО. Ф. 4. АУД. П–14545. Л. 13 об., 15–15 об., 20, 22 об.).

Далее со стороны советских властей последовали закономерные шаги: прежде чем направить экс-белогвардейцев на службу в РККА, следовало провести их фильтрацию по линии особых отделов ВЧК, сосредотачивая бывших офицеров в концлагерях, изучив их биографии и характер деятельности у белых. Этот, уже существовавший на практике порядок, закрепила директива Ф. Э. Дзержинского и Э. М. Склянского от 7 марта 1920 г. (Сушко, 2018. С. 72–73). Отметим, что уже на этапе окончания Гражданской войны работа с бывшими белыми в деятельности чекистов выделилась как важное направление их деятельности, которое получило значительное развитие. Значимо это было для Сибири, где на рубеже 1919–1920 гг. тысячи колчаковцев сознательно без сопротивления или в ходе боев попали в плен (См. подр.: Алексеева, Журавлёв, Сушко, 2018; Василевский, Сушко, 2017. С. 126–146).

Герой публикации 5 февраля 1920 г., по постановлению Томской уездной ЧК, был арестован и заключен в тюрьму. А 22 марта 1920 г. дело по обвинению Кондрашева «в активной и ответственной борьбе с советской властью в должности Дежурного генерала штаба Верховного главнокомандующего» и самого обвиняемого направили в Омск, в распоряжение Сибирской ЧК. Состоялось 4 допроса Кондрашева – 7 и 28 февраля 1920 г. (в Томске), 20 июня и 11 августа 1921 г. (в Омске). На вопросы следствия Алексей Степанович всякий раз отвечал достаточно подробно и, по всей видимости, откровенно. Пребывая в Омске, он в числе сотен других лиц, обвиняемых в контрреволюции, содержался в концлагере на южной окра-

ине города (ныне район Детского экоцентра, ул. Маршала Жукова, 109). В заключении бывший генерал выполнял обязанности делопроизводителя лагерной канцелярии, вместе с тем, заведуя школой, активно занимался культурно-просветительской работой и обучением неграмотных. «Хотел быть полезен, так как по происхождению – крестьянин», – так объяснял свою общественную позицию сам Кондрашев. Его положительно характеризовал и комендант лагеря (АУФСБОО. Ф. 4. АУД. П–14545. Л. 10–12, 25 об., 26 об., 28).

Омская губернская комиссия по принятию ноябрьской амнистии 1920 г. постановила 2 апреля 1921 г. «бывшего генерала Кондрашева не амнистировать, обвинительное дело 25 апреля 1921 г. направить в Омскую губернскую ЧК». Арестанта же глубоко возмущало то, что он уже долго находится в лагере, его не вызывают на допросы, решения по делу не принимают. Также из переписки он узнал с досадой о том, что некоторые его сослуживцы по белому Омску (например, генералы Г. В. Леонов, А. П. Беловский), хотя и задерживались органами ВЧК, но ныне благополучно служат в РККА. Виновным Кондрашев себя не признавал, подчеркивая свое сочувствие советской власти, факт непродолжительной работы в исполкоме, небоевой характер службы и нежелание служить в белой армии, говоря, что мог в январе 1920 г. бежать, но решил сдаться. Лагерь 6 июня 1921 г. посетил председатель Омского губернского революционного трибунала Я. Я. Мекке. В личной беседе с ним наш герой озвучил жалобы (Там же. Л. 1, 25 об., 26 об., 30). Это дает основания полагать, что бывший генерал надеялся на благополучный исход дела, оправдательный или мягкий приговор и встраивание в советский социум по примеру экс-сослуживцев.

В производстве Омской губернской ЧК тогда находилась масса дел в отношении активных контрреволюционеров, их выявлением и задержанием занималась основная часть оперативников (См. подр.: Бударин, 1987. С. 46–72). Нельзя исключать, что в Омске о Кондрашеве просто на какое-то время «забыли». Но беседа с Мекке вполне могла вызвать у чекистов некий неприятный «разговор с властью». В итоге, о генерале «вспомнили»: разбирательство стало скорым, а решение – жестким. По делу Кондрашева заключение было принято 11 августа 1921 г. А 16 августа коллегия Омской губернской ЧК сочла его виновным «в активной борьбе против советской власти в чине генерал-майора», признав обвинение доказанным и приговорив к высшей мере наказания. Алексей Степанович Кондрашев в 3 ч 30 мин 3 ноября 1921 г. был расстрелян в Омске. Мотивируя тем, что «в деле отсутствуют какие-либо конкретные действия о нарушении закона со стороны Кондрашева А. С.», Прокуратура Омской области полностью его реабилитировала 25 апреля 1995 г. (АУФСБОО. Ф. 4. АУД. П–14545. Л. 31–36).

Жизненный финал А. С. Кондрашева дает повод к дискуссии о целесообразности максимально строгого приговора, твердых обоснований которому в следственных документах нет. Герой статьи, согласно региональной книге памяти жертв репрессий – единственный бывший генерал, расстрелянный в 1921 г. в Омске. Немало представителей этой категории белогвардейцев (в том числе, занимавших командно-административные должности и участвовавших в боях) после пленения на Восточном фронте, прохождения фильтрации ВЧК, непродолжительного заключения в 1920–1921 гг. перешли на службу в РККА. Возбужденные в отношении них дела прекращались. Расстрелы бывших генералов белой армии сибирскими (и в частности, омскими) чекистами имели скорее выборочный характер. Так, в числе тех, к кому в 1920 г. применили в Омске высшую меру наказания – генералы Б. П. Богословский, Ф. Н. Вологодский, Н. Ф. Кузнецов, Г. Ф. Одноглазков, А. Ф. Матковский, В. М. Печёнкин, М. Г. Серов, И. А. Смирнов, М.И. Толубаев, В. А. Тыртов, В. С. Шаров (Купцов, Буяков, Юшко, 2011. С. 119, 290, 337, 389, 414, 500, 509, 555, 565, 605)[1]. Самая жесткая карательная мера касалась активно проявивших себя деятелей военного руководства сибирской контрреволюции, хотя этот «персональный выбор» выглядит отчасти условно.

В 1990–2000-е гг. и те, кого лишь ненадолго арестовывали за службу в белой армии, и те, кого расстреляли с аналогичной формулировкой приговора, в большинстве получили статус жертв массовых политических репрессий. Лишь отдельные участники антибольшевистской борьбы Прокуратурой РФ признаны неподлежащими реабилитации, главным образом, за военную измену в рядах РККА и причастность к белому террору, например, упомянутый генерал Богословский (Ганин, 2020b. С. 360–362).

Что касается героя статьи, то его вряд ли можно назвать военным с большими карьерными амбициями. Тем не менее он смог устроить свою службу, большая часть которой прошла пусть на отчасти вспомогательных по функционалу, но «теплых» по общим армейским меркам постах. Его типаж человека, ведомого людьми и обстоятельствами, мало соотносим с характерами генералитета и офицерства, сложившими в 1918 г. идейный костяк борцов с большевизмом.

Сочетание стихийного и осознанного выбора: эта жизненная формула в эпоху Русской Революции, как подчеркивает петербургский историк М. В. Ходяков, обретала судьбоносное начало, определяя многое в жизни отдельно взятых людей (Самойлов, Ходяков, Янченко, 2017. С. 186). Типичный пример тому – продвижение А. С. Кондрашева в должностях и чинах, состоявшееся в эпоху социальных катаклизмов. Динамично менявшиеся условия создали удобный случай для перевода из провинциального гарнизона в Омск, в высший по иерархии армейский штаб. Относительно демократичные взгляды на фоне разочарования в белом движении создали у Алексея Степановича осенью 1919 г. иллюзию благополучного обретения себя в советском обществе через честный переход на сторону РККА. Но революционная стихия оказалась беспощадна к герою публикации, определив его жизненному пути трагическую развязку.

Список источников

Алексеева О. А., Журавлёв Е. Н., Сушко А. В. Рецензия: «“Белые офицеры – красная власть”: именной указатель к фондам Исторического архива Омской области (конец 1919 г. – 1920-е гг.)». Омск, Амфора, 2017 // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2. № 3. С. 44–55.

Анфертьев И. А. Новые направления в современной отечественной историографии. Военно-историческая антропология: теоретические и междисциплинарные проблемы новой отрасли исторической науки // Теория и методология гуманитарного знания. Россиеведение. Общественные функции гуманитарных наук : сборник материалов конференции «Гуманитарные чтения РГГУ – 2010» (Москва, 26 марта – 1 апреля 2010 г.). М. : Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), 2011. С. 319–328.

Бударин М. Е. Чекисты : Док.-худож. очерки. Омск : Омск. кн. изд-во, 1987. 284 с.

Будберг А. П. Дневник белогвардейца: Воспоминания. Мемуары. Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2001. 336 с.

Василевский В. П., Сушко А. В. «Стражи революции»: органы ГПУ–ОГПУ в Омском Прииртышье. Омск : ОмГТУ, 2017. 280 с.

Ганин А. В. Итоги и перспективы историографии Гражданской войны в России // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2020a. № 4. С. 8–10.

Ганин А. В. Измена командармов. Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М. : Пятый РИМ, 2020b. 800 с.

References

Alekseeva O. A., Zhuravlev Ye. N., Sushko A. V. (2018) Review of the publication “White officers - Red power”: a Nominal Index to the Funds of the Historical Archive of the Omsk Region (late 1919-1920s). *Severnyye arkhivy i ekspeditsii = Northern Archives and Expeditions*. Vol. 2. No. 3. P. 44-55. (In Russ.).

Anfert’ev I. A. (2011) New directions in modern domestic historiography. Military historical anthropology: theoretical and interdisciplinary problems of a new branch of historical science. *Teoriya i metodologiya gumanitarnogo znaniya. Rossiyevedeniye. Obshchestvennyye funktsii gumanitarnykh nauk. Sbornik materialov konferentsii «Gumanitarnye chteniya RGGU – 2010» (Moskva, 26 marta – 1 aprelya 2010 g.). = Theory and Methodology of Humanitarian Knowledge. Russian studies. Public Functions of the Humanities. Proceedings of the Conference “Humanitarian Readings RSHU – 2010” (26 March - 1 April 2010,* Moscow*).* Moscow: Russian State University for the Humanities. P. 319-328. (In Russ.).

Budarin M. E. (1987) Chekists. Omsk: Omsk publ. house. 284 p. (In Russ.).

Budberg A P. (2001) Diary of the White Guard: Memories. Memoirs. Minsk: Kharvest; Moscow: AST. 336 p. (In Russ.).

Vasilevskiy V. P., Sushko A. V. (2017) “Guards of the Revolution”: organs of GPU-OGPU in Omsk Irtysh Region. Omsk: Omsk State Technical University. 280 p. (In Russ.).

Ganin A. V. (2020a) Results of and prospects for the historiography of the Russian Civil War. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta. Ser. Gumanitarnye i sotsial’nye nauki = Journal “Vestnik of Northern (Arctic) Federal University”. Ser. Humanities and Social Sciences*. No. 4. P. 8-10. (In Russ.).

Ganin A. V. (2020b) Commander change. Representatives of the senior command staff of the Red Army who went over to the side of the enemy during the Russian Civil War of 1917-1922. Moscow: Fifth Rome. 800 p. (In Russ.).

Гладышев А. В. Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. 2017. № 59. С. 136–150.

Забвению не подлежит. Книга памяти жертв политических репрессий Омской области. В 11 т. Т. 4: К / гл. ред. А.И. Казанник. Омск, 2001. 431 с.

Машкарин М. И. «Смута XX века» в Сибири: взгляд сквозь документальное наследие (историко-архивные конференции в Омске по истории Революции и Гражданской войны в России) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2020. Т. 5. № 1. С. 70–74.

Новиков С. В. Адмирал Колчак в Омске: к истории Гражданской войны в России и геополитического передела Европы после Первой мировой войны // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2020. Т. 5. № 4. С. 31–41.

Петин Д. И., Тишкина К. А. Вспоминая трагичные дни России : конференция по истории Гражданской войны в Омске // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2022. Т. 9. № 1. С. 239–247.

Пученков А. С. «Колчаковский режим основывался на главной идеологической составляющей – антибольшевизме, что само по себе уже в тех условиях не нуждалось в дополнительной расшифровке политической программы…» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 4. С. 5–8.

Разиньков М. Е. Белые, красные, интервенты: психология вооруженного противостояния: военно-историческая антропология. Saarbrucken: Lap Lambert Academic Publishing, 2012. 187 с.

Самойлов Н. А., Ходяков М. В., Янченко Д. Г. Научный семинар в Пекине, посвященный столетию Октябрьской революции 1917 года // Новейшая история России. 2017. № 4. С. 179–201.

Сенявская Е. С. Человек на войне, или Тернистый путь от военной истории к военной антропологии // Исторический вестник. 2018. Т. 24. С. 10–43.

Скипина И. В. Человек в условиях Гражданской войны на Урале: историография проблемы. Тюмень: Изд-во Тюмен. Гос. ун-та, 2003. 208 с.

Сушко А. В. Красный террор в белом Омске: к вопросу о репрессивной деятельности Омской ГубЧК после краха колчаковского режима // От «Авроры» до «философских пароходов». Борьба с инакомыслием в первые годы советской власти (1917–1920-е гг.). Региональный аспект. Материалы III Всеросс. науч.-практ. конф. 23–24 ноября 2018 г., Пермь. Пермь : ПНИПУ, 2018. С. 68–77.

Gladyshev A. V. (2017) Anthropological turn in military history. *Dialog so vremenem = Dialogue with Time*. No. 59. P. 136-150. (In Russ.).

Kazannik A. I. (2001) Not to be forgotten. Book of memory of the victims of political repressions in the Omsk region). In 11 vol. Vol. 4: K. Omsk. 431 p. (In Russ.).

Mashkarin M. I. (2020) “Troubles of the XX century” in Siberia: a look through the documentary heritage (historical and archival conferences in Omsk on the history of the Revolution and the Civil War in Russia). *Omskii nauchnyi vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' = Omsk Scientific Bulletin. Ser. Society. History. Modernity.*Vol. 5. No. 1. P. 70-74. (In Russ.).

Novikov S. V. (2020) Admiral Kolchak in Omsk: on history of Civil War in Russia and geopolitical redistribution of Europe after First World War. *Omskii nauchnyi vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' = Omsk Scientific Bulletin. Ser. Society. History. Modernity.* Vol. 5. No. 4. P. 31-41. (In Russ.).

Petin D. I., Tishkina K. A. (2022) Remembering the Tragic Days of Russia: Conference about the History of the Civil War in Omsk. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Istoricheskie nauki = Herald of Omsk University. Ser. Historical Studies*. Vol. 9. No. 1. P. 239-247. (In Russ.).

Puchenkov A. S. (2018) “The Kolchak regime was based on the main ideological component - anti-Bolshevism, which in those conditions did not need additional clarification of the political program…”. *Omskii nauchnyi vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' = Omsk Scientific Bulletin. Ser. Society. History. Modernity.* No. 4. P. 5-8. (In Russ.).

Razin'kov M. E. (2012) White, Red, Interventionists: the psychology of armed confrontation: military-historical anthropology. Saarbrucken: Lap Lambert Academic Publishing. 187 p. (In Russ.).

Samoilov N. A., Khodyakov M. V., Yanchenko D. G. (2017) Scientific seminar dedicated to the 100th anniversary of the October Revolution of 1917. *Noveyshaya istoriya Rossii = Modern History of Russia.* No. 4. P. 179-201. (In Russ.).

Senyavskaya E. S. (2018) Man at War. The thorny path from military history to military anthropology. *Istoricheskii vestnik = Historical Herald*. Vol. 24. P. 10-43. (In Russ.).

Skipina I. V. (2003) The Man in the Civil War in the Urals: the historiography of the problem.Tyumen': Tyumen' State University. 208 p. (In Russ.).

Sushko A. V. (2018) Red Terror in White Omsk: on the issue of the repressive activities of the Omsk Gubernia Cheka after the collapse of the Kolchak regime. *Ot “Avrory” do “filosofskikh parokhodov”. Bor'ba s inakomysliem v pervye gody sovetskoi vlasti (1917–1920-e gg.). Regional'nyi aspekt. Mat-ly III Vseross. nauch.-prakt. konf. 23–24 noyabrya 2018 g., Perm' = From “Aurora” to “Philosophical steamboats”. The fight against dissent in the first years of Soviet power (1917-1920s). Regional aspect. Proceedings of III All-Russ. scie.-pract. conf. (23-24 November 2018, Perm').* Perm': Perm National Research Polytechnic University. P. 68-77. (In Russ.).

Сушко А. В., Петин Д. И. Битвы за память: к вопросу о мемориализации имени адмирала А. В. Колчака в Омске // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4. № 4. С. 9–17.

Ходяков М. В. Ответы на вопросы по истории Гражданской войны в России // Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии. 2018. Т. 6. С. 119–124.

Цветков В. Ж. К вопросу об актуальности комплексных исследований по истории белого движения в России. 1917–1922 гг. // Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии. 2018. Т. 6. С. 359–365.

Чекалина Л. А. Центр изучения истории Гражданской войны как общественное пространство Исторического архива Омской области // Отечественные архивы. 2022. № 3. С. 25–34.

Шишкин В. И. Проблемы социальной адаптации населения России: историографические итоги и перспективы изучения // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 4. С. 69–73.

Штырбул А. А. «На семи лихих продувных ветрах…» (О книге Д. И. Петина «История омского рода Батюшкиных») // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7. № 1. С. 69–73.

Stelmak M. M. The main conference on the revolution and the civil war in Omsk: the results of the scientific discussion // Northern archives and expeditions. 2018. Vol. 2. No. 1. P. 57-64.

Sushko A. V., Petin D. I. (2019) Battles for memory: on the issue of memorialization of the name of Admiral A.V. Kolchak in Omsk. *Omskii nauchnyi vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' = Omsk Scientific Bulletin. Ser. Society. History. Modernity.* Vol. 4. No. 4. P. 9-17. (In Russ.).

Khodyakov M. V. (2018) Answers to questions on the history of the Civil War in Russia. *Rossiya v epokhu revolyutsii i reform. Problemy istorii i istoriografii = Russia in the Era of Revolutions and Reforms. Problems of History and Historiography*. Vol. 6. P. 119-124. (In Russ.).

Tsvetkov V. Zh. (2018) To the question of the relevance of comprehensive research on the history of the White movement in Russia. 1917-1922. *Rossiya v epokhu revolyutsii i reform. Problemy istorii i istoriografii = Russia in the Era of Revolutions and Reforms. Problems of History and Historiography*. Vol. 6. P. 359-365. (In Russ.).

Chekalina L. A. (2022) Center for the Study of the History of the Civil War as a Public Space of the Historical Archive of the Omsk Region. *Otechestvennye arkhivy = Domestic Archives*. No. 3. P. 25-34. (In Russ.).

Shishkin V. I. (2010) Problems of social adaptation of the population of Russia: historiographic results and prospects for the study. *Gumanitarnye nauki v Sibiri = Humanities in Siberia.* No. 4. P. 69-73. (In Russ.).

Shtyrbul A. A. (2022) "On seven dashing blowing winds…" (About book by D. I. Petin "The History of the Omsk clan of Batyushkin"). *Omskii nauchnyi vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' = Omsk Scientific Bulletin. Ser. Society. History. Modernity.* Vol. 7. No. 1. P. 69-73. (In Russ.).

Stelmak M. M. The main conference on the revolution and the Civil War in Omsk: the results of the scientific discussion // Northern Archives and Expeditions. 2018. Vol. 2. No. 1. P. 57-64.

Информация об авторе

Д. И. Петин – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и социальных коммуникаций, Омский государственный технический университет, 644050, Омск, пр. Мира, 11, Россия.

Information about the author

D. I. Petin – Cand. Sci. (History), Associate Professor of History, Philosophy and Social Communications Department, Omsk State Technical University, 11, Mira Avenue, Omsk 644050, Russia.

Вклад автора

Петин Д. И. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

Petin D. I. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 12 июля 2022 г.; одобрена после рецензирования 19 августа 2022 г.; принята к публикации 29 августа 2022 г.

Article info

The article was submitted July 12, 2022; approved after reviewing August 19, 2022; accepted for publication August 29, 2022.

Научная статья
УДК 947.084.2
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-133-144

Байкальская флотилия в период Гражданской войны

Алексей Александрович Дыня

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия,
dynyaaa@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4837-9975

Аннотация. В статье рассказывается об истории создания и деятельности Байкальской озёрной флотилии в период Гражданской войны в России. Исследование характеризуется малой освещённостью деятельности флотилии в литературе при имеющейся базе архивных документов. Байкальская флотилия, являющаяся, с одной стороны, второстепенным участком противоборства сторон, с другой – имела большое значение в установлении контроля над регионом. Командование не только организовывало боевую работу с боевыми дежурствами и дальними походами, но и вынуждено было восстанавливать инфраструктуру озерного судоходства: маяки, лоцманское дело, пристани и мастерские. Командование Байкальской озёрной флотилии занималось грузоперевозками, разведывательной деятельностью, в том числе и на реках Лена и Витим. Немало уделялось внимания культурному и политическому просвещению как личного состава, так и местных жителей. В статье рассмотрены два этапа создания флотилии большевиками в 1918 и 1920 гг., противостояние Красной и Белой Байкальских флотилий. Рассмотрен состав и происхождение флотилии, её техническое оснащение, вооружение, организация работы групп канонерских лодок и катеров. Проанализировано и боевое применение как планируемое, так и реальное – при подавлении Баргузинского крестьянского восстания. Это было единственное выступление, в подавлении которого катера флотилии и десантники-моряки принимали самое активное участие. Рассмотрены вопросы подготовки личного состава к несению службы и технического обеспечения деятельности флотилии. Также в статье рассматривается роль командования 5-й армии, руководства флотилии и их взаимодействие с силами Дальневосточной республики.

Ключевые слова: Гражданская война, Байкал, Красная Байкальская флотилия, Белая Байкальская флотилия, Баргузинское восстание, М. Н. Попов, Г. М. Семёнов, организация, командование, оснащение

Для цитирования: Дыня А. А. Байкальская флотилия в период Гражданской войны // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 4. С. 133–144. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-133-144

Original article

The Baikal Flotilla during the Civil War

Aleksey A. Dynya

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia, dynyaaa@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4837-9975

Abstract. The article tells about the history of the creation and activity of the Baikal Lake Flotilla during the Civil War in Russia. The study is characterized by low coverage of the flotilla's activities in the literature, with the available database of archival documents. The Baikal Flotilla, which, on the one hand, is a secondary area of the confrontation between the parties, on the other hand, was of great importance in establishing control over the region. The actions of the command were connected not only with the organization of the flotilla's combat work, combat duty and campaigns, but also in the restoration of water infrastructure, such as lighthouses, pilotage, repair of piers, and equipment of workshops. The command of the Baikal Lake Flotilla was engaged in cargo transportation, reconnaissance activities, including on the Lena and Vitim rivers. A lot of attention was paid to cultural and political education of both personnel and local residents. The article considers two stages of the creation of the flotilla by the Bolsheviks in 1918 and 1920, the confrontation of the Red and White Baikal flotillas. The composition and origin of the flotilla, its technical equipment, armament, organization of work of groups of gunboats and boats, as well as combat use, both planned and real, in suppressing the Barguzin uprising, in which the flotilla boats and paratroopers-sailors took an active part, are considered. The issues of personnel training for service and technical support of the flotilla are considered. The article also examines the activities of the 5th Army command, the flotilla command and their interaction with the forces of the Far Eastern Republic.

Keywords: Civil War, Baikal, Red Baikal Flotilla, White Baikal Flotilla, Barguzin Uprising, M. N. Popov, G. M. Semenov, organization, command, equipment

© Дыня А. А., 2022

For citation: Dynya A. A. (2022) The Baikal Flotilla during the Civil War. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 4. P. 133-144. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-133-144

Гражданская война является одним из самых драматичных моментов русской истории. Столкновение интересов граждан одной страны привело к беспощадной борьбе за установление того или иного строя. От Финляндии и до Камчатки шло противостояние людей, имеющих порой диаметрально противоположные взгляды на будущее Российского государства (Новиков, 2002; Флот…, 2002. С. 3–8; Зырянов, 2006).

Несмотря на то, что в отечественной историографии тема военных флотилий рассматривалась и разбиралась (Ачкасов, Басов, Сумин и др., 1988; Дубленных, 2002; Новиков, 2005; Байкальская военная флотилия, 2011[1]; Кузнецов, Соломонов, 2020; Хипхенов, 2022), именно история Байкальской флотилии, описанная и изученная фрагментарно, до настоящего времени представлялась без реконструкции всей последовательности организационных мероприятий.

Первое формирование

Первые попытки создания большевиками флотилии на Байкале были предприняты ещё в 1918 году. Начавшееся восстание Чехословацкого корпуса, вынудило советские войска покинуть Иркутск и под давлением превосходящих сил противника постепенно очищать территорию, отходя на восток. Так как было очевидно, что наступление белых частей будет происходить вдоль южного побережья Байкала, через мосты и террасы Кругобайкальского участка Транссибирской железнодорожной магистрали, советская власть считала, что обстрел неприятеля с воды в данном районе будет иметь громадное значение. Ввиду данного предположения и было решено впервые создать Байкальскую флотилию.

Советским войскам досталась часть водного транспорта Байкала, представленного следующими судами:

– ледокол-паром «Байкал», двухвинтовой, водоизмещением около 4200 тонн;

– ледокол «Ангара», хоть и будучи скромных размеров (около 1400 тонн), имел полностью стальную конструкцию, одновинтовой;

– одновинтовой буксирный пароход «Кругобайкалец», также цельнометаллический, водоизмещением 300 тонн;

– пароход «Михаил» смешанной постройки, а также два колёсных деревянных парохода небольшого объёма.

Причем, по воспоминаниям участника событий того времени Л. М. Власова, в исправном состоянии находились только ледоколы «Ангара», «Байкал» и «Кругобайкалец». Остальные суда нуждались в ремонте (Власов, 1957; Распопина, 2016).

Имея в распоряжении водные базы Танхой и Мысовая (в документах также встречается написание «Мысовская», «Мысовск») вкупе с контролируемым восточным побережьем, имея достаточные запасы угля и линии причала, советские войска имели возможность оборудовать суда большого водоизмещения для ведения боевых действий. На ледокол «Байкал» было установлено одно 6-дюймовое орудие прямо на колёсах и пулемёты. На «Ангару» установили два 3-дюймовых полевых орудия и пулемёты (Новиков, 2005. С. 87). Так как ледоколы конструктивно имели крепления для больших грузов, то работ по усилению не проводилось и орудия просто размещались на палубе. Сами корпуса были защищены от пуль и осколков своей стальной обшивкой, поэтому укрепления потребовались лишь для рубок и спардеков, которые укрепили листами железа, мешками с песком и досками. Остальные суда укреплялись аналогичным образом, но пушечного вооружения не имели и снабжались пулемётами.

В боевых действиях Красная Байкальская флотилия начала принимать участие со второй декады августа. Начались обстрелы тоннелей у станций Байкал и Слюдянка, а также расположение белых войск у села Лиственничное.

Данные действия, сильно стесняющие передвижение вдоль железной дороги, вынудили их сперва разместить в горах у Лиственничного артил-

[1] Байкальская военная флотилия // Иркутск. Историко-краеведческий словарь. Иркутск : Сиб. книга, 2011. С. 48.

лерию. Следующим шагом было создание в противовес Красной Байкальской Белой флотилии.

В руках чехов находились буксирно-пассажирские колёсные пароходы: «Иннокентий», «Тарзан», «Бурят», «Феодосий» и «Сибиряк». «Сибиряк» и «Феодосий» были вооружены по одной 3-дюймовой полевой пушке на каждом. Орудия были размещены на палубе без креплений, в результате стрельба из них оказалась невозможной. Также чехи завладели одной деревянной баржей, на которую смогли установить две, снятые с берега у Лиственничного, 48-линейные гаубицы.

Боестолкновение флотилий произошло 16 августа 1918 г. (Хипхенов, 2022. С. 461–462). Пароходы Белой флотилии, возвращались на юг от Посольского монастыря, куда отбуксировали баржи с десантом. Во время движения у пристани станции Мысовой ими был обнаружен ледокол «Байкал» и мелкие суда красных. С расстояния 20 кабельтовых (3700 метров) вооружённая баржа чехов открыла огонь. «Байкал» вышел из гавани, но открыть ответный огонь не смог из-за неудачного крепления артиллерии, вынуждавшей корабль лежать на кормовых курсовых углах.

Во время маневрирования «Байкал» получил попадание в кормовой руль, что вывело из строя судно и заставило его описывать циркуляцию. В это время ледокол получил ещё несколько попаданий в борт и спардек, что вынудило судно возвратиться в гавань, а команда оставила горящий корабль. На корабле находилось 12 вагонов с продовольствием и обмундированием, а также 64 бочки горюче-смазочных материалов и большой запас угля, что усугубило положение ледокола, который, по воспоминаниям очевидцев, горел несколько дней (Волков, 2021).

Для защиты станции Мысовая советские войска вывели один броневик, который открыл огонь по судам чехов, заставив их отойти в село Листвennичное. Ледокол «Ангара» в данном сражении участия не принимал, так как в это время обстреливал чешские войска у станции Танхой.

Сожжение «Байкала», занятие станции Танхой и обстрел станции Мысовая заставили советские войска очистить восточный берег Байкала и всю территорию до Верхнеудинска (рис. 1). В период с 14 по 20 августа группа войск под командованием А. Н. Пепеляева разгромила советские войска в Забайкалье, в результате ожесточённых боёв заняв 18 августа ст. Посольская, а 20 августа – Верхнеудинск (Ларьков 2016. С. 113). Это вынудило большевиков перейти от борьбы организованным фронтом на подпольное положение и партизанское движение.

Из-за невозможности провести ледокол «Ангара» по р. Селенга (река была мелководна для судна), с него сняли вооружение, ввиду чего Красная Байкальская флотилия самоликвидировалась, а «Ангара», «Кругобайкалец» и «Михаил» из-за потери Танхоя были вынуждены вернуться в Листвennичное, где их захватили войска белых, что подтверждается, в т. ч. и современными исследованиями (Новиков, 2005; Хипхенов, 2022). Два колёсных парохода отошли на Селенгу, где в дальнейшем также были оставлены в связи с отходом фронта.

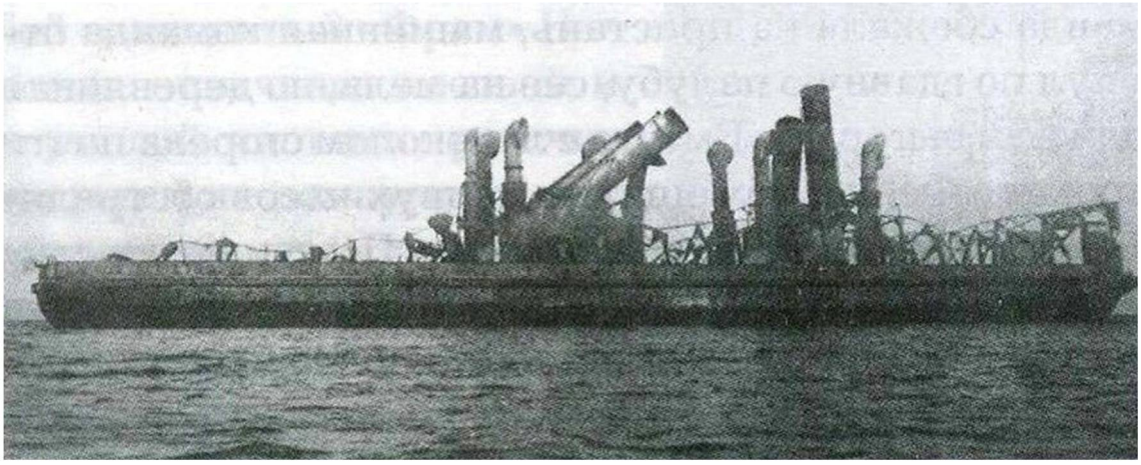

Рис. 1. Полностью сгоревший и не затонувший ледокол «Байкал»
Fig. 1. Completely burnt and not sunken icebreaker “Baikal”

С установлением контроля белых над всей акваторией Байкала Белая флотилия за ненадобностью была расформирована, а ее суда разоружены. Ни красные, ни белые на Байкале не располагали специализированными военно-морскими кадрами. Все судовые обязанности выполняла судовая команда, орудия и пулеметы обслуживали военнослужащие сухопутных войск.

Второе формирование

После поражения колчаковских войск под Омском и дальнейшего наступления 5-й армии военные части белых были вынуждены отступать вдоль транссибирской магистрали. Выдача чехами адмирала Колчака, гибель генерала Каппеля в январе, последующий расстрел Колчака 7 февраля 1920 года и соглашение большевиков с чехами в с. Куйтун в этот же день усугубили положение отступавших. После отступления через льды Байкала, в его акватории не осталось подразделений, способных организовать сопротивление большевикам (Великий Сибирский…, 2004; Плотников, 2003; Каппель и каппелевцы, 2007; Петрушин, Воронцов, 2021 и др.).

При этом угроза повторного вторжения на Байкал не исчезла. Большевики не забыли ошибку противника. Расформирование белыми своей флотилии на озере не позволило им организовать сопротивление и достаточную оборону. К моменту выхода войск 5-й армии к Байкалу на Дальнем востоке находились войска японских интервентов, а в районе Читы действовали войска атамана Семёнова. Оборона проходила по водным артериям и это необходимо было учитывать (В боях рожденная, 1985)[2].

Второе создание Байкальской озёрной флотилии произошло уже в 1920 году, после того как красные войска вновь оказались в акватории Байкала, заняв её. Байкальская флотилия входила в состав Сибирской речной флотилии, начавшей формироваться ещё с 14 января 1920 года (Российский государственный архив Военно-Морского флота (РГАВМФ). Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 14). Именно такую датировку приводит флагманский исторический журнал флотилии.

26 февраля в Омск прибыли 313 моряков во главе с уполномоченным по формированию Сибирской военной флотилией военным моряком Михаилом Николаевичем Поповым. 28 февраля 1920 года состоялась встреча Попова с начальником штаба 5-й армии (РГАВМФ. Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 16). Обсуждалась необходимость создания военной флотилии на озере Байкал и сохранения материального тыла на Обь-Иртыше (РГАВМФ. Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 62. Л. 2). Данные части должны были войти в состав сформированной по приказу Реввоенсовета РСФСР от 29 декабря 1919 г. № 2361/478 Сибирской военной речной флотилии.

Для вооружения армия выделяла флотилии полевую артиллерию и несколько более крупных калибров. Формировалась флотилия из бронированных катеров, захваченных у войск Колчака в Красноярске, и гидростанции в 4 летательных аппарата. При этом катера планировалось использовать на Енисее в то время как гидропланы должны были отправить на Байкал. Также на реке Иртыш сохранились оставленные белыми войсками 7 пароходов, у 4 из которых сохранились только крепления под орудия (сами орудия белые при отступлении демонтировали, а с канонерской лодки «Урал» просто сбросили в воду, чем воспользовались красные, весной подняв их со дна). Три канонерки: «Тюмень», «Урал» и «Мария», планировалось вооружить трёхдюймовыми полевыми пушками и отправить в патрулирование по р. Оби.

При этом были распланированы маршруты для каждой из них. «Тюмень» должна была патрулировать маршрут от Семипалатинска до ст. Самарской, «Урал» по Оби от Барнаула до Самарской, а «Мария» должна была остаться в нижнем течении Оби и на Обской Губе. Центром базирования был выбран город Омск. Оставшиеся без орудий 4 лодки были переданы Главодам с назначением на каждую военного коменданта. Старшим морским начальником Обского бассейна был оставлен Александр Антонович Ружек.

При формировании флотилии по требованию Попова также были переданы катера, базировавшиеся в Нижнем Новгороде, и переведены 5 паровых катеров из-под Астрахани.

[2] В боях рождённая. Боевой путь 5 армии (1918–1920 гг.) : сборник документов Иркутск : Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1985. 416 с.

В связи со сложившейся стратегической обстановкой наиболее рациональным было принято решение составить наиболее мощную флотилию на Байкале, в Красноярске планировалось оставить лишь незначительные силы в размере трёх катеров и 54 моряков, переведённых из Перми, в то время как все боеспособные пароходы должны были переводиться также на Байкал (за исключением тех пароходов, которые оставались Главодам, при этом Попов оставлял за собой право затребовать их при первой необходимости).

При формировании флотилии на Байкале также по просьбе Попова с маркировкой «если согласятся», было предложено командировать в Иркутск опытных военморов: Владимира Николаевича Селянина, Александра Алексеевича Иконникова, Александра Александровича Перрете, инженера-механика Павла Хмельнинова и ещё четырёх лиц комсостава с плавательным цензом, т. е. имеющих опыт управления подразделениями военно-морских сил. Также был запрошен кредит в один миллион рублей, вся информация по Байкалу, и выписаны пять бакенов, ранее предназначавшихся для Каспийского моря. Данная подготовка говорит о серьёзном и основательном подходе Попова к быстрому формированию флотилии. Сам Попов, 7 марта выезжая в Красноярск, 15 апреля планировал уже находиться в Иркутске, что ввиду его загруженности и проходимости железной дороги являлось довольно быстрым.

Попов, отвечая на телеграмму о начсоставе, оставшемся в Сибири, докладывает, что начальствующего состава из военморов на Байкале после Колчака не осталось и даже на оставшихся судах вместо матросов находились солдаты, мало сведущие не только в эксплуатации, но даже в содержании плавсредств. Поэтому из Красноярска для формированию Байкальской флотилии также придавались 36 человек административного аппарата и 134 моряка. Главным портом и базой Байкальской флотилии планировалось сделать Иркутск, где также должна была разместиться гидростанция с переданными летательными аппаратами. Также планировалось дополнительной базой сделать Верхнеудинск на р. Селенге, ввиду наличия там пароходов. Пароходы были необходимы молодой флотилии, поскольку для штатных катеров требовался дефицитный керосин. На снабжение дровами пришлось перевести и канонерские лодки.

При этом начальником штаба 5 Армии было замечено, что из-за трудностей с транспортировкой судов железнодорожным транспортом переброска из одного речного бассейна в другой является крайне сложной операцией. Также он отметил недостаточность спланированных средств для обеспечения действий Обь-Иртышской флотилии и посоветовал укомплектовать полевой артиллерией все семь находящихся судов, однако позже выяснилось, что семь катеров являются только трофейными Колчаковскими. Также на Оби и Иртыше должно было задействоваться ещё 14 бронекатеров, что являлось вполне достаточным для выполнения всех поставленных задач. Таким образом, после решения всех административных вопросов было принято решение перевести часть плавсредств с Енисея на Байкал, а также передать весь отряд гидропланов типа М-9 и глиссеров для ведения воздушной разведки в акватории Байкала.

31 марта 1920 г. Михаил Николаевич Попов вместе с комиссаром флотилии Николаем Алексеевичем Овчинниковым (РГАВМФ. Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 32) прибыл в Екатеринбург с целью выполнения задания по доставке группы катеров, идущих из Перми в Тюмень.

В Екатеринбурге выяснилось, что железнодорожные платформы для транспортировки не были предоставлены, а ремонт самих катеров не окончен, при том, что требования неоднократно выдвигались с 17 февраля. Железнодорожники утверждали, что транспортные пути не предназначены для транспортировки таких грузов, как бронекатера, но по прибытию Попова всё же взялись за замеры мостов и тоннелей. Убедившись в начале работ, Михаил Николаевич выдвинулся в Пермь для принятия судов (РГАВМФ. Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 55. Л. 34).

По прибытию выяснилось, что завод «Мотовилиха» не справился с задачей и катера пребывали в неудовлетворительном состоянии. Попов распорядился закончить ремонт до 10 апреля, но завод и к этой дате задачу не выполнил. Вероятно, ожидая этого, Попов заблаговременно поручил ремонтные работы Рупводу (районному управлению водного транспорта), которое сумело уложиться в срок. При-

чем Рупвод, в отличие от завода, отказывалось выполнять добавочные требования командиров.

Под руководством военморов Попова и Овчинникова в кратчайшие сроки были произведены работы по исправлению всех замеченных дефектов. 10 апреля пришло разрешение от железнодорожников о транспортировке катеров, но платформы так и не были предоставлены, в результате чего Попову пришлось в срочном порядке оборудовать грузовые площадки, изначально для подобных грузов непредназначенные. 12 апреля началась погрузка катеров, а 18 апреля был собран эшелон, который выдвинулся к Тюмени.

К моменту прибытия Сибирской флотилии на Байкал, в середине мая 1920 года, имевшиеся на Байкале суда были отремонтированы и в ремонтных мастерских Рупвода начались работы по их вооружению. Ввиду недостаточной приспособленности кораблей к креплению орудий, ремонтникам пришлось вносить и конструктивные изменения. Так, на «Ангаре» был произведён целый ряд работ для надёжного крепления 3-дюймовых орудий, таких как: переустройство мачт, установка съёмных арок, заменены надстройки над люками с откидными крышками, частичное снятие фальшборта для достижения необходимого угла обстрела, вынесение орудийных площадок на кронштейнах. Часть трюма на носу «Ангары» была переоборудована под артиллерийский погреб. Изменениям подверглись и пароходы «Лейтенант Шмидт» и «Кругобайкалец», которым также оборудовали артпогреба (у небольшого кубрика), установлены необходимые перегородки и переборки. На все ремонтируемые корабли установили радиосети и радиостанции. Таким образом, подготовленные гражданские суда в Сибирской флотилии получили классификацию канонерских лодок, в которой и просуществовали весь срок боевой эксплуатации.

19 мая из Перми прибыли катера «Искра», «Мина», «Спартак» и «III Интернационал», изначально предназначавшиеся для Обь-Иртышского бассейна, которые хоть и были отремонтированы на заводах «Мотовилиха» и «Каменских» и даже имели орудийные крепления, всё же нуждались в доработке и дополнительном ремонте в мастерских Лиственничного.

5 июня в Иркутск прибыла красноярская база Енисейской флотилии (РГАВМФ. Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 19. Л. 15). 7 июня из Красноярска, пройдя ремонт в авиационных мастерских и подвижной мастерской № 1, с установленными креплениями под орудия, прибыли катера «Кондор», «Сокол», «Кречет», «Тигр», «Барс» и «Альбатрос». Судна были в хорошем состоянии и нуждались только в регулировке моторов для дальнейшей эксплуатации на озере. Частично прибыл и личный состав из вольнонаемных, которые ранее обслуживали данные судна. Доукомплектование происходило за счет военморов. При этом базировавшаяся в Красноярске Енисейская флотилия была расформирована приказом уполномоченного по формированию Сибирской военной флотилии от 4 апреля 1920 г. № 72 в согласии с приказом по войскам 5-й армии от 3 апреля 1920 г. № 435/37 и на её основе был сформирован дивизион судов из 3 групп общим количеством 10 катеров (в состав которых входили вышеупомянутые катера, впоследствии перебазированные на Байкал), 3 катеров связи, 2 пароходов и одной баржи.

Комплектование флотилии орудиями и иным вооружением проводилось за счет ресурсов 5-й армии. Командование армией также передало в ведение Сибфлотилии имущество, оставшееся в Сибири от войск Колчака. Так как большая часть имущества была неисправна, быстрая установка орудий на суда оказалась невозможной. Мастерские Иркутска и Лиственничного оказались не в состоянии произвести необходимые работы, ввиду этого всё артиллерийское имущество пришлось отправлять на Мотовилихинский завод для нужного обслуживания.

Первые работы по установке вооружения начались только в конце апреля 1920 г. Из-за загруженности мастерских и недостаточного количества рабочих они закончились только к середине июля. Параллельно главный артиллерист флотилии Александр Александрович Ухтомский, имея в своём распоряжении малое количество опытной орудийной прислуги и ограниченный запас снарядов, организовал курсы по обучению артиллерийскому мастерству. Занятия проходили регулярно, что позволило после установки орудий и их пристрелки произвести учебные стрельбы, по результатам которых суда были признаны «достаточно боеспособными»

(РГАВМФ. Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 16. Л. 909), отмечая при этом острую нехватку квалифицированных кадров.

Таким образом, к середине июня 1920 года Сибирская военная флотилия на Байкале имела следующий состав (РГАВМФ. Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 16. Л. 178).

1. Отряд канонерских лодок – «Ангара», «Кругобайкалец», «Лейтенант Шмидт», вооружение которых состояло из 3-дюймовых орудий, пулемётов Максима и автоматических пушек системы Маклена;

2. I отряд бронекатеров (озёрный) – «Кругом», «Чайка» и «Волна», вооружённых одной «маклеровкой» и 2 пулемётами Максима каждый (рис. 2);

3. II отряд катеров – «Мина», «Искра», «III Интернационал», «Тигр» и «Барс», вооружённых 47-мм пушками Гочкиса, 3-дюймовыми полевыми орудиями и пулемётами Максима;

4. III отряд (речной) – «Сокол», «Альбатрос», «Кондор», «Кречет» и «Спартаковец». Первые 4 катера имели единообразное вооружение из одной «маклеровки» и 2 пулемётов. «Спартоковец» вооружили 3-дюймовым орудием системы Шнейдера и 3 пулемётами.

5. Вспомогательные суда – речной пароход «Таразан» с двумя пулемётами на борту и 2 баржи для жилья (без вооружения).

6. Резервные суда – паровой баркас без вооружения и паровые катера «Иннокентий», «Антоний», «Трудящийся» и «Интернационал», вооруженные пулемётами и «маклеровками».

Данное количество судов было признано достаточным для обеспечения безопасности на о. Байкал и реках Ангара и Селенга (рис. 3).

Помимо формирования флотилии и обучения экипажа командованию приходилось проводить работу по восстановлению водной инфраструктуры Байкала. Еще до прибытия отрядов бронекатеров началась установка водных знаков на Ангаре, Селенге и Байкале. Проводилась инспекция маяков, которая признала состояние маячного хозяйства на озере удовлетворительным за исключением участков у станции Мысовой, где необходим был незначительный ремонт маяка и с. Горячинск, где ввиду ветхости постройки сигнал разместили на крыше одного из домов. Первые маяки заработали у железнодорожных станций Байкал и Танхой. К 1 июля 1920 г. все маяки южной части Байкала, за исключением Горячинского, заработали. При этом отмечалось, что на Севере, в Баргузинском заливе отсутствие маяка осложняло навигацию. 25 июня в с. Лиственичное

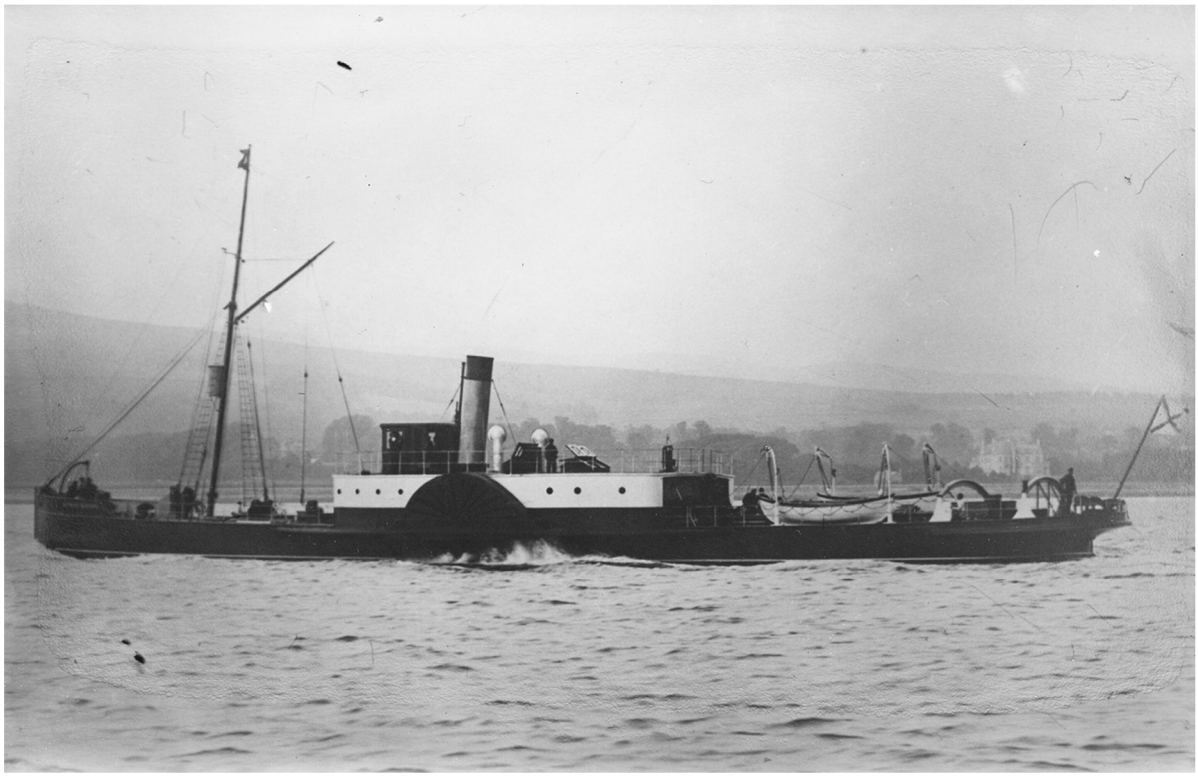

Рис. 2. «Лейтенант Шмидт» (до мобилизации буксирный пароход «Лейтенант Малыгин»). Фото до 1917 г.
Fig. 2. "Lieutenant Schmidt" (before mobilization, the tugboat "Lieutenant Malygin"). Photo before 1917

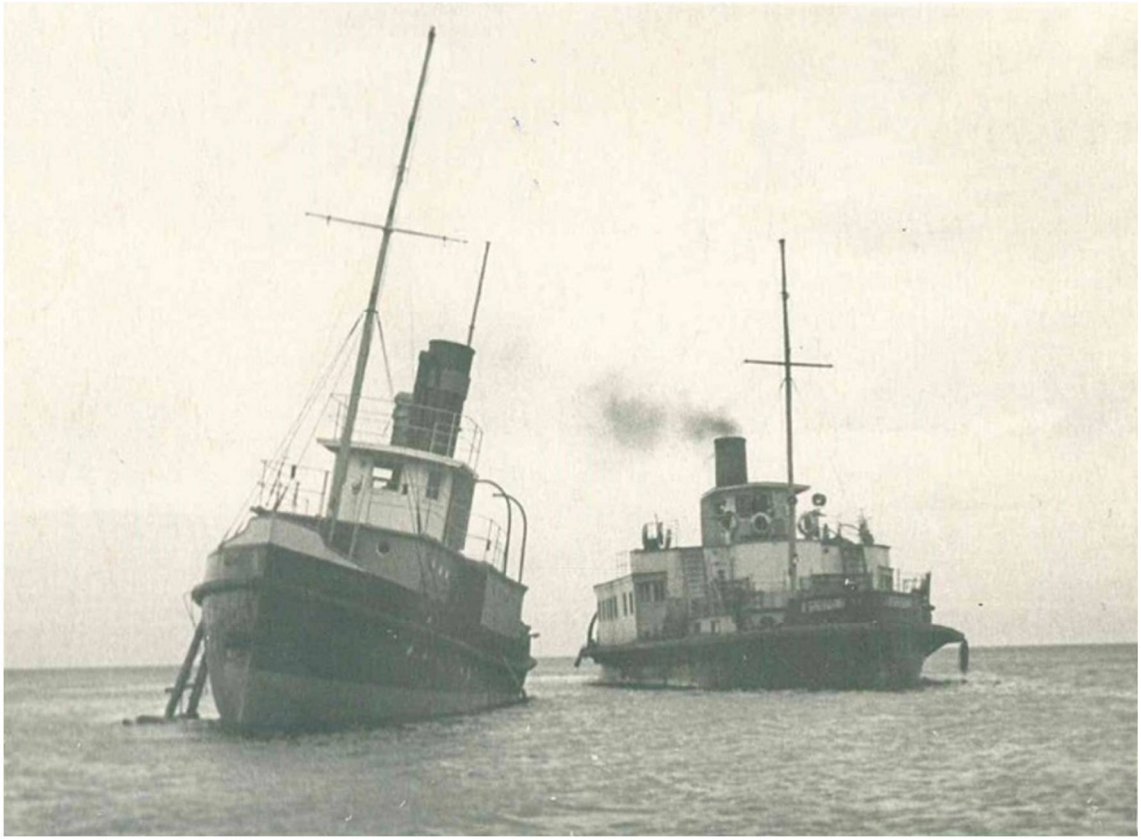

Рис. 3. Буксиры «Трудящийся» (слева) и «Байкал» (справа), ставший в дальнейшем канлодкой «Кругобайкалец»
Fig. 3. Tugs "Working" (left) and "Baikal" (right), which later became the gunboat "Circum-Baikaler"

началась заготовка материала для постройки маяка в устье р. Баргузин.

Из оборудования упоминалась острая нехватка компасов, а точнее, магнитов для них. Карт было в избытке, но не хватало атласов Байкала, которые приходилось покупать даже у частных лиц. Не хватало сигнальных флагов, которые приходилось изготавливать уже в Иркутске.

Силами флотилии была произведена прокладка телеграфной линии от Лиственничного до Иркутска, а также участок линии от села Бугульдейка до острова Ольхон с подводным участком прокладки кабеля (РГАВМФ. Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 16. Л. 916).

Для обучения сигнальщиков были открыты курсы по сигналопроизводству. При этом не оказалось проблем с рулевыми, так как большинство из них оказалось опытными моряками из вольнонаёмных граждан.

Также, помимо обучения личного состава, командование озаботилось и просвещением, открыв клуб в с. Лиственничное и даже наняв 10 преподавателей для культурного просвещения как моряков и персонала, так и местного населения, придавая культурной подготовке значение не менее важное чем политической.

Основными обязанностями флотилии было патрулирование акватории Байкала, Ангары и Селенги. Уже с 1 июня начались регулярные походы как дивизиона канонерских лодок, так и отрядов катеров. При осмотре Байкала, были выделены три вероятные зоны для ведения боевых действий:

– Район от ст. Байкал вдоль Кругобайкальской железной дороги (в документах «КБЖД») до Мысовой:

– Мысовая – устье р. Селенги;

– от устья Селенги на север (РГАВМФ. Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 17. Л. 56).

На каждый из участков была составлена характеристика с описанием возможных сценариев боевых действий флотилии.

Помимо прямых обязанностей экипажи занимались также географической разведкой акватории, изучением местности, транспортировкой пассажиров и грузов, а суда предлагалось использовать в качестве рыболовецких. При этом указывалось, что десантные и грузовые операции возможны только в

следующих пунктах: с. Лиственничное, Мысовая, ст. Байкал, Танхой и Усть-Баргузин. На канонерской лодке «Ангара» также проводились водные экскурсии для детей.

19 июня М. Н. Попов получил запрос о создании отряда катеров на р. Лене с целью обеспечения безопасности региона от возможной контрреволюционной деятельности. Убыв в командировку, июль и август Попов провёл на реках Якутии, изучая регион и составив его транспортное, политическое и экономическое обозрение, указав на то, что существует необходимость создания отряда катеров, а также обеспечения региона грамотными партийными работниками с целью развития и просвещения края (РГАВМФ. Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 58). Кроме того, он указал на необходимость создания отряда катеров как на Лене, так и на её притоке – Витиме (РГАВМФ. Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 17. Л. 118).

Боевое применение катеров произошло в первой половине июля, когда на севере Байкала, в г. Баргузин началось антибольшевистское восстание из зажиточных крестьян и горожан, подкреплённое оставшимися в регионе военными из частей Каппеля и Семёнова. К восставшим также примкнули дезертиры-красноармейцы.

С 1 по 6 июля с канонерской лодки «Ангара» в Баргузинском заливе был высажен дозор, для разведки и наблюдения за восставшими. 10 июля в залив были направлены катера «Мина» и «III Интернационал», которые уже 11 июля подошли к с. Уст-Баргузин, высадив десант в количестве 7 человек, вооружённых винтовками и 2 пулемётами. Сведения о боевой деятельности отряда катеров Байкальской флотилии приведены в статье о повстанчестве на Северном Байкале (Новиков, 2009). Была проведена попытка вступить в переговоры с восставшими, не давшая результатов. После этого, катера, сопровождаемые сухопутным отрядом десантников, двинулись по р. Баргузин. Моряки смогли в этот же день в д. Зорино взять в плен 2 разведчиков противника, которые доложили, что в 12 верстах выше по течению сосредоточились восставшие в количестве 60 человек. Ввиду невозможности продвижения катеров, т. к. «Мина» сел на мель, а также большого перевеса в живой силе противника, десантники остановились на ночёвку в этой же деревне, послав шлюпку с 2 моряками и местным проводником для провода катеров по реке. В этот же день, экипаж бронекатера «Искра», из состава той же группы катеров, получив информацию о восставших, двинулся в сторону Баргузинского залива, но, ввиду поломок мотора, не смог дойти до своих. В 6 часов утра, катер «Мина» был снят с мели и отведён вниз по реке, так как не мог пройти по ней из-за мелководности. На «III Интернационал» пересел комиссар отряда и один моряк с пулемётом, после чего бронекатер выдвинулся до д. Зорино, где встал на якорь.

Сухопутный отряд, ещё до подхода катера, выслал на предполагаемое место сосредоточения противника разведчиков, которые, войдя в соприкосновение с противником, попытались начать с ним переговоры, которые провалились. Восставшие предложили разведчикам уйти, но, когда те попытались это сделать, открыли огонь, убив одного моряка.

Получив показания разведки, сухопутный отряд выступил к позиции, занимаемой противником, а «III Интернационал» пошёл по реке. Пройдя 9 вёрст до порогов, катер остановился и в 14:00, получив приказания заместителя внутренних дел ДВР Карманова, открыл огонь по восставшим, поддерживаемый пулемётным огнем с суши. Сухопутный отряд, при поддержке артиллерии катера, сумел к 16 часам выбить противника с занимаемых позиций. Восставшие бежали в г. Баргузин, а затем, переправившись через реку, попытались скрыться в тайге.

Сухопутный отряд моряков продолжил преследование, а «III Интернационал» выдвинулся к д. Зорино, сев на мель, не дойдя 1 версты до неё. Этим же вечером, к с. Усть-Баргузин подошла «Ангара», с которой высадился десант из 11 человек, направленный в Баргузин для помощи сухопутному отряду.

13 июля сухопутный отряд занял г. Баргузин, где получил сведения, что противник засел в с. Читкан и мобилизует крестьян. К 10 ч. утра в Усть-Баргузин прибыл катер «Искра», с которого высадился десант из 6 человек во главе с командиром 2 отряда катеров Иваном Тимофеевичем Забегалиным. К 21:00 в г. Баргузин собрался весь отряд моряков. Также стало известно, что в Усть-Баргузин к этому времени прибыл эскадрон мадьяр в количестве 30 сабель, который также выдвинулся к Баргузину.

14 июля лояльные большевикам крестьяне стали прибывать в Баргузин, рассказывая, что восстав-

шие устроили избиение семей военных. К 14:00 с десантом соединился эскадрон мадьяр, который попутно захватил 10 дезертиров противника, сбежавших при обстреле позиций 2 днями ранее. Командующим группы катеров было принято решение продвигаться далее с целью воспрепятствовать накоплению сил противника. Попутно катера «Мина» и «Искра» были отправлены в Горячинск за десантом.

15 июля часть десанта выдвинулась вдоль р. Баргузин с целью не допустить отступления противника с предполагаемых позиций. При следовании отряда поступила информация о 3 русских при оружии, которые скрываются в бурятских улусах. Поймать их смогли только 17 июля. В это время катера «Мина» и «Искра» занимались доставкой десантных отрядов. На «III Интернационале» вышеупомянутые задержанные были доставлены в д. Адамово.

С 18 по 19 июля отряд моряков, усиленный эскадроном мадьяр, преследуя восставших, получил у д. Доцан сведения о том, что главари восстания из каппелевских офицеров ушли за горный хребёт в тайгу. После бегства организаторов восстание прекратилось в кратчайшие сроки. К 22 июля весь десантный отряд возвратился на катера, на обратном пути арестовав ещё несколько восставших. 23 июля катера взяли курс на с. Лиственничное.

Быстроту и относительную лёгкость подавления восстания можно объяснить тем, что восставшие, хоть и будучи в численном перевесе и находясь на удобных позиция, не смогли ничего противопоставить артиллерийскому огню катера «III Интернационал», а также грамотной разъяснительной работе моряков с местным населением, которая не позволила восставшим провести массовую мобилизацию (РГАВМФ. Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 16. ЛЛ. 463–464). Командование 5-й армии высоко оценило действия моряков Байкальской флотилии, признав полезным её существование. Баргузинское восстание было не последним, и следующие выступления были, порой масштабней, причем как в Бурятии, так и в Приангарье, вызываемые зачастую не только выступлениями остатков войск Колчака и Семёнова, но и разорительной для местного населения политикой большевиков. Однако это единственное выступление, в подавлении которого приняла участие боеспособная флотилия.

В конце 1920 года возникла необходимость усиления речной флотилии на Амуре (Ясько, 1998). 22 октября 1920 г. большевики заняли Читу. Войска Г. М. Семёнова отступали к приморью, концентрируясь в Уссурийском крае, где к ним примыкали остатки каппелевцев (Шиндялов, 2011). Ещё в ноябре М. Н. Попов выехал в Читу для решения организаторских вопросов флотилии, откуда вернулся в Иркутск 5 декабря 1920 г. В начале 1921 года командованием 5 армии М. Н. Попов был назначен уполномоченным по формированию и укреплению флотилии в Амурском бассейне. Сибирская военная флотилия в том составе, в котором она существовала в 1920 году, должна была быть расформирована (РГАВМФ. Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 42. Л. 38). 18 февраля 1921 г. на Амур из Иркутска выехал первый эшелон с моряками, которые в конце марта влились в формирование военно-морских сил ДВР (Гуринов, 2013). Была сформирована ликвидационная комиссия, переименованная 9 марта 1921 г. в ликвидационную комиссию Сибирской Флотилии. Однако 21 марта пришла директива от командующего всеми морскими силами Республики А. В. Немитца, согласно которой Сибирская военная флотилия ликвидации не подлежала (РГАВМФ. Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 56. Л. 6), но ввиду отсутствия оперативных заданий состав её сокращался до одного дивизиона, подчинённого в оперативном отношении командарму 5 армии, а в остальных отношениях – Коморси (Командующему военно-морскими силами). Состав дивизиона был следующим:

– канонерские лодки «Ангара» и «Кругобайкалец»;

– катера «Мина», «Искра», «Спартаковец», «III Интернационал».

Канонерские лодки должны были быть разоружены и, будучи укомплектованными военно-морской командой, в течение кампании 1921 г. исполнять транспортные функции. Катера оставались при вооружении и должны были использоваться в течение 1921 г. для несения милицейской охранной службы. На Амур отправлялись остатки II группы катеров, а остальные передавались во временное использование Водотранспортом при обязательном

условии сохранения возможности немедленного возвращения их в состав флотилии.

Таким образом, Байкальская флотилия судов была признана высшим командованием как боеспособное и полезное подразделение, выполнившее все поставленные задачи, несмотря на технические и организационные трудности. Умелое руководство М. Н. Попова позволило не только организовать боевую работу моряков на военных судах, но и восстановить водную инфраструктуру края.

Список источников

Ачкасов В. И., Басов А. В., Сумин А. И. и др. Боевой путь Советского Военно-Морского флота. 4-е изд. испр., и доп. М. : Воениздат, 1988. 607 с.

Великий Сибирский Ледяной поход / сост., науч. ред. С. В. Волков. М. : Центрполиграф, 2004. 718 с.

Власов Л. М. Лиственичное на Байкале // Как мы боролись за власть Советов в Иркутской губернии (воспоминания активных участников Великой Октябрьской социалистической революции). Иркутск : Иркутское книжное издательство, 1957. С. 36–45.

Волков С. Н. Золото Колчака. Чехословацкие легионеры. Американский экспедиционный корпус в Сибири (1918–1920). Кругобайкальская железная дорога. Иркутск, 2021. 384 с.

Гуринов С. Л. Белая сибирская флотилия // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2013. Вып. 4 (19). С. 59–63.

Дубленных В. В. Вооруженные формирования Урала периода Гражданской войны. Исторические справки. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2002. 395 с.

Зырянов П. Н. Адмирал Колчак, Верховный правитель России. М. : Молодая гвардия, 2006. 637 с.

Каппель и каппелевцы / ред. и сост. Р. Г. Гагкуев. 2-е изд., испр. и доп. М. : МН Посев, 2007. 778 с.

Кузнецов Н. А., Соломонов Б. В. «Байкал» и «Ангара». Судьба байкальских ледоколов // Морская коллекция, 2020. № 2. 33 с.

Ларьков Н. С. Из Капитанов в генералы за 100 дней («Восточный поход» А. Н. Пепеляева) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 407. С. 105–114.

Новиков П. А. Изменчивые мотивы людей: Восточная Сибирь в Гражданской войне // Вестник Евразии. 2002. № 4. С. 104–127.

Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. М. : Центрполиграф, 2005. 415 с.

Новиков П. А. Повстанческий отряд В. Л. Дуганова в 20-х гг. XX в.: участие тунгусов в антибольшевистском движении // Вестник Тамбовского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2009. № 2 (70). С. 165–168.

Петрушин Ю. А., Воронцов Д. В. Боевые действия в Восточной Сибири и Куйтунское соглашение 7 февраля 1920 г. // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 4. С. 199–207.

References

Achkasov V. I., Basov A. V., Sumin A. I. et al. (1988) The combat path of the Soviet Navy. Moscow: Voenizdat. 607 p. (In Russ.).

Volkov S. V. (2004) The Great Siberian Ice Campaign. Moscow: Tsentrpoligraf. 718 p. (In Russ.).

Vlasov L. M. (1957) Listvenichnoe on Baikal. How we fought for the power of the Soviets in the Irkutsk province (memoirs of active participants in the Great October Socialist Revolution). Irkutsk: Irkutsk Book Publishing House. P. 36-45. (In Russ.).

Volkov S. N. (2021) Kolchak's Gold. Czechoslovak legionnaires. American Expeditionary Force in Siberia (1918-1920). Circum-Baikal Railway. Irkutsk. 384 p. (In Russ.).

Gurinov S. L. (2013) The White Siberian Flotilla. *Bereginya. 777. Sova: Obshchestvo. Politika. Ekonomika = Bereginya. 777. Owl: Society. Politics. Economy.* Iss. 4(19). P. 59-63. (In Russ.).

Dublennykh V. V. (2002) Armed formations of the Urals during the Civil War. Historical references. Yekaterinburg: Bank of Cultural Information. 395 p. (In Russ.).

Zyryanov P. N. (2006) Admiral Kolchak, Supreme Ruler of Russia. Moscow: Molodaya gvardiya. 637 p. (In Russ.).

Gagkuev R. G. (2007) Kappel and kappelites. Moscow: Sowing. 778 p. (In Russ.).

Kuznetsov N. A., Solomonov B. V. (2020) “Baikal” and “Angara”. The fate of Baikal icebreakers. *Morskaya kollektsiya = Marine Collection*. No. 2. 33 p. (In Russ.).

Lar'kov N. S. (2016) From Captains to generals in 100 days ("Eastern campaign" by A. N. Pepelyaev). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal.* No. 407. P. 105-114. (In Russ.).

Novikov P. A. (2002) Changeable motives of people. Eastern Siberia in the Civil War. *Vestnik Evrazii = Bulletin of Eurasia*. No. 4. P. 104-127. (In Russ.).

Novikov P. A. (2005) Civil War in Eastern Siberia. Moscow: Tsentrpoligraf. 415 p. (In Russ.).

Novikov P. A. (2009) The insurgent detachment of V. L. Duganov in the 20s of the XX Century : the participation of Tungus in the anti-Bolshevik movement. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Ser. Humanities.* No. 2(70). P. 165-168. (In Russ.).

Petrushin Yu. A., Vorontsov D. V. (2021) Military operations in Eastern Siberia and the Kuitun Agreement on February 7, 1920. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient technologies*. Vol. 17. No. 4. P. 199-207. (In Russ.).

Плотников И. Ф. Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. М. : Центрполиграф, 2003. 702 с.

Распопина А. А. Байкальское пароходство в период революции и Гражданской войны // Историко-экономические исследования. 2016. Т. 17. № 4. С. 723–743.

Флот в Белой борьбе / Составление, научная редакция, предисловие и комментарий С. В. Волкова. М.: Центрполиграф, 2002. 607 с.

Хипхенов Г. И. Крушение Центросибири: монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2022. 611 с.

Шиндялов Н. А. Ликвидация «Читинской пробки» // Россия и АТР. 2011. № 1 (71). С. 5–18.

Ясько Т. Н. Сибирская и Амурская военные флотилии в 1917–1922 гг. // Дальний Восток России в период революций 1917 года и Гражданской войны. Владивосток : Ин-т истории ДВО РАН, 1998. С. 48–57.

Plotnikov I. F. (2003) Alexander Vasilyevich Kolchak: researcher, Admiral, Supreme Ruler of Russia. Moscow: Tsentrpoligraf. 702 p. (In Russ.).

Raspopina A. A. (2016) Baikal Shipping Company during the revolution and Civil War. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Historical and Economic Research*. Vol. 17. No. 4. P. 723-743. (In Russ.).

Volkov S. V. (2002) Fleet in the White Struggle (2002). Moscow: Tsentrpoligraf. 607 p. (In Russ.).

Khipkhenov G. I. (2022) The Collapse of Centrosibir: a monograph. Irkutsk: Irkutsk State University. 611 p. (In Russ.).

Shindyalov N. A. (2011) Liquidation of the “Chita traffic jam”. *Rossiya i ATR = Russia and the Asia-Pacific Region*. No. 1 (71). P. 5–18. (In Russ.).

Yas'ko T. N. (1998) Siberian and Amur military flotillas in 1917-1922. *Dal'nii Vostok Rossii v period revolyutsii 1917 goda i grazhdanskoi voiny = The Far East of Russia during the revolutions of 1917 and the Civil War.* Vladivostok: Institute of History of the FEB RAS. P. 48-57. (In Russ.).

Информация об авторе

А. А. Дыня – аспирант кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия.

Information about the author

A. A. Dynya – Postgraduate of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia.

Вклад автора

Дыня А. А. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

Dynya A. A. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 15 июля 2022 г.; одобрена после рецензирования 26 августа 2022 г.; принята к публикации 12 сентября 2022 г.

Article info

The article was submitted July 15, 2022; approved after reviewing August 26, 2022; accepted for publication September 12, 2022.

Научная статья
УДК 94(47).084.5
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-145-155

Налоговые кампании 1924–1927 годов на территории Енисейской Сибири Часть 1. 1924/25 год

Александр Петрович Шекшеев

Хакасская республиканская Ассоциация жертв политических репрессий, Абакан, Россия, turan47@yandex.ru

Аннотация. В статье освещается взимание единого сельскохозяйственного налога в кампании 1924/25 годов на территории Енисейской губернии или с лета 1925 г. – Красноярского, Ачинского, Канского, Минусинского и Хакасского округов Сибирского края. Целью исследования является изучение взаимоотношений между советским государством и крестьянством в «лучшие годы нэпа», которые тогда во многом воплощались во взимании и уплате налоговых заданий. Автор показывает, что сутью налоговой политики со стороны государства являлись ежегодные и постоянные переходы от экономических мер к администрированию и репрессированию, а затем с возникновением кризисных явлений – от жесткого прессинга к новому миру в деревне и обратно. Следуя объявленному курсу «лицом к деревне», местные власти стали освобождать бедняцкие хозяйства от уплаты налога. На материалах конкретного региона показано, что местные власти пытались организовать заготовки на коммерческой основе, но каждый раз оказывались не готовыми к этой политике и срывались к привычным внеэкономическим методам отчуждения хлеба. На наглядных примерах показаны существенные различия в управленческом поведении членов сельских советов. Советским службам запрещалось консультировать сельских жителей по вопросам налогового обложения. Другой задачей статьи стало освещение крестьянского поведения. Приведенные факты свидетельствуют, что сельское население было не только законопослушным исполнителем политики государства. Наряду с зажиточными крестьянами представители других слоев сельского населения всеми доступными им способами, которые носили скорее всего не классовую окраску, боролись с возраставшей монополизацией рынка и директивными методами его регулирования.

Ключевые слова: деревня, единый сельскохозяйственный налог, Енисейская губерния, задержка уплаты, коммунисты, крестьяне, налоговые кампании, репрессии, советская власть, крестьянское сопротивление, утаивание объектов, хлеб

Для цитирования: Шекшеев А. П. Налоговые кампании 1924–1927 годов на территории Енисейской Сибири // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 4. С. 145–155. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-145-155

Original article

Tax campaigns of 1924-1927 on the territory of Yenisei Siberia. Part 1. 1924/25

Alexandr P. Sheksheev

Khakass Republican Association of Victims of Political Repression, Abakan, Russia, turan47@yandex.ru

Abstract. The article highlights the collection of a single agricultural tax in the campaigns of 1924/25 or since the summer of 1925 on the territory of the Yenisei province - Krasnoyarsk, Achinsk, Kansk, Minusinsk and Khakass districts of the Siberian Territory. The purpose of the study is to study the relationship between the Soviet State and the peasantry in the “best years of the NEP”, which were then largely embodied in the collection and payment of tax assignments. The author shows that the essence of the tax policy on the part of the state was the annual and constant transitions from economic measures to administration and repression, and then with the emergence of crisis phenomena - from hard pressure to a new world in the village and back. Following the declared course “face to the village”, local authorities began to exempt poor households from paying taxes. Based on the materials of a particular region, it is shown that local authorities tried to organize harvesting on a commercial basis, but each time they were not ready for this policy and broke down to the usual non-economic methods of alienating bread. Illustrative examples show significant differences in the managerial behavior of members of rural village councils. Soviet services were forbidden to advise rural residents on tax issues. Another task of the article was to highlight peasant behavior. These facts show that the rural population was not only a law-abiding executor of state policy. Along with well-to-do peasants, representatives of other strata of the rural population struggled with the increasing monopolization of the market and directive methods of its regulation by all means available to them, which were most likely not class-based.

© Шекшеев А. П., 2022

Keywords: village, unified agricultural tax, Yenisei province, payment delay, communists, peasants, tax campaigns, repression, Soviet power, peasant resistance, concealment of objects, bread

For citation: Sheksheev A. P. (2022) Tax campaigns of 1924-1927 on the territory of Yenisei Siberia. Part 1. 1924/25. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 4. P. 145-155. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-145-155

Советская новая экономическая политика (НЭП), вызвав появление огромного количества публикаций общественно-политического и научного жанра (Очерки истории…, 1970; Гущин, Ильиных, 1987; Ильиных, 1989; Голанд, 1991; Рассел, 1991; Скотт, 1992; Скотт, 1996; Федорова, 2006; Ильиных, 2010; Шекшеев, 2020; Бакшеев, 2020), издание объемных сборников документов (Советская деревня…, 2000), получила значительное освещение и породила множество неоднозначных суждений. Она представлялась то как временное отступление от программного курса на построение социалистического общества, то, наоборот, как истинно верный путь к социализму и как идеальная модель социалистической рыночной экономики, которая была насильственно свернута апологетами тоталитаризма из сталинского лагеря (См.: Россия нэповская, 2002). Сибирскими учеными конца советской эпохи утверждалось, что с переходом к нэпу и ростом регулирующего начала в социально-экономическом развитии деревни главным хозяйственным рычагом стала налоговая политика, которая имела ярко выраженный классовый характер (Крестьянство Сибири в период строительства социализма, 1983. С. 132–133).

Будучи «точным слепком процессов, характеризующих сущность, идеологию и практику новой экономической политики» (Ильин, 1991. С. 116), динамика налогового обложения и взимания представлялась определяющей в судьбах её и на страницах трудов более современных авторов. Во время нэпа советская власть, как считают ученые, путем использования эмиссии, налогов и цен балансировала на грани войны и мира с деревней, а все попытки правящей партии вернуть свое руководящее положение в экономике оборачивались возникновением нового кризиса (Россия нэповская, 2002). Советские историки писали об усложнении классовой борьбы, обретении ею опасных форм в экономике (Историография крестьянства советской Сибири, 1976. С. 137), а современные – свидетельствовали, напротив, об ослаблении противостояния государства и деревни (Ильиных, 1994. С. 169). В Сибири, по мнению одного из них, упрочившийся гражданский мир сменился новым обострением отношений между ними в основном под воздействием хлебозаготовительных кризисов 1924/25, 1925/26 и 1926/27 гг. (Ильиных, 1990. С. 93; Ильиных, 2005. С. 271; Ильиных, 2010. С. 13). Согласно высказыванию историка, сложность ситуации осуществления индустриализации в аграрной стране состояла в том, что коммунисты могли провести её только в борьбе с крестьянством и одновременно при опоре на него (Сталинизм и крестьянство, 2014. С. 346, 370).

Разобраться в этом сгустке знаний, продолжив начатое исследование налоговых кампаний периода нэпа (Шекшеев, 2020; Шекшеев, 2021), и тем самым выявить обусловленность кризисов, характер и масштабы крестьянского протестного поведения на основе фактического материала конкретного региона и является целью данной публикации.

Возникшие в результате продовольственных изъятий трудности и опасности для советской власти заставили её пойти на уступки крестьянству. Обнажив противоречия развития нэповской экономики, образовавшийся в 1923 г. «кризис сбыта» проявился в товарном голоде и, одновременно, в снижении покупательной способности деревни. Государство начало «овладение рынком» с мер, снижающих цены промышленных товаров и подменяющих еще не развившиеся рыночные отношения бюрократическими подпорками. Вместе с тем существенным образом изменились структуры и силы, должные проводить продовольственные заготовки, например, в Енисейской губернии. Введенный вместо множества взысканий, единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН) мог вноситься деньгами, частично продуктами, а с начала 1924 г. – только в денежной форме.

Реорганизация налогового механизма способствовала росту поступления продовольствия и сельскохозяйственного производства. К лету 1924 г. в губернии было засеяно земли на 14 % больше по

сравнению с предшествующим годом. Соответственно с этим увеличился сбор зерна, а вместе с расширением сенокосных площадей – и поголовья скота (Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 105. Л. 236; Д. 139. Л. 45, 67).

30 апреля 1924 г. ВЦИК и СНК РСФСР утвердили «Положение об едином сельскохозяйственном налоге» на 1924/25 г., которое, отменив волостные и сельские сборы, сделало ЕСХН для сельского населения единственным налогом. Он исчислялся и взимался не только силами государства, но и созданными еще ранее заготовительными организациями «Хлебопродукт», «Сокредит», «Губсоюз» и др. Реорганизации подверглось руководство централизованными государственными заготовками: в мае того же года оно было возложено на созданный Наркомат внутренней торговли (НКВТ) СССР, в Сибири – на Сибкрайвнутторг и его местные органы. На состоявшемся в том же месяце XIII съезде РКП(б) начала разрабатываться принципиально новая политика по отношению к деревне, которая учитывала стремление крестьян к открытому использованию доходов на расширение своего хозяйствования.

Следуя объявленному курсу «лицом к деревне», местные власти стали освобождать бедняцкие хозяйства от уплаты налога, предоставлять им безвозвратные ссуды и оказывать всяческую помощь. Начавшая проводиться политика «оживления советов» должна была создать обстановку, благоприятствующую сбору налога.

Вместе с тем установившаяся летом 1924 г. жаркая погода привела к недороду хлебов и резкому снижению заготовительных цен, парализовавших государственные заготовки в ряде районов европейской части страны. Власти были вынуждены увеличить налоговые задания для сибирских регионов. Другой причиной этого возрастания явилась, по мнению местного историка, попытка советского правительства предпринять, несмотря на уроки кризиса 1923 г., ускорение темпов индустриализации (Карлов, 2009. С. 16)[1].

Сельское население Енисейской губернии, отнесенной к территориям пятого разряда ЕСХН, в 1924/25 г. должно было собрать 4 млн 60 тыс. рублей, тогда как в предшествующую кампанию взысканный налог вместе с эмиссионными расходами составлял 4 млн 492 тыс. рублей. Против прошлого года твердое налоговое задание на единицу обложения сократилось на 20,7 % (Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 619. Л. 118; Д. 621. Л. 12; Д. 867. Л. 2). Но по сравнению с другими сибирскими регионами губерния, по признанию самих управленцев, оказалась «переобложенной» налогом (Государственное казенное учреждение Республики Хакасии «Национальный архив» (ГКУ РХ «НА»). Ф. П-14. Оп. 1. Д. 18. Л. 5, 7).

Советским службам запрещалось консультировать сельских жителей по вопросам налогового обложения. Отчасти поэтому, когда выяснилось, что падение урожайности придется компенсировать сибирским крестьянам, радикальные настроения среди них, не забывших методы взимания разверстки и ценовую политику государства, стали нарастать. Высокое обложение налогом вызвало знакомое явление, которое ученые характеризовали как защитную реакцию на прямое изъятие продукции, форму молчаливого и согласованного действия множества крестьян, несогласных не столько с самим фактом изъятия произведенного ими продовольствия, сколько с несправедливым способом его взыскания и присвоения (Скотт, 1996. С. 34, 36). Прежде всего, оно выразилось в массовой утайке посевов и скота, которая происходила по решению сельской общественности и зачастую по инициативе советских служащих. Так, созванный 19 июня 1924 г. членом сельсовета М. Ермаковым сход жителей д. Новгородская Канского уезда проголосовал за сокрытие четверти всех посевов. С прибытием финансового инспектора Рубина, предложившего крестьянам добровольно выдать незаявленные посевы, участники нового схода, сначала кричавшие ему «Иди и измеряй!», в конечном итоге проголосовали за обложение налогом без обмера 300 десятин посева. 4 июля была избрана ревизионная комиссия, которая выявила у отдельных жителей утаенные 127 десятин и 38 животных. Выехавшая на место сессия губернского суда в открывшемся 1 сентября заседании рассмотрела дело 53 граждан, так и не при-

[1] Карлов С. А. Трансформация крестьянских хозяйств Восточной Сибири в годы нэпа (1921–1929 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Красноярск, 2009. 22 с.

знавших свою вину. Объявленные прокурором «врагами советской власти», девять «руководителей» этого саботажа раскаялись лишь в последнем слове. 4 сентября суд оправдал 10 обвиняемых и приговорил Ермакова и более 40 крестьян к двум и менее годам сначала строгой изоляции, а затем условного заключения (Крестьянская газета (Красноярск). 1924. 30 августа, 24 сентября).

Ознакомившись с положением об ЕСХН, сход жителей с. Тюхтет Ачинского уезда встретил предложение председателя сельсовета о создании комиссии по учету посевов из бедняков и коммунистов молчанием, а потом избрал в неё «кулаков». Осуществленная запись посевов показала, что все крестьяне, независимо от их имущественного ценза, засеяли одинаковое количество земли и должны были платить одну и ту же сумму налога. Беднота таким решением схода осталась недовольной. За сокрытие объектов агитировали «кулаки» и в с. Шарыпово.

С участием всех жителей происходило сокрытие в селениях Бузуново, Сорокино, Ново-Покровка и Креславка Минусинского уезда. В июле здесь были выявлены 228 десятин скрытой пашни, 50 коров и 60 лошадей, не внесенных в налоговый список. Вблизи с. Нижний Суэтук и Верхний Кебеж обнаруженными оказались более 26 десятин земли неизвестной принадлежности. Командированный для выявления объектов обложения в д. Мурино фининспектор Чураков был тяжело ранен. Против выявления объектов выступал и сельский совет в д. Ново-Троицкая.

Напротив, инициативным в выявлении оказался сельсовет с. Абаканского. Установив по личным заявлениям граждан запашку более 500 десятин, созданная им комиссия провела обмеры в одном из урочищ и обнаружила «бесхозные» площади. Сознавшийся в утайке крестьянин выдал такого же укрывателя, а тот – еще одного, и началась массовая выдача, завершившаяся выявлением 300 десятин пашни (Власть труда (Минусинск). 1924. 19 июля, 1, 3, 5 августа; ГАКК. Ф. Р-49. Оп. 2 с. Д. 130. Л. 113; Ф. П-1. Оп. 1. Д. 750. Л. 85).

Утаивание крестьянами до половины всех объектов обложения наблюдалось в с. Зеледеево и Емельяново Красноярского уезда. В связи с сокрытием в с. Сергеево, Тертеж, Тускун и Тизгино заявленная крестьянами посевная площадь уменьшилась на 20 % (ГАКК. Ф. Р-49. Оп. 2 с. Д. 130. Л. 107).

В целом по Ачинскому, Канскому, Минусинскому и Красноярскому уездам к осени 1924 г. за саботаж налогового обложения к уголовной ответственности были привлечены 133 налогоплательщика и 28 лиц сельской администрации (Крестьянская газета (Красноярск). 1924. 30 августа).

Попытка «открытого сопротивления» выявлению имела место в д. Уты только что образованного Хакасского уезда. Виновные в ней председатель и секретарь сельсовета были отданы под суд. В комиссию по ревизии объектов обложения в с. Тесь был избран И. Ваулин, заявивший: «Советская власть нам не только дала свободу, но и последнюю шкуру сдирает с нас». С его отстранением членами комиссии – бедняками и середняками были выявлены 120 десятин скрытой пашни. Авторитетный среди населения житель с. Синявино М. Богданов агитировал его к утаиванию, что вылилось в неподчинение некоторых крестьян требованиям властей. Сорвав работу комиссии по выявлению, секретарь Усть-Бирьского сельсовета Китаев послал в районный исполнительный комитет (РИК) сведения о наличии в деревне объектов, которые там были признаны далекими от полноты. Заметной являлась агитация против выявления в с. Таштып, Чиланы и Монок. Но вскоре с приездом уполномоченных уездного ревкома беднота повсеместно «осознала» свое ошибочное поведение и стала выдавать утаенные «кулаками» объекты (ГАКК. Ф. Р-49. Оп. 2 с. Д. 130. Л. 91, 107; Ф. П-1. Оп. 1. Д. 750. Л. 110; ГКУ РХ «НА». Ф. П-14. Оп. 1. Д. 20. Л. 25, 30).

Затяжной в этом же уезде оказалась выплата населением недоимок по налогу и семенной ссуде. В Чарковском районе недоимки были неправильно зачислены в волостной фонд еще создающегося нового административно-территориального образования. Из-за смешанных хозяйственных занятий инородцев Енисейский губернский исполком (ГИК) решил взимать с них ЕСХН по площади посева, сенокоса и поголовью животных. Но индивидуального подхода не получилось, что позволило части зажиточного населения уйти от обложения и вызвало недовольство у соседей – русских крестьян, которым было отказано в сложении налога. Население Боградского района обжаловало деятельность уполномо-

ченных РИКа у прокурора, который прекратил взыскание налога до завершения разбора дела. В результате получился недобор ЕСХН, часть его перешла в разряд недоимок (ГКУ РХ «НА».Ф. П-14. Оп. 1. Д. 20. Л. 26, 30, 68).

Сокрытые большие посевные площади были выявлены при сентябрьской проверке в селениях Уярского района Красноярского уезда. В с. Каптырево Минусинского уезда власти нашли утаенный участок пашни, хозяин которого объяснял свое поведение отсутствием денег на оплату обучения родственника. Спрятанными в с. Иудино оказались до половины объектов налогового обложения (Крестьянская газета (Красноярск). 1924. 24 сентября; Власть труда (Минусинск). 1924. 1 октября; ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 750. Л. 94).

Зачастую, вследствие того что «кулацкие» посевы, разбросанные в общих деревенских наделах или на заимках, было трудно выявить, налогом облагали всю обнаруженную посевную площадь независимо от имущественного ценза её хозяев. Налоговому аппарату оказалось не по силам организовать учет доходов крестьян от отходничества, нелегальных сделок при аренде-найме средств производства и ростовщических операциях. Заготовки хлеба предполагалось вести силами развернутой сети государственных и кооперативных структур, а также привлеченных различных внеплановых организаций потребляющих районов и частных заготовителей.

Налог начал взиматься с 1 октября 1924 г. В связи с недостатками в деятельности заготовительных организаций и позицией крестьянства, ожидавшего повышения закупочных цен, поступление его было медленным. С ростом посевных площадей на 10 %, что произошло в наиболее хлебопроизводящем Минусинском уезде, соответственно увеличилось и налоговое обложение его населения. Но вследствие того, что от засухи здесь погибли некоторые посевы, часть налогового бремени с крестьян была сложена (Власть труда (Минусинск). 1924. 8 августа, 12, 23 ноября).

Нужда в деньгах после летнего периода у населения была большой, а время для реализации технических культур и продуктов животноводства еще не наступило. Как всегда, крестьяне сначала повезли на рынок домашние овощи и птицу и лишь с установлением хороших дорог – хлеб. Следуя логике стоимости, крепкие хозяева выбрасывали на рынок мясо и живой скот, но придерживали пшеницу. Беднота же, не имея продуктов к уплате налога, была вынуждена продавать хлеб по дешевке. Наблюдалось его массовое предложение со стороны производителей по сниженным ценам, что, по их мнению, являлось «несправедливым». В связи с этим порой происходили, например, в Ачинском уезде сокращение посевов (ГАКК. Ф. Р-49. Оп. 2 с. Д. 130. Л. 159) и задержка реализации хлеба.

В Канском уезде мужики высказывались о нанесенной им «обиде»: они «не против налога, а против неправильных разрядов», что дает власть. Когда они, пострадав от неурожая, посетили в Канске РИК, где доказывали служащим свою «беду», те «топали на них ногами». На общем сходе в с. Курай крестьяне выступили против раскладки налога самими плательщиками, которые будут решать этот вопрос «по сватовству, кумовству и пьяной лавочке». Заявив, что наложение налога центром будет «правильней», они в то же время советовали властям не освобождать бедноту от налога, а давать всем крестьянам «одинаковую скидку» (ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 29. Л. 25).

Напротив, некоторые крестьяне, почувствовав поддержку властей, старались быстрее рассчитаться с государством. К примеру, житель д. Тахтамай Канского уезда Пастухов, не дожидаясь получения окладного листа, полностью оплатил налог (Крестьянская газета (Красноярск). 1924. 23 ноября).

Большое количество заготовителей породило между ними скрытую конкуренцию, снижение лимитов и закупку хлеба, некондиционного по натуре и влажности. Из-за разницы в ценах на хлебопродукты некоторые крестьяне Ирбейского района Канского уезда предпочли сдавать хлеб в городе. «Хлебопродукт» создавал специальные крестьянские артели, деятельность которых практически прекратила приток хлеба на государственные ссыпные пункты, но увеличила его поступление в закрома самого треста (ГАНО. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 160. Л. 55).

«Наехавшие спекулянты» скупали в селах Минусинского уезда скот, кожи и масло, а на Абаканском базаре – пшеницу, которую по низкой цене перерабатывали на Баландинской мельнице в сеянку. Продукты, подвозимые к Сорокинской пристани, плотами и пароходами отправлялись в Красноярск,

где торговцы от их продажи получали большие барыши (Власть труда (Минусинск). 1924. 17 октября). В результате государственные заготовки в уезде к 22 ноября были выполнены лишь на 16,3 % (ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 90. Л. 1).

Сбор семенной ссуды из-за инертности аппаратчиков начался в губернии поздно и вследствие отсутствия в деревне достаточного количества денежных знаков осуществлялся натурой. Лишь 5 декабря 1924 г. Сибирский революционный комитет (Сибревком) признал обоснованность и осуществление этой акции подобным образом законными (ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 195. Л. 1–2).

Главными виновниками неудовлетворительного состояния дел на хлебном рынке признавались продовольственные работники и частные заготовители. К декабрю 1924 г. губерния отгрузила для центра лишь 200 вагонов с хлебом. Причем, только четыре из них принадлежали «частникам», которые запоздалой подачей заявок на вагоны заставляли крестьян ожидать приема хлеба или возвращаться с ним обратно. Зачастую хлеб в вагонах начинал гореть (ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 100. Л. 246).

Деятельность заготовителей, которые выезжали на тракт, встречая обозы и обещая крестьянам «всяческие блага» за проданный им хлеб, по мнению руководства Канского уезда, «развратила» даже бедняцкое, переселенческое население, в прошлом партизанившее и занимавшее первое место по выполнению заданий центра. В отсутствие «бедности, содействующей сплочению населения вокруг советов», сетовали местные партийцы, возникло новое «расслоение» общества, отвлекавшее низовой аппарат на борьбу с зажиточным крестьянством. Осуществляя её, управленцы, к примеру, отказали предприимчивым лицам, создавшим якобы для своей наживы артель по электроснабжению деревни, в просьбе с целью получения электротоваров отправить 10 вагонов хлеба в Харбин (Маньчжурия). Одновременно руководство сообщало о «громадном» спросе населения на «культурное» развитие сельского хозяйства, которое оно при наличии семи агрономов в уезде удовлетворить было не в состоянии (ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 251. Л. 122, 124, 142).

Проведя разъяснительную работу среди заготовителей, власти привычно применили давление на крестьян. За октябрь – ноябрь 1924 г. в губернии было составлено более 600 описей имущества неплательщиков, а в 37 случаях его продали с торгов. Имело место и привлечение виновных к судебной ответственности, причем, скорее казусного характера. Например, в Идринском районе Минусинского уезда властями при взимании ЕСНХ была проявлена административная «ретивость», выражавшаяся в том, что выездная сессия приговорила гражданина за неуплату 27 копеек к шести годам условного заключения (ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1326. Л. 49; ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 868. Л. 27).

При этом с целью усиления взыскания налога минусинские коммунисты усилили агитацию. Ответственные лица в течение ноября дважды посетили каждый район. ЕСХН выплачивался налогоплательщиками лучше, чем в предшествующем году: кассы работали с перегрузкой, судебных исков не наблюдалось, а поступление налога превысило норму (ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 90. Л. 1).

Взимание налога осуществлялось одновременно с мерами, дублирующими решения центральных руководящих органов и направленными на облегчение положения крестьянства. Так, 10 октября 1924 г. ГИКом было принято обязательное постановление об единовременном налоге на нужды населения, пострадавшего от неурожая. 24 октября последовал его приказ об оказании помощи маломощным животноводческим хозяйствам путем полного освобождения их от уплаты ЕСХН. Ставки налога на скотоводческие хозяйства, имевшие свыше пяти животных, были уменьшены на 15 %. Предоставлялись налоговые льготы и лицам, которые занимались улучшением породности скота. В то же время, согласно постановлению ГИКа от 14 ноября 1924 г., особым сбором, поступавшим в сельсоветы для покрытия расходов по охране общественного порядка или на благоустройство сел, облагались «лишенцы» и все лица, живущие наемным трудом (ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1241 а. Л. 108, 162, 172).

Власти в декабре 1924 г. повысили лимит на поставляемую крестьянами пшеницу и установили льготы для тех, кто доставлял её на ссыпные пункты издалека (ГАНО. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 160. Л. 84). Убедившись в стабильности цен, середняки и бедняки повезли остатки хлеба в счет уплаты ЕСХН. Следствием этого стало перевыполнение месячного заготовительного плана. До 1 января 1925 г. у крестьян

было закуплено 4152,5 тыс. пудов хлебопродуктов, из которых декабрьские заготовки составляли 72 % (Ильиных, 1989. С. 142). В целом по Сибири задание первых месяцев этой налоговой кампании не было выполнено, но показатели закупок продовольствия в Енисейской губернии являлись более высокими и составляли 58 % от плана (Ильиных, 2005. С. 112; ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 867. Л. 2).

В правящих кругах зрело мнение о том, что единственным способом спасения центральных районов от недостатка продовольствия могла стать либерализация хлебного рынка. Однако в Сибири власти предпочитали решать заготовительные дела методами администрирования, вызывавшими недовольство крестьян. Деревня роптала против взимания недоимок, которые превышали объем ЕСХН, а жители одного из сел Каратузского района в декабре 1924 г. направили телеграмму М. И. Калинину, в которой возмущались применением к ним репрессий (ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 859. Л. 17).

Начиная с января 1925 г. продовольственные заготовки в Енисейской губернии осуществлялись путем наложения на население все новых заданий. Региону предлагалось заготовить 5,5, затем 2 млн пудов хлеба (ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 841. Л. 3). Продовольственные органы, получив санкцию политического руководства губернии, приступили к изъятию хлеба из деревни «подчистую» (ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 688. Л. 11). Упрекаемая зажиточными соседями в отсутствии пользы государству беднота в их глазах являлась «лодырями» и испытывала, по наблюдению очевидцев, поведенческую «робость». Наиболее активными в общественной и экономической жизни деревни стали середняки. Задавая тон на сходах, они держались независимо как перед властями, так и «кулачеством». Как правило, эта категория крестьян выражала недовольство тяжестью налога, якобы не стимулировавшего развития их хозяйств. На самом деле такие настроения середняков, поддерживавших интересы своих немногочисленных более зажиточных односельчан, не соответствовали действительности. Хлебных излишков в губернии оказалось в два раза больше предполагаемого объема (ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 506. Л. 14; ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 446. Л. 11).

Направленные в некоторые местности губернии с целью выявления политической обстановки комиссии были встречены «выжидательно-недоверчивым» отношением населения, которое вскоре сменилось откровениями крестьян. Заслушивая их, находившаяся в Абаканском районе Минусинского уезда комиссия во главе с краевым прокурором П. Г. Алимовым выявила множество перегибов и негативных последствий выполнения налоговой политики. Крестьянство было недовольно сроками взимания ЕСХН, неправильным, по его мнению, определением объема по скоту и разрядам урожайности, когда льготы получали сильные хозяйства, а у слабых – описывали последнюю лошадь, излишними налогами, что возлагались на мельников и кустарей, которые тут же прекращали нужную для деревни работу, а также досрочным описанием имущества неплательщиков. Выяснилось, что в районе дополнительно к ЕСХН с крестьян брали налоги на содержание сельсоветов, школ, детских садов, выписку газет и организацию гоньбы. Недоимки в ряде деревень восполнялись, например, заготовкой дров для советских учреждений (ГКУ РХ «НА». Ф. П-14. Оп. 1. Д. 18. Л. 9, 17).

Наблюдавший положение и настроения крестьян в одном из районов Канского уезда, председатель еще одной комиссии А. М. Тамарин на заседании бюро Енисейского губернского комитета (ГК) РКП(б) 12 февраля 1925 г. доложил, что нынешний налог оказался для деревни более тяжелым. «Налоговая политика революционизировала деревню», но необходимость её проведения «осознана крестьянами», – заключил он свое сообщение (ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 882. Л. 33).

Стимулируя заготовки продовольствия, НКВТ в феврале 1925 г. санкционировал значительное повышение закупочных цен в Сибири. Многие бедняки, продав хлеб заготовительным организациям, чтобы прокормиться, были вынуждены покупать его у «кулаков», но уже по дорогой цене. Дождавшись данного решения, одобренного высшим партийным руководством страны, зажиточные крестьяне активно повезли хлеб на заготовительные пункты. Выдержав налоговый нажим и сохранив его, они могли теперь получать доход от продажи и стали исправными плательщиками налога (ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 506. Л. 14; ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 446. Л. 11).

В условиях хлебного избытка некоторые из таких крестьяне проявляли хозяйственную инициативу. Так, по предложению братьев Волковых более 140 жителей д. Малая Уря Канского уезда объединились в маслодельную артель, которая произвела и отправила в Иркутск 50 вагонов продуктов (ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 859. Л. 30). В с. Усть-Есь Хакасского уезда заготовки хлеба и сырья перешли в руки братьев П. и А. Чудогашевых. При этом один из них являлся хозяином кожевенного завода и был лишен избирательного права (ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 859. Л. 180).

Однако в силу немногочисленности зажиточного крестьянства задание по уплате налога выполнялось слабо и вскоре потребовало нового нажима со стороны властей. Запугивая население Шиткинского района Канского уезда конфискацией хлеба и привлечением к суду ревтрибунала, грубым отношением к нему отметился коммунист и уполномоченный уездного исполкома Малыгин. Напуганные угрозой конфискации имущества за неуплату налога, некоторые жители д. Талая, Енисейка и Сохатая начали распродавать имущество за бесценок (ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 859. Л. 6). На территории этого уезда наказанию за саботаж уплаты ЕСХН подверглись 355 крестьян, в т. ч. штрафу –172, описи имущества – 163 и судебной ответственности – трое (ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 859. Л. 14). В целом за время кампании опись имущества здесь применили к 700 хозяйствам, но продали его лишь у двух. Как только власти объявляли об описании, крестьяне тут же находили деньги для уплаты задолженности (ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 251. Л. 122).

Напротив, в Минусинском уезде, где налоговое задание к апрелю было выполнено на 104–105 %, репрессии применялись в незначительных масштабах и в основном через наложение штрафов (ГКУ РХ «НА». Ф. П-14. Оп. 1. Д. 5. Л. 200; ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 752. Л. 34). При этом имел место случай, когда Курагинский сельсовет уклонился от проведения судебного приговора о взыскании денег с неплательщика путем осуществления описи его имущества (ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 859. Л. 68).

В конце февраля 1925 г. полностью ЕСХН был собран в Хакасском уезде. Однако власти, используя две системы налогового обложения – по посеву и скоту, решили дополнительно собрать здесь с 7089 хозяйств, занимающихся земледелием, 173,5 тыс. рублей и с 7730 семей скотоводов – 209,3 тыс. рублей. При этом 5,8 тыс. десятин посева, осуществленного последними, остались неучтенными. В уезде были освобождены от уплаты налога более 3,6 тыс. бедняцких хозяйств, а 4,5 тыс. – получили льготы. С таким подходом лиц, сопротивлявшихся уплате налога, здесь было немного: имели место лишь три случая торга имуществом «злостных» неплательщиков (ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 903. Л. 41, 57).

Между тем кое-где крестьяне, отвечая на новый натиск властей, пытались сопротивляться их инициативам. Так, «кулаки» с. Малое Ильинское Ачинского уезда отказались от пожертвований продуктами в пользу ленинградских рабочих, а беднота собрала для них лишь 14 пудов хлеба (ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 859. Л. 4). Крестьяне вновь обратились к сокрытию объектов налогового обложения, которое в первой половине 1925 г. в некоторых местностях стало массовым. Так, повышением его отметились жители Покояковского, Чарковского и Уйбатского улусов Хакасского уезда. Утаенные 200 десятин посева были обнаружены в с. Ильинском Ачинского уезда. Когда же РИК предложил сельсовету разложить их для уплаты налога на все население, то собравшийся сход решил предоставить эту выплату одной бедноте. Во время апрельского переучета лошадей обнаружилось, что в Бирилюсском и Большe-Улуйском районах были спрятаны 3,6 тыс. голов (ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 859. Л. 4; Ф. Р-49. Оп. 2 с. Д. 130. Л. 91; Д. 143. Л. 114; ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 19. Л. 67).

Нездоровую обстановку в деревне создавали и финансовые работники, быстро осознавшие свою бюрократическую вседозволенность. Так, обострение отношений с «господами коммунистами» случилось у крестьянина И. Филиппенко из Енисейского района. Узнав, что последний срок уплаты истекает 25 марта, он со слезами рассказывал на сходе, что в прошлом году, несмотря на хлопоты в госстрахе, с него стребовали налог с площади погибшего урожая, а ныне – за якобы сохранившийся долг привлекли к судебной ответственности. Уплатив с вновь полученного зерна ЕСХН, крестьянин отказался рассчитываться за недоимку. «Пусть берут, – заявил он, – мы хоть посмотрим, кто нами правит» (ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 859. Л. 82).

В результате хлебозаготовительное задание в Енисейской губернии было выполнено к 7 января 1925 г. на 59,4, к 7 февраля – на 75,9, к 15 марта – на 91,5 и к 15 апреля – на 98,1 % (ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 446. Л. 3). Январское 1925 г. задание заготовить 8 млн пудов хлеба было перевыполнено. К 7 января 1925 г. от крестьян было получено 2414,2, к 7 февраля – 3084,5, к 15 марта – 3716,2, а к 1 апреля – 9567,8 тыс. пудов ЕСХН (ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 841. Л. 3; Д. 905. Л. 32). На 1мая 1925 г. заготовители собрали в регионе 11,2 млн пудов хлеба и выполнили план его централизованного закупа на 135,5 % (Ильиных, 2005. С. 112, 123; Ильиных, 2010. С. 63).

Однако вскоре местные власти вернулись к директивному образованию закупочных цен и сохранению прежних лимитов на хлеб. На вопросы крестьян, будут ли власти доплачивать им за сданный хлеб по низкой цене, тогда как цены на него повысились вдвое, фракция коммунистов в Енисейском ГИКе сочла возможным заявить, что такое может разрешить только центр, а они в данном случае выступают лишь исполнителем приказов и телеграмм, например, самого И. В. Сталина (ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 752. Л. 34).

Список источников

Бакшеев А. И. НЭП в Сибири. Атмосфера и логика войны. Красноярск : Красноярский государственный медицинский университет, 2020. 145 с.

Голанд Ю. Кризисы, разрушившие НЭП. М. : Международный НИИ проблем управления, 1991. 95 с.

Гущин Н. Я., Ильиных В. А. Классовая борьба в сибирской деревне, 1920-е – середина 1930-х гг. Новосибирск : Наука, 1987. 336 с.

Ильин Ю. А. Налогообложение сельского населения в годы нэпа // Россия нэповская: политика, экономика, культура : тез. Всесоюз. науч. конф. (25–27 июня 1991 г.). Новосибирск, 1991. С. 115–117.

Ильиных В. А. Хлебозаготовки середины 1920-х гг. в енисейской деревне // Исторический опыт освоения Сибири : сб. материалов по итогам науч.-практ. конф. Красноярск, 1989. С. 142–145.

Ильиных В. А. Соотношение форм классовой борьбы в сибирской деревне в условиях нэпа (1924–1927 гг.) // Актуальные проблемы истории советской Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-е, 1990. С. 92–107.

Ильиных В. А. Государственное регулирование заготовительного хлебного рынка в условиях НЭПа (1921–1927 гг.) // НЭП: приобретения и потери : сб. стат. М.: Наука, 1994. С. 164–175.

Ильиных В. А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях НЭПа, (1921–1928 гг.). Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2005. 284 с.

Ильиных В. А. Хроники хлебного фронта. Заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. 343 с.

References

Baksheev A. I. (2020) NEP in Siberia. The atmosphere and logic of war. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Medical University. 145 p. (In Russ.).

Goland Yu. (1991) Crises that destroyed the NEP. Moscow: International Research Institute for Management Problems. 95 p. (In Russ.).

Gushchin N. Ya., Ilyinykh V. A. (1987) Class struggle in the Siberian village, 1920s - mid-1930s. Novosibirsk: Nauka. 336 p. (In Russ.).

Il'in Yu. A. (1991) Taxation of rural population in the years of NEP. *Rossiya nepovskaya: politika, ekonomika, kul'tura: tez. Vsesoyuz. nauch. konf. (25–27 iyunya 1991 g.) = NEP's Russia: politics, economics, culture. Proceedings of All-Union Scientific Conference (June 25-27, 1991).* Novosibirsk. P. 115-117. (In Russ.).

Il'inykh V. A. (1989) Grain procurements of the mid-1920s in the Yenisei village. *Istoricheskii opyt osvoeniya Sibiri: sb. materialov po itogam nauch.-prakt. konf. = Historical experience of the development of Siberia. Proceedings of Scientific and Practical Conference.* Krasnoyarsk. P. 142-145. (In Russ.).

Il'inykh V. A. (1990) Correlation of forms of class struggle in the Siberian village in the conditions of the NEP (1924-1927). *Aktual'nye problemy istorii sovetskoi Sibiri: sb. nauch. tr. = Actual problems of the history of Soviet Siberia: collection of scientific tr.* Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-e. P. 92-107. (In Russ.).

Il'inykh V. A. (1994) State regulation of the procurement grain market in the conditions of the NEP (1921-1927). *NEP: priobreteniya i poteri: sb. stat. = NEP: acquisitions and losses.* Moscow: Nauka. P. 164-175. (In Russ.).

Il'inykh V. A. (2005) State regulation of the agricultural market of Siberia in the conditions of the NEP, (1921-1928). Novosibirsk: Publishing House of SB RAS. 284 p. (In Russ.).

Il'inykh V. A. (2010) Chronicles of the Grain Front. Procurement campaigns of the late 1920s in Siberia. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); Foundation "Presidential Center of B. N. Yeltsin". 343 p. (In Russ.).

Историография крестьянства советской Сибири / В. Т. Анисков, Л. И. Боженко, Н. Я. Гущин, В. А. Зибарев, С. Ф. Орлянский, В. И. Шишкин и др. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-е, 1976. 478 с.

Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск : Наука. Сиб. отд-е, 1983. 390 с.

Очерки истории Красноярской партийной организации. Т. II. Героическая борьба за построение социализма и постепенный переход к коммунизму (с 1921 по 1969 годы) / М. Р. Акулов, В. З. Аношин, А. Л. Артеменко и др. Красноярск : Кн. изд-во, 1970. 390 с.

Рассел Б. Практика и теория большевизма. М. : Наука, 1991. 123 с.

Россия нэповская / С. А. Павлюченков и др. М. : Новый хронограф, 2002. 468 с. URL: https://bookscafe.net /read/pavlyuchenkov_sergey-rossiya_nepovskaya-201200.html#p50 (дата обращения 30 сентября 2022 г.).

Скотт Джеймс. Моральная экономика крестьянства как этика выживания // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире: Хрестоматия / сост. Т. Шанин. М.: Изд. группа «Прогресс» «Прогресс - Академия», 1992. С. 202–210.

Скотт Джеймс. Оружие слабых: обыденные формы сопротивления крестьян (1985) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: Ежегодник, 1996. М. : Аспект-Пресс, 1996. С. 26–59.

Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 2. 1923–1929. М. : РОССПЭН, 2000. 1168 с.

Сталинизм и крестьянство: сборник научных статей и материалов круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» / под ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разина. М. : Изд-во Ипполитова, 2014. 765 с.

Федорова М. И. Активные формы крестьянского сопротивления реформам «сверху» – опыт XX в. // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (30–31 марта 2006 г.). Омск, 2006. Ч. 2. С. 232–236.

Шекшеев А. П. Кампании по взиманию натурального налога в Енисейской губернии начала 1920-х годов // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2020. № 4 (34). С. 37–54.

Шекшеев А. П. Первая кампания по взиманию налога в Енисейской губернии (1921/22 г.) // Мартьяновские краеведческие чтения (2020–2021 гг.): сб. докл. и сообщ. конференции, Минусинск, 10–11 декабря 2021 г. Вып. XIV. Минусинск : ООО «Издательские решения», 2021. С. 255–266.

Aniskov V. T. (1976) Historiography of the peasantry of Soviet Siberia. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-e. 478 p. (In Russ.).

(1983) The peasantry of Siberia during the construction of socialism (1917-1937). Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-e. 390 p. (In Russ.).

Akulov M. R. (1970) Essays on the History of the Krasnoyarsk Party Organization. Vol. II. The heroic struggle for the construction of socialism and the gradual transition to communism (from 1921 to 1969). Krasnoyarsk: Publishing house. 390 p. (In Russ.).

Russel B. (1991) The practice and theory of Bolshevism. Moscow: Nauka, 123 p. (In Russ.).

Pavlyuchenkov S. A. (2002) Nep's Russia. Moscow: New chronograph. 468 p. (In Russ.) Available from: https://bookscafe.net/read/pavlyuchenkov_sergey-rossiya_nepovskaya-201200.html#p50 (accessed September 30, 2022).

Skott Dzheims (1992) The Moral economy of the peasantry as the ethics of survival. The great stranger. Peasants and farmers in the modern world: A Textbook. Moscow: Publishing house of the Progress Group "Progress - Academy". P. 202-210. (In Russ.).

Skott Dzheims (1996) Weapons of the Weak: Everyday forms of peasant resistance (1985). *Krest'yanovedenie. Teoriya. Istoriya. Sovremennost': Ezhegodnik, 1996 = Peasantry studies. Theory. History. Modernity: Yearbook, 1996.* Moscow: Aspekt-Press. P. 26-59. (In Russ.).

(2000) The Soviet village through the eyes of the CHEKA-OGPU-NKVD. 1918-1939. In 4 vol. Vol. 2. 1923-1929. Moscow: ROSSPEN. 1168 p. (In Russ.).

Marchenya P. P., Razin S. Y. (2014) Stalinism and the peasantry: a collection of scientific articles and materials of round tables and meetings of the theoretical seminar "The Peasant question in national and world history". Moscow: Ippolitov Publishing House. 765 p. (In Russ.).

Fedorova M. I. (2006) Active forms of peasant resistance to reforms "from above" - the experience of the XX century. *Sibirskaya derevnya: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya: Mat-ly VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (30–31 marta 2006 g.) = Siberian village: history, current state, prospects of development. Materials of the VI International Scientific and Practical Conference (March 30-31, 2006).* Omsk. Pt. 2. P. 232-236. (In Russ.).

Sheksheev A. P. (2020) Campaigns for the collection of natural taxes in the Yenisei province of the early 1920s. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova = Bulletin of the Khakass State University named after N. F. Katanov.* No. 4 (34). P. 37-54. (In Russ.).

Sheksheev A. P. (2021) The first campaign for tax collection in the Yenisei province (1921/22). *Mart'yanovskie kraevedcheskie chteniya (2020–2021 gg.): Sb. dokl. i soobshch. Konferentsii, Minusinsk, 10–11 dekabrya 2021 g. = Martianovsky Local History Readings. Collection of documents and reports. (2020 - 2021).* Minusinsk: OOO "Izdatel'skie resheniya". Iss. XIV. P. 255-266. (In Russ.).

Информация об авторе

А. П. Шекшеев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, член правления,
Хакасская республиканская Ассоциация жертв политических репрессий,
655017, Абакан, ул. Щетинкина, 59–49, Россия.

Вклад автора

Шекшеев А. П. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 12 октября 2022 г.; одобрена после рецензирования 18 ноября 2022 г.; принята к публикации 5 декабря 2022 г.

Information about the author

A. P. Sheksheev - Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Member of the Board,
Khakass Republican Association of Victims of Political Repression,
59-49, Shchetinkina street, Abakan 655017, Russia.

Contribution of the author

SheksheevA. P. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted October 12, 2022; approved after reviewing November 18, 2022; accepted for publication December 5, 2022.

Научная статья
УДК 94(571.5)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-156-165

Участие общества «Друг детей» в преодолении детской беспризорности в 1920–1930-е гг. (по материалам Восточной Сибири)

Елена Николаевна Афанасова

Иркутский государственный университет путей сообщения, Иркутск, Россия,
lebeden81@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4685-3290

Аннотация. В статье анализируется процесс создания и функционирования общества «Друг детей» на территории Восточной Сибири в 1920–1930-е гг. Показан процесс формирования организационно-правовых основ деятельности общества на общегосударственном и региональном уровне, особенности взаимодействия общественной организации с органами государственного управления. Приведены примеры деятельности общества в других регионах Советского государства. В рамках темы рассматривается формирование по инициативе населения первых местных обществ в отдельных восточносибирских районах, изменение их количественного состава, направления деятельности, источники финансирования. На основе рассмотрения исторических документов определены причины масштабного быстрого увеличения количества членов общества: пропаганда, активная поддержка со стороны партии, комсомольских и профсоюзных организаций, доведение до сознания общественности целей и важности осуществляемой деятельности. Подробное рассмотрение источников позволило автору выделить и охарактеризовать такие важнейшие направления деятельности как выявление беспризорных детей, определение их в государственные учреждения, формирование финансовых фондов для помощи детям, взаимодействие с органами образования и здравоохранения в деятельности по сокращению детской беспризорности, участие в работе комиссий по делам несовершеннолетних, трудоустройство несовершеннолетних. Показана трансформация деятельности после создания в 1930 г. Всероссийского общества «Друг детей». Автор приходит к выводу, что общество «Друг детей» стало одним из механизмов привлечения общественности к участию в реализации направления социальной политики – сокращение детской беспризорности. Автор подчеркивает, что эффективность деятельности снижали отсутствие четкой структуры и организации, слабая материальная база, удаленность от центра.

Ключевые слова: социальная политика; общество «Друг детей»; детская беспризорность; охрана детства; история Восточной Сибири; социальная защита; общественная организация; детские дома; дети, оставшиеся без попечения родителей

Для цитирования: Афанасова Е. Н. Участие общества «Друг детей» в преодолении детской беспризорности в 1920–1930-е гг. (по материалам Восточной Сибири)// Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 4. С. 156–165. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-156-165

Original article

Participation of the public organization “Friend of Children” in overcoming child homelessness in the 1920s - 1930s (based on materials of Eastern Siberia)

Elena N. Afanasova

Irkutsk State Transport University, Irkutsk, Russia, lebeden81@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4685-3290

Abstract. The article analyzes the process of creation and functioning of the public organization «Friend of children» on the territory of Eastern Siberia in the 1920s - 1930s. The author considers the process of formation of the organizational and legal foundations of the company's activities at the national and regional levels, the peculiarities of the interaction of a public organization with public administration bodies. It is noted examples of the public organization's activities in other regions of the Soviet state. The author considers the formation of the first local societies on the initiative of the population in certain East Siberian regions, changes in their quantitative composition, areas of activity, sources of funding within the scope of the research topic. The study is based on the data of historical documents. The author examines the reasons for the large-scale rapid increase in the number of members of society are determined: propaganda, active support from the Party, Komsomol and trade union organizations, bringing to the public consciousness the goals and importance of the activities carried out. A detailed review of the sources allowed

© Афанасова Е. Н., 2022

the author to identify and characterize such important areas of activity as the identification of street children, their placement in state institutions, the formation of financial funds to help children, interaction with education and health authorities in activities to reduce child homelessness, participation in the work of commissions on juvenile affairs, employment of minors. The author examines the transformation of the activity after its creation All-Russian public organization «Friend of children» in 1930. The author concludes that the public organization «Friend of children» has become one of the mechanisms for attracting the public to participate in the implementation of the direction of social policy - the reduction of child homelessness. The author emphasizes that the lack of a clear structure and organization, a poor material base, and remoteness from the center reduced the effectiveness of the activity.

Keywords: social policy, the public organization «Friend of children», child homelessness, child protection, history of Eastern Siberia, social protection, public organization, orphanages, children left without parental care

For citation: Afanasova E. N. (2022) Participation of the public organization “Friend of Children” in overcoming child homelessness in the 1920s - 1930s (based on materials of Eastern Siberia). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 4. P. 156-165. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-156-165

Одной из сложнейших социальных проблем Советского государства в 1920–1930-х гг. стала детская беспризорность, которая вследствие Первой мировой войны, Гражданской войны, сложнейшей социально-экономической и политической ситуации достигла небывалого масштаба.

В исторической науке неоднократно предпринимались попытки изучения государственной политики в сфере охраны детства в первые десятилетия советской власти. Проводились исследования реализации государственной политики в отношении детей как в общегосударственном масштабе, так и в отдельных регионах. Изучению реализации социальной политики в отношении детей в Восточной Сибири посвящены работы таких исследователей, как В. В. Номогоева, З. Ю. Доржу, Е. В. Банзаракцаева, Т. А. Катцина, Е. А. Иванова, Н. А. Баранцева и другие (Номогоева, 2009; Доржу, Корчевская, 2015; Банзаракцаева, 2018; Иванова, Катцина, 2003; Катцина, 2005; Баранцева, 2012). В работах Т. Г. Верхотуровой, О. Б. Лобановой, З. У. Колокольниковой, Н. В. Подлесной проанализировано осуществление мероприятий по отношению к беспризорным детям на территории Восточной Сибири в 1920–1930-е гг. (Верхотурова, 2007; Лобанова, Колокольникова, 2014; Колокольникова, Подлесная, 2014).

В условиях сложившейся и реализуемой патерналистской модели государственной социальной политики большую часть функций по выявлению и устройству беспризорных детей, их материальному обеспечению, социальной адаптации взяло на себя государство, которое вытеснило частную благотворительную инициативу дореволюционного периода, нередко успешно проявлявшую себя прежде. Так, на территории Восточной Сибири в дореволюционный период работали Сиропитательный дом Т. И. Щеголевой, Ремесленный и Ольгинский приюты в Енисейской губернии, Сиропитательный дом Е. М. Медведниковой, Александрийский и Мариинский детские приюты в Иркутской губернии. Участие государства в организации функционирования подобных частных учреждений в дореволюционный период нередко сводилось только к осуществлению контролирующей функции, единая система учреждений в 1917 г. не сложилась.

В первые годы советской власти происходило организационно-правовое оформление государственной системы защиты детства. В частности, создана целая система государственных органов, в направления деятельности которых входила забота о детях, оставшихся без попечения родителей. Так, в структуре Наркомата социального обеспечения были выделены специальные отделы охраны материнства и младенчества, несовершеннолетних и детских приютов, которые были призваны заботиться о несовершеннолетних. В управление Народного комиссариата просвещения были переданы детские учреждения, система социального воспитания детей, социально-правовая охрана несовершеннолетних и другие важные функции. К ведению Народного комиссариата здравоохранения относились учреждения для детей в возрасте до трех лет, в частности, дома ребенка, а также охрана здоровья детей, разработка мероприятий по сокращению детской смертности, подкидыванию детей. В течение 1920–1930-х гг. функции и полномочия по охране детей, оставшихся без попечения родителей, преимущественно закреплялись за государственными органами сферы просвещения и здравоохранения.

В условиях функционирования созданной, финансируемой и контролируемой государством системы охраны детей, оставшихся без попечения родителей, важным является вопрос о месте, роли и значимости общественного участия в решении проблемы детской беспризорности. Период 1920–1930-х гг. стал временем институционального оформления многих общественных организаций, посвятивших свою деятельность охране детства.

Важнейшим из них является общество «Друг детей». Разрозненные группы «Друзья детей», в состав которых входили студенты, рабочие, школьники, существовали с 1923 г. при Московской губернской комиссии по улучшению жизни детей. А. В. Кудряшев отмечает, что общество «складывалось снизу, из ячеек, которые создавались на фабриках, в красноармейских частях, в учреждениях, в жилтовариществах» (Кудряшев, 2015. С. 32). По мнению Н. В. Киселёвой, «в Москве членами нарождавшегося общества стали в течение первых месяцев его существования около 20 тыс. чел.» (Киселёва, 2019. С. 15).

С 1924 г. подобные организации начинают появляться в регионах по всей стране. Детская беспризорность в Восточной Сибири носила масштабный характер. Органы власти Восточной Сибири столкнулись с необходимостью решения социальных проблем не только детей своего региона, но и необходимостью устройства, обеспечения и социализации тысяч привезенных детей (Афанасова, 2016. С. 85). Уже к сентябрю 1924 г. в общество «Друг детей» входило более 310 тыс. человек (Киселёва, 2019. С. 15). Восточная Сибирь не была исключением. В феврале 1924 г. общество «Друг детей» было организовано в Верхнеудинске, к маю 1925 г. были созданы ячейки по всей территории Бурят-Монгольской АССР (Государственный архив Республики Бурятии (ГАРБ). Ф. Р281. Оп. 1. Д. 29. Л. 3). Было образовано 10 ячеек, в которые входило 380 человек. Активно создавались ячейки в сельской местности. Как отмечает Б. Б. Цыретарова, в декабре 1927 г. в аймаках республики насчитывалось более 2000 членов (Цыретарова, 2022. С. 58). В организационном плане данное общество функционировало при Народном комиссариате просвещения БМАССР.

В Забайкальской губернии к 1925 г. действовало 244 ячейки, включавшие 9206 человек (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5207. Оп. 1. Д. 265. Л. 135). При этом большую часть составляли жители городов – 5289 человек. К началу 1926 г. в городах Забайкальской губернии было создано 50 советских ячеек, 19 – рабочих, 14 – транспортных, 1 – военная. Наибольшее распространение деятельность общества получила в Сретенском уезде, в котором в организацию входило 949 человек (Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. п-81. Оп. 1. Д. 1335. Л. 59).

В Енисейской губернии создание общества началось в 1924 г. по инициативе губернского отдела народного образования (Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. р.137. Оп. 1. Д. 1. Л. 401). Устав общества был официально зарегистрирован в октябре 1924 г. Общество являлось юридическим лицом, в его состав могли входить совершеннолетние дееспособные граждане. Высшим органом управления являлся съезд делегатов, собираемый ежегодно. Между заседаниями съезда управление возлагалось на Правление, в которое избиралось 10 человек. Также в Правление приглашались представители от губернского комитета РКП(б), губженотдела, губкома РКСМ. Делопроизводство возлагалось на Президиум. Вступительный взнос составлял 10 копеек, а ежемесячный – 5 копеек. Структура общества включала секции: опеки, здравоохранения, содействия бедноте, культурно-просветительская, материально-финансовая. Официально в апреле 1925 г. в Красноярске насчитывалось 800 членов общества (ГАКК. Ф. р.137. Оп. 1. Д. 1. Л. 400). Однако, как отмечает в своей статье Л. Э. Мезит, до середины 1925 г. никакой деятельности не проводилось (Мезит, 2019. С. 87). Тем не менее архивные материалы показывают, что уже в 1926 г. в Красноярском округе в организацию входило 2 тыс. человек (ГАКК. Ф. р.137. Оп. 1. Д. 1. Л. 400).

Все предоставленные выше данные свидетельствуют о быстром увеличении количества местных организаций на территории Восточной Сибири. Столь быстрый рост численности членов общества «Друг детей» был обусловлен активно проводившейся пропагандой, применением практики коллективной записи, активной поддержкой со стороны партии, комсомольских и профсоюзных организаций, доведением до сознания общественности целей и важности осуществляемой деятельности. Например, в январе 1925 г. Красноярская окружная детская комиссия по улучшению жизни детей в рамках реализации иници-

ативы местного отдела народного образования, приступив к созданию общества «Друг детей», организовала проведение докладов о детской беспризорности и мерах борьбы с ней на женских собраниях (ГАКК. Ф. р.137. Оп. 1. Д. 1. Л. 400). Это вызвало массовое вовлечение женщин в деятельность общества.

Основная цель деятельности заключалась в осуществлении профилактических мероприятий по предупреждению детской беспризорности и сокращению существующей. Для реализации этой цели предполагалось, что общества должны заниматься распространением идеи сокращения детской беспризорности и защитой прав детей, оставшихся без попечения родителей, посредством проведения лекций, митингов, дискуссий, участвовать в открытии детских учреждений, предоставлять материальную помощь отделам народного образования и здравоохранения.

Процесс создания местных обществ требовал правового оформления, нередко принятие нормативных актов на локальном уровне опережало общегосударственный. В фондах региональных архивов Восточной Сибири сохранились уставы местных обществ «Друг детей», в которых отражена система управления и строение, полномочия структурных элементов, особенности финансирования. Например, в Государственном архиве Республики Бурятии отложился устав общества «Друг детей» Бурят-Монгольской АССР, принятый в 1925 г. Уставом определена разветвленная система управления, в частности, выделены центральные и местные органы управления. К центральным отнесены республиканский съезд и центральное правление, к местным – аймачные, уездные и городские бюро отделов общества, съезды отделов, президиумы ячеек, уполномоченные ячеек, общие собрания членов ячеек (ГАРБ. Ф. р.60. Оп. 1. Д. 129. Л. 15). Республиканский съезд выбирал Президиум, центральное правление и ревизионную комиссию, утверждал годовые отчеты, изменял или дополнял устав. Обширные полномочия были у центрального правления: управление имуществом и финансовыми средствами, планирование деятельности, создание секций, представление интересов общества в учреждениях, отчетность. В протоколе заседания центрального правления от 25 января 1927 г. содержится информация о созданных секциях и их руководителях: организационно-агитационная (П. С. Гилев), охраны детства (В. М. Мещак), по изысканию средств (Елисеева и Моисеева, имена и отчества не указаны) (ГАРБ. Ф. р.281. Оп. 1. Д. 62. Л. 5). Средства общества формировались из вступительных взносов, членских взносов, пожертвований, разных сборов, субсидий. Каждая низовая ячейка вносила не менее 75 % со всех своих поступлений в соответствующее бюро отдела, а каждое бюро отдела – не менее 50 % со всех своих поступлений в кассу центрального правления (ГАРБ. Ф. р.60. Оп. 1. Д. 129. Л. 15). Центральная ревизионная комиссия избиралась на республиканском съезде, она проверяла всю денежную и материальную отчетность центрального правления, собиралась не реже двух раз в год.

На государственном уровне типовой устав общества «Друг детей» был принят только в 1927 г. Детской комиссией при ВЦИК (Нормальный Устав..., 1927)[1]. Как отмечает А. А. Карасева, «был сделан шаг к централизации деятельности ОДД» (Карасева, 2019. С. 104). В типовом уставе общество было призвано помогать деткомиссиям в поиске финансовых средств, взаимодействовать с органами образования и здравоохранения в деятельности по сокращению детской беспризорности.

Стоит отметить, что в некоторых случаях реальная организация работы обществ не всегда соответствовала принятым нормативным актам. Например, в Забайкальской губернии в 1925 г. при обследовании ячейки губернского отдела здравоохранения было выявлено, что запись в члены общества проводилась формально, ни одного собрания не было проведено, вся работа сводилась к механическому сбору членских взносов (ГАЗК. Ф. р.487. Оп. 1. Д. 3. Л. 298). Такая ситуация не была исключительной особенностью Восточной Сибири, она нередко встречалась и в других регионах Советского государства. Так, исследователь деятельности общества «Друг детей» в Беларуси 1920-х гг. А. П. Соловьянов отмечает, что общества пытались «во многих ячейках предприятий увеличить свою численность любыми средствами. Иногда такое старание превращалось в настоящую кампанейщину. Записывались все работники предприятий и учреждений, в том числе и не желающие, которые через месяц выбывали», «вступление в общество было в некоторых случаях «добровольно-принудительным» (Соловья-

[1] Нормальный Устав Общества «Друг Детей». М.: Издание Деткомиссии при В.Ц.И.К., 1927. 16 с.

нов, 2006. С. 18). И. Ю. Семенова, исследователь деятельности общества «Друг детей» в Чувашской АССР, также отмечает, что «попытка увеличения членов общества в некоторых районах Чувашской АО…была не очень удачной, так как в сельской местности крестьяне с трудом вступали в ряды организации. Иногда вступление в общество носило добровольно-принудительный характер (например, в районных военкоматах республики и в ряде предприятий)…» (Семенова, 2020. С. 33). Тяжелое материальное положение определенной части населения Советского государства и необходимость платить членские взносы в общественную организацию приводило к сокращению количества желающих быть ее членами.

Несмотря на все трудности организационного периода общество «Друг детей» проводило обширную работу по сокращению детской беспризорности. Прежде всего, члены общества участвовали в изъятии детей с улицы. Преимущественной формой устройства детей, оставшихся без попечения родителей, в советский период являлось определение детей в государственные учреждения: дома младенца, дома ребенка, общежития для беспризорных детей, детские дома (Афанасова, 2013. С. 19). Например, в Забайкальской губернии в 1925 г. общество «Друг детей» поместило в детские дома 198 детей, провело окончательную реэвакуацию детей, потратив на это 6 тыс. руб. (ГАРФ. Ф. 5207. Оп. 1. Д. 265. Л. 135). Помимо этого, при определении беспризорных детей в патронатные семьи члены общества участвовали в определении степени соответствия приемной семьи предъявляемым к ней требованиям (экономическим, моральным и классовым) (ГАЗК Ф. р-100. Оп. 2. Д. 434. Л. 8), оказывали ей финансовую помощь. Например, в 1925 г. обществом было выделено 700 руб. на поддержку крестьянских семей, принявших на воспитание 14 воспитанников детдомов (ГАЗК. Ф. р-487. Оп. 1. Д. 26. Л. 5).

Деятельность общества «Друг детей» была также ориентирована на улучшение материального положения детей. Некоторые общества содержали бесплатные столовые для детей, оставшихся без попечения родителей, выделяли средства на улучшение питания. Например, общество Забайкальской губернии в 1925 г. предоставило 7912 рублей на повышение качества питания (ГАРФ. Ф. 5207. Оп. 1. Д. 265. Л. 135), 130 рублей было выделено на оплату услуг кормилицы для грудных детей (ГАРФ. Ф. 5207. Оп. 1. Д. 265. Л. 174). Местные общества выделяли денежные средства на содержание детей в детских домах, приобретение для них одежды, обуви, мебели, оплату труда сотрудников детских учреждений. Это же общество выделило 131 руб. на приобретение постельных принадлежностей для детских домов, 183 руб. на выплату пособия беспризорным, 174 рубля на стипендии выпускникам детских домов, 76 руб. на содержание медперсонала детских домов (ГАРФ. Ф. 5207. Оп. 1. Д. 265. Л. 174). При этом определенную часть мобилизованных финансовых средств общество тратило на содержание собственного аппарата (974 руб.), отчисления Центральной коллегии социального обеспечения БМАССР (25 % от дохода, 707 руб.), дотации республиканскому отделу народного образования (1860 руб.) (ГАРФ. Ф. 5207. Оп. 1. Д. 265. Л. 174). Идентичная ситуация наблюдалась в Красноярском обществе «Друг детей», проведенная Деткомиссией проверка деятельности выявила нецелевое использование средств, значительная часть которых использовалась на содержание аппарата общества (Мезит, 2019. С. 88).

Некоторые местные общества организовывали шефство над детскими учреждениями. В частности, в протоколах заседаний правления общества «Друг детей» БМАССР от 13 мая 1926 г. отражено принятие решения о шефстве над дошкольными группами Верхнеудинского и Троицкосавского детских домов (ГАРБ. Ф. р-571. Оп. 1. Д. 3. Л. 20), от 28 февраля 1927 г. – над камерой для содержания несовершеннолетних преступников отделением общества при Центральном исправительном доме (ГАРБ. Ф. р.-571. Оп. 1. Д. 10. Л. 1).

Основными источниками финансирования деятельности обществ «Друг детей» являлись пожертвования и членские взносы. Например, в обществе Забайкальской губернии в 1925 г. был собран 801 руб. членских взносов и 1733 руб. – пожертвований (ГАРФ. Ф. 5207. Оп. 1. Д. 265. Л. 174). Размеры членских взносов дифференцировались в зависимости от принадлежности к социальной группе и уровня доходов. Например, в Читинском обществе «Друг детей» в 1929 г. по 20 копеек в год платили учащиеся, красноармейцы и домохозяйки, по 60, 75 копеек и по 2 руб. – получавшие заработную плату в размере до 75 руб., до 100 руб. и свыше 100 руб. соответственно (ГАЗК.

Ф. р.487. Оп. 2. Д. 8. Л. 20). Прибыль от деятельности предприятий являлась еще одним источником пополнения бюджета общества. Так, Красноярское общество «Друг детей» получало доход от нескольких буфетов, лавок и магазина. Нередко финансовая деятельность местных обществ не всегда носила успешный характер, о чем свидетельствуют публикации в газетах того периода. В частности, в статье газеты «Забайкальский рабочий» под названием «Внимание ДОДДу» содержатся сведения, что основная работа Читинского общества заключалась в поиске средств, смета была выполнена на 60 %, а членские взносы внесли только 20 % участников (Внимание ДОДДу // Забайкальский рабочий. Чита. 1 сентября 1928 г. № 203. С. 3). В другой статье этого же печатного издания содержится информация о деятельности столовой, открытой в Чите окружным советом Дальневосточного общества «Друг детей» для получения прибыли. Фактически убытки, недочеты и перепроизводство были практически ежедневными, отсутствовал учет продуктов питания, нецелесообразное расходование финансовых средств составило 1088 руб., в результате заведующий столовой был привлечен к уголовной ответственности – год лишения свободы (Торгует плохо, но есть перспективы // Забайкальский рабочий. Чита. 22 сентября 1928 г. № 221. С. 3).

В 1930-х гг. деятельность местных обществ «Друг детей» претерпела серьезные изменения, произошло оформление новой единой иерархически выстроенной общегосударственной системы, было принято и введено в действие новое нормативно-правовое регулирование деятельности. Следует согласиться с И. Ю. Семеновой, которая отмечала, что «до 1930 года в основном решались насущные бытовые проблемы беспризорных детей (обеспечение их койко-местом в доме-приюте, детском городке; снабжение одеждой и обувью по временам года; организация горячего питания и лечебный контроль за состоянием здоровья). В дальнейшем были заложены основы сильной и мощной общественной организации помощи детям, охватывающей территорию всей страны» (Семенова, 2019. С. 196–197).

Изменения были связаны с принятием Постановления ВЦИК, СНК РСФСР от 10 ноября 1930 г. «Об организации Всероссийского общества «Друг детей», в соответствии с которым все местные общества объединялись в единое Всероссийское общество «Друг детей». Оно получало статус добровольной общественной организации и было призвано содействовать «культурной революции и коммунистическому воспитанию подрастающего поколения, охране здоровья, быта, труда и прав ребенка, оказанию активной помощи ведомствам и организациям, ведущим работу с детьми, и вовлечению в это дело широких масс трудящихся города и деревни» (Постановление..., 1930)[2].

Всероссийское общество «Друг детей» должно было осуществлять деятельность через соответствующие местные отделения общества, а также через низовые ячейки общества «Друг детей», организуемые при предприятиях, учреждениях, учебных заведениях, воинских частях, жилищных товариществах, а также совхозах и колхозах. Все льготы и преимущества, предоставленные Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК и ее местным органам распространялись на Всероссийское общество «Друг детей», его местные отделения и ячейки. Устав Всероссийского общества «Друг детей» должен был соответствовать Положению о добровольных обществах и союзах от 30 августа 1930 г., был утвержден Президиумом ВЦИК 29 октября 1931 г., обозначал участие общества в ликвидации безнадзорности, в организации детских учреждений и систематическом мониторинге их состояния, осуществление культурно-массовой работы с детьми (Устав, 1932)[3].

В результате превращения общества «Друг детей» во Всероссийскую организацию произошло увеличение количества участников. В начале 1932 г. во всех организациях общества «Друг детей» на территории РСФСР состояло 1262818 человек, что составляло примерно 1 % населения РСФСР (ГАРФ. Ф. А393. Оп. 1. Д. 35. Л. 164).

На территории Восточно-Сибирского края в общество «Друг детей» входило 2292 члена и 2493 так называемых «юных друзей общества» (ГАРФ. Ф. А393. Оп. 1. Д. 31. Л. 1). Советы обществ создавались в Иркутске, Канске, Красноярске, Нерчинске, Нижнеудин-

[2] Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 10.11.1930 «Об организации Всероссийского общества «Друг детей»» URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=23028#iBdj2FTLwvaQcRTa (1 сентября 2022 г.).

[3] Устав Всероссийского Общества «Друг детей». Ленинград : Изд. Ленинградского Областного Совета Общества «Друг Детей», 1932. 16 с.

ске, Петровске, Сретенске, Тулуне, Усолье-Сибирском, Черемхово, Чите, Иннокентьевском, Слюдянке, Хилоке и в 24 районах (ГАРФ. Ф. А393. Оп. 1. Д. 1. Л. 28).

Вхождение самостоятельных слабоуправляемых из центра местных обществ «Друг детей» Восточной Сибири в единую государственную юридически детально оформленную организацию было сопряжено с целым рядом трудностей. В фондах Государственного архива Российской Федерации сохранилась докладная записка инструктора организационного комитета общества «Друг детей» РСФСР «О состоянии и работе ОДД в Восточно-Сибирском крае», составленная в 1931 г. (ГАРФ. Ф. А393. Оп. 1. Д. 31 Л. 1). В ней показаны особенности и проблемные моменты процесса вхождения местных обществ во Всероссийскую организацию. Так, ликвидация прежде существующих обществ носила хаотичный неуправляемый характер. Некоторые общества, например, в Канске, были распущены, другие – из окружных превращены в городские, часть – уже прекратила свое существование к началу 1930 г. В октябре 1930 г. секретариатом оргбюро ЦК ВКП(б) Восточно-Сибирского края был создан оргкомитет по созданию общества «Друг детей» в регионе. Оргкомитет провел заседания, на которых обсуждались вопросы организационного характера, например, распределение обязанностей, структура оргкомитета, функционал секторов и другое. Рабочий аппарат оргкомитета состоял из двух человек: ответственного секретаря тов. Спельге и инструктора по совместительству. В вышеупомянутом документе отмечалось, что оргкомитет Восточно-Сибирского края практически не руководил районными обществами, директивные и практические указания оргкомитета ОДД РСФСР не всегда выполнялись, а материалы, адресованные краевому комитету, отправлялись в районные общества, что вызывало у них непонимание о том, какую работу необходимо проводить. Нередко связь с районными обществами вовсе отсутствовала. Оргкомитетом учет работы и анализ состояния обществ не проводился, не была организована работа по вовлечению новых членов. Записанные в общества только числились в них и не проводили никакой активной работы, а комсомол, Комиссия по улучшению жизни детей, отделы народного образования относились к деятельности общества формально, недооценивая его значения (ГАРФ. Ф. А393. Оп. 1. Д. 31. Л. 1). На эффективность деятельности влияла удаленность от центра, низкая транспортная доступность. Например, за два года с момента создания Всероссийского общества «Друг детей» ответственные работники центрального совета посещали общество Ленинградской области 9 раз, Московской – 8 раз, а организацию в Восточной Сибири не посетили ни разу (ГАРФ. Ф. А393. Оп. 1. Д. 35. Л. 159).

Деятельность местных обществ «Друг детей» в течение 1930-х гг. осуществлялась в соответствии с государственными планами, в них определялось количество членов, которые должны быть в местных обществах, объем финансовых средств, которые должны были общества заработать, а затем потратить на определенные виды деятельности. Например, в рамках исполнения решений второго Всероссийского пленума Центрального совета общества «Друг детей» от 25 февраля 1932 г. организационный сектор Восточно-Сибирского края должен был выполнить план по увеличению количества членов общества до 125 тыс. человек, что составляло 4,1 % от численности всего населения региона. При этом обозначалось, что 30 % состава должно было приходиться на работников промышленности, 70 % – сельского хозяйства. Было запланировано, что 6,6 % детского населения Восточно-Сибирского края, примерно 30 тыс. детей, должны были войти в общество в качестве так называемых «юных друзей» (ГАРФ. Ф. А393. Оп. 1. Д. 68. Л. 71). Также в 1932 г. были приняты контрольные показатели по массовому займу для совета общества Восточно-Сибирского края – 200 тыс. руб. (ГАРФ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 41. Л. 126 об.). На государственном уровне определялся объем расходов на отельные виды деятельности общества. Так, было запланировано, что в Восточно-Сибирском крае общество должно было потратить по 35 тыс. рублей на мероприятия в отношении детей дошкольного и школьного возраста, из них на оздоровительные мероприятия – по 8400 руб. В Бурят-Монгольской АССР предполагалось выделить 27 тыс. рублей на работу по отношению к детям дошкольного возраста и 15 тыс. – школьного, из них на оздоровительные мероприятия – 9 тыс. (ГАРФ. Ф. А393. Оп. 1. Д. 37. Л. 60).

В течение первой половины 1930-х гг. сфера деятельности общества «Друг детей» была обширной, его представители привлекались к выявлению беспризорных, определению их в государственные учреждения, участвовали в работе комиссий по делам несо-

вершеннолетних, формировали денежные фонды для осуществления работы с детьми. Общество, как и в 1920-е гг., занималось открытием столовых, общежитий, детских площадок, трудоустраивало беспризорников через свои учебно-производственные предприятия (Феонычев, 2014. С. 461). Тем не менее многочисленные отчеты и акты проверки деятельности общества со стороны органов государственного управления в данный период пестрят недовольством, практически в каждом документе отмечались многочисленные недостатки деятельности. Нередко ответственность за снижение высокого уровня детской беспризорности в РСФСР в целом и Восточной Сибири в частности возлагалась на общественные организации. К середине 1930-х гг. самостоятельность общества «Друг детей» была практически полностью свернута, оно фактически превратилось в структурное подразделение органов народного образования. Постановлением Президиума ВЦИК от 1 июня 1935 г. Всероссийское общество «Друг детей» было ликвидировано.

Таким образом, общество «Друг детей» в течение 1920–1930-х гг. являлось одним из инструментов привлечения внимания общественности к решению важнейшей социальной задачи – детской беспризорности, воплощением активности советских граждан. Однако на протяжении всего периода сохранялся приоритет государства над общественной инициативой, отсутствие четкой организации деятельности, недостаточность материальных ресурсов у населения ввиду сложных экономических условий, неопределенный четко круг задач снижали эффективность деятельности общества.

Список источников

Афанасова Е. Н. Детские дома Бурятии как форма устройства детей, оставшихся без попечения родителей, в 1920-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 5-1 (31). С. 18–22.

Афанасова Е. Н. Охрана материнства и детства в Восточной Сибири в 1920–1930-х гг. Иркутск : ИрГУПС, 2016. 176 с.

Банзаракцаева Е. В. К вопросу охраны материнства и детства в Бурят-Монгольской АССР в 1941–1945 гг. // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2018. № 3 (7). С. 63–67.

Баранцева Н. А. Охрана материнства и младенчества в Красноярском крае в 1920–1930-е гг. // Шестые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения: в 3 т. Т. 1. Материалы ФГБОУ ВПО «ИГУ». Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. С. 109–114.

Верхотурова Т. Г. О мероприятиях советской власти по ликвидации детской беспризорности в Енисейской губернии в 1920–1930 гг. // Власть и общество: проблемы взаимодействия и противостояния : материалы межрегиональной конференции с Международным участием, Красноярск, 10 октября 2007 г. Красноярск : Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, 2007. С. 41–49.

Доржу З. Ю., Корчевская Е. А. Традиции тувинцев в отношении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Вестник Томского государственного пе-

References

Afanasova E. N. (2013) Orphanages of Buryatia as a form of arrangement of children left without parental care in the 1920s. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* = *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Questions of Theory and Practice.* No. 5-1 (31). Pt. I. P. 18-22. (In Russ.).

Afanasova E. N. (2016) Protection of motherhood and childhood in Eastern Siberia in the 1920s - 1930s. Irkutsk: IrGUPS. 176 p. (In Russ.).

Banzaraktsaeva E. V. (2018) On the issue of protection of motherhood and childhood in the Buryat-Mongolian ASSR in 1941-1945. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury = Bulletin of the East Siberian State Institute of Culture.* No. 3(7). P. 63-67. (In Russ.).

Barantseva N. A. (2012) Protection of motherhood and infancy in the Krasnoyarsk Territory in the 1920s-1930s. Shestye Baikal'skie mezhdunarodnye sotsial'no-gumanitarnye chteniya : v 3 t. T. 1. Materialy FGBOU VPO «IGU» = *The Sixth Baikal International Socio-Humanitarian Readings:* in 3 vol. Vol. 1. Materials of the FSBEI HPE "IGU". Irkutsk: Publishing House of the ISU. P. 109-114. (In Russ.).

Verkhoturova T. G. (2007) About the measures of the Soviet government to eliminate child homelessness in the Yenisei province in 1920-1930. *Vlast' i obshchestvo: problemy vzaimodeistviya i protivostoyaniya. Materialy mezhregional'noi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Krasnoyarsk, 10 oktyabrya 2007 g*. = *Power and society: problems of interaction and confrontation. Proceedings of the Interregional Conference with International Participation on October 10, 2007*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev. P. 41-49. (In Russ.).

Dorzhu Z. Yu., Korchevskaya E. A. (2015) Traditions of Tuvans in relation to orphans and children left without parental care. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagog-*

дагогического университета. 2015. № 9 (162). С. 270–278.

Иванова Е. А., Катцина Т. А. Положение беспризорных детей Енисейской губернии в начале 1920-х гг. // В книге: Люди и судьбы. XX век. Тезисы докладов и сообщений научной конференции, Красноярск, 30 октября 2003. Красноярск : Кларетианум, 2003. С. 49–52.

Карасева А. А. Общество «Друг детей» в 1920-е гг.: институциональное оформление // Материалы Международной научно-методической конференции «Гуманитарные науки и православная культура». XVI Пасхальные чтения. Москва, 12–13 апреля 2018 г. Ярославль : Литера, 2019. С. 102–108.

Катцина Т. А. Становление системы социальной помощи в Енисейской губернии в условиях военного коммунизма // Красноярский край – 70 лет исторического пути : материалы V краеведческих чтений, ноябрь 2004. Красноярск : ГУНБ Красноярского края, 2005. С. 208–212.

Киселёва Н. В. Привлечение общественности к преодолению детской беспризорности в 1920-х годах (общество «Друг детей») // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Сер. Исторические науки. Культурология. Политические науки. 2019. № 1. С. 14–18.

Колокольникова З. У., Подлесная Н. В. Учреждения социального воспитания для морально-дефективных детей в Приенисейской Сибири в 20–30-е годы XX века // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 10-3. С. 108–113.

Кудряшев А. В. Общество «Друг детей» и преодоление детской безнадзорности в СССР в 1920–1930-е гг. // Профессиональное образование и общество. 2015. № 1 (13). С. 32–38.

Лобанова О. Б., Колокольникова З. У. Проблемы организации социального воспитания в Приенисейской Сибири в 20-е гг. XX в. // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 1. С. 40. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=11968 (дата обращения: 09.09.2022).

Мезит Л. Э. Социальные инициативы в области охраны детства в 1920-е гг. в Енисейской губернии // Современная научная мысль. 2019. № 4. С. 83–90.

Номогоева В. В. Школьное образование в г. Верхнеудинске в первые годы Советской власти // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 7. С. 108–113.

icheskogo universiteta = Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. No. 9 (162). P. 270-278. (In Russ.).

Ivanova E. A., Kattsina T. A. (2003) The situation of street children of the Yenisei province in the early 1920s. *Lyudi i sud'by. XX vek. Tezisy dokladov i soobshchenii nauchnoi konferentsii, Krasnoyarsk, 30 oktyabrya 2003 =People and destinies. XX century.* Abstracts of reports and reports of the scientific conference on October 30, 2003. Krasnoyarsk: Claretianum. P. 49-52. (In Russ.).

Karaseva A. A. (2019) The society «Friend of Children» in the 1920s: institutional design. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii «Gumanitarnye nauki i pravoslavnaya kul'tura». XVI Paskhal'nye chteniya. Moskva, 12–13 aprelya 2018 g. = Proceedings of the International Scientific and Methodological Conference "Humanities and Orthodox Culture".* XVI Easter readings. *Moscow, April 12-13, 2018.* Yaroslavl: Litera. P. 102-108. (In Russ.).

Kattsina T. A. (2005) The formation of the social assistance system in the Yenisei province in the conditions of War Communism. *Krasnoyarskii krai – 70 let istoricheskogo puti: materialy V kraevedcheskikh chtenii, noyabr' 2004 = Krasnoyarsk Krai - 70 years of the historical path: materials of the V Local History readings, November 2004.* Krasnoyarsk: GUNB of the Krasnoyarsk Territory. P. 208-212. (In Russ.).

Kiseleva N. V. (2019) Involvement of the public in overcoming child homelessness in the 1920s (society «Friend of Children»). *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. Seriya: Istoricheskie nauki. Kul'turologiya. Politicheskie nauki = Humanities, Socio-Economic and Social Sciences. Series: Historical Sciences. Cultural Studies. Political Sciences.* No. 1. P. 14-18. (In Russ.).

Kolokol'nikova Z. U., Podlesnaya N. V. (2014) Institutions of social education for morally deficient children in Yenisei Siberia in the 20-30s of the twentieth century. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovanii = International Journal of Applied and Fundamental Research*. No. 10-3. P. 108-113. (In Russ.).

Kudryashev A. V. (2015) The society «Friend of Children» and overcoming child neglect in the USSR in the 1920s-1930s. *Professional'noe obrazovanie i obshchestvo = Professional education and society.* No. 1 (13). P. 32-38. (In Russ.).

Lobanova O. B., Kolokol'nikova Z. U. (2014) Problems of the organization of social education in the Yenisei Siberia in the 20s of the twentieth century. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern Problems of Science and Education*. No. 1. [Electronic resource]. (In Russ.). Available from: https://science-education.ru/ru/article/view?id=11968 (accessed: 09.09.2022).

Mezit L. E. (2019) Social initiatives in the field of child protection in the 1920s in the Yenisei province. *Sovremennaya nauchnaya mysl' = Modern Scientific Thought.* No. 4. P. 83-90. (In Russ.).

Nomogoeva V. V. (2009) School education in Verkhneudinsk in the early years of Soviet power. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Buryat State University.* No. 7. P. 108-113. (In Russ.).

Семенова И. Ю. Работа Всероссийских съездов деятелей по охране детства и ячеек общества «Друг детей» по укреплению и охране семьи в молодом советском государстве // Вестник Чувашского университета. 2019. № 4. С. 192–200.

Семенова И. Ю. Деятельность ячейки Всероссийского общества «Друг детей» по борьбе с беспризорностью, охране и помощи семье в Чувашской АССР (исторические уроки 1925–1935 гг.) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. 2020. № 1. С. 31–34.

Соловьянов А. П. Некоторые аспекты деятельности общества «Друг детей» в Беларуси в 1920-е гг. // Веснік БДУ. Серыя 3, гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. 2006. № 1. С. 16–21.

Феонычев В. В. Участие общественных организаций в борьбе с беспризорностью в Советской России 20–30 гг. XX века // Научный вестник Технологического института – филиала ФГБОУ ВПО Ульяновская ГСХА им. П. А. Столыпина. 2014. № 13. С. 457–467.

Цыретарова Б. Б. Проблемы ликвидации детской беспризорности и безнадзорности в Бурятии в 1920-х гг. // Genesis: исторические исследования. 2022. № 1. С. 53–65.

Semenova I. Yu. (2019) The work of the All-Russian congresses of figures on the protection of childhood and the cells of the society “Friend of Children” on strengthening and protecting the family in the young Soviet state. *Vestnik Chuvashskogo universiteta = Bulletin of the Chuvash University.* No. 4. P. 192-200. (In Russ.).

Semenova I. Yu. (2020) Activity of the cell of the All-Russian society «Friend of Children» in the fight against homelessness, protection and assistance to the family in the Chuvash ASSR (historical lessons of 1925-1935). *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki = Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Ser.: Humanities.* No. 1. P. 31-34. (In Russ.).

Solovyanov A. P. (2006). Some aspects of the activity of the society “Friend of Children” in Belarus in the 1920s. Vesnik BDU. Gistoryya. Filasofiya. Psikhalogiya. Palitalogiya. Satsyyalogiya. Ekanomika. Prava = *Bulletin of Belarus’ State University. Ser. 3. History. Philosophy. Psychology. Politology. Sociology. Economics. Legislation.* No. 1. P. 16-21. (In Russ.).

Feonychev V. V. (2014) Participation of public organizations in the fight against homelessness in Soviet Russia in the 20 - 30-s. XX century. *Nauchnyi vestnik Tekhnologicheskogo instituta – filiala FGBOU VPO Ul'yanovskaya GSKhA im. P. A. Stolypina = Scientific Bulletin of the Technological Institute - Branch of the Ulyanovsk State Agricultural Academy named after P.A. Stolypin.* No. 13. P. 457-467. (In Russ.).

Tsyretarova B. B. (2022) Problems of elimination of child homelessness and neglect in Buryatia in the 1920s. *Genesis: istoricheskie issledovaniya = Genesis: Historical Research.* No. 1. P. 53-65. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. Н. Афанасова – доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук,
Иркутский государственный университет путей сообщения,
664074, Иркутск, ул. Чернышевского, 15, Россия.

Information about the author

E. N. Afanasova – Dr. Sci. (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Sciences,
Irkutsk State Transport University,
15, Chernishevsky St., Irkutsk 664074, Russia.

Вклад автора

Афанасова Е. Н. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Contribution of the author

Afanasova E. N. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 12 сентября 2022 г.; одобрена после рецензирования 10 октября 2022 г.; принята к публикации 24 октября 2022 г.

Article info

The article was submitted September 12, 2022; approved after reviewing October 10, 2022; accepted for publication October 24, 2022.

Научная статья
УДК 94(47).084
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-166-177

Протоиерей Янис Намниекс в зеркале истории Латвийского Православия 1920–1940 гг.: новые свидетельства

Иван Васильевич Петров

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
ivanpet1990@hotmail.com, i.petrov@spbu.ru, https://orcid.org/0000-0002-3692-7938

Аннотация. В истории Православной Церкви в Латвии сложно найти человека, который бы более однозначно выступил за предоставление независимости своей юрисдикции как протоиерей Янис (Иоанн) Намниекс. Сразу же после обретения Латвийской республикой независимости отец Иоанн представлял тех немногих духовных лиц и мирян, которые противостояли «пророссийской» линии. После назначение в Ригу этнического латыша архиепископа Иоанна (Поммерса), деятельность сторонников автокефалии снизилась и в 1920–1930-е гг., отец Янис Намниекс занимался строительством и обустройством храмов в латвийской провинции. Однако после трагической гибели, убийства владыки Иоанна (Поммерса), отец Янис стал одним из действующих лиц в жизни Латвийской Православной Церкви и всячески помогал новому митрополиту Августину (Персонсу), главе православных в Латвии. Митрополит Августин и его окружение направили жизнь Православной Церкви в Латвии в сторону Константинополя. После того как начался процесс присоединения Латвии к Советскому Союзу, по Латвии прокатилась волна репрессий, в числе арестованных новыми властями оказался и отец Янис. В ходе допросов отец Янис Намниекс сначала согласился сотрудничать с советскими следователями, однако впоследствии признался, что сделал это для того, чтобы обезопасить самого митрополита Августина и сообщать ему о том, что интересует советские специальные органы. В 1942 г. священник Янис Намниекс скончался в заключении. Статья также рассказывает об отношениях в семье отца Яниса, в том числе благодаря записанному в начале 1990-х гг. интервью дочерей протоиерея Яниса Намниекса.

Ключевые слова: Янис Намниекс, Латвийская Православная Церковь, Латвия, Советский союз, церковное возрождение, репрессии, Вторая мировая война, духовенство, воспоминания

Благодарности: статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых кандидатов наук NoМК-4539.2021.2 «Попытки отделения православных приходов Беларуси, Латвии и Эстонии от Русской Православной Церкви в 1941–1991 гг.».

Для цитирования: Петров И. В. Протоиерей Янис Намниекс в зеркале истории Латвийского Православия 1920–1940 гг.: новые свидетельства // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 4. С. 166–177. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-166-177

Original article

Archpriest Janis Namnieks in the history of Latvian Orthodoxy, 1920-1940: new sources

Ivan V. Petrov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia,
ivanpet1990@hotmail.com, i.petrov@spbu.ru, https://orcid.org/0000-0002-3692-7938

Abstract. In the history of Orthodox Latvia it is difficult to find a person who more reflects the difficult era of the 1920-1940s in his life than an Archpriest Janis Namnieks. Immediately after the independence of the Republic of Latvia Father Janis had represented those few clergy and laity who opposed the “pro-Russian” line. After the appointment of the ethnic Latvian Archbishop John (Pommers) to Riga, the activity of supporters of autocephaly declined, and in the 1920–1930s Father Janis Namnieks was engaged in the construction and arrangement of churches in the Latvian province. Metropolitan Augustine and his entourage directed the life of the Orthodox Church in Latvia towards Constantinople. After the process of joining Latvia to the Soviet Union began a wave of repressions swept through Latvia, and Father Janis was among those arrested by the new authorities. During interrogations Father Janis Namnieks initially agreed to cooperate with Soviet investigators, but later admitted that he did this in order to protect Metropolitan Augustine himself and to inform him of what the Soviet special authorities were interested in. In 1942 the priest Janis

© Петров И. В., 2022

Namnieks died in prison. Defending the interests of Latvian Orthodox Christians in the minds of many contemporaries, including priests, he remained a nationalist and supporter of Metropolitan Augustine (Petersons). However, in the memoirs of their daughters which were involved in writing this material, one can look at this shepherd from a different angle. A supporter of the preservation of the Russian language at home, a bright preacher and politician, this is how his daughters remember him. With the help of these materials, we can learn more about the era and the fates of its main characters.

Keywords: Janis Namnieks, Latvian Orthodox Church, Latvia, Soviet Union, church revival, repressions, World War II, clergy, memories

Acknowledgements: the article was prepared with the financial support of the grant of the President of the Russian Federation for young candidates of sciences No MK-4539.2021.2 "Attempts to separate the Orthodox parishes of Belarus, Latvia and Estonia from the Russian Orthodox Church in 1941-1991".

For citation: Petrov I. V. (2022) Archpriest Janis Namnieks in the history of Latvian Orthodoxy, 1920-1940: new sources. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 4. P. 166-177. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-166-177

Священник Янис (Иоанн) Намниекс[1] для истории Латвийской Православной Церкви – личность во всех смыслах примечательная. Именно он являлся наиболее верным помощником митрополита Рижского и Латвийского Августина (Петерсонса) и сторонником уменьшения русского влияния в ЛПЦ. За пастырем закрепилось стойкое амплуа латышского националиста и одного из главных действующих лиц Православной Церкви в Латвии в 1930-е гг. Сторонник реформ в Латвийской Православной Церкви, лояльный к режиму Карлиса Ульманиса, в 1940–1941 гг. он, как и многие другие православные пастыри на территории трех балтийских республик, попал под жернова советских репрессий. Изучить его биографию стало возможным только в последние три десятилетия.

Важным источником, с помощью которого можно раскрыть личность священника Яниса Намниекс, являются свидетельства двух его дочерей Александры (1911 г. р.) и Валентины (1914 г. р.), записанные на видео в 1990 г. Дмитрием Ивановичем Трубецким, его сестрой Анастасией, родственницей семьи священника Антониной. Эти материалы любезно предоставил автору этих строк Д. И. Трубецкой. Необходимо отметить, что период, в который происходила запись свидетельств, был временем невероятно острых, решающих событий как для Латвии, так и для всего Советского союза. Неслучайно герои аудиозаписи обсуждают проходящую в то время выставку «Латвия в период сталинских репрессий» или же спорят о том, долго ли осталось советской власти в республике и когда Латвия вновь обретет свою независимость (любопытно, что Д. И. Трубецкой гораздо более оптимистичен в этом вопросе, чем дочери репрессированного отца Иоанна). Другой важный момент – видеозапись проходила в среде семей репрессированных, в кругу «своих», однако даже с учетом этого сестры довольно сдержаны в своем рассказе о прошлом, гораздо охотнее говорят о довоенном периоде, чем о «первом советском годе» и уж тем более репрессиях против отца.

Интересный факт, подтвержденный Александрой и Валентиной, что они после окончания Второй мировой войны не посещали православную церковь. У Дмитрия Ивановича они особенно интересуются нынешним положением вещей в православных приходах. С большим интересом они узнают, что на территории Латвии появился православный священник-латыш, который выступил против «празднования» 7 ноября в храмах, стал переводить богослужебные тексты на латышский язык. Очень большой интерес у них вызывает судьба Христорождественского кафедрального собора, который в 1963 г. был передан обществу «Знание». Разговор о сохранности колоколов и крестов на соборе также вызывает внимание сестер, они сравнивают положение собора с периодом их юности, когда в нем служил Янис Намниекс.

Наконец, еще одна примечательная часть беседы, отражающая время – дискуссия о судьбах репрессированных, письмах в советские специальные

[1] В данной статье мы будем называть священника согласно латышской традиции, транслитерированной на русский язык: Янис Намниекс, хотя верен вариант и Иоанн Намниек, а в следственном деле он назван Яном Яновичем Намниеком.

органы и архивы с просьбой предоставить сведения о родственниках, депортированных и репрессированных в годы Второй мировой войны. Между потомками Намниекса и семьей Трубецких проходит живая дискуссия о том, куда обращаться, в какой форме. Несмотря на то, что происходили подобного рода обращения во время пресловутой «Перестройки», сохранялись тревога и нерешительность, порожденные советским временем.

Янис Намниекс родился 25 сентября (по другим данным – 20 декабря) 1881 г. в Мадзульской волости Мадонского уезда Лифляндской губернии в усадьбе Тиркенос в семье латышского крестьянина (Latvijas nacionālais arhīvs (LNA). F. 1986. apr. 1. l.P-10184-l. L. 3–5). О религиозной принадлежности его родителей, а также о причинах, которые побудили Намниекса стать православным священником, доподлинно неизвестно. Дочери пастыря отмечали, что во многом это решение было обусловлено и весьма прозаичными причинами. Брат Яниса Петерис был старше и поэтому имел право наследования собственности. Янис же поэтому избрал духовную стезю.

В 1899 г. наш герой окончил 4-классное Рижское духовное училище по второму разряду и получил право без экзаменов поступать в Рижскую духовную семинарию. В период «первого советского года» следователи НКВД выяснили, что служителем культа он стал в 1905 г. (LNA. F. 1986. apr. 1. l.P-10184-l. L. 5). Именно тогда он окончил 6 классов Рижской духовной семинарии. Первым назначением будущего видного деятеля Латвийского Православия, тогда еще псаломщика, стала православная Сисегальская церковь (Адеракши) (Православные священно-церковнослужители…, 2019. С. 374). Янис Намниекс всю свою жизнь совмещал служение в храме с преподаванием Закона Божия. Латвийский церковный историк протоиерей Андрей Голиков к местам дореволюционного преподавания Намниекса отнес Адеракши, Екабпилс (Якобштадт), а также знаменитое Илукстское духовное училище (Голиков, Фомин, 1999. С. 96). Если сравнить данные исследователя с тем, что отметили дочери священника, то они называют следующие места служения: Адеракши в Видземе, Илуксте, Цесвайне, неподалеку от Мадоны и Карздаба в Цесвайнском крае. Исходя из недавно изданного справочника, посвященного латвийским православным священникам, в апреле 1906 г. Янис Намниекс был включен в список кандидатов священства по Рижской епархии и в начале июня того же года перемещен к Свято-Духовской церкви в Екабпилсе (Якобштадте) (Православные священно-церковнослужители…, 2019. С. 374). Место диакона в Илуксте он получил летом 1907 г. (именно здесь произошло и рукоположение в диаконы). В августе 1912 г. он был рукоположен во священники и был отправлен для служения на приход в Ляудону (прослужит здесь до 1924 г.).

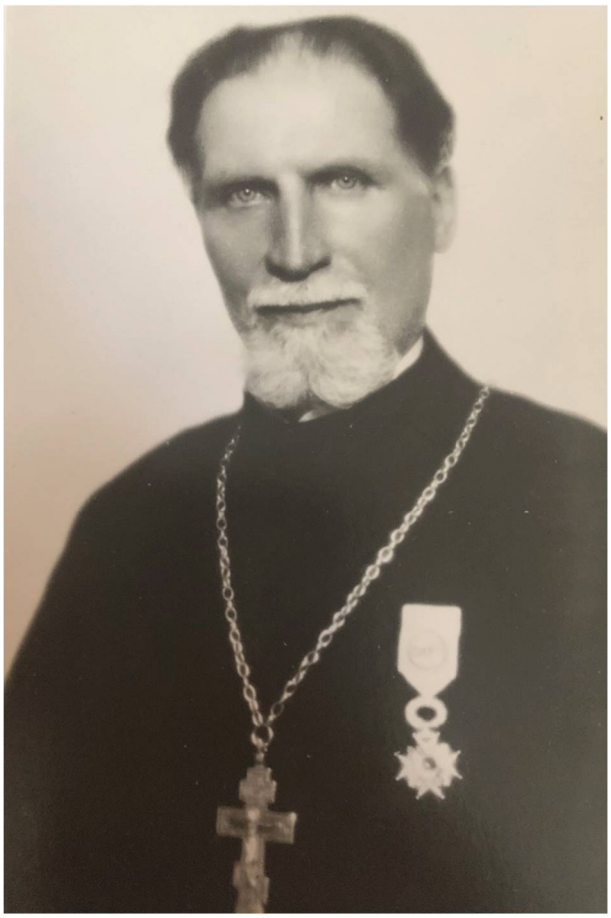

Рис. 1. Протоиерей Янис Намниекс (1881–1942)
Fig. 1. Archpriest Janis Namnieks (1881-1942)

Супругой священника была уроженка того же Мадонского уезда Валентина Намниеце, 1888 г. р. У супругов в браке родилось четверо детей: Николай (1908), Лидия (1910), Александра (1911), Валентина (1914) (LNA. F. 1986. apr. 1. l.P-10184-l. L. l. 3–5). Интересно отметить, что согласно свидетельствам дочерей отца Яниса Намниекс их мать довольно прохладно относилась к Православию и к русскому языку как средству коммуникации. В отличие от самого священника: уже в 1930-е гг., в период независимой

Латвии и апофеоза так называемого «национального курса» митрополита Августина (Петерсонса), он настаивал на том, чтобы дети в домашних условиях говорили только по-русски. Валентина Намниеце была этим недовольна. Дочери священника пели в церковных хорах, а вот сын Николай был прохладен к религии. Более того, он в период первой независимости Латвии вышел из числа православных. Николай Намниекс вошел в число почитателей известного латышского искусствоведа, фольклориста и археолога Эрнста Брастиньша (1892–1942). Выпускник Высшей Школы искусств имени барона Штиглица в столице Российской империи, участник Освободительной войны, Брастиньш в 1920-е гг. работал над созданием в Латвии Военного музея. Сфера его научных интересов – курганы, могильники и древние латышские городища. Собирал Брастиньш также латышские народные песни. В 1926 г. он создал религиозное движение «Диевтуриба», члены которого стремились к возрождению дохристианских верований на территории Латвии. В конце 1920-х гг. движение было зарегистрировано как религиозная организация и имело большое число последователей среди латышской молодежи и интеллигенции, а также представителей правых партий. Николай Намниекс, согласно свидетельству своих сестер, существенным образом разошелся с отцом в вопросе принадлежности в «Диевтурибе» и даже не упоминал о своем происхождении. Еще один важный штрих: дочери отца Яниса также были недовольны своими, как им казалось, «русскими» христианскими именами и желали неоднократно поменять их на латышские.

Вернемся к описанию мест служения священника. В 1912 г. иерей Намниекс был назначен к Иоанновской церкви в Ляудоне в родном для Яниса Мадонском уезде. Прихожане Намниекса по этническому происхождению в большинстве своем были латышами. В 1909 г. из 1463 жителей Ляудоны мужского пола только лишь 18 человек было русскими, а из 1431 женщины русских было 25 человек. Приходская школа была открыта здесь с 1848 г., а в 1873 г. под нее было выделено отдельное здание. Прослужил на этом приходе отец Иоанн в период Освободительной войны в Латвии, вплоть до 1924 г (Православные храмы и приходы…, 2017. С. 211).

После обретения Латвией государственной независимости отец Янис Намниекс оказывается в первых рядах сторонников ограничения в Православной Церкви этого балтийского государства «русского влияния». Вместе с церковным деятелем, учителем Янисом Давис (своим родственником) на Соборе Латвийской Православной Церкви Намниекс выдвинул идею создания независимой Православной Церкви в независимом государстве, которым и стала Латвия (Озолиньш, 1997. С. 13–15). Несложно догадаться, что большинство обвинений в адрес сторонников иного мнения заключалось в неприятии последними идеи автономии от церковных властей в Москве, а также подозрение в том, что усиление роли бывших «русификаторов» в новых политических условиях сыграет с православными латышами злую шутку, ибо последние растворятся в общей среде. В ранее изданной статьей, написанной в соавторстве с петербургским ученым доктором исторических наук Александром Котовым, говорилось о сугубо националистических устремлениях отца Яниса (Котов, Петров, 2019. С. 345). Сразу хочется отметить, что при более глубоком знакомстве с архивными материалами и свидетельствами дочерей священника, эта точка зрения должна быть пересмотрена. Хочется отметить, что отец Янис был сторонником не оголтелого национализма, а перешел к «национальной линии» в сложных условиях обретения Латвией независимости. С приездом в республику архиепископа Иоанна (Поммерса) он перешел к спокойному служению в сложившихся общественно-политических обстоятельствах.

Очень важный момент его биографии, часто упускаемый из виду, в том числе его дочерьми во время интервью, – отец Янис вошел в делегацию Рижской епархии, которая участвовала во Всероссийском Поместном соборе 1917–1918 гг. Представляется, что приняв участие в работе этого судьбоносного для истории Православия как в России, так и во всем мире Собора, латвийский пастырь решил перенести многие его формы и для жизни православных в Латвии. По приезде в Ригу в латышском Вознесенском приходе в сентябре 1919 г. он был избран пастырем этого храма, где 5 октября того же года стал вторым священником (Православные храмы и приходы…, 2017. С. 211).

Период 1920-х гг. дочери священника характеризуют как спокойное и созидательное время. Известно, что в 1920–1922 гг. священник обучался на медицинском факультете Латвийского университета, но по причине недостатка денежных средств был вынужден оставить учебу. С 1924 г. он начинает свое служение в Карздабе на латышском приходе. Дочери пастыря вспоминали, что окружение семьи состояло исключительно из латышской православной среды, из которой они помнят, например, семью Янсонс, семью Блодонс и некоторых других (в послевоенные годы связи с ними не поддерживались). В 1920–1930-е гг. большое удовольствие отцу Янису доставляла работа в качестве законоучителя. Большое внимание он уделял и церковному пению. Неспроста его дочери стали профессиональными преподавателями музыки, Александра окончила консерваторию. Сам священник отменно пел, имея красивый баритон. Кроме того, священник обслуживал Марциенский и Ливанский приходы (1919–1938 гг.), Бучауский и Галгауский приходы (1924–1938 гг.), с 1936 г. – Лидерский приход (Православные священно-церковнослужители…, 2019. С. 375). Наибольший успех он достиг в своем служении в Ливанах. В справочнике, посвященном служению православного духовенства в храмах Латвии, о Ливанах сказано следующее: «И только в апреле месяце 1919 года православные Ливани и его окрестностей вновь соорганизовались в приходскую общину с количеством в 120 человек; тогда же был приглашен для обслуживания прихода – настоятель Карздабской церкви прот. о. Иоанн Намниек. Он же совместно с приходским советом начал собирать пожертвования на построение церкви в Ливанах; к 1937 году их накопилось свыше 4000 лат. В сентябре 1937 года прот. о. И. Намниеком была совершена закладка храма в Ливанах; храм строится из бетона по проекту архит. В. М. Шервинского, размером 7,60 х 7,60 х 8,60 м и будет готов в текущем году» (Православные священно-церковнослужители…, 2019. С. 375).

«Карьерный» взлет отца Яниса был связан с периодом перехода Латвийской Православной Церкви в лоно Вселенского Патриархата в середине 1930-х гг. Сам священник и его семья были благодарны новому главе ЛПЦ – митрополиту Рижскому и Латвийскому Августину (Петерсонсу). Дочери священника вспоминали о большой популярности в среде православных архиепископа Иоанна (Поммерса), однако они сами гораздо в большей степени помнили митрополита Августина и архиепископа Иакова (Карпса), совместные фото отца, которые имелись в семейном архиве. На фотографиях отец Янис запечатлен вместе с двумя митрополитами: Августином (Петрсонсом) и главой Эстонской Апостольской Православной Церкви митрополитом Таллиннским и Эстонским Александром (Паулусом).

Именно в 1930-е гг. произошел судьбоносный перевод священника в столицу Латвии и его назначение в Кафедральный собор Риги. Дочери священника относят эти события к рубежу 1937–1938 гг. При содействии митрополита Августина семье в Риге выделяют квартиру на улице Меркеля (материалы следственного дела подтверждают это, адрес: улица Меркеля дом № 3, квартира № 7) (LNA. F. 1986. apr. 1. l.P-10184-l. L. l. 3).

Если быть точным, то перевод в Ригу состоялся 1 января 1938 г., когда пастыря освободили от настоятельства храма в Карздабе и обслуживания Лидерского прихода. Он был отправлен на служение в Кафедральный собор на должность второго священник (видимо, у дочерей священника это время запомнилось как переезд зимой 1937–1938 гг.). Совсем скоро Янис Намниекс был возведен в сан протоиерея и стал ключарем собора. Одновременно он выполнял должность администратора собора, работал в издательстве церковных и духовных книг, руководил кружком молодежи при соборе, преподавал Закон Божий, а с февраля 1938 г. обслуживал «религиозные нужды православных воинов Рижского гарнизона». В 1938 г. произошло награждение его орденом Трех Звезд 4-й степени по случаю 20-летия свободы и независимости Латвийской республики (LNA. F. 1986. apr. 1. l.P-10184-l. L. 13). Любопытный момент: орден не был конфискован советскими карательными органами при аресте и сохранялся сначала супругой священника, а затем и его дочерьми. Они вспомнили об этом факте, увидев фотографию священника (она размещена в статье), однако разошлись во мнении, что это за награда и не смогли сразу установить ее дальнейшую судьбу (судя по замешательству, можно предположить, что виной этому была опасность упоминания о хранении по-

Рис. 2. Протоиерей Иоанн Намниекс (слева) и митрополит Рижский Латвийский Августин (Петерсонс)
Fig. 2. Archpriest Janis Namnieks (left) and Metropolitan of Riga and Latvia Augustin (Petersons)

добного рода наград даже на излете советского режима – в 1990 г.!).

В период служения в Риге об отце Янисе Намниексе сложилось два мнения, диаметрально противоположных по своей сути. Представители семьи считают по праву это время самым счастливым в своей жизни. Однако другие священники, в том числе латыши, крайне критично отзывались об отце Янисе.

Дочери отца Яниса вспоминают, что практически ежедневно их отец в 1930-е гг. корпел над книгами, занимался переводом духовной литературы на латышский язык, нес статьи в типографию, всячески способствовал данной комплексной деятельностью развитию латышских приходов в регионе. Митрополит Августин (Петерсонс), исходя из их свидетельств, всячески поощрял эту работу и участвовал в ней. Возникали между главой Латвийской Православной Церкви и священником Намниексом конфликты, прежде всего, на бытовом уровне. Например, митрополит Рижский и Латвийский был недоволен тем, что один из священников сообщил, что в доме отца Яниса в период Великого Поста был устроен детский праздник (свидетельство дочерей Яниса Намниекса).

Наиболее отрицательное мнение об отце Янисе составил запрещенный митрополитом Августином в служении протоиерей Андрей Янсонс в своем рапорте митрополиту Виленскому и Литовскому Елевферию (Богоявленскому), составленном 23 октября 1940 г. В вышеуказанном документе время возглавления Латвийской Православной Церковью владыкой Августином описывается исключительно с отрицательной точки зрения за предпринятые реформы и отстранение от служения самого отца Андрея и некоторых других пастырей, в частности, протоиерея Иоанна Эныня. Об отце Янисе говорилось следующее: «В своем письме к двоюродному брату, бывшему члену Синода Яну Давису, протоиерей Намниек не постеснялся изречь такие кощунства и богохульства против христианской веры, их же не счесть есть глалолити. Черновик оригинала письма в со-

хранности цел и по сие время, несмотря на угрозы Владыки судом и запрещения пастырям, нашедшим его и в копиях разославшим о. настоятелям. Некоторые выдержки из сего богохульного письма: «Я убежден в безнравственности Авраама Исаака, Иакова, Моисея, Давида, Соломона и проч. и давно бросил поминать их в молитвах и на службах… мое убеждение ставит меня в оч. тяжелое положение в том учреждении – жидовском христианстве, которое считаю вредным, смертоносным… оставаясь приходским священником, хотя не хотя в меньшей или большей степени я должен проповедовать нынешние безобразия… в основу новой веры я ставлю единого Бога Отца Небесного. О ветхом и новом завете не может быть и речи. Жидовские басни о сотворении мира, Адама, Евы, окончательно необходимо отбросить. Выбросить необходимо бы было и часть Христу приписываемых писаний нового завета, особенно послания Павла … Если я не могу существовать без нынешних мною получаемых доходов (30 искариотовских серебренников?!), то хотя не хотя я должен гнуть всю, смиренно кланяться, каяться во всех ересях и грехах и должен дать обет итти по стопам “Святых отцов”» (LNA. F. 7469. apr. 2.l.185. L. 82). Также в тексте отец Андрей называет своего собрата во Христе «наперсником» митрополита Августина и еретиком. Кроме того, отец Андрей Янсонс отметил, что в среде православного духовенства Латвии многие пастыри грозили отцу Янису Намниексу анафемой и призывали митрополита Августина прекратить свои «еретические действия» (LNA. F. 7469. apr. 2.l.185. L. 82–83). Важный штрих: отец Андрей был столь категоричен в связи с тем, что был отстранен от управления приходом, который ранее занимал. Согласно версии, изложенной отцом Андреем, из-за неканоничных действий митрополита Августина и его ближайшего окружения, как утверждал пастырь, около полутора лет в Алуксне дети оставались без крещения, а умершие предавались земле без отпевания (LNA. F. 7469. apr. 2.l.185. L. 83).

Надо учитывать условия, в которых отец Андрей писал митрополиту Елевферия (Богоявленскому) о нестроениях 1930-х гг., связанных с политикой митрополита Августина. Обиженный на главу ЛПЦ протоиерей не принял его нового курса, был не согласен с большинством реформ и не принимал возвышение его ближайшего окружения. В «первый советский год» ситуация существенным образом отличалась от середины-конца 1930-х гг. После вхождения Латвии в состав СССР в республике начался процесс притеснения лиц, в том числе представителей Православной Церкви, которые в наибольшей степени были связаны с элитой межвоенной Латвии. В число этих людей, безусловно, входил и протоиерей Янис Намниекс. Стойкий же поборник традиционного Православия, верный столп «московской партии» в среде православных Балтии, митрополит Елевферий мог разглядеть в рапорте «друзей» и «врагов» Московской Патриархии.

Справедливости ради надо отметить, что ранее протоиерей Андрей Янсонс апеллировал к авторитету Константинополя. Еще в марте 1939 г. он написал Вселенскому патриарху Вениамину (Псомасу-Кириаку) о настроениях в среде православных в Латвии. Однако данный документ был гораздо более мягким и не критиковал напрямую конкретных лиц в Латвийской Православной Церкви (Петров, 2016. С. 323).

Как всегда бывает, истина в этих оценках где-то посередине. Возьмем свидетельства очевидиц событий тех лет, представителей известных семейств православного духовенства Латвии, служивших в 1930-е гг. Рассмотрим свидетельства недавно почившей Надежды Гордеевны Погодиной, дочери православного священника Гордия Ольшевского, служившего в деревне Зобки (ныне Пыталовский район Псковской области Российской Федерации). В телефонном разговоре с автором этих строк Надежда Гордеевна заявила о хорошем отношении к митрополиту Августину со стороны местного населения. Также она отметила, что во время посещения им ее семьи, владыка неизменно общался с ними на русском языке, без всяких проявлений национализма, снобизма, мог взять местного ребенка на руки, оставил о себе самые приятные впечатления (Интервью с Н. Г. Погодиной. 27 марта 2017 г.).

В понимании же священников Латвии союз между главой Латвийской Православной Церкви и протоиереем Янисом Намниексом был очень прочным. Во многом именно этот факт и стал ключевым в трагической судьбе семьи.

Дочери священники описывают «первый советский год» исключительно в темных тонах, четко разделяя его на «до» и «после», имея в виду советиза-

цию и начало репрессий. О политической ситуации в стране они знали не так много, разговоры с родителями о ней не вели, а полностью отдали себя работе, в том числе в консерватории в Риге.

Проявление интереса советских специальных органов к протоиерею Янису Намниекс в кругу его домочадцев отмечалось несколькими зловещими предзнаменованиями. Так, незадолго до первого ареста во время литургии у священника выпал крестик. Жена протоиерея посчитала это очень плохим знаком (крестик этот впоследствии пострадал во время пожара, однако младшая дочь его очень внимательно хранила, вплоть до начала 1990-х гг.).

Про сами аресты отца его дочери имели смутные представления, а брат на тот момент не был в зоне досягаемости советских специальных органов. О том, как вел себя Намниекс-старший во время следствия и о показаниях священника следует рассказать отдельно.

В постановлении на арест отца Иоанна имелась следующая формулировка: «Намниек, будучи привлеченным органами Госбезопасности к секретной работе 25 сентября 1940 года умышленно никаких материалов не давал. О факте сотрудничества с нашими органами рассказал ставленнику фашистского правительства Ульманиса, бывш. главе православной церкви Петерсону Августину. Намниек Петерсон говорит: «Его долго держали, много говорили, предложили все им докладывать о жизни отдельных людей. О синоде и церковной жизни в Риге. Он на это не пошел и оказался для меня верным и дорогим человеком» (LNA. F. 1986. apr. 1. l.P-10184-l. L. 2). Согласно анкете арестованного он был арестован 16 июня 1941 г., постановление же на арест датировано 10 июня 1941 г. Исходя из материалов следственного дела, представители советской карательной системы знали, что после отъезда из Риги отец Янис проживал в Медзульской волости в усадьбе «Линдужи» (LNA. F. 1986.apr. 1. l.P-10184-l. L. 18). Российский историк Игорь Курляндский отметил, что священник жил в этот период в доме родителей (Курляндский, 2019. С. 137).

Дочери пастыря объяснили некоторые обстоятельства ареста своего родителя. Дело в том, что первые аресты, по мнению Валентины и Александры, произошли в сентябре 1940 г. Янис Намниекс тогда пообещал советским специальным органам, что перестанет служить как священник и переселится на время в деревню. Скорее всего, во время этой, как отмечали дочери священника, «шестичасовой беседы», их отец согласился на некую форму сотрудничества, связанную в первую очередь с передачей информации о митрополите Августине (Петерсонс). Дочери однако отмечают, что в семье знали об этом и подчеркивали факт наличия договоренности между главой ЛПЦ и протоиереем Намниекс об этом сотрудничестве. В 1940 г. священник переселился в деревню.

14 июня 1941 г. за священником пришли в первый раз, однако его не застали дома, он поехал в Ригу к сыну. В гостях у семьи был брат жены священника. В ответ советские каратели обещали, что арестуют этого человека, если отец Янис Намниекс добровольно не явиться в органы НКВД, что и последовало 16 июня 1941 г.

Показания священник давал на русском языке. Он отметил, что не имеет «движимого и недвижимого имущества», с 1905 г. является служителем религиозного культа, одновременно преподавая в «низших и средних школах Латвии» (LNA. F. 1986. apr. 1. l.P-10184-l. L-5-app.) По заверению священника он не состоял в политических организациях межвоенной Латвии и не был связан с политической полицией страны.

Однако основным содержанием допросов стала информация о взаимоотношениях между протоиереем Янисом Намниекс и митрополитом Августином. Сразу же священник заявил следующее: «Мои отношения с митрополитом Петерсоном были нормальными и я ему ни в чем не изменял как духовный сын духовному отцу» (LNA. F. 1986. apr. 1. l.P-10184-l. L. 8). Услышав это, советский следователь интересовался более всего моментом разглашения священником беседы с представителями репрессивной машины новой власти осенью 1940 г., на что пастырь отвечал: «После того когда со мной говорили в отделении НКВД в Риге я в тот же момент явился к отцу Петерсону и сообщил ему, что у меня спрашивали о нем и о других служителях священного культа. Петерсон меня выслушал и подробности моей беседы в НКВД не расспрашивал. Отцу Петерсону об этом я рассказывал на очередном богослужении в церкви, на который я должен явиться как священник» (LNA. F. 1986. apr. 1. l.P-10184-l. L. 8).

Вслед за этим последовал вопрос о причине, побудившей священника не выполнять данные перед НКВД «обязательства»: «Выполняя духовную присягу, которую я дал отцу Петерсону ничего от него не скрывать, это обстоятельство меня заставило изменить органам НКВД и нарушить свое обязательство, которое я дал органам советской власти, в этом я признаю себя виновным. О моей принадлежности к органам НКВД меня расспрашивал сам Петерсон» (LNA. F. 1986. apr. 1. l.P-10184-l. L. 8-app.).

Уже на первом допросе можно увидеть важные черты характера священника: его несгибаемость, четкое разграничение в обещаниях верности между органами НКВД и митрополитом Августином (Петерсонс). Протоиерей признал свою «вину», попутно оставшись верным присяге, данной митрополиту Августину.

Именно разглашение сведений легло в основу обвинений против священника. Ему была предъявлена статья 121 УК РСФСР. Он «разглашал частным лицам сведения неподлежащие оглашению» (LNA. F. 1986. apr. 1. l.P-10184-l. L. 10). На вопрос о признании вины в этом протоиерей Намниекс отвечал так: «В предъявленном мне обвинении виновным себя признаю полностью. Я действительно о своей принадлежности к НКВД говорил митрополиту Петерсону и сообщил ему, что им интересуются НКВД и всей деятельностью нашей церкви. Об этом я рассказал на исповеди у своего духовного отца и митрополита – Петерсона» (LNA. F. 1986. apr. 1. l.P-10184-l. L. 10).

Протоиерей Янис Намниекс был депортирован в Свердловскую область и в начальный период войны между Третьим рейхом и Советским союзом уже был в Севурлаге. В начале 1942 г. он имел, согласно лагерной справке, глубокое авитаминное расстройство Пеллагра и сердечную слабость, в результате чего получил инвалидность II группы (LNA. F. 1986. apr. 1. l.P-10184-l. L. 12).

Обвинительное заключение по делу священника за номером 06637 от 9 апреля 1942 г. звучало следующим образом: «16 июня 1941 г. органами НКВД Латвийской ССР за разглашение тайны был арестован НАМНЕК Ян Янович. Расследованием по настоящему делу установлено, что НАМНЕК Я. Я. с 1905 г. по день ареста являлся служителем религиозного культа, учителем и священником православного кафедрального собора г. Рига. В 1940 г. в декабре месяце НАМНЕК был привлечен к секретному сотрудничеству с органами НКВД, на что дал подписку о неразглашении. В этот же день НАМНЕК о своей связи, сотрудничестве с органами НКВД рассказал бывшему главе православной церкви Петерсону Августину. Виновным себя признал полностью» (LNA. F. 1986. apr. 1. l.P-10184-l. L. 13). Решение было следующим: «Руководствуясь ст. 200 УПК РСФСР след. Деле № 06637 по обвинению НАМНИЕК Я. Я. направить на рассмотрение Особого Совещания при НКВД СССР и полагал бы обвиняемому НАМНЕК Ян Яновичу применить меру наказания 3 года ссылки» (LNA. F. 1986. apr. 1. l.P-10184-l. L. 14). Ключевыми фигурами среди карателей были начальник Валмиерского УО НКВД ЛССР Розенштейн, помощник начальника следственной части НКВД ЛССР лейтенант государственной безопасности Сухов (LNA. F. 1986. apr. 1. l.P-10184-l. L. 14).

В деле сохранился акт от 8 мая 1942 г. с освидетельствованием трупа пастыря. Из него следует, что протоиерей Намниекс поступил в стационар 7 апреля 1942 г. (прибыл в Севурлаг он 17 июля 1941 г.). В качестве особых примет составители акта обозначили высокий рост, седые волосы и серые глаза. Причину смерти обозначили как последствие туберкулеза легких (LNA. F. 1986. apr. 1. l.P-10184-l. L. 19-app.). 20 августа 1942 г. уголовное дело против священника было прекращено в связи с его кончиной (LNA. F. 1986. apr. 1. l.P-10184-l. L. 20).

Семья священника долгое время не располагала сведениями о его судьбе. Дочери Яниса Намниекс упоминают, что от одного православного священника из Цесиса, имя которого не знают, получили информацию, что бывшего ключаря Рижского кафедрального собора видели в Севурлаге.

Уже в послевоенное время семья стремилась получить информацию о своем отце. 10 марта 1947 г. младшая дочь священника Валентина Намниеце написала в органы безопасности следующее: «Покорнейшу прошу сообщить мне где находится высланный из Латвии Янис Янович Намнек. Он выслан 1941 году 16 июня, проживал в Мадонском уезде, Медзульской волости, усадьбе Лынужи. Родился 1881 году 25 сентября в Мадонском уезде, Медзульской волости, усадьбе Киркены». Ответа не последовало. Судя из видеозаписи, даже в 1990 г. потомки священника имели довольно смутное

представление о его судьбе после ареста и желали получить хоть какие-то сведения (Д. И. Трубецкой советовал им обратиться в органы прокуратуры и КГБ по Сверловской области).

18 декабря 1989 г. было принято постановление о прекращении уголовного дела на основании пункта I статьи 5 УПК Латвийской ССР «в связи с отсутствием события преступления» (подписал помощник прокурора Латвийской ССР, советник юстиции В. Э. Батаргс) (LNA. F. 1986. apr. 1. l.P-10184-l. L. 21).

Семья пастыря в период Второй мировой войны разделилась. Его сын Николай (о его деятельности в период Второй мировой войны и нацистской оккупации Латвии сестры не рассказывают) эвакуировался на Запад и жил в Федеративной республике Германия. Из рассказа дочерей священника Яниса Намниекс он остался приверженцем «Диевтурибы», входил в эмигрантскую общину представителей этой религиозной организации и жену себе нашел также из этой общины. Семья узнала о месте жительства брата только в 1956 г. (жена отца Яниса скончалась в 1954 г.) и между ними началась переписка. В 1980 г. к нему в Ганновер приехали латвийские родственники. Прожил Николай Намниекс 82 года и к моменту записи интервью уже скончался. Еще одна дочь священника Намниекс оказалась в эмиграции в Великобритании, и к ней «латвийские гости» стали приезжать уже с 1978 г.

К сожалению, установить дальнейшую историю семьи протоиерея Яниса Намниекс на данный момент не удалось. Проанализированное в данной статье интервью уникально, так как оно является важным «слепком» эпохи рубежа 1980–1990-х гг. и живым голосом родственников репрессированных православных священников Балтии. Дочери протоиерея Намниекса прожили тяжелую жизнь (они сами признаются сколько счастливых лет отняла у них советская власть), однако смогли рассказать о счастливых моментах, связанных с их детством и юностью. С помощью их воспоминаний удалось под другим ракурсом посмотреть и на отца Яниса Намниекса, увидеть в нем не столько радикала, сколько человека отстаивающего свою точку зрения и стоящего на позициях защиты Православия в Латвии. Хочется надеяться, что открытие архивов в России поможет раскрыть и последний год его жизни и вернуть его доброе имя истории в полной мере.

Изучение биографий православного духовенства в Латвии, на наш взгляд, довольно перспективная тема для российской и зарубежной историографии. В основном ранее специалисты изучали процессы в СССР с религией в целом, в частности такие как Х. Файрисайд (Fireside, 1971); В. Флетчер (Fletcher, 1971); В. Кале (Kahle, 1978/1979). Некоторые авторы, преимущественно латвийские, в том числе современники событий, занимались вопросами Православия в Латвии в 1920–1930-е гг.: Антоний Поммерс (Pommers, 1940; Pommers, 1931); Э. Трейлиб (Treulieb, 1965); Янис Калныньш (Kalniņš, 2007); Хенрих Стродс (Strods, 2005); Себастиан Римштэд (Rimestad, 2012a; Rimestad, 2012b); Константин Обозный (Обозный, 2008). Наконец, некоторые авторы занялись судьбой конкретных пастырей в период их эмиграции (Гаврилин, 2013; Кинстлер, 2015). Остается надеяться, что подобные исследования коснуться и тех священников, кто остался в Латвии или был репрессирован.

Список источников

Гаврилин А. В. Латвийские православные священнослужители на Американском континенте. М. : Общество любителей церковной истории, 2013. 408 с.

Голиков А., свящ., Фомин С. Кровью убеленные : Мученики и исповедники Северо-Запада России и Прибалтики (1940–1955). Мартиролог Православных священнослужителей и церковнослужителей Латвии, репрессированных в 1940–1952 гг.: Жизнеописания и материалы к ним. М. : Паломник, 1999. 221 с.

Кинстлер А. Прибалтийская православная тема в Архиве Германской Епархии РПЦЗ // Православие в Балтии. 2015. № 3 (12). С. 11–48.

References

Gavrilin A. V. (2013) Latvian priests in America. Moscow: Obshchestvo lyubiteleĭ cerkovnoĭ istorii. 408 p. (In Russ.).

Golikov A., pr., Fomin S. (1999) Whitened with blood: martyrs and confessors of the North-West of Russia and the Baltic states (1940-1955). Martyrology of the Orthodox priests and clergymen of Latvia repressed in 1940–1952: Biographies and materials for them. Moscow: Palomnik. 221 p. (In Russ.).

Kinstler A. (2015) Baltic Orthodox theme in the Archive of German and Berlin Eparchy of Russian Orthodox Church Outside of Russia. *Pravoslavie v Baltii = Orthodoxy in Baltic Lands*. No. 3 (12). P. 11–48. (In Russ.).

Котов А. Э., Петров И. В. У истоков Латвийской Православной Церкви: от «русской веры» к автокефалистским тенденциям // Научный диалог. 2019. № 11. С. 338–353.

Курляндский И. А. Власть и религиозные организации в СССР (1939–1953 гг.). Исторические очерки. СПб. : Петроглиф, 2019. 376 с.

Обозный К. П. История Псковской Православной Миссии. 1941–1944 гг. М.: Изд-во Крутицкого подворья, Общество любителей церковной истории, 2008. 608 с.

Озолиньш К. Положение Латвийской Православной Церкви в 20-е годы XX века // Православие в Латвии: Исторические очерки. Сб. ст. Вып. 2. / под ред. А. В. Гаврилина. Рига: Благовест, 1997. С. 13–29.

Петров И. В. Православная Балтия 1939–1953 гг.: Период войн, репрессий и межнациональных противоречий. СПб. : Бумажные книги, 2016. 382 с.

Православные священно-церковнослужители в Латвии XVII–XXI в. Рига: Филокалия, 2019. 623 с.

Православные храмы и приходы на территории Латвии в XIII–XXI веках / под ред. А. Гусаченко. Рига: б.и., 2017. 480 с.

Fireside H. Icon and swastika: The Russian Orthodox Church under Nazi and Soviet Control (Russian Research Center Studies, 62). Cambridge: Harvard University Press, 1971. 242 p. (In Eng.)

Fletcher W. The Russian Orthodox Church Underground. 1917–1970. London, New York, Toronto: Oxford University press, 1971. 314 p. (In Eng.)

Rimestad S. The Challenges of Modernity to the Orthodox Church in Estonia and Latvia (1917–1940). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2012a. 333 p. (In Eng.)

Kahle W. Die Orthodoxie im baltischen Raum // Kirche im Osten. 21/22, Münster/Güttingen 1978/1979. P. 78–107. (In Germ.)

Treulieb E. Metropolit Sergij von Riga und die «Orthodoxe Mission» in Pleskau // Kirhe im Osten. Studien zur osteuropeischen Kirchengeschichte und Kirchenkunde, Band 8, Göttingen 1965. S. 55-66. (In Germ.)

Kalniņš J. virspriesteris. Latvijas Pareizticīgā Baznīca. Vēstures komentārs. Rīga: SIA San Estera, 2007. 175. lpp. (in Latvian)

Pommers A. Pareizticība Latvijā: vēstures apcerējumi. Rīga: Autora izd., 1931. 88. lpp. (in Latvian)

Pommers A. Baznīcas vēsture. Vidusskolu kurss pareizticīgiem. Rīga: Latvijas Pareizticīgās baznīcas sinodes izdevums, 1940. 89. lpp. (in Latvian)

Rimestad S. Latvieši un pareizticība. Grām.: Reliģiozitāte Latvijā: vēsture un mūsdienu situācija. Krūmiņa-Koņkova S. (red.), Rīga: LU aģentūra «LU Filozofijas un socioloģijas institūts», 2012b. 161-176. lpp. (in Latvian)

Strods H. Metropolits Augustins Petersons. Dzive un darbs. 1873–1955. Riga: Latvijas universitates, zurnals “Latvijas vesture” fonds, 2005. 292 p. (in Latvian)

Kotov A. E., Petrov I. V. (2019) At the Origins of the Latvian Orthodox Church: from the “Russian Faith” to Autocephalous Tendencies. *Nauchnyi dialog = Scientific Dialogue*. No. 11. P. 338-353. (In Russ.). DOI: 10.24224/2227-1295-2019-1- 338-353.

Kurlyandskii I. A. (2019) Government and religion organizations in USSR (1939-1953 gg.). Historical essays. St. Petersburg: Petroglif. 376 p. (In Russ.).

Oboznyi K. P. (2008) History of Pskov Orthodox Mission. 1941–1944 gg. Moscow: Krutitskogo podvor'ya, Obshchestvo lyubitelei tserkovnoi istorii. 608 p. (In Russ.).

Ozolin'sh K. (1997) Latvian Orthodox Church in 1920th. *Pravoslavie v Latvii : Istoricheskie ocherki. Sb. st. = Orthodoxy in Latvia: Historical essays. Collection of articles.* Riga: Blagovest. Iss. 2. P. 13-29. (In Russ.).

Petrov I. V. (2016) Orthodoxy in the Baltic Lands in 1939-1953: period of wars, repressions and conflicts. St. Petersburg: Bumazhnye knigi. 382 p. (In Russ.).

(2019) Orthodox churches and parishes in Latvia XIII-XXI. Riga: Filokaliya. 623 p. (In Russ.).

Gusachenko A. (2017) Orthodox priests in Latvia XVII-XXI. Riga. 480 p. (In Russ.).

Fireside H. (1971) Icon and swastika: The Russian Orthodox Church under Nazi and Soviet Control (Russian Research Center Studies, 62). Cambridge: Harvard University Press. 242 p. (In Eng.)

Fletcher W. (1971) The Russian Orthodox Church Underground. 1917–1970. London, New York, Toronto: Oxford University press. 314 p. (In Eng.)

Rimestad S. (2012a)The Challenges of Modernity to the Orthodox Church in Estonia and Latvia (1917–1940). Frankfurt am Main: Peter Lang. 333 p. (In Eng.)

Kahle W. Die Orthodoxie im baltischen Raum // Kirche im Osten. 21/22, Münster/Güttingen 1978/1979. P. 78–107. (In Germ.)

Treulieb E. (1965) Metropolit Sergij von Riga und die «Orthodoxe Mission» in Pleskau // Kirhe im Osten. Studien zur osteuropeischen Kirchengeschichte und Kirchenkunde, Band 8, Göttingen. S. 55-66. (In Germ.)

Kalniņš J. virspriesteris. (2007). Latvijas Pareizticīgā Baznīca. Vēstures komentārs. Rīga: SIA San Estera. 175. lpp. (In Latv.)

Pommers A. (1931) Pareizticība Latvijā: vēstures apcerējumi. Rīga: Autora izd.. 88. lpp. (In Latv.).

Pommers A. (1940) Baznīcas vēsture. Vidusskolu kurss pareizticīgiem. Rīga: Latvijas Pareizticīgās baznīcas sinodes izdevums. 89. lpp. (In Latv.).

Rimestad S. (2012b) Latvieši un pareizticība. Grām.: Reliģiozitāte Latvijā: vēsture un mūsdienu situācija.Krūmiņa-Koņkova S.(red.),Rīga: LU aģentūra «LV Filozofijas un socioloģijas institūts». 161-176. lpp. (In Latv.).

Strods H. (2005) Metropolits Augustins Petresons. Dzive un dards. 1873–1955. Riga: Latvijas universitates, zurnals “Lat- vijas vesture fonds”. 292 p. (In Latv.)

Информация об авторе

И. В. Петров – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная 7/9, Россия.

Вклад автора

Петров И. В. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 18 июня 2022 г.; одобрена после рецензирования 24 июля 2022 г.; принята к публикации 8 августа 2022 г.

Information about the author

I. V. Petrov – Cand. Sci. (History), Senior Researcher at the Institute of History,
Saint-Petersburg State University,
7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg 199034, Russia.

Contribution of the author

Petrov I. V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted June 18, 2022; approved after reviewing July 24, 2022; accepted for publication August 8, 2022.

Рецензия
УДК 94(571,53):930.221
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-178-181

Вклад П. И. Пежемского в летописную традицию Иркутской губернии

Пежемский П. И. Панорама Иркутской губернии / подгот. текста Н. В. Куликаускене; вступ. ст. Т. А. Перцева; коммент. Н. Е. Единарховой, В. П. Шахерова. Иркутск : Артиздат, 2020. 400 с.

Ольга Анатольевна Горощенова [1], Полина Сергеевна Горощенова [2]

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия
[1] goroshionov@mail.ru
[2] polinagoroshchenova@mail.ru

Аннотация. Петр Ильич Пежемский (1809–1861) – иркутский летописец, художник, краевед, общественный деятель. На протяжении многих лет П. И. Пежемский собирал редкие, коллекционные вещи, рукописи, свитки уходящей эпохи. Панорама охватывает период с 1652 по 1845 гг. и содержит 317 листов, снабженных авторскими рисунками. Отрывки из нее публиковались в «Современнике», «Иркутских губернских ведомостях», трудах ВСОРГО. Полностью «Панорама Иркутской губернии» П. И. Пежемского была опубликована лишь спустя 171 год с момента написания рукописи благодаря подвижнице книжной культуры Иркутска, историку Н. В. Куликакускене (1940–2012).

Ключевые слова: Россия, Сибирь, Иркутск, П. И. Пежемский, история, культура, образование, летописная традиция, Н. В. Куликаускене

Для цитирования: Горощенова О. А., Горощенова П. С. Вклад П. И. Пежемского в летописную традицию Иркутской губернии : рецензия на книгу П. И. Пежемского «Панорама Иркутской губернии» // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 4. С. 178–181. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-178-181

Review

Review

The contribution of P. I. Pezhemsky to the chronicle tradition of the Irkutsk province

Pezhemsky P. I. (2020) Panorama of the Irkutsk province. Irkutsk: Artizdat LLC. 400 p. (In Russ.).

Olga A. Goroshchenova [1], Polina S. Goroshchionova [2]

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia
[1] goroshionov@mail.ru
[2] polinagoroshchenova@mail.ru

Abstract. Pyotr Ilyich Pezhemsky (1809-1861) was an Irkutsk chronicler, artist, local historian, public figure. For many years, P. I. Pezhemsky collected rare, collectible items, manuscripts, scrolls of the outgoing era. The panorama covers the period from 1652 to 1845 and contains 317 sheets provided with author's drawings. Excerpts from it were published in Sovremennik, Irkutsk Gubernskie Vedomosti, and the works of the East Siberian Branch of Russian Geographic Society (VSORGO). The full “Panorama of the Irkutsk province” by P. I. Pezhemsky was published only 171 years after the manuscript was written, thanks to the ascetic of Irkutsk book culture, historian N. V. Kulikakuskene (1940–2012).

Keywords: Russia, Siberia, Irkutsk, P. I. Pezhemsky, history, culture, education, chronicle tradition, N. V. Kulikauskene

For citation: Goroshchenova O. A., Goroshchenova P. S. (2022) The contribution of P. I. Pezhemsky to the chronicle tradition of the Irkutsk province : a review on the monograph by P. I. Pezhemsky “Panorama of the Irkutsk province”. *Izvestiya Laboratorii*

© Горощенова О. А., Горощенова П. С., 2022

drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 18. No. 4. P. 178-181. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-178-181

Иркутск – город летописный, эта истина сегодня стала прописной. В историографической традиции летописи являются важнейшим историческим источником, они транслируют сквозь века и поколения ценнейший пласт национальной культуры.

Сибирское летописание известно с первой трети XVII века – это Есиповская, Строгановская, Романовская и Черепановская летописи, начинавшие свое повествование с завоеваний Ермака. Иркутский летописный корпус включает 39 списков и летописных сводов XVIII–XX веков. Среди них значится имя Петра Ильича Пежемского (1809–1861) – краеведа, летописца, художника, общественного деятеля, создавшего «Панораму Иркутской губернии» (1849) – это одно из самых значительных летописных произведений своего времени.

Известно, что Пежемский родился в г. Киренске, с 1834 г. проживал в г. Иркутске. В предисловии к своему труду он написал, что грамоте учился у своего деда А. Г. Пежемского (1815), а затем был завербован в Киренское народное училище, где изучал краткий катехизис, историю России, начальные правила арифметики, чистописание, рисование, а «грамматику мы знали только по названию».

В Иркутске П. И. Пежемский служил приказчиком у купца П. Н. Саламатова (1838–1847), конторщиком у купца-золотопромышленника П. И. Катышевцева, а затем у купца В. Сапожникова. Избирался судьей словесного суда (1843), городским депутатом по квартирному вопросу от купечества (1853), был доверенным лицом купца Я. В. Лебедева – гласным в городской думе (1856). Некоторое время работал иркутским нотариусом. Держал собственную лавку на мелочном базаре на Ивановской площади.

Петр Ильич большой интерес проявлял к истории Сибири, Иркутской губернии, Иркутска. Много времени он посвящал общественной деятельности, состоял в местном отделении ВСОРГО.

Будучи корреспондентом местных изданий, П. И. Пежемский в личном архиве накопил солидный пласт информации о современной ему эпохе. В большом иркутском пожаре 1879 г. многие бесценные свидетельства времени были утрачены, но мы имеем возможность судить о географии, климатических особенностях, флоре и фауне Сибири, возникновении и росте городов, местных жителях, культурных особенностях из многолетнего труда П. И. Пежемского «Панорама Иркутской губернии» (1849).

Материалы из летописи неоднократно издавались, дополнялись самим автором и его последователями. Некоторые сведения из «Панорамы Иркутской губернии» были изданы в журнале «Современник» (1850). В 1858–1861 гг. в «Иркутских губернских ведомостях» вышла дополненная «Летопись города Иркутска с 1652 года до наших времен», переизданная затем лишь в 1892–1893 гг. В 1911 г. «Панорама», а точнее ее часть, вышла в дополненном за 20 последующих лет В. А. Кротовым – варианте под редакцией И. И. Серебренникова на средства ВСОРГО. Далее «Панорама Иркутской губернии» была использована иркутским летописцем Н. С. Романовым в своих научных изысканиях, а также была значительно дополнена, уточнена и продолжена. В 2000 г. части рукописи публиковалась в нескольких номерах журнала «Сибирь» с коммента-

риями Н. В. Куликаускене, которая много лет заведовала фондом редкой книги ЗНБ ИГУ. Наконец, в 2020 г. монументальный труд иркутского летописца был издан полностью.

Важно отметить, что подлинник рукописи «Панорамы» хранится в редком фонде ЗНБ ИГУ под № 260. Сохранность – удовлетворительная. Переплет – картон. Текст написан каллиграфическим почерком, всего 317 л. В 1926 г. труд был передан внуком Петра Ильича Г. А. Сахаровым на выставку к 75-летию ВСОИРГО, а именно летописцу Н. С. Романову, который и передал ее в научную библиотеку Иркутского госуниверситета.

Чем же так ценна эта работа для науки, краеведения Иркутска, Сибири?

Прежде всего, своим многогранным содержанием, а также книжной графикой – иллюстрациями, которые помогают увидеть город середины XIX века, понять, как он менялся, каковы были архитектура и городской ландшафт.

В большом иркутском пожаре 1879 г. многие бесценные свидетельства того времени были утрачены, но благодаря многолетнему труду П. И. Пежемского мы имеем возможность судить о географии, климатических особенностях, флоре и фауне Сибири, возникновении и росте городов, местных жителях, культурных особенностях региона.

В издании 2020 г. авторская структура книги 1849 г. сохранена и включает оригинальное предисловие П. И. Пежемского, а также три крупных раздела: Ч. 1. «Старина» – Покорение Сибири; Ч. 2. «Панорама Иркутской губернии с рисунками П. Пежемского, составленная из трудов Миллера, Фишера, Семивского, Словцова и др.» – Географическое описание; Ч. 3. «Топографическое и историческое описание городов Иркутской губернии» с включением летописи Иркутска за 190 лет.

Автор летописного труда старался как можно шире и глубже показать историю известной ему Сибири. Он включил в «Описание» материалы и о бывших в ее составе территориях (Чукотка, Камчатка, Сахалин), используя научные труды С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки», записки И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского «Путешествие вокруг света 1803–1806 гг. на кораблях «Нева» и «Надежда», Ф. П. Врангеля «Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю».

Он не ограничился географией, этнографией и климатическими особенностями, включив в работу обширный культурный пласт по истории православия в Сибири. Для исследователей совершенно очевидно, что Пежемскому были известны труды архимандрита Лаврентия (Мордовского) «Историческое описание Киренского Свято-Троицкого монастыря», архимандрита Никодима (Лебедева) «Описание Иркутского Вознесенского первоклассного мужеского монастыря, составленного на основании монастырских актов». В этом разделе присутствует и много дополнительных сведений, которые Петр Ильич собирал и уточнял на протяжении многих лет.

Несмотря на обилие исторических источников «Панорама» составлена творчески, со знанием и глубоким пониманием вопроса. Влюбленный в свою малую родину, в свой край, летописец пишет: «Иркутская губерния неоспоримо есть страна, достойная любопытства, занимающая неизменимое пространство в Восточной Сибири». Сочинением «Панорамы Иркутской губернии» гражданин Отечества П. И. Пежемский передает опыт изучения и познания края, пропаганды его, заставляет отказаться от взглядов на Сибирь» как «царство мрака и хлада».

«Панорама Иркутской губернии» состоит их 3-х частей (20 глав). В первой части «Старина», где описывается взгляд на покорение Сибири Ермаком, имеется отдельный очерк заселения Сибири. Описаны дела русских на реках Ангара, Лена, Амур, а также в Забайкалье, на Камчатке, в Охотске и Русской Америке. Имеется хронология Иркутской губернии, начиная от 1627 г. до 1800 г., а также научно-справочный комментарий к главе.

Во второй части летописец описывает Иркутскую губернию, а именно: географическое положение, горы, реки, озера, минеральные источники, природные богатства, этнографический материал о ее населении, о развитии хлебопашества, скотоводства, промышленности. Отдельную главу автор посвятил церквям г. Иркутска.

В разделе «Окрестности, замечания и наблюдения в Иркутске» П. Пежемский изображает панораму города как художник, придает Иркутску живописность и гармонию с окружающей природой. Примечательно и описание летописцем численности населения в Иркутске, и восхождения и заходы Солнца… В раздел вошла работа французского аст-

ронома, географа, директора обсерватории Петербургской академии наук, участника Второй Камчатской экспедиции – Жозефа Никола Делиля, которую Петр Ильич приобрел в собственную коллекцию.

Третья часть содержит историю 25 городов губернии, подробно описывает гербы городов, которые представлены в книге собственными рисунками автора. В этой части имеется описание двух мужских монастырей: Селенгинского Свято-Троицкого, Посольского Спасо-Преображенского со списком их настоятелей, что усиливает историческую ценность культурного наследия губернии.

«Летопись г. Иркутска за 190 лет» завершает фундаментальную работу П. И. Пежемского, которая является просветительской, содержит знания об исторических и культурных событиях в главном городе Иркутской губернии в хронологическом порядке.

Работа П. И. Пежемского «Панорама Иркутской губернии: историческое описание завоевания Сибири Ермаком, взгляд на построение городов сибирских, географический, гидрографический и исторический очерк губернии с краткою хронологиею за 150 лет, с присовокуплением летописи города Иркутска за 190 лет». (Иркутск, 1849 г.) является важным звеном в летописной традиции г. Иркутска. Написанная более 170 лет назад, она до сих пор является ценным источником исторических сведений о Сибири, Иркутской губернии, Иркутске. Важно отметить, что книга эта является библиографической редкостью, и ее издание в 2020 г. на субсидию министерства культуры и архивов Иркутской области значительно расширило поисковые возможности и знания сибиряков о родном крае.

Понимая высокую значимость труда П. И. Пежемского, работу над полноценным изданием в 1986 г. начала историк, исследователь книжной культуры Иркутска Н. К. Куликаускене (1940–2012), а после ее безвременной кончины, продолжить ее пришлось коллективу авторов-подвижников, в числе которых: А. А. Куликаускас, проф. Н. Е. Единархова, проф. В. П. Шахеров, доц. Т. А. Перцева, Н. Н. Вечер и др.

«Панорама Иркутской губернии» П. И. Пежемского была высоко оценена экспертной комиссией на областном конкурсе «Лучшая книга года – 2020» и стала победителем в номинации «Лучшее историко-документальное издание».

Информация об авторах

О. А. Горощенова – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия.

П. С. Горощенова – студентка группы ДСб-19-1, Институт архитектуры, строительства и дизайна,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 27 июня 2022 г.; одобрена после рецензирования 15 июля 2022 г.; принята к публикации 8 августа 2022 г.

Information about the authors

O. A. Goroshchenova – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia.

P. S. Goroshchionova – Student, Institute of Architecture, Construction and Design,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted June 27, 2022; approved after reviewing July 15, 2022; accepted for publication August 8, 2022.

Рецензия
УДК 94(470+571)«1918»
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-182-185

Многослойность взглядов и мыслей, панорама факторов Гражданской войны

Пученков А. С. Первый год Добровольческой армии: от возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооруженных сил на Юге России (ноябрь 1917 – декабрь 1918 года) / науч. ред. Н. Н. Смирнов. СПб. : Владимир Даль, 2021. 813 с.

Павел Александрович Новиков

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия, novikov710@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-2968-7822

Аннотация. В рецензии дана оценка монографии санкт-петербургского историка Александра Сергеевича Пученкова, предметно рассмотревшего развитие организации и боевую деятельность антибольшевистских сил на Юге России в течение первого года их существования. Указано, что автор многочисленных книг и статей – признанный специалист, представил итог двух десятилетий напряженных и кропотливых изысканий. Структура представляется вполне оправданной, события рассматриваются по хронологии. Вызывает уважение многослойность представленных взглядов участников событий Гражданской войны и мыслей автора на фундаменте исторических источников. В четырех главах основного текста представлена панорама учтенных и взаимоувязанных исторических факторов. Так, подчеркивается изначальное нежелание подавляющей части русского офицерского корпуса и казачества участвовать в Гражданской войне. А. С. Пученков преодолевает и историографическую инерцию. Особенно выделяет автор прочную связь между событиями 1917–1918 гг. и последовавшим в конце 1920 г. поражением белых.

Ключевые слова: Гражданская война, Юг России, Добровольческая армия, красные, белые, Северный Кавказ, Ледяной поход, 2-й Кубанский поход, боевые действия, идеи

Для цитирования: Новиков П. А. Многослойность взглядов и мыслей, панорама факторов Гражданской войны : рецензия на монографию А. С. Пученкова «Первый год Добровольческой армии: от возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооруженных сил на Юге России (ноябрь 1917 – декабрь 1918 года)» // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 4. С. 182–185. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-182-185

Review

Multi-layered views and thoughts, a panorama of the factors of the Civil War

Puchenkov A. S. (2021) The first year of the Volunteer Army: from the emergence of the "Alekseevskaya organization" to the formation of the Armed Forces in the South of Russia (November 1917 - December 1918). St. Petersburg: Vladimir Dal'. 813 p. (In Russ.).

Pavel A. Novikov

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia, novikov710@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-2968-7822

Abstract. The review evaluates the monograph of the St. Petersburg historian Alexander Sergeevich Puchenkov, who examined the development of the organization and combat activities of the anti-Bolshevik forces in the South of Russia during the first year of their existence. It is indicated that the author is a recognized specialist, the author of numerous books and articles, he presented the result of two decades of intense and painstaking research. The structure seems to be quite justified, the events are considered chronologically. The multilayered views of the participants in the events of the Civil War and the author's thoughts on the base of historical sources are respected. The four chapters of the main text present a panorama of historical factors taken into account and interrelated. The initial unwillingness of the overwhelming part of the Russian officer corps and the Cossacks to participate in the Civil War is emphasized. A. S. Puchenkov overcomes historiographical inertia. The author especially highlights the strong connection between the events of 1917-1918 and the defeat of the Whites that followed at the end of 1920.

© Новиков П. А., 2022

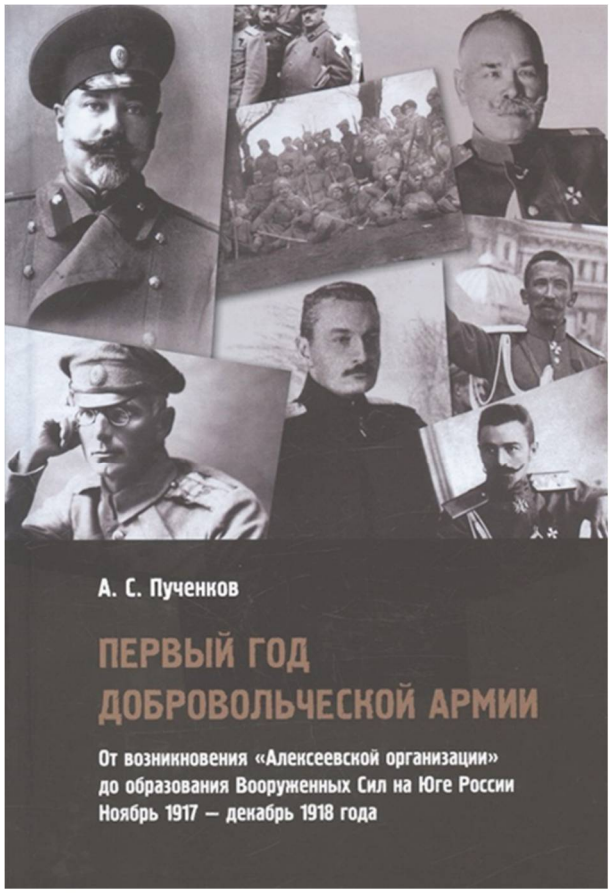
Keywords: Civil War, South of Russia, Volunteer Army, Red, White, North Caucasus, Ice campaign, 2nd Kuban campaign, fighting, ideas

For citation: Novikov P. A. (2022) Multi-layered views and thoughts, a panorama of the factors of the Civil War : a review of the monograph by A. S. Puchenkov “The first year of the Volunteer Army: from the emergence of the “Alekseevskaya organization” to the formation of the Armed Forces in the South of Russia (November 1917 - December 1918”. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 4. P. 182-185. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-182-185

Опыт государственного и военного строительства, полученный противниками во время Гражданской войны, является исключительно важным и для осмысления истории России, и для прогнозирования ее будущего, и для управляемого созидания этого будущего. Наиболее продуктивным представляется совместное изучение противоборствующих сторон – белых и красных, обобщающее и при необходимости исправляющее факты, приведенные в ранее выпущенной исследовательской литературе, с одновременным максимально возможным расширением источниковой базы – обращению к первичным архивным материалам.

В сентябре 2021 г. в Санкт-Петербургском издательстве «Владимир Даль» опубликована монография доктора исторических наук, профессора Института истории Санкт-Петербургского государственного университета Александра Сергеевича Пученкова «Первый год Добровольческой армии: от возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооруженных сил на Юге России (ноябрь 1917 – декабрь 1918 года)». Автор – известный и признанный специалист по ключевым аспектам отечественной истории, плодовитый автор многочисленных книг и статей представил свой (на наш взгляд, к сегодняшнему дню) главный и крупнейший (813 страниц) труд – итог двух десятилетий напряженных и кропотливых изысканий. Издание подготовлено при поддержке гранта Президента Российской федерации для молодых докторов наук № МД-5771.2018.6.

Во введении А. С. Пученков последовательно показывает значение (совмещая и органичное развитие историографической традиции, и ее самобытное авторское дополнение) избранной темы (С. 5–6); четко и строго обозначает фокус рассмотрения – перечисляя шесть вопросов, на которые призвана дать ответ книга (С. 7); анализирует этапы и ключевых авторов (его прямых предшественников) историографического осмысления (С. 8–48);

характеризует вводимую в оборот источниковую базу (С. 49–60); обосновывает структуру и сознательно избранный «пространно-цитатный» стиль монографии, откровенно перечисляет ее лакуны или конспективно освещенные сюжеты (С. 61); поясняет логику заголовка (С. 62); выражает благодарности (С. 63). В процессе источниковедческой работы автор успешно преодолел и неизбежно неполную сохранность исторических источников, и их распыленность, и трагические деформации фактологического содержания советских исследований под воздействием принципа «партийности».

Монография А. С. Пученкова последовательно реконструирует организационное и деятельностно-боевое развитие за первый год антибольшевистских сил на Юге России. Структура книги представ-

ляется вполне оправданной, события рассматриваются по хронологии. Существенно пополнен и систематизирован массив сведений о начальном этапе Гражданской войны.

По-хорошему поражает, практически восторгает многослойность представленных взглядов участников Гражданской войны и мыслей самого автора на фундаменте ярких и разнообразных исторических источников. А. С. Пученкову удалось подняться «над схваткой», рассматривая обе противоборствующие стороны не только в период конца 1917 г. и всего 1918 г., но и при необходимости после. «Выходы» или экскурсы за хронологические и территориальные рамки заглавия монографии в основном отличает краткость, они оправданы логикой анализа. В частности оценки историографии носят именно обобщающий, почти универсальный характер.

В четырех же главах основного текста представлена обширная панорама учтенных и взаимоувязанных исторических факторов, изложенная с научной точностью. Так, например, аргументированно подчеркивается изначальное нежелание подавляющей части русского офицерского корпуса и казачества участвовать в Гражданской войне, показывается как в ответ на политику большевиков социальная база Добровольческой армии, а затем и Вооруженных сил Юга России вплоть до осени 1919 г. расширялась. «Надежды М. В. Алексеева на то, что казачество даст добровольцам базу и то количество бойцов, которое позволит приступить к решению общероссийских задач, оказалось оправданной… В любом другом регионе европейской части России создать антибольшевистскую армию в конце 1917 г. было бы, по всей видимости, невозможно… Старый генерал не ошибся – его ставка на Дон как на будущий антибольшевистский форпост оказалось верной» (С. 779).

А. С. Пученков настойчиво и последовательно преодолевает сильнейшую историографическую инерцию, в частности упорные и в целом последовательные усилия советской историографии всех этапов по выставлению белых «наймитами Антанты». В монографии отмечается, что позиции и сторонников Антанты, и германофилов, были глубоко продуманны (С. 616, 777). Автор оппонирует и распространенным тезисам новейшей историографии, высказывая мнение, что именно лозунг «непредрешенчества» и отказ белых вождей от четкого выражения политической позиции обеспечил вышеуказанное расширение социальной базы (С. 617, 780).

Все представители историографии Гражданской войны в той или иной степени подчеркивают идеологическое преимущество большевиков или недооценку идеологии белыми. Однако этот лишь внешне очевидный тезис, на наш взгляд, еще предстоит разъяснить, в строгом смысле «буквально» расшифровать, пошагово и детально «вскрыть», «препарировать». Ведь очевидно, что идеология важна преимущественно как обоснование, как аргументация политического террора или материального ограбления, инициирования раскола в деревне, а уже эти практические идеологически обоснованные шаги «по цепочке» дают привлечение сторонников, формируют активных соучастников и т. д. Таким образом, роль идеологии непосредственно как инструмента обретения одобрения масс, народного сочувствия не проверяема и не очевидна, что значима для исхода борьбы «за образ будущего».

Главную мысль А. С. Пученков повторил не менее чем трижды: О наличии прямой связи между событиями 1917–1918 гг. и последовавшим (к ноябрю 1920 г.) поражением белых (С. 7). Абсолютное большинство тех факторов, которые столь болезненно заявили о себе два года спустя, проявились уже на первом этапе истории белого движения (С. 62). «В 1919 г., несмотря на обретение государственной территории, белое командование продолжало недооценивать важность борьбы идей в противостоянии с большевиками, продолжая по большому счету воспринимать их приход к власти как временный эпизод, случайность, следствие всеобщего помешательства черни, германский заговор, а значи, по-прежнему воспринимало Гражданскую войну как карательную экспедицию против большевиков» (С. 783).

В заключение нашей рецензии подчеркнем, что монография «Первый год Добровольческой армии…» могла включить в себя гораздо больше фактов, не вошедших в данное издание, поэтому она может стать отличным стимулом для научных изысканий на непосредственно смежные темы и

сюжеты. Одновременно она уважительно и адресно обращена к массовому читателю, доверительно раскрывая весь исследовательский процесс, решая важные просветительские задачи, привлекая широкую аудиторию к осмыслению национального прошлого.

Информация об авторе

П. А. Новиков – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия.

Вклад автора

Новиков П. А. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 1 сентября 2022 г.; одобрена после рецензирования 27 сентября 2022 г.; принята к публикации 10 октября 2022 г.

Information about the author

P. A. Novikov – Dr. Sci. (History), Professor, Head of Chair of the History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia.

Contribution of the author

Novikov P. A. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted September 1, 2022; approved after reviewing September 27, 2022; accepted for publication October 10, 2022.

Рецензия
УДК 94
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-186-190

В борьбе за обретение национальной государственности

Захаров А. М. «Двоюродные братья»: Славянские добровольческие формирования в России. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. 496 с.

Александр Сергеевич Пученков

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
a.puchenkov@spbu.ru, https://orcid.org/0000-0002-9016-3991

Аннотация. В рецензии дана высокая оценка монографии известного петербургского исследователя А. М. Захарова, посвященной участию славянских добровольческих формирований в ходе Первой мировой и Гражданской войн. Автор рассматривает это явление как особый феномен, имевший ряд отличительных черт. Отмечено, что славянские формирования, имевшие многолетний боевой опыт, впоследствии сыграли определяющую роль в становлении независимости ряда европейских государств. Указано, что, вопреки устоявшемуся мнению, на территории России действовал не только Чехословацкий корпус, но и части поляков, сербов, хорватов, словенцев. Тезисы монографии А. М. Захарова сопоставляются с данными малоизвестных документов из архивных собраний Москвы и Новосибирска.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Первая мировая война, славянские добровольческие формирования, чехи, словаки, поляки, сербы, интересы, Чехословацкий корпус, Р. Гайда

Благодарности: публикация подготовлена при поддержке РНФ, проект № 21-18-00266 «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны: феномен, значение и региональная специфика», выполняемый в Санкт-Петербургском государственном университете.

Для цитирования: Пученков А. С. В борьбе за обретение национальной государственности : рецензия на книгу А. М. Захарова «Двоюродные братья»: Славянские добровольческие формирования в России» // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 4. С. 186–190. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-186-190

Review

In the struggle for the acquisition of national statehood

Zakharov A. M. (2019) “Cousins”: Slavic volunteer formations in Russia. SPb.: Publishing house of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University. 496 p.

Alexander S. Puchenkov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, a.puchenkov@spbu.ru, https://orcid.org/0000-0002-9016-3991

Abstract. The article gives a high assessment of the monograph of the famous St. Petersburg researcher A. M. Zakharov, dedicated to the participation of Slavic volunteer formations during the First World War and the Civil War in Russia. The author considers this phenomenon as a special case, which had a number of distinctive features. It is noted that the Slavic formations, which had many years of combat experience, subsequently played a decisive role in the formation of the independence of a number of European states. It is indicated that, contrary to the established opinion, not only the Czechoslovak Corps, but also parts of Poles, Serbs, Croats, and Slovenes operated on the territory of Russia. Abstracts of the monograph by A. M. Zakharov are compared with data from little-known documents from archival collections in Moscow and Novosibirsk.

Keywords: Civil War in Russia, World War I, Slavic volunteer formations, Czechs, Slovaks, Poles, Serbs, interests, Czechoslovak Corps, R. Gaida

Acknowledgements: the publication was prepared with the support of the Russian Science Foundation, project No. 21-18-00266 "The Religious Factor in Russia during the Civil War: Phenomenon, Significance and Regional Specificity", carried out at St. Petersburg State University.

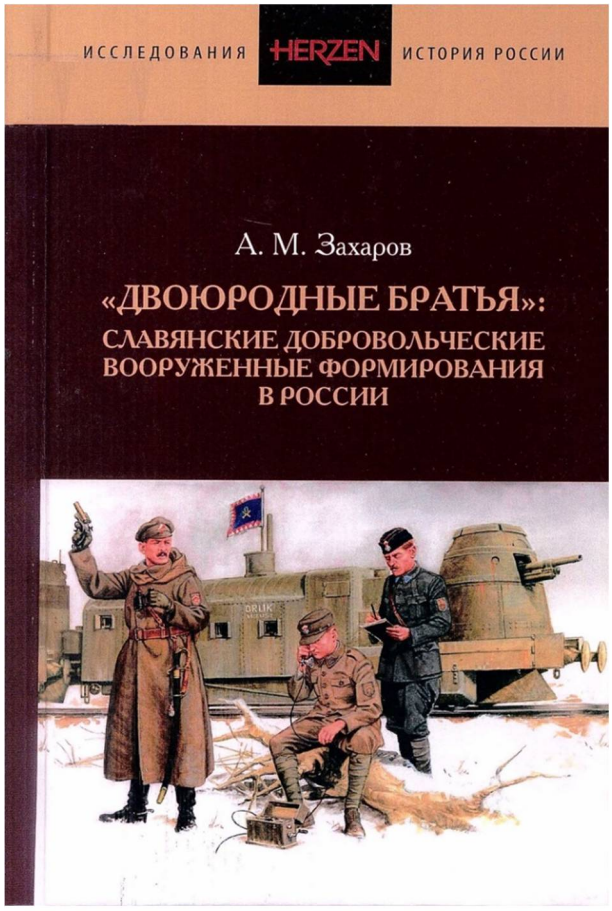
© Пученков А. С., 2022

For citation: Puchenkov A. S. (2022) In the struggle for the acquisition of national statehood : a review of the book by A. M. Zakharov "Cousins': Slavic volunteer formations in Russia. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 4. P. 186190. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-186-190

Петербургский ученый Александр Михайлович Захаров известен как историк-энциклопедист, увлеченно разрабатывающий целый ряд сюжетов. Славянский фактор и его роль в событиях Первой мировой, а затем и Гражданской войны в России давно и плодотворно изучались специалистами (Клеванский, 1965; Писарев, 1993). За последние десятилетия в научный оборот был введен поистине огромный пласт неопубликованных источников, появились солидные исследования. В труде А. М. Захарова предпринята попытка подготовки обобщающего исследования проблемы славянского фактора в военно-политической истории России 1914–1920 гг., опираясь на существующую в петербургской исторической школе традицию уважения к источникам и принимая во внимание историографические достижения последних десятилетий.

В годы Первой мировой войны Антанта серьезно рассчитывала на привлечение славянского движения, существующего в Австро-Венгерской империи, на свою сторону. Вместе с тем вряд ли следует говорить о существовании у Согласия, в частности у России, какой-то продуманной политики по этому вопросу, скорее можно утверждать, что на момент начала войны никаких отчетливых планов в отношении восточноевропейского геополитического пространства у нашей страны не было (Захаров, 2019. С. 25).

Идея славянского добровольчества виделась в России внутренне противоречивой и потенциально взрывоопасной: перспектива создания отдельных вооруженных формирований, снаряженных за счет российской казны, однако состоящих из *не русских подданных,* по мере развития в русских военных и государственных кругах шпиономании казалась все более сомнительной. Автор отмечает двойственность позиции русских властей: с одной стороны, они всячески поощряли переход чешских и словацких военнослужащих на сторону России, «с другой – доверия к перебежчикам русские военно-бюрократические круги не испытывали» (Захаров, 2019. С. 37–38). Россия откровенно затягивала вопрос о признании русскими властями за чехословацкими воинскими частями статуса национальной армии, опасаясь, по признанию С. Д. Сазонова, «не славян, от которых Россия не могла ожидать зла, а тех, кто под личиной славянства были ее врагами» (Захаров, 2019. С. 63).

Трудности, сопряженные с феноменом добровольчества, особенно наглядно иллюстрируются историей сербского добровольчества. Россия больше чем ее западные союзники была заинтересована в поддержке Сербии и сохранении ее вооруженных сил (Писарев, 1993. С. 60). Причем доминировало стремление сначала гарантировать себе какую-то реальную выгоду, а уже потом идти на определенные издержки, связанные с поддержкой сербских военных формирований. К 1917 г. «югославистские идеи и программы вошли в жесткое противоречие с программой Великой Сербии. (Сербский) корпус представлял собой не столько ядро для создания будущей армии единой Юго-

славии, сколько филиал разгромленного сербского войска …» (Захаров, 2019. С. 117).

Из всех славянских добровольческих вооруженных формирований к февралю 1917 г. хуже всего дело обстояло с польскими – образование их только начиналось (Захаров, 2019. С. 140).

Февральская революция 1917 г. изменила положение добровольческих формирований в России. «Эти части, – поясняет А. М. Захаров, – были не только объектом, но и субъектом революционного процесса – подчас рядовые солдаты и младшие офицеры начинали диктовать основы политических решений своим руководителям» (Захаров, 2019. С. 194).

Огромным значением, по наблюдению автора, для славянских добровольческих формирований было сражение при Зборове 2 июля 1917 г., его участники «в считанные дни обратились в живое воплощение национальной легенды». «Война за свой народ против своего государства, символом которой в итоге стало сражение у Зборова, превратилась в неотъемлемый элемент трансформации традиции национального добровольчества в национально-революционную традицию.

Зборовское сражение, первое самостоятельное участие чешских войск в войне, удивило всех. «Моя работа заставила меня близко общаться с чехами, и вот где я нашел патриотизм, приведший меня в изумление… Они отдали все, что имели, – спокойствие, состояние, жизнь, чтобы завоевать свободу для родной страны. Они организованны, как служащие универмага, и дисциплинированны, как прусский батальон», – с восхищением писал знаменитый английский писатель, а по совместительству – разведчик, выполнявший в 1917 г. в России секретное задание С. Моэм (Моэм, 2001. С. 74).

Октябрьский переворот 1917 г. не произвел на добровольцев поначалу сильного впечатления, но начавшиеся Брест-Литовские переговоры и связанный с ними возможный выход России из войны они не были готовы одобрить (Захаров, 2019. С. 242). М. В. Алексеев и Л. Г. Корнилов рассчитывали, что не подверженные разложению чехословацкие части примут на себя задачу прикрытия и обеспечения безопасности железнодорожных коммуникаций Донецкого бассейна, сделают возможной связь Румынского фронта с Доном (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5936. Оп. 1. Д. 69. Письмо Корнилова Д. Г. Щербачеву. Л. 1. 1918. 21 января). М. В. Алексеев смотрел на чехословаков не как на «инструмент в руках белых, а пример и руководство к действию», а «Антанта видела в Чехословацком корпусе в первую очередь образец для подражания – дисциплинированную боеспособную сплоченную часть, способную выступить образцом для возрождения русских вооруженных сил» (Захаров, 2019. С. 291).

При этом руководство корпуса «абсолютно не горело желанием втягиваться в непонятный гражданский конфликт с неясными целями и перспективами на чужой земле» (Захаров, 2019. С. 287), пытаясь изо всех сил придерживаться тактики нейтралитета. В условиях всеобщей неразберихи «корпус воспринимался как островок порядка в хаосе», легионеры же после получения известной телеграммы Л. Д. Троцкого, «практически объявившей им войну», пришли к выводу о том, что «единственный способ выбраться из России – пробиваться с боями» (Захаров, 2019. С. 329–330). Чехословацкое восстание, констатирует автор, полностью изменило положение дел в России, «неожиданно вспыхнувшее восстание было на самом деле объявлением войны большевикам» (Захаров, 2019. С. 341). Успехи корпуса были поистине ошеломляющими: некоторое время он встречал незначительное сопротивление. По наблюдению автора, объяснялось это тотальным неприятием населением политики большевиков, что признавалось и В. И. Лениным (Захаров, 2019. С. 357).

«Роль, сыгранную Чехословацким корпусом в Гражданской войне в России, трудно переоценить – летом 1918 г. на территории Поволжья и Сибири она оказалась решающей. При этом необходимо отметить, что она была сыграна за считанные недели – убедившись в том, что антибольшевистское движение не способно даже на минимальную самоорганизацию, погрязло в раздорах и распрях и в принципе склонно забыть об оказанной услуге, чехословаки стали охладевать к ведению боевых действий за чуждые им интересы в далекой и чуждой стране. С октября 1918 г. участие корпуса в русской Гражданской войне стало символизироваться – корпус продолжил процесс эвакуации так, как он его понимал. Охранные функции 1919–1920 гг. он нес исклю-

чительно под политическим нажимом Антанты и при первой же возможности покинул Россию», – заключает автор свое повествование о чехословацких вооруженных формированиях в России (Захаров, 2019. С. 387).

Интересной была и судьба польских добровольческих частей в Гражданской войне в России, имевшая много общего с судьбой Чехословацкого корпуса. «Сближало польских и чехословацких добровольцев главное, – пишет А. М. Захаров, – они оказались втянутыми в русскую драму, представляя поначалу не существующие или, как минимум, официально не признанные государства. Вопрос национальной революции тем самым для них обретал экзистенциальное значение», прибавляя, что окончание Первой мировой войны в ноябре 1918 г. имело и для поляков, и для чехословаков особое значение: с этого момента «русская Гражданская война потеряла и для тех, и для других свой смысл – добровольческие корпуса, теперь являвшиеся ядром национальных армий, стремились домой» (Захаров, 2019. С. 388). В дальнейшем Польша сыграет свою значимую роль в Гражданской войне в России, в немалой степени повлияв на катастрофу и Деникина, и Врангеля (Пученков, 2020).

«Имперские взгляды и “единонеделимость” белой внешней политики представляли собой барьер куда более мощный и непреодолимый, нежели это казалось русским дипломатам… Причины этого вполне ясны: поляки представлялись белым союзниками в борьбе с большевиками, белые же виделись полякам всего лишь младшим партнером Антанты, которую они воспринимали как гаранта независимости Польши» (Захаров, 2019. С. 419). Прибавим: в отличие от Деникина, возможная победа которого в Гражданской войне воспринималась поляками как прямая угроза их государственной независимости.

Роль сербов, хорватов и словенцев, причудливой игрой судьбы вовлеченных в Гражданскую войну в России, была куда менее заметной: в основной массе своей они «старались дистанцироваться от происходящих событий», самым важным для них, как и полагалось в классической одиссее, «стало возвращение домой» (Захаров, 2019. С. 464).

«К концу Гражданской войны стало очевидно: две разные революции, встретившись на территории России, разошлись – каждая своим путем, – а попытки использовать иностранцев, поверивших в них, в своих узко российских целях, обречены. Славянское братство, безусловно, не было пустым звуком, но свой специфический оттенок имело – братья оказались не родными, а двоюродными» (Захаров, 2019. С. 471).

Список источников

Захаров А. М. «Двоюродные братья»: Славянские добровольческие формирования в России. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. 496 с.

Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус: Чехословацкие политические организации и военные формирования в России. 1914–1921 гг. М. : Наука, 1965. 395 с.

Моэм С. Записные книжки. М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. 624 с.

Писарев Ю. А. Сербия на Голгофе и политика великих держав. 1916 г. М. : Наука, 1993. 203 с.

Пученков А. С. Южнорусское Белое движение и Польша в годы Гражданской войны (1919–1920 гг.) // Вопросы истории. 2020. № 3. С. 53–66.

Информация об авторе

А. С. Пученков – доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, Россия.

References

Zakharov A. M. (2019) «Cousins»: Slavic volunteer armed formations in Russia. St. Petersburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena. 496 p. (In Russ.).

Klevanskii A. Kh. (1965) Czechoslovak internationalists and the sold corps: Czechoslovak political organizations and military formations in Russia. 1914–1921. Moscow: Nauka. 395 p. (In Russ.).

Moem S. (2001) Notebooks. Moscow: EKSMO-Press. 624 p. (In Russ.).

Pisarev Yu. A. (1993) Serbia on Calvary and the policy of the great powers. 1916. Moscow: Nauka. 203 p. (In Russ.).

Puchenkov A. S. (2020) South Russian White Movement and Poland during the Civil War (1919–1920). *Voprosy istorii = Questions of History*. No. 3. P. 53–66. (In Russ.).

Information about the author

A. S. Puchenkov – Dr. Sci. (History), Professor of the Department of Contemporary History of Russia of the Institute of History,
St. Petersburg State University,
5, Mendeleevskaya line, St. Petersburg 199034, Russia.

Вклад автора

Пученков А. С. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 18 августа 2022 г.; одобрена после рецензирования 10 сентября 2022 г.; принята к публикации 26 сентября 2022 г.

Contribution of the author

Puchenkov A. S. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted August 18, 2022; approved after reviewing September 10, 2022; accepted for publication September 26, 2022.

Уважаемые коллеги!

Мы приглашаем Вас к сотрудничеству в качестве авторов, рекламодателей и читателей и сообщаем требования к статьям, принимаемым к публикации

Правила оформления научных статей

1. Общие положения

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» – научное периодическое издание (выходит 4 раза в год), продолжает серию ежегодных изданий, посвященных изучению истории Байкальской Сибири. В нем представлены научные статьи как российских, так и зарубежных коллег.

Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований.

Издание предназначено археологам, этнологам, историкам и всем, интересующимся прошлым. Издание реферируется и рецензируется.

ISSN 2415-8739

Журнал основан в 2003 г.

Учредитель – Иркутский национальный исследовательский технический университет

Рубрики журнала:

- археология
- этнология
- история
- рецензия
- персоналия (мемориальные заметки о коллегах)

2. Правила оформления

Рекомендуемый объем статьи – 20000–40000 знаков, включая пробелы. В рубрику «Рецензия» принимаются статьи объемом 6000–9000 знаков.

Рукопись должна быть построена следующим образом:

2.1. ***Индекс УДК*** в верхнем левом углу.

2.2. ***Заголовок,*** включающий: название статьи, должен быть информативным и, по возможности, кратким. Первое слово заглавия статьи, как правило, приводят с прописной буквы, остальные слова – со строчной (кроме собственных имён, общепринятых аббревиатур и т. п.). В конце заглавия статьи точку не ставят. Набирается полужирными шрифтом, выравнивается по центру.

2.3. ***Имена, отчества и фамилии авторов:*** располагаются на один интервал ниже заголовка, набираются полужирным шрифтом, выравнивание по левому краю. Если авторов несколько, то после фамилии первого автора ставится запятая и пишется имя, отчество и фамилия второго автора и т. д.

2.4. ***Организация и ее адрес:*** располагается под фамилией автора, первое слово набирается с заглавной буквы, выравнивание по левому краю, после названия организации запятая. Далее указывается адрес организации (город, страна). После этого – адрес электронной почты и ORCID автора (если есть).

Если авторы из разных организаций, то после их фамилий ставятся соответствующие арабские цифры (верхний индекс). Такие же цифры ставятся перед названием и адресом организаций, в которых работают эти авторы.

2.5. ***Аннотация:*** должна быть информативной, содержать 200–250 слов, с указанием ключевых слов (словосочетаний) (9–12).

2.6. ***Благодарности.*** После ключевых слов приводят слова благодарности организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи, сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации статьи, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья.

2.7. ***Английский перевод*** названия статьи, имен, отчеств и фамилий авторов, названия и адреса организаций, аннотации, ключевых слов, благодарностей оформляется так же, как и на русском языке.

2.8. ***Раздел «Список источников»***. Составляется в алфавитном порядке (по фамилии автора и году издания), оформляется по ГОСТ Р 7.0.5. Например,

статья в журнале:

Ветров В. М., Шергин Д. Е., Тетенькин А. В. Стоянка-могильник Старый Витим II в Муйско-Куандинской котловине (Республика Бурятия) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 9–34.;

статья в научном сборнике:

Лапшина З. С. Личины петроглифов Амуро-Уссурийского комплекса: структура рисунка и художественный образ // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы : материалы. Международной научной конференции 22–26 августа 2011 г. Кемерово. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2011а. Т. 2. С. 64–68.;

монография:
Сидоров А. П. Неолит Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 2006. 315 с.
2.9. ***Раздел «References»*** составляется в Harvard Style в порядке списка источников, для этого ФИО авторов работы на русском языке нужно транслитерировать по BSI (https://translit.net/ru/bsi/), все остальные данные перевести на английский. Работы на других языках: если в основе языка латиница – запись копируется без изменений; работы на арабском, китайском, монгольском, греческом и др. языках – запись переводится на английский. Везде указывается в скобках язык работы.
2.10. ***Раздел «Информация об авторах»*** оформляется в конце статьи в следующем виде:
Информация об авторах
И. О. Фамилия –
Степень, звание, должность, подразделение,
Организация,
Почтовый адрес организации (индекс, город, улица, здание, страна).
Эта же информация представляется и на английском языке
Information about the authors
(англ.) И. О. Фамилия –
(англ.) Степень, звание, должность, подразделение,
(англ.) Организация,
(англ.) Почтовый адрес организации (здание, улица, город индекс, страна).
2.11. ***Раздел «Вклад авторов».*** После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т. д.). Возможны формулировки: ***«Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации»;*** «Козлов В. С. выполнил исследовательскую работу, на основе полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати».
2.12. ***Раздел «Конфликт интересов»***. Указывается, что: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов».
2.13. При наличии в статье рисунков в конце статьи приводятся подрисуночные подписи.

3. Рекомендации по набору и оформлению текста
Параметры страницы и абзаца: все отступы по 2 см, ориентация книжная, табуляция 2 см.
Параметры текста: редактор MS Word, стиль обычный, размер 12 пунктов, гарнитура Times New Roman, межстрочный интервал полуторный, выравнивание по ширине. Не использовать более одного пробела между словами.
Сокращения терминов и названий должны быть сведены к минимуму и осуществляться в соответствии с ГОСТ 7.12-93.
Числовой материал приводится в виде таблиц.
При создании ***таблиц*** рекомендуется использовать возможности MS Word (Таблица – Добавить таблицу). Таблицы должны иметь порядковые номера, название и ссылку в тексте: (табл. 1). Таблицу следует располагать в тексте после первого упоминания о ней.
Библиографические ссылки в тексте должны быть оформлены по образцу: (фамилия, год публикации, номер страницы) в круглых скобках. Например: (Иванов, 2002. С. 12. Рис. 14; Петров, 2014). После фамилии год издания – через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т. п. через точку с прописной буквы.
Ссылки на архивные материалы должны быть расположены в тексте и содержать полное описание источника в круглых скобках. Например: (ГАИО. Ф. Р-102с. Оп. 5. Д. 37. Л. 89 об.).

4. Требования к рисункам
Рисунки (иллюстрации, графики, диаграммы, схемы) должны иметь сквозную нумерацию, название и ссылку в тексте: (рис. 1), которую следует располагать в тексте после первого упоминания о рисунке.
Рисунки, помимо текста рукописи, должны быть предоставлены ***отдельными файлами***: иллюстрации в разрешении не менее 300 dpi с расширениями *.JPEG, *.TIFF.

Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие указанным требованиям.
По вопросам публикации статей обращаться: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Иркутский национальный исследовательский технический университет, кафедра истории и философии, К-211.
Главный редактор журнала – Павел Александрович Новиков
Тел.: +7(3952)405186, e-mail: ildt@yandex.ru

Dear colleagues!

We invite you to participate in our magazine as authors, advertisers and readers and report requirements to articles accepted for publication

Article submission guidelines

1. General Provisions

The scholarly journal "Reports of the Laboratory of Ancient Technologies" is a scientific periodical magazine (published 4 times a year), continues and develops a series of annual publications devoted to the study of the history of Baikal Siberia. There are several included articles of the researchers of different institutions of Russia and also articles of our foreign colleagues.

Themes of this number cover the different aspects of archaeological, ethnoarchaeological and historical research.

The edition is intended to archaeologists, ethnologists, historians and everybody who have an interest to Antiquity. The publication is abstracted and reviewed.

ISSN 2415-8739

The Journal was founded in 2003

Founder: Irkutsk National Research Technical University

Journal's headings are as follows:

- archaeology
- ethnology
- history
- review
- personalia (memorial notes about a colleague)

2. Manuscript Structure

The article (review) should consist of 20000–40000 symbols including spaces. The heading "Review" accepts articles with a volume of 6000-9000 symbols.

The manuscript should have the following order.

2.1. ***UDC code*** should be placed in the left upper corner.

2.2. ***The title,*** which includes: the title of the article (should be informative and, if possible, brief). The first word of the title of the article, as a rule, is given with a capital letter, the rest of the words - with a lowercase letter (except for their own names, common abbreviations, etc.). There is no full stop at the end of the title of the article. The title should be typed in bold, centered.

2.3. ***Names, patronymics and surnames of authors:*** they are arranged in one interval below the title, they are typed in bold letters, aligned to the left. If there are several authors, then after the first author's name a comma is put and the first, patronymic and surname of the second author are written, etc.

2.4. ***The organization and its address:*** are located under the author's surname, typed in capital letters, aligned to the left, after the organization's name should be a comma. Below the name of the organization is given the address of the organization (country, index, city, street, building number).

located under the author's surname, the first word is typed with a capital letter, aligned to the left, after the organization's name should be a comma. Next, the address of the organization is indicated (city, country). After that - the email address and ORCID of the author (if any).

If the authors are from different organizations, then the corresponding Arabic numerals (superscript) are placed after their names. The same numbers are placed before the name and address of the organizations in which these authors work.

2.5. ***Abstract*** should be informative and consist of 200–2500 words, include 9–12 key words or word combinations.

2.6. ***Acknowledgments.*** After the keywords, words of gratitude are given to organizations (institutions), supervisors and other persons who assisted in the preparation of the article, information about grants, funding for the preparation and publication of the article, projects, research works, within the framework of or as a result of which the article was published.

2.7. ***The English translation*** of the title of the article, the names and initials of the authors, the name and address of the organization, annotations, key words should be made in the same way as in Russian.

Titles, abstracts and key words translated into English cannot contain any transliterations from Russian except for transliterations of personal names, untranslatable names of devices and any other objects.

2.8. Section ***"Список источников (List of sources)".*** It is issued in accordance with GOST R 7.0.5. For example,

a journal article:

Ветров В. М., Шергин Д. Е., Тетенькин А. В. Стоянка-могильник Старый Витим II в Муйско-Куандинской котловине (Республика Бурятия) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 9–34.;

article in a scientific collection:

Лапшина З. С. Личины петроглифов Амуро-Уссурийского комплекса: структура рисунка и художественный образ // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы : материалы. Международной научной конференции 22–26 августа 2011 г. Кемерово. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2011а. Т. 2. С. 64–68.;
monograph:
Сидоров А. П. Неолит Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 2006. 315 с.

2.9. Section ***«References»*** is compiled in Harvard Style in the order of the list of sources, for this the names of the authors of the work in Russian must be transliterated according to BSI (https://translit.net/ru/bsi/), all other data must be translated into English. Works in other languages: if the language is based on Latin - the record is copied without changes; works in Arabic, Chinese, Mongolian, Greek and other languages - the record is translated into English. The language of the work is indicated everywhere in brackets.

2.10. ***Information about authors*** should be placed at the end of the article as follow:

Information about the author
Name N. Family name,
Academic degree, academic title, position,
Organization,
Postal address (building, street, city, postal-index, country)
e-mail

2.11. ***Section "Criteria of authorship".*** After the surname and initials of the author, his personal contribution to the writing of the article is briefly described (idea, collection of material, processing of material, writing of the article, scientific editing of the text, etc.). Possible formulations: "All authors made an equivalent contribution to the preparation of the publication"; "V. S. Kozlov carried out research work, based on the results obtained, he generalized and prepared the manuscript for publication."

2.12. ***Section "Conflict of interest".*** It should be stated that: "The authors state that there is no conflict of interest".

2.13. If there are figures in the article, their captions are shown at the end of the article.

3. Manuscript Format Guidelines

***Page and paragraph settings*:** all margins 2 cm, portrait layout, tab 2 cm.

***Text settings*:** MS Word editor, regular font, size 12 points, typeface Times New Roman, line spacing one and a half, justified alignment. Please avoid using more than one word space.

Abbreviations of terms and names should be minimized and carried out in accordance with GOST 7.12-93.

Numbers should be typewritten in tables.

All ***tables*** should be in MS Word (Table - Add Table). Tables should be numbered, titled and referred to in the text (Table 1). Place tables into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Bibliographic references in the text should be modeled after: (surname, year of publication, page number) in parentheses. For example: (Ivanov, 2002. P. 12. Fig. 14; Petrov, 2014). After the surname, the year of publication is separated by a comma; A link to a page, a drawing, etc., through a dot with a capital letter.

References to ***archival*** materials should be located in the text and contain a full description of the source in parentheses. For example: (GAIO, F. P-102s, Op. 5. D. 37. L. 89 vol.).

4. Artwork and Illustrations

Figures (illustrations, diagrams, schemes) are numbered, titled and referred to in the text: (Fig. 1). Place graphs, pictures and diagrams into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Figures should be submitted as separate files: illustrations - with at a resolution at least 300 dpi - as *.JPEG, *.TIFF.

The editors reserve the right to reject articles that do not meet the specified requirements.

For the publication of articles, please contact: 664074, Irkutsk, ul. Lermontova, 83, Irkutsk National Research Technical University, Department of History and Philosophy, K-211.

The editor-in-chief is Pavel Aleksandrovich Novikov

Tel.: +7 (3952) 405186, e-mail: ildt@yandex.ru

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал

№ 4 (45) 2022

16+

Редактор Н. Е. Мелихова
Ответственный за выпуск О. Н. Валериус
Перевод на английский язык А. В. Тетенькина
Верстка О. Н. Валериус

Дата выхода в свет 29.12.22. Формат 60 х 90 / 8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 25,0.
Тираж 500 экз. Заказ 162. Поз. плана 7н.

Издание распространяется бесплатно

Отпечатано в типографии Издательства
ФГБОУ ВО «Иркутский национальный
исследовательский технический университет»
Адрес типографии: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83А